

СТАРИНА И НОВИЗНА

ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

КНИГА ПЕРВАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28

1897

СТАРИНА и НОВИЗНА.

Печатано по распоряжению Совета Общества ревнителей русского исторического просвещения въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель графъ С. Шереметевъ.

СТАРИНА И НОВИЗНА

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ
ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ
ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

КНИГА ПЕРВАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лип., 28
1897

3323

Издание, при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III, сборника подъ названіемъ «Старина и Новизна» предпринято съ цѣлью доставить Обществу органъ для периодическаго обнародованія собираемыхъ имъ историческихъ материаловъ.

Самое название «Старина и Новизна» уже давно существуетъ въ нашей литературѣ. Еще во времена Екатерины выходилъ подъ такимъ заглавиемъ сборникъ историческаго и литературнаго содержанія, издававшійся В. Г. Рубаномъ. Позже, въ тридцатыхъ годахъ, князь П. А. Вяземскій также задумывалъ издание подъ тѣмъ же заглавиемъ и, при дѣятельномъ участіи А. И. Тургенева, успѣлъ уже подобрать для своего сборника значительный запасъ любопытныхъ материаловъ въ видѣ записокъ, воспоминаній, писемъ известныхъ лицъ, а также въ видѣ чисто литературныхъ произведеній. Къ сожалѣнію, предпріятіе князя П. А. Вяземскаго осталось безъ осуществленія.

Примѣнить название «Старины и Новизны» къ периодическому изданию Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III вполнѣ уместно. Общество посвящаетъ свою дѣятельность изученію какъ недавняго прошлаго—жизни и царствова-

нія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, такъ и болѣе далекой отечественной старины. Всестороннее изученіе русской истории, древней и новой, всегда возбуждало самое живое и горячее сочувствіе покойнаго Государя, и Общество, отдавая себя этому дѣлу съ любовью и уваженіемъ къ памяти прошлаго, безъ сомнѣнія, можетъ исполнить одинъ изъ дорогихъ завѣтовъ Того, чье имя украшаетъ самое название Общества. Задачи русской исторіи столь обширны и столь разнообразны, что соревнованіе съ другими учрежденіями, избравшими своимъ предметомъ историческія изысканія, не можетъ имѣть мѣста въ данномъ случаѣ.

Содержаніе сборника должно быть общедоступнымъ и представлять интересъ не для однихъ специалистовъ. Въ «Старинѣ и Новизнѣ» будутъ помѣщаемы какъ обработанныя статьи, такъ и подлинные документы, при чемъ послѣдніе будутъ снабжаемы объяснительными введеніями и необходимыми примѣчаніями.

Сборникъ будетъ выходить безсрочными выпусками по мѣрѣ накопленія матеріаловъ. Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ не менѣе 15 печатныхъ листовъ текста. Согласно основной задачѣ Общества въ сборникѣ должны быть помѣщаемы возможно чаще или обработанныя статьи, или матеріалы, касающіеся личности, жизни и царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Предложеніе обѣ изданий сборника «Старина и Новизна» было внесено въ Совѣтъ Общества графомъ С. Д. Шереметевымъ и Л. Н. Майковымъ. Совѣтъ отнесся къ ихъ мысли вполнѣ сочувственно и поручилъ имъ разработать программу означенного изданія. По разсмотрѣніи ея Совѣтъ, въ засѣданіи своемъ 26-го февраля 1896 года, одобрилъ планъ изданія и вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ образовать, для завѣдыванія имъ, какъ въ учено-литера-

турномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, особую комиссию, при непремѣнномъ участіи въ ней по крайней мѣрѣ двухъ членовъ Совѣта. Въ составъ означенной комиссіи избраны были предсѣдатель Общества графъ С. Д. Шереметевъ, членъ Совѣта Л. Н. Майковъ и дѣйствительные члены Общества Н. П. Барсуковъ и Н. Д. Чечулинъ; обязанности секретаря Коммиссіи возложены на дѣйствительнаго члена В. В. Майкова.

Первая книга «Старины и Новизны» размѣрами своими уже значительно превысила первоначальное предположеніе; выпуская ее, комиссія надѣется къ исходу текущаго года отпечатать и вторую книгу, къ которой будетъ приложенъ алфавитный указатель именъ, упоминаемыхъ въ обѣихъ частяхъ сборника.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Государынъ Императрицъ Маріи Феодоровнъ, въ милостивомъ вниманіи къ Обществу ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III, благоподобно было сообщить, для напечатанія въ „Старинѣ и Новизнѣ“, два отрывка изъ писемъ къ Ней, писанныхъ Ея Августѣйшимъ Супругомъ, по отъездѣ Его на театръ военныхъ дѣйствій въ 1877 году. Драгоценныя отрывки эти суть слѣдующіе.

I.

(1877).

... Я увѣренъ, что какъ ни грустно разставаться на неопределеннное время, Ты радуешься за меня этому случаю идти въ настоящее дѣло и доказать на дѣлѣ Государю и Россіи мою готовность послужить имъ не на словахъ, а на дѣлѣ...

II.

Плоешти. 8 июня 1877.

... Во всемъ, что дѣлается на землѣ, есть воля Божья, а Господь, конечно, ведеть судьбы народовъ къ лучшему,

а не къ худшему, если они, конечно, не заслужили полнаго гнѣва Его. Потому, да будетъ воля Господня надъ Россieю, и что сей слѣдуетъ исполнить и что дѣлать, будетъ указано самимъ Господомъ Всемогущимъ! Аминь.

20-е октября 1894 года.

Въ томъ Царская Его заслуга предъ Россіей,
Что—Царь—Онъ вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля;
Ихъ громко высказалъ—и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколъ ударитъ, и въ мгновеніе
Всѣ сорокъ сороковъ въ Христово Воскресенье
О Свѣтломъ праздникѣ по Руси возвѣстятъ,—
Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
Отклинулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,—
И, какъ живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ
Вдругъ къ жизни призваны, очнутся долъ и лѣсь,—
Воскресла духомъ Русь, сомнѣній мракъ исчезъ,
И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней, закрѣплено сознаньемъ.

А. Майковъ.

1894.

Читало на торжественномъ собраниі Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III 26-го февраля 1897 года.

26-е февраля 1897 года.

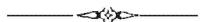
Была пора... давно ли?.. Въ этотъ день,
Въ счастливый день—день Царскаго рожденя—
Стекалась Русь подъ храмовъ Божиихъ сѣнь,
Чтобъ возносить горячія моленья
О здравіи Того, Кто власть пріялъ
Въ годину смутъ—и укрѣпилъ державу,
И, злобы тьму разсѣявъ, даровалъ
Россіи миръ и счастіе, и славу.
Его ужъ нѣтъ, великаго Царя!
Онъ въ гробѣ спитъ—и годы миновали;
День радости сталъ яныѣ днемъ печали..
Къ чему жь—осиротѣлая семья—
На торжество сошлись мы, какъ бывало,
Когда настъ Солнце наше озаряло,
Когда настъ грѣлъ, побѣденъ и могучъ,
Его любви и правды чистый лучъ!
Мы собирались средь шума и волненя
Воскресшихъ смутъ, вражды и темныхъ дѣлъ,
Чтобъ съ высоты небеснаго селеня
Почившій Царь настъ вѣрными узрѣлъ.
Мы собирались для пламенной молитвы,
Чтобъ свѣточъ, Имъ возженный, не угасъ,
Чтобъ въ долицей тьмѣ, среди борьбы, въ часъ битвы,
Благословилъ и укрѣпилъ Онъ настъ,

Чтобъ не дерзнулъ завѣщанной святыни
Коснуться врагъ, чтобъ смолкъ зловѣшій шумъ,
Чтобъ духъ Отца былъ живъ въ Державномъ Сынѣ,
Свершителъ Его надеждъ и думъ!

Графъ А. Голенищевъ-Кутузовъ.

1897.

Читано на торжественномъ собраниі Общества ревнителей русскаго исторического просвѣщенія въ память Императора Александра III 26-го февраля 1897 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
ПРЕДИСЛОВИЕ.	V
—	
ОТДЕЛЪ ПЕРВЫЙ.	
Отрывки изъ писемъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III	1
20-е октября 1894 года. Стихотвореніе <i>A. N. Майкова</i>	3
26-е февраля 1897 года. Стихотвореніе графа <i>A. A. Голенищева-Кутузова</i>	4
—	
ОТДЕЛЪ ВТОРОЙ.	
Письма И. М. Карамзина къ князю И. А. Вяземскому (1810—1826) (Изъ Остафьевского архива). Съ предисловіемъ и примѣчаніями <i>H. H. Барсукова</i>	1
Изъ бумагъ И. Я. Чаадаева. Письма князя И. А. Вяземского (Сообщены <i>A. H. Киртичниковымъ</i>)	205
Письма братьевъ Орловыхъ къ графу Петру Александровичу Румянцову (1764—1778) (Изъ собраний графа Д. А. Толстого). Съ предисловіемъ и примѣчаніями <i>A. P. Барсукова</i>	213
Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ (По материаламъ Остафьевского архива). Статья <i>L. H. Майкова</i>	305

ПИСЬМА

Н. М. КАРАМЗИНА КЪ КНЯЗЮ И. А. ВЯЗЕМСКОМУ

(1810—1826).

Въ Осташевскомъ архивѣ, между драгоценными источниками исторіи русской литературы, находятся не напечатанныя досель письма исторіографа Н. М. Карамзина къ своему шурину князю И. А. Вяземскому. О значеніи подобного рода источниковъ самъ кназъ Вяземскій писалъ: „По мнѣ, въ предметахъ чтенія нѣтъ ничего болѣе занимательнаго, болѣе умильительнаго чтенія писемъ, сохранившихся послѣ людей, имѣющихъ право на уваженіе и сопровождение наше. Самыя полныя, самыя искреннія записки не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какими дышать и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, по крайней мѣрѣ на ту минуту, проговаривающеюся рукою. Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея. Какъ семейный и домашній бытъ древняго міра, внезапно остывшій въ лавѣ, отыскивается цѣликомъ подъ развалинами Помпеи, такъ и здѣсь жизнь ветронутая и нетлѣнная, такъ сказать, еще теплится въ остывшихъ чернилахъ“.

Извѣстно, что 8-го января 1804 года Н. М. Карамзинъ вступилъ во второй бракъ съ старшою сестрою кназя Петра Андре-

вича, Екатериною Андреевною *). Со вступлениемъ Карамзина „въ семейство наше“, свидѣтельствуетъ самъ князь Вяземскій,— „руссій литературный оттѣнокъ смѣшался въ домѣ нашемъ съ французскимъ колоритомъ, который до него преодолѣвалъ. По возвращеніи изъ пансіона, нашелъ я у насъ Дмитріева, Василія Львовича Пушкина, юношу Жуковскаго и другихъ писателей“. О своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Карамзину князь Вяземскій вспоминаетъ въ письмѣ своемъ къ сыну исторіографа Владимиру Николаевичу: „Никогда не прощу себѣ, что я не вель постояннаго дневника, и что въ особенности не записывалъ всего слышаннаго мною отъ Карамзина и Дмитріева. Эти записки составили бы любопытнѣшую книгу. Карамзинъ мало говорилъ о себѣ, мало рассказывалъ. Бесѣды его касались болѣе нравственныхъ и философическихъ вопросовъ, а иногда и политическихъ. Въ нихъ выражались свѣтлый умъ, свѣтлая душа и безпредѣльная любовь ко всему и ко всѣмъ. Съ Карамзиномъ жилъ я въ ежедневныхъ и домашнихъ сношеніяхъ въ лѣта моего отрочества и первой молодости. Тогда умъ мой былъ мало наблюдателенъ и разсѣянность и увлеченія жизни не давали ни времени, ни охоты сосредоточиваться и запасаться. Позднѣе, когда Карамзинъ перѣхалъ въ Петербургъ, я оставался еще въ Москвѣ и только на короткое время прїѣзжалъ въ Петербургъ. Вотъ еще причина скучности моихъ воспоминаній и пробѣловъ въ памяти. Карамзинъ не имѣлъ общественной и дѣятельной жизни въ прямомъ смыслѣ этого выраженія. Жизнь его заключалась въ литературныхъ, а послѣ историческихъ трудахъ, въ семейномъ кругу, а потомъ въ личныхъ сношеніяхъ его со дворомъ, а главное съ Императоромъ Александромъ I. Эти послѣднія сношенія могли бы имѣть историческую важность, но, къ сожалѣнію, не имѣютъ исторической гласности. Можно ихъ угадывать и заключать о томъ, чтѣ было, по малымъ отрывкамъ, которые теперь *извѣстны въ печати* **).“

Каждое лѣто, начиная съ 1804 года и до переѣзда своего въ Петербургъ въ 1816 году, Карамзинъ жилъ въ Остафьевѣ и

*) Родилась 16-го ноября 1780 года.

**) Неизданные сочиненія и переписка Николая Михайловича Карамзина.
Часть первая. С.-Пб. 1862.

тамъ писалъ свою „Исторію Государства Россійскаго“; зиму же онъ проводилъ въ Москвѣ, гдѣ жилъ и князь И. А. Вяземскій; а потому непрерывный рядъ писемъ Карамзина къ кнізю Вяземскому начинается только со 2-го июня 1816 года и прекращается въ апрѣль 1826 года. „Тутъ предъ вами“, пишетъ князь Вяземскій,— „жизнь. Всѣ эти заботы, радости, скорби, эти мимоходныя исповѣди, надежды, сожалѣнія, всѣ эти едва уловимые оттѣшки, которые въ свое время имѣли такую полную дѣйствительность, все это и самыя лица, запечатлѣвшиа ихъ, за скрѣпою руки и души своей, все это давно увлечено потокомъ времени, все это сдано въ архивъ давно минувшихъ дѣлъ или вовсе предано забвѣнію и жертву настоящему... Письма Карамзина обыкновенно кратки, рѣдко, и то въ послѣдніе только годы, касаются мимоходомъ событий дня, которыхъ позднѣе переходятъ въ собственность истории; въ нихъ нѣтъ систематически заданныхъ себѣ и разрѣшаемыхъ вопросовъ по части литературы, политики и философіи, но есть личная воззрѣнія или чувства то по одному, то по другому предмету. Въ нихъ специальноничему не научишься, по вмѣстѣ съ тѣмъ научишься всему, что облагораживаетъ умъ и возвышаетъ душу“.

Николай Барсуковъ.

23-го сентября 1896.
Село Михайловское.

1.

Тверь. 26 октября (1810).

И я отъ всего сердца благодарю васъ, любезныы друзья, за ваше столь пріятное для насъ письмо. Дай Богъ всегда имѣть отъ васъ хорошія вѣсти. Намъ здѣсь очень пріятно, по грустно, что зима сошла, и мы совсѣмъ не знаемъ, какъ поѣдемъ къ вамъ. Обнимаю со всею искренностію дружбы любезнаго князя и цѣлую руку у любезной княгини. Союшка очень желала къ вамъ писать, но заснула. Прошу князя сказать князю Александру Петровичу Оболенскому ¹⁾, что мы царствуемъ у него въ домѣ, по сердечно сожалѣя, что не видимъ хозяина съ хозяйкою.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Mille et mille remerciements, ma chère amie, pour votre aimable lettre, qui r  ellement m'a fait bien plaisir de toute mani  re et par son arriv  e inattendue, car j'『tai  s d  j   triste de rester si longtemps dans l'ignorance de ce qui se faisait    Moscou, et puis par les bonnes nouvelles que vous me donnez sur la sant   de votre mari. Dieu veuille qu'à notre retour nous trouvions un grand changement pour le mieux dans son   tat. Vous   tes bien bonne d'avoir pris    la lettre la pri  re que je vous avais faite au sujet de la science de ma petite Catiche, pas moins je vous en suis extr  mement reconnaissante.

Pour mon amiti  , elle vous est accord  e d'avance    condition que vous rendiez votre mari heureux, j'esp  re que cette chose ne vous sera pas difficile    remplir. Pour ce qui est de notre voyage, nous sommes parfaitement contents de tout, except   du temps, qui est infâme, et l'hiver nous a tout    fait tourn   le dos, aussi nous ne savons pas encore ni quand, ni comment nous reviendrons parmi nos Thermes, ce dont je suis cependant bien impatiente malgr   tout l'attrait du s  jour    Tver, gr  ce les bont  s multipli  es de la d  licieuse Grande Duchesse. L  -dessus, mes chers amis, je vous

embrasse bien tendrement et vous aime de même; que le ciel vous rende et conserve la santé et le bonheur.

2.

Тверь. 12 марта (1811).

Отъ всего сердца обнимаю васъ, любезнѣйшій другъ и братъ. Мы пріѣхали сюда пе совсѣмъ въ добрый часъ: здѣсь всѣ заняты ожиданіемъ важнаго Гостя, а обѣ насть, бѣдныхъ людяхъ, мало лѣмлють. Но надобно имѣть терпѣніе²). Между тѣмъ всего болѣе желаю, чтобы мы увидѣлись съ вами въ радости, то-есть, нашли всѣхъ васъ здоровыхъ и сами были здоровы.

Милыхъ нашихъ малютокъ Сонюшку, Катю и Андрюшу пѣжно цѣлую и родительски благословляю. Богъ съ вами и съ нами!

Кажется, что мы на сей разъ здѣсь не заживемся; однакожъ пишите къ намъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Nous voici saints et saufs arrivés à Tver, mon cher ami, après un voyage de 17 heures. On est ici dans l'agitation, en attendant l'arrivée de l'Empereur, il n'y a même pas eu cour malgré le grand jour du 12. Mon mari a été faire sa cour au Prince, où il a rencontré la Grande Duchesse. Pour mon compte, demain je sortirai, car aujourd'hui je suis extrêmement fatiguée et pense à me coucher de bonne heure: nous nous sommes arrêtés chez les chers Obolensky; le maître de la maison est encore à la campagne. Adieu, mon bon et cher ami; ma première sera plus intéressante; que le Ciel veille sur vous. Je vous embrasse de toute la tendresse de mon coeur.

Цалую васъ Май Милые детіонки Сонюшку, Катиньку и Андрюшу. Дай Боже, чтобъ вы были здоровы. Мы нынѣ приехали въ Тверь, слава Богу здоровы, но толька очень устала. Прощайте май друзья, нежно васъ обнимаю и посылаю вамъ свое благословленіе. Нежная ваша Мать К: Карамзина.

3.

Тверь, 17 марта 1811.

Здравствуйте, мой любезнейший братъ и другъ! Здѣсь уже два днія Государь, и мы два раза имѣли счастіе съ нимъ обѣдать. Милостивая Великая Княгиня представила ему меня и Катерину Андреевну въ свое мѣсто кабинетъ, и разговоръ нашъ въ пятеромъ продолжался около часу. Нынѣ ввечеру приказало мнѣ для чтенія явиться въ восемь часовъ, при чёмъ никого изъ постороннихъ не будетъ. Пробудетъ здѣсь Государь, какъ слышно, еще дни три. Вотъ все наши вѣсти. За тѣмъ дружески и братски вѣсь обнимаю. Будьте здоровы.

Здравствуйте, мои любезнейшіе дѣтишки Соня, Катя, Андрюша. Мы обѣ вѣсь часто поминаемъ. Хорошо ли вы ведете себя? Здоровы ли? Веселы ли? Помните ли насъ? А вы у насъ сидите въ сердцѣ. Господь съ вами. Даю вамъ мое родительское благословеніе и цѣлую вѣсь нѣжно.

Прописка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mon bon ami et cher frère, je commence par vous remercier pour les bonnes nouvelles que vous nous avez données sur vous et nos chers enfants, continuez à vous bien porter tous, c'est le voeux de mon coeur le plus ardent. Pour nous, mon ami, nous sommes dans la plus éclatante et très nombreuse société, de laquelle je me serais bien passée, mais non de l'Auguste, car marier la bonté d'un particulier à la mesure d'un souverain est l'affaire de notre excellent Empereur. Je l'aime déjà beaucoup. Pour la Grande Duchesse, elle est encore plus délicieuse, que jamais, malgré les embarras qu'elle a pour faire les honneurs à son Frère et Empereur. Adieu, mon bon ami, nos nouvelles ne sont pas étendues, quoique le sujet en est très beau et riche. Je vous embrasse de toute la tendresse de mon coeur, nos hôtes vous disent mille choses, s'entend, les Obolensky.

Donnez moi des nouvelles de la Rébinine et mille amitiés aux chers et aimables m-r et m-me Obreskoff.

Здравствуйте, маги миленькие детеночки Сонюшка, Катинька, Андрюшенька. Какъ вы поживаете безъ насъ? Намъ безъ васъ очень грустно. Молитесь Богу, чтобъ онъ сохранилъ вамъ здоровье и пашъ. Посылаю вамъ свое Материнское благословеніе. Ведитѣ себя харашенько, Сонюшка и Катинька, учитеся также очень хорошо, чтобъ мнѣ весело было, какъ къ вамъ приеду. Ниши мнѣ много, Сонюшка, обѣ себѣ и обѣ милой Катинькѣ и Андрюшѣ. Нежно, нежно васъ обнимаю и целую махъ ангеловъ. Христосъ съ вами, мои душиньки.

4.

Письмо Е. А. Карамзиной.

(Нижний 1813).

Bonjour, mes chers et bons amis; cette lettre vous sera rendue, j'espère, déjà à Ярославль, où nous l'adressons. Pardon, mes chers amis, de ne pas trop comprendre vos plans et vos projets; il y a un peu de confusion dans ce que vous voulez faire, au moins d'après vos lettres on en juge ainsi, car il n'y a pas deux lettres de suite qui contiennent une même résolution; je ne sais si cela provient de la paresse de vous donner la peine d'exposer avec détail votre volonté, ou effectivement vous n'en avez encore aucune une peu stable. Mais, dans tous les cas vous pouvez compter sur notre amitié inaltérable et surtout ce que ce sentiment vrai peut faire pour procurer de satisfaction aux personnes aimées. Vous n'avez pas besoin, chère princesse Véra, de vous étayer du sentiment que j'ai pour votre mari, car je vous aime beaucoup, vous personnellement; si nous avons encore la satisfaction de nous revoir, j'espère, que nous nous arrangerons de manière à nous arranger; mais si vous allez à Astafievo bientôt, ce ne sera pas le moyen de nous rencontrer, car pour nous, nous ne bougerons d'ici, à ce que je suppose, qu'à la fin de mai. Je fais des voeux ardents pour notre réunion ici, où là, enfin quelque part en parfaite santé et stable tranquilité. J'ai été hier à un grand diner chez m-me Obreskoff, où j'ai vu m-me Bakmetieff Татьяна Ивановна, qui m'a parlé

de vous, chère princesse Véra, et qui veut savoir votre adresse pour vous envoyer un ouvrage de canevas, qui vous été destiné depuis longtemps. Adieu, je vous embrasse, comme je vous aime, de tout mon coeur. Mille amitiés à la famille Neledinsky. Voici une lettre de Batuchkoff, qui est parti depuis dix jours avec m-me Mouravieff; a propos de Mouravieff: m-r Apostol se marie avec m-lle Grouchetsky, qui lui apporte une jolie dotte.

Примиска Н. М. Карамзина.

Здравствуйте, любезнейшие друзья. Пишемъ къ вамъ въ Ярославль. Хорошо, если бы Богъ далъ памъ свидѣться въ Осташьевъ весною или въ началѣ лѣта. Мы желаемъ по крайней мѣрѣ выѣхать отсюда въ исходѣ мая. Вы должны быть увѣрены въ нашей дружбѣ: съ радостію возьмемся беречь маленькаго князя Андрющу; но лучше, если и маменька осталась съ нимъ. Не знала обстоятельствъ вашего полку, не могу сказать, можете ли вы, любезнѣйший князь, съ честію и пристойностію оставить его. Но вы, кажется, считаетесь откомандированнымъ въ генералу Милорадовичу. Лучше, по моему мнѣнію, если бы вы веспою сѣѣздили къ вашему генералу; а тамъ расположились бы по обстоятельствамъ. Остаться вамъ навсегда въ военной службѣ не совсѣмъ по вашему не весьма крѣпкому здоровью. Можно теперь надѣяться, что мы уже не будемъ сражаться за наши дома. Мы все еще беспокоимся объ Андрющѣ: болѣзнь его продолжается. Простите, любезнѣйшіе. Обнимаю васъ нѣжно. Увѣдомьте, куда писать къ вамъ ³⁾.

5.

Нижний. 21 марта 1813.

Любезнѣйшие друзья! Послѣ долговременного беспокойства мы готовимся къ несчастію лишиться милаго Андрюши, нынѣ или завтра, или по крайней мѣрѣ скоро. Такъ Богу угодно. Прошу у Него силъ для себя и для моего друга. Выѣдемъ ли живые изъ Нижнаго, когда, какъ? Ничего не знаю. И другія наши дѣти не здоровы. Боюсь и за Катерицу Андреевну. Искренне одобряю ваше

намѣреніе, любезнѣйшій князь. Здоровье и всѣ ваши обстоятельства требуютъ, чтобы вы не оставались въ военной службѣ. Долгъ чести исполненъ, если вамъ можно съ пристойностю взять отставку изъ полку. Простите, любезнѣйшіе. Но и въ самой горести примолвлю, чтобы вы, нашъ другъ, вспомнили ваше обѣщаніе не играть. Къ намъ писали, что васъ старались обыграть въ Вологдѣ, и что въ Ярославлѣ готовятъ вамъ то же. Не сердитесь на меня: вѣрно никто не желаетъ вамъ и княгинѣ столько добра, какъ мы. Если не удержитесь отъ игры, то лишитесь всего; а вы уже отецъ семейства. Простите и пожалѣйте обѣ насть. Господь съ вами. Скажите Юрию Александровичу⁴), что я люблю и почитаю его душевно. На вѣкъ преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mes chers amis. Quand vous lirez ces lignes, peut-être déjà notre cher Andrucha nous aura quitté pour toujours. Que le votre vous procure autant de jouissance, mais pour une plus longue durée de temps. Adieu, portez vous bien et soyez plus heureux, que nous ne le sommes dans ce moment.

6.

Нижний Новгородъ. 25 апрѣля 1813.

Любезнѣйшіе друзья! Состояніе наше еще не перемѣнилось. Андрюша еще живъ, но непрестанно съ трепетомъ ожидаешь бѣды. И мое здоровье крайне потряслося. Судьба наша въ руѣ Божіей. Теперь и обѣ васъ беспокоимся. Дай Господи, чтобы вы скорѣе увѣдомили насъ о лучшемъ, то-есть, чтобы лихорадка князева скорѣе прошла. Шипите къ памъ хотя по два слова, но всякую почту, ради Бога! Обнимаемъ васъ съ нѣжнѣйшою любовію. Вѣрамъ ванѣтъ другъ Н. Карамзинъ.

7.

Нижний. 15 мая 1813.

Любезнейшие друзья! Вчера погребли мы милого позабвенного Андрюшу. Богу извѣстно, чего памъ это стоитъ. Предаемъ судьбу нашу въ Его святую волю. Если будемъ живы и здоровы, то думаемъ недѣли черезъ двѣѣ хать отсюда въ Москву, а изъ Москвы къ вамъ въ Остафьево⁵⁾). Сердечно желаю скорѣе обнять васъ. Простите. Богъ съ вами. Будьте здоровы и благонолучны. На вѣки ваши нелицемѣрный другъ Н. Карамзинъ.

Прописка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes chers amis; le 13 notre cher et bien aimé André s'est endormi dans mes bras d'un sommeil éternel. Que la volonté de Dieu se fasse, je ne me plains pas. J'attends avec impatience le moment de vous serrer dans mes bras, qui n'est pas éloigné si le Ciel le permet. Adieu, je vous souhaite plus de bonheur, que je n'en ai pour le moment.

8.

Царское Село. 2 июня 1816⁶⁾.

Здравствуйте, любезнѣйшие друзья! Письмо ваше пасъ потревожило: дай Богъ, чтобы вы скорѣе извѣстили насъ о выздоровленіи милыхъ дѣтей! Знаю, какъ мучительны беспокойства такого рода. Будемъ ждать съ нетерпѣніемъ вашихъ писемъ. О себѣ скажемъ, что мы живемъ по здѣшнему въ пріятномъ мѣстѣ. Домикъ изрядной, садъ прелестной; ъзжу верхомъ, ходимъ пѣшкомъ, и можемъ наслаждаться уединеніемъ. Государя я не видалъ, могу и не увидѣть. Ему докладывали о моемъ пріѣздѣ. Онъ спрашивалъ (по словамъ Ожаровскаго)⁷⁾, довольны ли мы домомъ и проч. Въ Павловскомъ я былъ два раза: Императрица довольно привѣтлива. Осмотрѣвъ петербургскія типографіи, почти могу быть увѣренъ, что здѣсь нельзя печатать моей Исторіи: слѣдственно ждите пасъ въ августѣ. Жить дорого до крайности. Арзамасцы любезны

по старому. Насъ посыпаютъ здѣсь питомцы Лицея: поэтъ Пушкинъ, историкъ Ломоносовъ⁸⁾ и смѣшать своимъ добрымъ простото-сердечіемъ. Пушкинъ остроуменъ.

Получили ли вы отъ насъ записку черезъ почтальона? Я писалъ и къ Ивану Ивановичу. Простите, любезнѣйшіе. Обнимаемъ васъ нѣжно со всѣми добрыми желаніями, свойственными искренней дружбѣ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Прописка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mes chers amis, et suis bien fachée et inquiète des nouvelles que vous nous donnez sur les chers enfants. Dieu veuille, qu'il n'en soit plus question et que vous soyez aussi tranquilles, que je vous le désire, et que vous nous fassiez au plutôt part de bonnes nouvelles. Pour ce qui me regarde et mon séjour ici, je ne sais encore trop que dire; quand je serai plus au fait, je vous en parlerai plus au long. Toute à vous de coeur et d'âme; mes enfants vous présentent leurs respects.

9.

Царское Село. 8 июня 1816.

Мы сердечно обрадовались, любезнѣйшіе друзья, доброму извѣстію о вашихъ малюткахъ. Дай Богъ имъ и вамъ здоровья вмѣстѣ со всѣми иными благами жизни!

Третьяго дни, когда жена моя должна была представиться Императрицѣ Елизавѣтѣ, а ввечеру быть на свѣтломъ празднике у другой Императрицы, и когда уже привезли ей платье изъ Петербурга въ 400 рублей (!!), она вдругъ занемогла, чувствовала жаръ во всю ночь и меня очень испугала; однакожъ по милости Божіей ей стало на другой денъ лучше, хотя все еще терпить беспокойство отъ рюматизма дорожнало. Положеніе наше довольно приятно: я былъ у милостиваго ко мнѣ Государя въ его кабинетѣ сельскомъ⁹⁾, обласканъ Императрицами, дворомъ; но еще не знаю, гдѣ буду печатать свою Исторію. Не мое дѣло умножать число Апинскихъ кавалеровъ при дворѣ и слушать фразы; надобно работать, съ благодарностію къ Богу и Государю, столь доброму

ко мнѣ, что онъ присыпалъ спрашивать о здоровьѣ Катерины Андреевны. Буду спокойнѣе, когда рѣшусь или остататься въ Петербургѣ, или возвратиться въ Москву. Нынѣшній день думаюѣхать въ Петербургъ, чтобы откланяться Великой Княгинѣ и Принцу Оранскому, то-есть, пожелать имъ счастливаго пути. Принцъ мнѣ очень полюбился: скромной, умной и чувствительной! ¹⁰⁾ Я видѣлъ почти всѣхъ, кромѣ Кутузова ¹¹⁾, на балѣ въ Павловскѣ. Шиниковъ походилъ и разговаривалъ со мною весьма любезно. Царское Село теперь стало шумнѣе: въ воскресенье было у насъ не мало гостей. Государьѣздить сюда часто. Императрица Елизавета надѣется провести здѣсь недѣли двѣ. Вотъ наши вѣсти. Сообщайте намъ свои, и добрыя. Знаю, что вы насъ любите; но одно ласковое слово ваше, милой князь, меня очень тронуло. Простите; будьте благополучны и бережливы, какъ англійское министерство. Обви-маю васъ. На вѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Постороннимъ не говорите ничего хвастливаго о нашемъ скромномъ житѣ-бытѣ.

Прописка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes chers amis, mon mari vous a donn  tous les d tails de cour, mais ne vous a pas dit mes regrets de ne pouvoir profiter de la folie de la robe de 400 r., qui  tait d licieuse et qui attendra un moment favorable pour paraître avec  clat. Pour vous, mon cher prince Pierre, je donnerai m me ma belle robe pour la derni re phrase de votre derni re lettre, car elle m'a fait pleurer; vous savez, mon bien bon ami, que je suis persuad e de votre tendresse, mais je ne suis pas gat e par les t moignages, qui cependant ont bien leurs merites. Adieu, mes chers, je suis encore bien faible, quoique pas si souffrante. Bien des baisers tendres aux chers marmots, surtout   Macha. Les miens grands et petits, gr ce au Ciel, se portent bien.

10.

Царское Село. 27 июня 1816.

Здравствуйте любезнѣйшіе друзья! Мы получили отъ васъ два письма съ хорошими вѣстями о вашемъ здоровъѣ, о куплетахъ, о спектакляхъ, Остафьевѣ и проч. Платимъ вамъ такими же: мы здоровы, пируемъ иногда въ Павловскѣ, встрѣчаемъ Государя привѣтливаго, заглядываемъ въ Петербургъ, гуляемъ въ шлюпкѣ по Невѣ. Чего болѣе, скажете! Хорошо; но съ типографіями у меня какъ-то не ладится, и тысячи выходятъ очень скоро; а если напасть въ Петербургѣ домъ за 5000 рублей, то въ годъ надобно будетъ издержать 40,000 или около: какъ вамъ кажется? Доходу у насъ можетъ быть, по случаю пожара въ деревнѣ, 16,000. Впереди продажа Исторіи; но благоразумно ли задолжать въ два года тысячу сорокъ, думаю? И такъ помышляю о Москвѣ, хотя и сожалѣю о Петербургѣ, по крайней мѣрѣ не жалѣю о томъ, что побывалъ здѣсь. Иногда нужно разсѣяніе, и Москва будетъ вамъ милѣе прежняго. Въ половинѣ іюля исторіографъ объявить приговоръ судьбы, которая умнѣе насъ и знаетъ, чѣму быть должно. Скажутъ, что я вѣтренъ, что мнѣ худо при дворѣ: улыбнемся или пошмемъ плечами. Дворъ миль какъ ангель, но мы философы: такъ ли? Оставляя все другое другимъ, будемъ усердно заниматься корректурами и воображать, какъ года черезъ два купимъ себѣ въ Москвѣ домикъ, а близъ Москвы дачу, гдѣ насадимъ грядъ десять капусты, огурцовъ, душистыхъ травъ, отъ времени до времени спрашивая, что дѣлается у васъ въ Петербургѣ, у двора, гдѣ и мы въ стариину бывали, какъ ворона въ высокихъ хоромахъ! Весело, весело; а для этого надобно было сѣзжать въ прекрасное Царское Село! Видите, что я любезничаю, слѣдственно нѣ въ худомъ расположеніи. Ожидаю Арзамасцевъ къ обѣду. Тургеневъ началъ отдыкатъ на дубовыхъ листьяхъ: бѣдной иструдился въ совѣтѣ. Теперь вакація. Не спрашивайте о моихъ трудахъ; отъ дѣла не бѣгаю, а дѣла не дѣлаю, хотя и часто сижу съ перомъ въ рукѣ. Для меня вакація до сентября, какъ падѣюсь. Между тѣмъ простите. На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

Пожалуйте теперь же отошлите письмо къ И. С. Набо-

кову¹²⁾), но не въ Бухарестъ, а къ И. В. Черткову. Сердечный поклонъ любезнымъ В. Л. Пушкину, Батюшкову (Дашкова уже нѣть?) и другимъ по вашему разсужденію. Обнимаю васъ четверыхъ Вяземскихъ, qui ont de l'esprit comme quatre.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Mon mari vous a dit tant de choses aimables, que je crains pour mon amour propre la comparaison de ce que je puis vous dire. Cependant un article que je lui disputerai toujours, c'est quand il vous dit, qu'il vous aime; il ne saura ni le dire, ni le faire plus tendrement, que moi. Pour notre genre de vie, si vous voulez en savoir quelque chose, vous n'avez, qu'à vous imaginer vos amis ou à la cour très brillament ou presque en solitude chez eux au sein de leur famille; il n'y a que m-elle Pluskoff, qui vient le partager, et encore quelques personnes.

Adieu, mes bons amis, je ne puis vous rien dire au long: le moment de la poste étant arrivé, mon mari ayant eu beaucoup de lettres à écrire, la vôtre en a été la dernière. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous aime de même, ainsi que les chers enfants; les miens vous baisent les mains.

11.

Царское Село. 25 июля 1816.

Любезнѣйше друзья! Мы должны остаться въ Петербургѣ, следственно, отказаться отъ дому Кокошкиныхъ, о чмъ пишу къ Федору Федоровичу и къ Ванюшѣ, которому поручаю сохраненіе нашихъ вещей, тамъ оставленныхъ. Еще не знаемъ, гдѣ будемъ жить осень и зиму; ищемъ дому. Мы съ удовольствиемъ видѣли великолѣпное Петергофское освѣщеніе; жили, ъли и пили на счетъ казны, сожалѣя объ ея немалыхъ издержкахъ. Вообразите, что за нашъ домикъ хозяинъ взялъ 900 р.! Между тѣмъ я не очень здоровъ и грустенъ; самое время не весело; всякой день дожди. Думаю завтра ѿхать въ Петербургъ, чтобы купить бумаги и посмотреть дома. Обнимаю васъ любезнѣйшихъ. Будьте (sic) и любите насъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Un mot a décidé de votre sort, et ce mot a été prononcé par l'Etre magique, à qui toutes les volontés sont soumises. Oui, l'Empereur avec bonté a décidé et notre sort, et je puis vous certifier, qu'il dépendrait de nous d'être même plus à notre aise, en demandant un logement; mais c'est contre les principes si justes de mon mari; plus on est bon avec nous, plus il faut mériter ces bontés par une conduite irréprochable; je ne puis ne pas partager la tristesse de mon mari, d'autant plus qu'il n'y avait que l'idée, que j'attachais à sa satisfaction de rester à Pétersbourg, qui animait un peu pour moi le tableau assez sombre de mon séjour en cette ville. Je ne puis m'y faire encore; peut-être, une habitude plus longue m'y fera trouver plus d'agréments, car jusqu'à ce moment je suis parfaitement reconnaissante de toutes les bontés qu'on nous prodigue; *mais*, toujours *mais*, il n'y a pas de plaisir en ce monde, qui ne soit empoisonné, et celui-là l'est par de la gène et une existence, à laquelle je ne suis pas faite et si contraire à mon caractère indolent et mon esprit paresseux. Parlons Peterhoff, je vous ai promis une relation fidèle. Nous arrivâmes par un temps infâme dans notre maison, où sont venus nous trouver et demander l'hospitalité m-mes Ogareff et Novosiltzoff, m-rs Tourguéneff et Mouravieff, qui ont été recueillis tous avec amitié, comme vous le pensez bien; c'était la veille de la fête. Pour le jour nous n'avons eu pour partage que la fatigue d'un voyage de 40 verstes, une pluie sans relâche, et un brouhaha épouvantable, causé par tout le monde, arrivant pour la fête et passant absolument sous nos fenêtres; c'était un drôle de spectacle, que la variété des figures et des costumes; le lendemain, après une assez bonne nuit, à dix heures nous commençâmes notre toilette, à onze heures nous nous rendîmes au palais. Représentez-vous avec attendrissement, entendez-vous! la pauvre m-me Karamsine, entrant dans une salle garnie de 500 femmes dont il n'y avait que quelques unes, qui lui étaient un peu connues, et songez un peu à ce qu'elle a du éprouver, mais ici je fais un grand usage de le maxime de faire bonne mine à mauvais jeu; je n'ai pas perdu contenance; on m'a donné une chaise entre des masques, pour qui j'en été un aussi.

Les battants s'ouvrent, la Famille paraît; on dit quelques mots à quelques personnes; de ce petit nombre votre très humble servante a eu sa part; on va à la messe, la plus belle que j'aie entendue, et regrettant de l'entendre dans une disposition si peu recueillie; après la messe encore une réunion pour la présentation et les félicitations en forme; après cette petite cérémonie de plus d'une heure, on est descendu dans les appartements de la Grande Duchesse Marie; même répétition; ceci fini, nous rentrâmes chez nous à deux heures; notez, que c'est les pieds seuls qui nous servaient de piédestal depuis les onze jusqu'à deux heures, et vous devinerez la sensation délicieuse de se retrouver chez soi commodément habillée et assise; mais ce n'était pas tout; en attendant, le temps s'était remis au beau; nous allâmes au jardin présenter nos hommages à la mer et admirer les fontaines, parcourir les belles allées et surtout aller rêver sur le passé à la fameuse terrasse, plantée par le demi-dieu Pierre; tout cela nous conduisit jusqu'à près de cinq heures et à notre dîner. A sept, après avoir fait encore une toilette, nous nous rendîmes au bal masqué, où il ne s'est rien passé d'extraordinaire; j'ai été comme de raison pressée par la foule. J'en ai ri, j'ai dansé des polonaises entr'autres.

12.

С.-Петербургъ. 2 октября 1816.

Любезнѣйшіе друзья! Съ живѣйшимъ удовольствiemъ читаемъ ваши любезныи письма. Послѣднее заставило меня смыться, а предпослѣднее едва было не испугало: я чуть было не повѣрилъ смерти дяди-поэта. Хорошо, что вы скоро оживили его, и притомъ забавными стихами. Пусть живетъ въ Козельскѣ: лишь бы жилъ!¹³⁾ А объ нашей жизни ве могу вамъ сказать ничего пріятнаго, ни блестящаго. Увы, и двора не видимъ! Вижу только типографію, гдѣ строятъ мнѣ ковы и дѣлаютъ всякия досады за то, думаю, что Государь *всемъз* печатать въ ней мою бѣдную Исторію на всѣхъ условіяхъ, какія предложу. Вотъ горькій плодъ двѣнадцатилѣтнихъ сладкихъ для меня трудовъ! Что-то не хочется никудаѣхать; однакожъ кое-гдѣ бываемъ. Обѣдаю разъ въ недѣлю у

канцлера¹⁴); нерѣдко вижу Тургенева, Блудова; вечера большою частью проводимъ дома, одни, въ чтеніи корректуръ съ женою. Помѣйтесь! Бойтесь, чтобы я и васъ не заставилъ *корректурити*, если зимою заглянете къ намъ! Это пишетъ княгиня, а вы не говорите о томъ. Обрадуемся вамъ сердечно. Съ графомъ Серг. Петр. Румянцовымъ изъяснюся въ разсужденіи васъ: онъ всегда хвалить вашъ умъ и талантъ. Радуюсь, что Иванъ Ивановичъ опять пишетъ стихи, и прекрасные¹⁵). Работа ума есть удовольствіе для сердца. Теперь всего болѣе скучаю отъ того, что не могу заниматься сочиненіемъ. Вы представляете Москву въ туманахъ, а я могъ бы также дохнуть на васъ осенюю изъ Петербурга; но вы хотите сюда юхать, а мы хотимъ видѣть васъ: слѣдственно, лучше сказать, что здѣсь ясно, свѣтло и тепло. Пріѣзжайте! Между тѣмъ обнимаю отца, мать и дѣтей любезнѣйшихъ. Будьте здоровы, добрые друзья!

Приписка Е. А. Карамзиной.

Non, ma chère princesse Véra, vos prophéties pour le moment n'ont pas réussi, et je suis quitte pour le faire. J'avoue que ce n'en était pas une petite que celle d'être grosse. Je suis fâchée de ce que vous me dites sur votre rhumatisme, j'aimerai autant qu'il n'en fut plus question, soyez en grâce plus sur vos gardes et ne faites pas d'imprudence: j'espère même que vos couches seront le remède le plus efficace contre cette indisposition; en lisant les premières lignes, où vous m'en parlez, j'en ai été un peu effrayée: mais je me suis tranquilisée, en parvenant à la fin de la lettre où il s'agit de spectacle. Continuez à vous amuser; mais que les plaisirs ne vous empêchent pas de songer avec amitié à des personnes, qui vous aiment de tout leur coeur. Je vous embrasse, ainsi que le cher prince Pierre et les deux petits et chers enfants bien tendrement; j'attends avec impatience le moment que vous nous faites espérer de l'apparition du cher mari.

13.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 17 de novembre 1816.

Bonjour, mes bons et chers amis, ces jours ci nous avons vu un de vos amis et protégé m-r Reingold; quoiqu'il n'ait pas été aussi intéressant pour nous en arrivant de Smolensk, que s'il était arrivé tout droit de Moscou, cependant il vous avait vu assidument; aussi a-t-il été indiscrètement questionné surtout au sujet des petits choux, et surtout sur le délicieux choux Macha, il nous a donné des nouvelles très satisfaisantes sur tout; mais il ne faut rien déguiser, il m'a donné de l'inquiétude sur la prudence de la chère princesse Véra; en grâce soyez plus soigneuse et ne comptez pas trop sur la jeunesse: elle trompe comme tout le reste et ne préserve pas contre les rhumatismes; je puis vous en parler pertinemment, ayant le dos et les épaules abimés par ce vilain mal. Mon pauvre mari, mes deux fils ont été très souffrants. Le premier commence à sortir, ayant gardé la chambre huit jours sans même aller prendre l'air le matin; les derniers font les dents et en sont très maltraités, nous avons eu même de l'inquiétude pour André avant que ce ne fut décidé, qu'il souffrait pour la dentition. Mon mari est abîmé dans les épreuves de deux imprimeries d'ici et de celle de m-r Sélivanovsky de Moscou, de manière qu'il n'écrit plus une ligne pour avancer son ouvrage, ce qui augmente sa disposition mélancolique; vous qui connaissez son amour pour le travail, ceci ne vous étonnera pas, pour lui bien travailler et être content est synonyme. Nous avons un hiver bien établi, j'en profite pendant qu'il fait encore assez doux pour promener en traîneaux et à pied dans des heures, où le beau monde n'est pas encore en train. Je vous envoie, chère princesse Véra, une étoffe pour capote qu'on m'a envoyée de Varsovie, je désire, qu'elle vous plaise autant que j'ai de plaisir à vous l'offrir. Adieu, mes bons amis. Que le Ciel veille sur vous et vous accorde tous les biens de ce monde. J'embrasse tendrement les chers Macha et Mitinka. Je suis coupable de n'avoir encore rien fourni à la toilette de mademoiselle, mais en vérité jusqu'à ce moment je n'ai pas

même vu un petit habit d'enfant, et n'en ai pas fait un seul à nos enfants ni grands, ni petits.

Приписка Н. М. Карамзина.

Здравствуйте, любезнейшие друзья! Всякий разъ съ сердечнымъ удовольствиемъ читаемъ ваши письма. О себѣ сказать нечего: сижу за корректурами, и все тутъ. Охоты къ выѣздамъ пѣтъ и пе будетъ, кажется. Здѣсь сказали, что Государь будто бы передумалъ и велѣлъ отдать мою Исторію въ цензуру; но это еще до меня не дошло. Думаю, это неправда.

Въ самый тотъ вечеръ, какъ я былъ въ комнатномъ спектакль у вдовствующей Императрицы, получено было здѣсь извѣстіе о смерти Карла Виртембергскаго. Съ того времени я не выѣжалъ. Тесперь выѣзжаю, но все еще не здоровъ. Обнимаю васъ, друзья сердечные. Если не умру, то пріѣду въ Москву, върио, върно.

14.

С.-Петербургъ. 28 ноября 1816.

Любезнейшие друзья! Извѣстіе о внезапной кончинѣ доброго д. С. Дохтурова ¹⁶⁾ насъ поразило. Бѣдная Марья Петровна! Нельзя подумать о ней безъ сердечнаго содроганія. Напишите къ намъ обо всѣхъ Оболенскихъ. Мы всею душою раздѣляемъ съ ними горе. Вы жалуетесь на рѣдкость нашихъ писемъ, а мы, кажется, не оставляемъ ни одного изъ вашихъ безъ отвѣта. Странно и то, что Селивановскій ¹⁷⁾ долго не получаетъ отъ меня корректуръ: я ни мало не задерживаю ихъ. Велите спросить у него, всѣ ли посланныя ко мнѣ онъ получилъ обратно? Это падобно объяснить Я примусь за Тургенева, который отсылаетъ мои письма на почту. Безпокойство ваше обѣ насть есть трогательное доказательство вашей дружбы. Доселѣ падобно еще благодарить Бога: мы всѣ живы и почти здоровы. Но признаюсь, что Петербургъ не восхищаетъ меня, хотя и отдаю ему справедливость. Для васъ, на примѣръ, онъ можетъ быть веселѣе, нежели для меня. Я лѣнивъ на выѣзы и пе падокъ па знакомства. Даже и къ тѣмъ людямъ, которыхъ

уважаю, что-то не хочется ъздить. Изрѣдко обѣдаю у вдовствующей Императрицы. Полное собраніе двора видѣлъ я однажды, 24 ноября, когда надлежало поздравить Императрицу съ имениами королевы Виртембергской¹⁸⁾). Печатаніе идетъ худо. Едва ли и къ тому генварю все кончится: какъ еще далеко! Будетъ великое благодѣяніе Божіе, если съ легкимъ сердцемъ выѣду отсюда. Прошу васъ, милой князь, изъявить мою сердечную благодарность всѣмъ, которые настъ помнятъ. Обнимаю васъ четверыхъ. Пусть крестница моя¹⁹⁾ ми.тъетъ (какъ вы сказали) болѣе и болѣе! Моя Катерина Андреевна собирается на блестящій вечеръ къ гр. Лаваль²⁰⁾). Отдайте приложенную записку Ванюшѣ. Богъ съ вами и съ нами! Вашъ Н. Карамзинъ.

15.

С.-Петербургъ, 21 декабря 1816.

Любезнѣйшіе друзья! Мы ждемъ дорогаго изъ Москвы гостя—разумѣется, васъ, милой князь, и думаемъ, что это письмо уже не застанеть васъ. До Тургенева дошла вѣсть о вашей простудѣ; но какъ она не мѣшала вамъ писать стихи, то надѣюсь, что и не имѣла дальнѣйшихъ слѣдствій. Я дней шесть выѣзжаю, по большей части къ брату, которой оплакиваетъ шестнадцати-лѣтняго сына. Эта потеря настъ очень огорчила. Мы надѣемся, что вы прямо прїѣдете къ намъ обогрѣться, любезнѣйшій князь. Князь Алексѣй²¹⁾ нашелъ себѣ квартиру, но еще не скоро переселится въ нее. Между тѣмъ не забудьте, что мы живемъ въ Захарьевской (а не въ Сергиевской) улицѣ, въ домѣ Баженовой. Прошу различать святыхъ.

Катенька все еще беспокоитъ насъ своимъ кашлемъ. По увѣренію князя Алексѣя, Саша похожъ на вашего Митенку. Андрей совершенный флегматикъ, но иногда забавенъ. Живемъ изо дня въ день. Стараюсь удалить всякия непріятныя мысли о будущемъ. Здоровье мое не алмазное. Главное дѣло сохранить остальныхъ милыхъ и жить для нихъ... Здѣсь перерывъ. Надобно отослать письмо. Простите, любезнѣйшіе. Цѣлую васъ четверыхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Катерина Андреевна еще не встала съ постели, для чего не пишеть; а я не хочу ждать ея.

16.

С.-Петербургъ. 31 декабря 1816.

Любезнѣйшіе друзья! Обнимаемъ васъ четверыхъ отъ всей души и поздравляемъ съ наступающимъ новымъ годомъ. Будьте все здоровы и веселы!

Ждать ли намъ дорогого гостя? Заглянете ли къ друзьямъ, любезнѣйший князь?

Катенька въ жестокомъ кашлѣ и долговременномъ: судите о нашемъ беспокойствѣ!

Порадуйтесь: Государь пожаловалъ Жуковскому 4000 р. пенсіи и перстень съ шифромъ. Это славное дѣло Тургенева и князя Голицына. Князь Андрей Петровичъ сдѣланъ кураторомъ на мѣсто Кутузова ²²⁾: это дѣло Кошелева ²³⁾ и князя Голицына.

Мы отказались отъ бала Императорскаго 25 декабря, а Государь зоветъ насъ завтра на ужинъ въ Эрмитажъ.

Еще васъ обнимаю. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous en veux sÃ©rieusement, mon cher prince Pierre, de nous bercer depuis un mois de la douce espÃ©rance de pouvoir vous embrasser ici, et cette espÃ©rance finira par Ãªtre dÃ©sespoir si vous n'effectuez pas ce plan. Je commence Ã trembler, car voilÃ dÃ©jÃ le mois de janvier, et la princesse WÃ©ra accouche en fÃ©vrier, toute cette combinaison m'effraye. En attendant mieux, je vous embrasse tous bien tendrement. Je me dÃ©pÃªche, comme une misÃ©rable; je vous Ã©cris dans mon lit, ayant passÃ© la nuit au bal masquÃ© de la cour et soupe Ã l'Hermitage.

17.

С.-Петербургъ. 5 февраля (1817).

Любезнѣйшіе друзья! Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ извѣстія о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремсни. Вы, конечно, не замедлите увѣдомить насъ. Васъ многіе любятъ; по мы привязаны къ вамъ не такъ, какъ другіе.

Я опять былъ пездоровъ: обѣ этомъ уже скучно говорить. Хуже то, что Катенька не оправляется. Однакожъ мыѣздили во дворецъ раза три на масленицѣ, въ спектакль, на балъ. Государь исполнилъ нашу просьбу о А. М. Рябининѣ²⁴⁾. Указомъ отъ 31 января велѣлъ причислить его къ герольдіи. О нашемъ участіи въ этомъ дѣлѣ *не говорите*. Мы очень обрадовались. Сердце мое преисполнено благодарности къ Государю. Раздѣляю съ вами, любезными, это сладкое чувство. Однакожъ не подумайте, чтобы мы были случайные люди!! Я видѣлъ Императора на балѣ: Онъ не сказалъ мнѣ ни слова; танцевалъ съ Катериной Андреевной и принялъ отъ нея благодарность.

Пѣвецъ Жуковскаго есть *подражаніе* Жуковскому: я согласенъ съ вами. Но послѣдніе его 3 піесы хороши; вы еще не знаете ихъ.

Что папъ шовый кураторъ? Онъ неѣдетъ къ памъ.

Еще прошу васъ, милой князь, справиться въ опекунскомъ совѣтѣ, получены ли тамъ депыги 3540 р. отъ Катерины Андреевны.

Обнимаю васъ четырехъ или иятерыхъ, если Богъ далъ. Съ особенною пѣжностію цѣлую крестницу. Вашъ Н. Карамзинъ.

Примѣски Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, chers amis; il y a long-temps, que je ne vous ai écrit, il y a longtemps, que je n'ai reçu de vos lettres. Pour moi ma maussaderie et par conséquent ma paresse augmentent tous les jours avec les progrès de mon ventre, toutes ces bonnes dispositions sont encore fortifiées par le rôle, continuellement joué par moi, de garde-malade. Cependant le carnaval j'ai fait des merveilles, j'ai été au spectacle public avec Sophie, au

spectacle de l'Impératrice et au bal chez Elle; ainsi par là vous jugez, que j'aurai besoin de toute cette semaine pour me reposer. Vous savez la bonne affaire, que nous avons eu le bonheur d'arranger pour m-r Rébinine. Je ne sais qui de nous est le plus heureux d'y avoir réussi. Je ne sais, si je vous ai remercié, chère princesse Wéra, pour le velours, en tout cas recevez les dans ce moment. Il paraît que notre prince Alexis bâcle un mariage avec une cadette de la famille. N'en parlez pas!

18.

С.-Петербургъ. 20 февраля 1817.

Любезнѣйшіе друзья! Вы ждете, слѣдственно, и мы ждемъ, моля Бога о благополучномъ разрѣшеніи. Благодаримъ за добрую вѣсть о дѣтяхъ и вашихъ дѣлахъ экономическихъ. Хорошо, что вы уже не должны никому за исключениемъ казны. Теперь остается распорядить доходы, чтобы исправно вносить суммы въ Воспитательный Домъ и банкъ. Я почти столько же обрадуюсь заплатѣ вашихъ долговъ, какъ и моихъ собственныхъ. Увы, мы также не доходами живемъ, а займомъ, въ надеждѣ на крикну молока, то есть, Исторію!

Дѣти наши не совсѣмъ здоровы, однакожъ всѣмъ лучше, благодаря Бога.

Мы посвятили нѣсколько слезъ въ память доброму нашему пріятелю, графу Алексѣю Ивановичу²⁵⁾.

Исторію казаковъ оставьте у себя.

Живемъ по старому. Новое то, что я сшилъ себѣ *новой* мундиръ. Помолвка князя А. Г. Щербатова уже вамъ извѣстна. Завтра увидимъ его въ качествѣ жениха. Простите, любезнѣйшіе. Обнимаю васъ со всею дружескою вѣжностію, дѣлую мысленно и *пятаю*, если онъ родился. Катерина Андреевна говоѣтъ. На вѣки ваши. Н. Карамзинъ.

19.

С.-Петербургъ. 1 марта 1817.

Съ сердечною радостю поздравляемъ васъ, любезнѣйшіе, и съ умиленіемъ благодаримъ за скорое извѣщеніе и за *три* письма, нами въ одинъ день полученные отъ васъ, милой князь. Это дѣйствіе и трогательное доказательство вашей дружбы, которое отозвалось у насъ въ сердцѣ. Любимъ и будемъ любить другъ друга, пока живы. Скажу вмѣстѣ съ Василіемъ Львовичемъ: „Желаю, чтобы Параша²⁶⁾ была какъ Маша!“ Скоро ли увижу свою крестницу, о которой намъ столько любезнаго рассказываютъ? Князь Алексѣй Щербатовъ увѣрляетъ насъ, что вашъ Митя есть нашъ Саша. На сихъ дняхъ мы отпяли его отъ кормилицы: благодаря Бога, онъ не тоскуетъ. Катенька уже выѣзжаетъ для прогулки. Слѣдственно, мы довольно спокойны и тѣмъ болѣе радуемся вашимъ добрымъ вѣстямъ о родильнице и новорожденной, въ надеждѣ и впредь получать отъ васъ такія же. Я увѣренъ, любезнѣйшій князь, что вы не полѣнитесь писать къ намъ хотя по строчкѣ о здоровье княгини.

Вы богатѣе вѣстями, нежели мы. Я право совсѣмъ не знаю, что дѣлается въ Петербургѣ и даже въ Арзамасѣ. Любопытнѣйшій для меня выѣздъ былъ на экзаменъ въ Екатерининскій институтъ, гдѣ я видѣлъ нѣсколько прекрасныхъ дѣвицъ, которыхъ скоро увидѣть и свѣтъ. Обѣды мои у вдовствующей Императрицы продолжаются: разъ въ двѣ недѣли или въ 10 дней. Канцлеръ сталъ ужасно глухъ: Ѵзжу къ нему по старому разъ въ недѣлю, но съ грустью. У другихъ бываю очень рѣдко. Для князя Щербатова мы ужинали третьего дня у княгини Н. П. Голицыной: тамъ графиня Строгопова, и слѣдственно, не скучно. Желаю встрѣтиться съ *вашею* Голицыною, которую вы такъ хорошо описали. Теперь Ѵдемъ обѣдать къ Лаваль, чтобы умничать съ Розаліею Ржевуцкою etc. Повторю старую пѣсню: *хочу въ Москву*, но не тогда, какъ будетъ у васъ дворъ. Еще долго! И будемъ ли живы? Побраните пасъ за *неблагодарность*: чай вашъ пьемъ, а вамъ ни слова! Значитъ, что Катерина Андреевна надѣялась на мою, а и на ея благодар-

ность мнимую. По крайней мѣрѣ скажу теперь спасибо за табакъ; курю его какъ ѡиміамъ съ признательностію. Обнимите за меня поэта-дядю: люблю любовь его. Васъ же самъ облимаю. Цѣлую мужа, жену и троихъ малютокъ съ нѣжностію. Вашъ Н. Карамзинъ.

Чтò ни говорять, а не могу вѣриТЬ чудесамъ магнетизма. Докторъ красивъ собою, если не ошибаюсь.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous félicite du fond de mon coeur, mon cher prince Pierre, avec l'arrivée de la chère Paracha, depuis si longtemps attendue. Dieu soit loué, qu'elle est arrivée sagement dans ce bas monde, sans jouer de mauvais tour à sa maman; j'en présume beaucoup de raison et de sagesse pour sa conduite future. J'espère qu'au moment, où vous lirez la présente, la chère princesse Wéra sera déjà hors de son lit, faisant les honneurs non de son salon, mais de sa chambre accouchée, et recevant avec beaucoup de grâce et de plaisir la moisson des ducats; je suis désolée de n'être pas du nombre de celles qui lui apporteront cette offrande. Pour ce qui nous regarde, mon mari vous en a donné tant de détails, qu'il ne m'a rien laissé à dire, si non que ses conjectures sur le diner de Laval n'ont pas été bien vérifiées, car nous en avons fait un très agréable, sans que les beaux esprits ni masculins, ni féminins s'en soyent mêlés; de là nous sommes revenus à la maison prendre les enfants pour aller voir des marionnettes chez les Bloudoff. Voilà l'historique de notre journée, qui malgré le plaisir n'a pas laissé que d'être très fatigante. Adieu, mon cher ami, embrassez tendrement de ma part votre chère femme et dites lui bien des tendresses pour les chers enfants; je les serre contre mon coeur, ainsi que le papa. Vous savez, que nous avons eu les promis Cherbatoff et Apraxine. Vous vous doutez bien de tous les genres de souvenirs, qui m'ont passé par le coeur et l'esprit.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Permettez moi aussi, mon cher oncle et ma chère tante, de vous féliciter avec la naissance de la petite Paracha. Je désire quelle ressemble en tout à son aimable petite soeur: je crois que

c'est ce qu'on peut lui souhaiter de mieux. J'espère que la santé de ma tante est dans un bon état, ainsi que celle de la petite cousine. Je vous baise tendrement les mains et j'embrasse toute la charmante famille. Votre toute dévouée nièce Sophie Karamsine.

Примиска Е. Н. Карамзиной.

Je vous félicite, mon cher oncle, avec la naissance de la petite Paracha. Dieu veuille qu'elle se porte bien et qu'elle fasse votre bonheur, ainsi que celui de ma chère tante, que je felicite de tout mon coeur. Veuillez, mon cher oncle, embrasser pour moi tante et votre petite famille. Je vous baise les mains, ainsi qu'à ma bonne tante, et je suis pour la vie votre toute dévouée nièce E. Karamsine.

20.

С.-Петербургъ. 15 марта 1817.

Спасибо вамъ, любезнѣйшіе друзья, за добрыя вѣсти. Вы здоровы — и родильница, и малютка; и такъ слава Богу! Мы также теперь не жалуемся на здоровье. Я писалъ къ вамъ на прошедшей почтѣ; но боюсь, чтобы это письмо не пропало: мы не успѣли отправить его вѣремя. Съ вашею княгинею Голицыною мы еще не видались: Орловъ²⁷⁾ былъ у насъ и спорилъ со мною, какъ прежде бывало. Вѣсть о Каверинѣ²⁸⁾ для меня пріятна: желаю ему вылѣзть изъ омута. Нужды пѣтъ, что сѣдые женихи немногого странны. Нашъ полуусѣдой Щербатовъ купается какъ сыръ въ маслѣ: по утру у Государя, день съ невѣстою молодою. Между тѣмъ отѣлываетъ себѣ домъ на Царицынскомъ лугу. Важнѣйшая изъ государственныхъ новостей есть новый уставъ о винной продажѣ. Вместо откупщиковъ казна сама будетъ торговаться виномъ посредствомъ цѣловальниковъ. Арзамасъ здравствуетъ и зоветъ меня въ гости завтра, слѣдственно, продолжаетъ шутить. На дняхъ я ѻздили по институтамъ, гдѣ мысль о Мариной добродѣтели трогаетъ душу неокаменѣлую. Простите, любезнѣйшіе. Обнимаю васъ пятерыхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, chers amis, et suis bien charmée de vous savoir tous bien portants; j'envie la chère princesse Véra d'être quitte de son paquet, tandis que moi je dois le traîner encore jusqu'au mois de juillet. Pour cette fois-ci je ne me déprite pas de ce que je n'ai pas pu jouer le rôle de marraine, mais une fois réunis ensemble, et que j'aie la maladresse d'être grosse en même temps que la princesse Wéra, je serais capable de faire une fausse couche, et d'être la marraine de votre enfant en dépit du sort. Je suis allée ces jours-ci voir l'Institut des sourds et muets; j'en suis revenue toute touchée des soins qu'on leur donne et de tout ce que l'on fait pour ces malheureux, pour leur rendre une partie au moins des biens que la nature leur a refusés. Partout les bienfaits, la sollicitude maternelle de la charitable Impératrice Marie se fait sentir. Adieu, mes chers et bons amis, je suis toute à vous.

21.

С.-Петербургъ. 26 марта 1817.

Любезнѣйшіе друзья! Христосъ воскресе! Обнимаю васъ мысленно со всею дружескою прѣжностію. Мы встрѣтили праздникъ, благодаря Бога, хорошо, то-есть, всѣ здоровы. Слушали заутреню и обѣдню во дворцѣ, я внизу, жена и дочери вверху; устали и отдыхаемъ, какъ обыкновенно, не дѣляя визитовъ. Обѣдали и вечеръ провели одни, какъ обыкновенно безъ скучи. Я для праздника не читалъ и корректуръ. Теперь былъ у насъ Жихаревъ²⁹): мы говорили объ васъ. Радуюсь вашимъ успѣхамъ въ политической экономіи, любезнѣйший князь; желаю вамъ постоянства и твердости. Ждемъ васъ вмѣстѣ съ весною, которая изъ-за моря дышетъ па Петербургъ теплыми вѣтрами и поднимаетъ за облакомъ руку, чтобы осыпать насъ дѣвѣтами. Однакожъ вы поѣдете, думаю, не по дѣвѣтамъ, а по грязи.... Мѣшаютъ. Простите. Обнимаю васъ вторично, и большихъ и малыхъ. Вашъ, пока свой, Н. Карамзинъ.

Приниска Е. А. Карамзиной.

Христосъ воскресе,chers et bons amis! Voici des fêtes bien isolement commencées, quoique en compagnie de 3000 personnes: mais hélas! n'est ce pas un vrai isolement, quand le coeur n'est pour rien, et hors de l'enceinte de notre famille nous sommes seuls. Après m'être bien fatiguée de l'expédition nocturne, j'ai employé la journée à me reposer, mais sans sortir de chez nous. Nous avons employé plus de cent cartes de visites à faire courir dans les rues ou plutôt dans les maisons. Je vous remercie, chère princesse Véra, pour les bonnes nouvelles que vous nous donnez sur votre santé; je ne puis accuser le prince Pierre de ne pas vous accorder trop de liberté: vous en avez toujours si mal usé, s'entend après vos couches, qu'il n'a pas tort de faire le pédant. Je n'ai rien reçu en fait de plaques; vous ne m'en avez parlé qu'une fois, en m'annonçant le désir de la princesse Natalie de me les envoyer. Adieu, mes chers et bons amis, que le Ciel vous accorde santé et prospérité! Pour ce qui regarde la visite du cher prince Pierre, je n'y compte pas pour n'être pas dupe trois fois, suffit à mon âge de l'avoir été deux fois. Je vous embrasse de tout mon coeur, ainsi que les chers enfants.

22.

С.-Петербургъ. 30 апрѣля 1817.

Любезнѣйшие друзья! Ждемъ одного изъ васъ по обѣщанію. Дорога уже суха, а хороша не будетъ до осени. Въ послѣднихъ двухъ Арзамасскихъ собраниахъ много говорили объ Асмодѣѣ³⁰⁾. Не дивитесь, что здѣшніе друзья къ вамъ не пишутъ; всѣ заняты, хотя и ничего не дѣлаютъ. Это искусство здѣсь въ удивительномъ совершенствѣ. Я по крайней мѣрѣ читаю корректуры!

На сихъ дняхъ открытъ мною путь къ облегченію судьбы Мещовскаго³¹⁾, но должно имѣть понятіе объ его винѣ: когда, что и какъ случилось? Князь Ник. Гр. Волхонскій³²⁾ въ Москвѣ: доставьте у него записку о Мещовскомъ и немедленно пришлите ко мнѣ.

На почтѣ отъ 26 декабря *ничию* не получено здѣсь на мое имя: спрavьтесь въ Москвѣ, чтѣ сдѣлалось съ посыпкою княжны Натальи Петровны?

Помышляемъ о Царскомъ Селѣ: тамъ расписываютъ пашъ домикъ, но еще не знаемъ, гдѣ придется родить Катеринѣ Андреевнѣ. Обопимаю васъ пятерыхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

23.

Царское Село. 27 июня 1817.

Любезнѣйшіе друзья! По вашимъ письмамъ не видимъ, получаете ли вы наши; а мы уже писали къ вамъ раза три. Тороплюсь отправить письмо на почту. Скажу нѣсколько словъ. Катерина Андреевна все еще не родила, и мы все въ ожиданіи, а я въ беспокойствѣ, какъ разумѣется. Ваши хлопоты нась тревожатъ. Мы пе имѣли никакого способа напомнить о томъ Государю, который думаетъ, что безумецъ С.³³), будучи подъ стражею, уже не можетъ васъ беспокоить. И всѣ другіе думаютъ, что вамъ надобно быть спокойными; что С. въ Москвѣ ни мало не опасенъ; что Государь безъ представленія отъ графа Тормасова не дастъ новыхъ повелѣній объ этомъ дѣлѣ. Дворъ въ отсутствіи. Императрица вдовствующая милостиво запретила мнѣѣхать въ Петергофъ по состоянію жены моей: мы еще днѣй 9 никого не увидимъ. Тишина глубокая.

Если книги ваши остались у насъ въ домѣ городскому, то онѣ будутъ вамъ возвращены; но мнѣ самому надобно тамъ отыскать ихъ. Съ Новосильцовыми³⁴⁾ поговорю, когда увижуясь съ ними; но не войду ни въ какое *обязательство* безъ вашего полнаго рѣшенія. Можетъ быть, онъ поѣдетъ съ дворомъ въ Москву: тѣмъ лучше. И такъ васъ уже не ждать въ Петербургѣ? Не жалуемся, но жалѣемъ. Слѣдственно, еще годъ не увидимся, много времени! Я съ вами согласенъ и несогласенъ въ чувствахъ: не восхищаюсь Петербургомъ, но съ удовольствиемъ думаю о Москвѣ тихой: вы молоды, а я старѣюсь. Обнимаю васъ, милые друзья, со всѣми дѣтьми, и въ особенности съ милою крестпицею. Надѣюсь, что ея глаза уже не болятъ. Будьте всѣ здоровы и забудьте тирана С. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Malgré le gros ventre, je vous embrasse de tout mon cœur, mes bons amis, la grande et petite famille; quoique je ne souffre pas de mon fardeau, je suis bien impatiente de vous annoncer un petit neveu ou nièce de plus dans ce monde. Nous sommes dans l'isolement, tout le monde se trouve aux fêtes.

24.

Царское Село. 17 июля 1817.

Петергофскаго, хотя милостивой Государь опять предлагалъ намъ домъ въ Петергофѣ. Въ Царскомъ Селѣ былъ обѣдъ съ гуляньемъ по водѣ: Катерина Андреевна отказалась, а я обѣдалъ и гулялъ. Погода благопріятствовала празднику. Нынѣшній день новобрачные³⁵⁾ переѣзжаютъ сюда въ Александровскій дворецъ... Обнимаю васъ, любезнѣйшиe, отъ всего сердца, желаю болѣе всего, чтобы вы были здоровы и спокойны съ вашими милыми дѣтьми. Вы знаете, какъ мы обрадуемся, если вы вдругъ явитесь въ Царскомъ Селѣ! Съ петербѣнiemъ ждемъ вашихъ писемъ изъ Москвы. Богъ съ вами и съ вами! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mes chers et bons amis. Que je suis peinée de ne pas vous savoir encore parfaitement en repos; j'aime à croire cependant, que dans ce moment-ci vous avez tout lieu d'être parfaitement tranquilles par les bonnes mesures que m-r Tormasoff a du prendre. En grâce donnez nous en promptement des nouvelles; nous n'avons reçu encore qu'une lettre de vous, mon cher prince Pierre, et j'étais fachée de la recevoir, car elle m'a empêché de goûter tout le plaisir que j'aurais eu à la lecture de celle de la chère princesse Wéra, qui était toute tranquillisée en nous l'écrivant. Enfin je fais des voeux ardents pour qu'il ne soit plus question de ce sot personnage. Pour ce qui me regarde, j'ai cessé de parler de ma grossesse; mais je dis que je suis *hydropique*, car réellement je commence à me fâcher de savoir si peu calculer mon temps, je ne sais plus, quand arrivera la clôture. Adieu, mes bons amis, je vous aime tendrement et désire vivement, que le rêve de vous voir à Sarsko-Sélo se réalise. J'embrasse avec tendresse les chers enfants et Macha plus tendrement encore, surtout depuis que j'ai idée, qu'elle ressemble à mon Sacha, qui fait l'admiration de tout Sarsko-Sélo.

25.

Царское Село. 3 августа 1817.

Любезнѣйшие друзья! Нынѣшній день по утру Богъ далъ намъ сына Николая. Теперь желаю только, чтобы жева благополучно оправилась. Желаемъ также, чтобы вы были и здоровы и спокойны. Безумца, по представленію графа Тормасова, хотятъ отправить на Кавказъ или въ Крымъ. Государь еще въ Петербургѣ. Богъ съ вами и съ нами! Обнимаю васъ нѣжно. Вашъ Н. Карамзинъ.

26.

Царское Село. 7 августа 1817.

Любезнѣйшие друзья! По сіе время благодарю Бога: и жена, и малютка ведутъ себя умно. Одинъ я вздумалъ быть нездоровы: отъ того и пишу къ вамъ только два слова.

Государь приказалъ графу Тормасову отправить Соковнина въ Кафу подъ надзоръ тамошняго губернатора. Надѣюсь, что воображеніе ваше успокоится.

Съ нѣжностію и горячностію обнимаемъ васъ милыхъ, большихъ и малыхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

27.

Царское Село. 21 августа 1817.

Любезнѣйшие друзья! Поздравляю васъ съ вступленіемъ въ царскую службу. Слышу, что вамъ дали и чинъ; но указа еще не видалъ, ни любезнаго Новосильцова послѣ его обѣ вѣдѣнія. Вспомните, что вы *рѣшительно* не писали ко мнѣ обѣ этомъ дѣлѣ: Тургеневъ взялъ на себя, ссылаясь на ваше къ нему письмо. Государь отозвался обѣ васъ и княгинѣ какъ нельзя лучше. Дѣло сдѣлано: дай Богъ, чтобы всѣ будущіе шаги ваши по службѣ были такъ же легки и пріятны, какъ этотъ! Надѣюсь, что вамъ не отдастъся отъ Петербурга, хотя у васъ *и не лѣнеть къ нему туба!* Смотрите же, устройте вашу экономію³⁶⁾.

Мы, слава Богу, здоровы. Нынѣ у насъ крестипы: дѣйствуютъ Сонюшка и Андрей. Мы не хотѣли трудить Царской Фамиліи.

Государь былъ у насъ въ гостяхъ; обѣщалъ передъ отѣзdomъ еще заѣхать къ родильницѣ. Всѣ къ намъ милостивы. Я писалъ о томъ къ Ивану Ивановичу. А теперь спѣшимъ приводить Николая въ христіанскуу вѣру. Обнимаемъ васъ, любезнѣйшихъ, отъ всего сердца, и всѣхъ отъ мала до велика, а крестицу въ особенности. Простите. Будьте здоровы и благополучны. Тургеневъ вѣрно послали или пошлетъ вамъ копію съ указа. Вашъ Н. Карамзинъ.

28.

Царское Село. 28 августа 1817.

Отъ всего сердца поздравляю васъ, любезнѣйшій князь, и съ вступленіемъ въ службу, и съ чиномъ штабскаго, и съ жалованьемъ! Вотъ копія съ указа, писанная рукою любезнаго Н. Н. Новосильцова. Непремѣнно, тогдасъ напишите къ нему благодарное письмо и попросите у него дозволенія остаться въ Москвѣ, сколько вамъ надобно. Государь еще былъ у насъ на канунѣ своего отѣзда: мы говорили обѣ васъ — и преисполнены къ нему сердечной любви. Дай Богъ, чтобы мы всегда такъ безкорыстно его любили! Прощаюсь, я сказалъ ему: „Государь! Желаемъ не повыхъ отъ васъ милостей, а продолженія старыхъ!“ И Жуковскій съ мѣстомъ, и не по милости Глинки. Императрица сказала мнѣ, что Жуковскій за молодостью *не можетъ быти* учителемъ Великой Княгини... Я представилъ, что ему 34 года, и описалъ его благородный характеръ. Надлежало еще объяснить нѣкоторыя обстоятельства его жизни — и третьаго дня нашъ поэтъ обѣдалъ въ Павловскомъ уже какъ признанный учитель³⁷⁾. Однимъ словомъ, я почти влюбленъ въ Царскую Фамилію..., и за всѣмъ тѣмъ мы разстанемся! По крайней мѣрѣ никто не разставался съ дворомъ въ лучшемъ къ нему расположениі. Je passe pour un ingénii, et je le suis, peut-être. Вчера обѣдалъ я почти съ домашними у Императрицы Елизаветы Алексѣевны, и снова удивлялся тонкости ума ея: всегда скромна и всегда любезна. За всѣмъ тѣмъ — еще повторяю — надобно мнѣ умереть въ Москвѣ, которая вамъ паскучила, а меня

привлекаетъ въ свою мирную сѣнь. Думасмъ черезъ двѣ недѣли быть въ Петербургѣ, гдѣ съ ногъ до головы погружусь въ дѣла типографскія. Простите, друзья любезныя. Обнимаю вѣсъ и милыхъ дѣтей. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes chers et bons amis; mon mari s'est emparé de toutes nos nouvelles de cour, et comme nous n'en avons guère d'autres, car ou nous voyons la cour, ou nous ne voyons personne, ou à peu près, ce qui nous rend très peu nouvellistes. Cependant je vous dirai, que nous avons vu la fameuse princesse Golitzine *l'antique*, qui est aussi logée ici dans un des chateaux et qui a bien voulu condécendre à me prévenir par une visite très aimable qu'elle nous a faite; elle est encore bien jolie et extraordinairement aimable. La princesse Golitzine-Boris est venue aussi me voir et comme elle est partie, je ne pourrais lui rendre ma visite, que le printemps prochain; il y a du temps, comme vous voyez, et j'aurai tout le temps de me reposer. Voilà bien des détails sur la famille Golitzine. Je vous fais mes compliments de félicitations et à nous de condoléance sur votre nomination; j'avoue, que l'idée de votre séjour à Varsovie me chagrine beaucoup; mais si cela vous arrange et que vous vous y plaisez, je tâcherai de me faire raison et de me consoler de votre absence par l'idée, que c'est pour votre bien. Vous savez, que nous avons chez nous la petite Agareff, que sa maman nous a laissée jusqu'à son retour d'Odessa, où elle est allée pour rejoindre son mari, et son absence durera jusqu'à Décembre. Adieu, chers et bons amis, je vous embrasse de toute la tendresse de mon coeur, ainsi que les chers enfants, mais plus tendrement Macha; j'avoue, que les larmes me viennent, quand je pense, que peut-être je ne la reverrai de longtemps.

29.

Нисъю Е. А. Карапиной.

Le 14 septembre 1817. Sarsko-Sélo.

J'ai été bien fachée, ma bonne et chère amie, de savoir par votre dernière lettre, qui date depuis le 2 du courant, que vous n'avez pas reçu de nos lettres depuis longtemps, nous qui avons écrit constamment, pour ne pas vous laisser dans l'ignorance de mon heureuse convalescence, sachant que tout ce qui nous regarde de près, vous intéresse par l'attachement que vous nous portez. J'espère, qu'à l'heure qu'il est, vous êtes instruite et sur ce qui nous regarde et surtout sur ce qui vous touche et votre établissement à Varsovie; je vous répéterai ce que je vous ai déjà dit dans une de mes lettres, que je serai bien triste de ne plus vous retrouver à Moscou; mais si vous êtes bien là, je tâcherai de me consoler par l'idée de votre bien être. Demain ou après demain nous partons pour Pétersbourg, où je ne suis pas allée une fois depuis quatre mois que je l'ai quitté. La cour est déjà depuis huit jours dans la capitale et va la quitter le 23, pour aller à Moscou, où je vous désire bien de plaisirs, qui sûrement ne vous manqueront pas. S. M. l'Empereur sûrement vous parlera de nous, puisqu'il nous a demandé des commissions pour vous; n'oubliez pas de lui dire, combien nous sommes heureux de ses bontés.

Je vous fais mes compliments sur votre jour de nom et de naissance; vous ne doutez pas de tous les voeux que je forme pour votre bonheur; je suis fachée de ne pas être auprès de vous; cela ne nous empêchera pas du moins de boire avec affection à votre santé. Vous féliciterez aussi votre mari en l'embrassant tendrement, je suppose, qu'il est déjà auprès de vous. J'embrasse de tout mon cœur les chers enfants et la mainan ensemble.

Toute à vous C. Karamsine.

Примиски Н. М. Карамзина.

Отъ всего сердца поздравляю васъ, любезнѣйшая княгиня, со днемъ имянинъ и рожденія вашего, равно какъ и любезнѣйшаго князя. Будьте благополучны и веселы съ вашими милыми малютками. Сто разъ мысленно васъ обнимаю. Писали ли вы къ Новосильцову? Спѣшу дописывать *нѣчто о Москве*³⁸⁾ для Императрицы. Простите до Петербурга.

30.

С.-Петербургъ. 2 октября 1817.

Любезнѣйшие друзья! Мы давно не писали къ вамъ; а вы къ намъ. Съ переѣзда нашего въ городъ у меня было не мало хлопотъ типографскихъ. Надобно держать себя въ латахъ *твердости*. Еще мѣсяца три: доживу ли до того времени, чтобы опять писать Исторію, и спокойно, и съ благодарностю къ Богу и народу!

Со дворомъ разстались мы хорошо, то-есть, съ Государемъ и съ двумя Императрицами. Скажите намъ обѣихъ, о блескѣ Москвы etc. У насъ остался только Арзамасъ и типографіи. Еще не имѣемъ духаѣздить съ визитами.

Любезный Жуковскій живая грамота. Главное то, что мы, благодаря Богу, здоровы, или почти здоровы. Петербургъ не Царское Село: лишь пріѣхали сюда, то и за докторомъ! Грустно знать намъ, что у милой моей крестницы болятъ глаза. Лучше ли ей?

Н. Н. Новосильцовъ єдетъ къ вамъ; но я еще не видался съ нимъ въ Петербургѣ: былъ у него, и не засталъ дома. Признаюсь, не могу не жалѣть о томъ, что єдете отъ насъ далеко. Но да будетъ воля Божія и ваша!

Простите, друзья любезнѣйшие. Богъ съ вами и нами! На вѣки ваши Н. Карамзинъ.

Примиска Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes chers et bons amis, il y a longtemps, que nous n'avons eu de vos nouvelles; il y a aussi quelque temps que nous

ne vous avons écrit; de petits embarras ont produit le grand empêchement de notre correspondance. Mon mari a fait un petit mémoire pour l'Impératrice Marie sur Moscou, et moi, en fidèle copiste, j'ai du le recopier pour l'Impératrice Elisabeth; ajoutez à cela la lecture des *épreuves*; les visites d'adieu à la cour, les visites de bonjour à la ville, et vous aurez le total de notre activité. Vous n'avez pas eu les mêmes raisons, vous nous parlez toujours de votre tranquillité d'Astafiiévo. C'est un séjour très propre à faire écrire des épîtres à ses amis: dans ce moment, malgré votre raison philosophique, je crois que vous êtes occupé, comme les autres, de l'arrivé de vos Augustes *Hôtes*. Donnez nous en des nouvelles, ainsi de ce que vous ferez tout ce temps. Vous me parlez, mon cher prince Pierre, de *votre* princesse Golitzine, je vous prie de croire qu'elle est *nôtre* aussi, car nous sommes au mieux, et ce que vous n'avez pas compris à l'épithe de *d'aimable extraordinairement* est cependant tout simple, quand il s'agit d'elle, car en effet on ne peut être moins *ordinaire*. M-r Joukoffsky, qui est le porteur de celle-ci, vous racontera une scène de notre première entrevue et dont il était le héros et le spectateur. Adieu, mes bons et chers amis, je fais des voeux pour votre bonheur et votre santé à tous, et particulièrement pour les chers et beaux yeux de *милая* Macha, que je serre contre mon coeur. J'embrasse tendrement toute la petite famille avec papa et maman.

31.

С.-Петербургъ. 18 октября 1817.

Любезнѣйшие друзья! Въ самомъ дѣлѣ мы удивились, что вы до 8 октября дожили въ Остafьевъ какъ философы, смотря издали на московское треволненіе! По крайней мѣрѣ теперь вы уже не философствуете: всему есть пора и время. Нетерпѣливо желаемъ знать, на чѣо вы рѣшитесь по свиданію съ Николаемъ Николаевичемъ: въ Москвѣ ли пробудете до весны, или отправитесь зимою въ Варшаву.

А мы живемъ почти какъ въ деревнѣ и теперь беспокоимся о малюткѣ, у которого занемогла кормилица: беремъ другую. Здѣш-

ний воздухъ не оченьъ здоровъ для насъ: только перѣхали—и за докторомъ. Люди также больны, человѣка четыре.

Ждемъ отъ васъ вѣстей о московскихъ весельяхъ. Между тѣмъ читаю корректуры и люблю васъ всею душою, милые друзья. Обнимите за меня Жуковскаго и Сѣверина.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonne nuit, mes bons amis, il est une heure, et l'ami Tourguenoff vient de nous quitter, qui nous a lu votre épitre, mon cher prince Pierre; je vous prie de ne pas présenter le respectable Moscou dans un cadre si ridicule; vous lui tournez le dos et nous la face; vous le quittez et nous allons y entrer: mais ne vous agitez pas au mot de *rentrer*: ce n'est que pour l'été. Pour le moment, le plus pressé est d'entrer dans son lit, après avoir été agitée toute la journée par le choix des nourrices. Ma chère princesse Véra, vous y allez grand train! reposez vous! il n'y a que quelques mois, et dÃ©jÃ encore ronde. Ronde ou svelte, je vous aime et vous embrasse de tout mon cour, ainsi que la chÃ¨re petite famille.

32.

С.-Петербургъ. 5 ноября 1817.

Любезнѣшіе друзья! Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ вы говорите о болѣзни Митеньки и вашемъ беспокойствѣ: дай Богъ, чтобы все это уже кончилось, и вы были уже спокойны! Мы перенесли кормилицу, малютка до сего времени здоровъ, прочie также. Люди наши выздоравливаютъ; а было время, что однѣ Ефимъ служилъ памъ за столомъ. Часто, и не безъ сердечнаго сожалѣнія, думаемъ о вашемъ скоромъ отъездѣ. Все дѣлается по какимъ-то законамъ: слѣдственно, и вамъ, какъ видно, рокъѣхать въ Варшаву, хотя у меня по сіе время и не лежитъ къ этому сердце. Вы дорогою цѣною платите за чинъ. Такъ и бытъ: дѣло сдѣлано. Вы могли бы остаться въ Москвѣ до лѣта; но съ другой стороны, вамъ не худо быть въ Варшавѣ, когда будетъ тамъ Государь. Уѣхалъ Новосильцовъ или еще въ Москвѣ? Живемъ тихо:

Работа моихъ глазъ продолжается. Видимъ не многихъ людей. Разъ въ недѣлю обѣдаю у канцлера, изрѣдка у графа Брея³⁹⁾. По вечерамъ Плещеевъ⁴⁰⁾ чптастъ намъ иногда комедіи, и прекрасно. Собираюсьѣхать завтра къ Шишкову, гдѣ увижу Шаховскаго съ братіею. О будущемъ мало думаю, оставляя все на волю Божию. Простите, любезнѣйши. Скажите, что у васъ дѣлается? На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

Прошу гасть, любезнѣйшій князь, сказать Ивану Иванову или по старому Ванюшѣ, чтобы онъ написалъ ко мнѣ о нашихъ людяхъ и обѣ расходы на нихъ: я пришло къ нему деньги, чтобы включилъ въ расходы.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mes chers et bons amis; nous venons de lire dans la lettre de m-me Rébinine que le cher prince Pierre veut venir nous voir avant de se separer de nous pour des temps illimités. Helas! au moment que nous ferons nos paquets pour aller à Moscou, vous aurez dÃ©jÃ fait les vôtres pour aller à Varsovie, et Dieu sait, quand nous nous rÃ©unions. Il parait, que votre dÃ©part n'est pas du tout fixé, au moins le temps du dÃ©part, peut-Ãªtre trainerez-vous jusqu'au mois d'aout — Ã©poque Ã laquelle nous avons dÃ©cidÃ© notre retour Ã Moscou. Je suis triste de ne pouvoir espÃ©rer vous voir, chÃ¨re princesse VÃ©ra, ainsi que les chers enfants, ils grandiront sans connaitre des personnes qui les aiment, comme leurs propres enfants; helas! telle est la vie. M-me Severine dit, je suppose, qu'il n'y a rien de beau, comme la vie, Dieu veuille qu'elle le dise longtemps. Vous pourriez lui faire quelques reproches cependant de ce que l'amour fait si fortement nÃ©gliger l'amitiÃ©. Notre ami Tourguenoff est plus constant, il ne nous nÃ©glige pas et vient souvent nous voir; peut-Ãªtre parce qu'il n'est pas amoureux. Mais Ã-propos de Severine: avez vous reÃ§u, chÃ¨re princesse Vera, vos robes de Paris; pour moi j'attends des souliers depuis six mois, et si vous avez l'occasion et que vous trouvez l'appropos de dire Ã Severine que le mois d'Octobre s'est Ã©coulÃ© sans m'apporter des souliers et suis-je reservÃ©e Ã voir aussi le mois de Novembre partir sans possÃ©der ma chaussure, si ardemment dÃ©sirÃ©e.

Pour les dentelles, ma chère, si elles sont jolies dans leur genre et qu'elles soyent bon marché, vous me ferez plaisir de les envoyer tout de suite par la poste; en cas contraire, qu'elles ne soyent ni jolies, ni bon marché, je n'en veux pas. Mais en tout cas dites en grâce mille amitiés de ma part à la chère et bonne m-me Kacheleff, ainsi qu'aux demoiselles, et remerciez les d'avoir pensé à moi.

33.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 29 novembre 1817. Saint-Petersbourg.

Bonjour, mes chers et bons amis; nous sommes bien contents de vous savoir au moins bien portants, ne pouvant vous croire heureux. Nous avons été bien inquiets nous mêmes tous ces jours-ci, nos trois garçons étant touchés tous malades d'une grippe, qui règne ici parmi les enfants. Sacha surtout a été très souffrant, son mal étant accompagné de beaucoup de chaleur; dans ce moment, grâce au Ciel, ils vont un peu mieux et je n'ai plus d'angoisses. Que cette idée est triste, mes bons amis, celle de nous quitter, sans savoir quand le sort nous réunira, voilà bientôt deux ans que nous vivons séparés, car pour ce peu de moments que nous vous avons vus, mon bien aimé prince Pierre, je regarde cette apparition que vous avez faite à Sarsko Sélo, comme un rêve interrompu par plusieurs réveils. Je fais des voeux ardents, pour que cette séparation vous soit utile et vous rapporte bien des agréments. Mais en attendant, soyez un peu plus endurant et ne vous découragez pas sitôt; et qu'un peu plus ou moins de monde chez votre chef ne vous effraye pas. Nous allons perdre d'ici pour notre part deux hommes intéressants, m-r Bloudoff et m-r Batuchkoff, le premier va bientôt à Moscou et puis à Londres, comme vous le savez, je suppose, et le dernier vient de perdre son père et part pour ses terres; ce n'est qu'une course de quelques semaines; il se rappelle à votre souvenir. Et vous en revanche, dites mille amitiés au bon m-r Joukoffsky; dites lui combien sa douce société nous manque et que nous nous en rappelons toujours avec plaisir et avec regret; que

je m'occupe beaucoup à étudier le *personnage en question* et que je commence à y songer très sérieusement et que je commencerai à établir les batteries après avoir encore sondé le terrain. Adieu, mes bons et chers amis, que le Ciel veille sur vous et vous accorde santé et tranquillité. J'embrasse de tout mon coeur les chères petites.

Je suis très inquiète pour m-me Rébinine, elle ne m'a pas écrit par le dernier courrier, en grace donnez moi de ses nouvelles et qu'elle espèce d'indisposition elle a.

Приписка Н. М. Карамзина.

Обнимаю васъ отъ всего сердца, любезнѣйшіе друзья. Мы не перестаемъ раздѣлять съ вами горестыя извѣстія, моля Бога, чтобы милая Маша своими прелестными ласками замѣнила вамъ тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ. Думаемъ о вашемъ путешествіи: хорошо ли сдѣлаете, если поѣдете въ Варшаву прежде Новосильцова? А онъ, вѣроятно, не разстанется съ дворомъ до его отъѣзда изъ Москвы. На той почтѣ буду писать болѣе. Еще разъ васъ обнимаю.

34.

С.-Петербургъ, 10 декабря 1817.

Любезнѣйшіе друзья! Съ Д. Н. Блудовымъ скажу вамъ пѣсколько словъ. Мы его лишились: скоро онъ и вамъ поклонится. Жаль, что такие люди не употребляются съ истинною пользою для Россіи ⁴¹⁾). На первой почтѣ напишу брату Василю Михайловичу о вашемъ дѣлѣ, милый князь; по совѣту вамъ отнестись и къ губернатору Магницкому: надѣюсь, что онъ захочетъ сдѣлать вамъ пріятное. Нѣть нужды сказывать, какъ часто обѣ васъ думаемъ, любезнѣйшіе! Сердце ваше еще не скоро одохнетъ. Вы поѣдете изъ Москвы, но будете обращаться къ ней мысленно: Варшава холода передъ нею. Если будемъ живы, то около августа подвинемся къ вашимъ и нашимъ милымъ незабвеннымъ. Желаю, чтобы вы были довольны Николаемъ Николаевичемъ и сблизились съ нимъ. Мы, слава Богу, почти совсѣмъ здоровы. Выѣзжали раза два по вечерамъ; по

дома веселъе, пока служать глаза для чтенія. Обнимите за меня пѣжно доброго поэта Жуковскаго и доброго дипломата Сѣверина ⁴²⁾. Васъ же самъ обнимаю, отца, мать и дѣтей, въ особенности свою милую крестницу, но и Параскева, сказываютъ, очень мила. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Примѣска Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse avec tendresse, mes chers amis; nous voilà ou plutôt me voilà confinée dans la chambre sans oser mettre ma figure dehors, parceque nous avons un froid superbe jusqu'après de 30 degrés, ce qui m'a fait manquer un dîner à six heures chez la princesse Golitzine l'*Aspasie*. Je ne sais si j'aurais même le courage de sortir aujourd'hui, quoique il y ait moins de 20 degrés. Grace soit rendue au Ciel que malgré le froid, qui pénètre aussi dans nos appartements, les enfants le supportent très bien, quoique quelques jours avant ils aient souffert de la grippe. Adieu, mes bons amis, que le ciel vous accorde de la santé et de la tranquillité.

35.

С.-Петербургъ. 24 декабря 1817.

Здравствуйте, милые друзья! Благодаримъ васъ за два дружескія письма. Я было запомогъ, и для того пропустилъ почту безъ отвѣта на первое. Мы тронуты вашимъ обѣщаніемъ, добрый нашъ князь Петръ, пріѣхать къ намъ до вашего отѣзда въ Варшаву; но никакъ не убѣждаемъ васъ исполнить его: вамъ не легко разстаться съ любезнѣйшею княгинею и съ дѣтьми; эта жертва слишкомъ дорога, и наше удовольствіе не будетъ полное. Говоримъ вамъ искренно. Знаемъ, чувствуемъ, какъ вы оба еще грустны: тѣмъ горестнѣе была бы для васъ разлука. Виѣсть грустить легче. Не надобно давать повой пищи печальному воображенію. Довольно, что эта мысль ваша дала намъ съ умилевіемъ почувствовать всю вашу дружбу ко мнѣ и Катеринѣ Андреевпѣ, за что мысленно смотримъ на васъ сквозь слезы и пѣжпо прѣлумъ друга. Я не совсѣмъ здоровъ, а у Катерины Андреевны пухнетъ нога къ моему без-

покойству. Впрочемъ не гнѣвимъ Бога. Запимаюсь остальными корректурами, опечатками, переплетчиками. Добрый Тургеневъ бываетъ у насъ часто, раза 3—4 въ недѣлю, и говоритъ о дѣлахъ съ необыкновенною для него живостію. Второй нашъ усердный собесѣдникъ есть Кривцовъ, добрый *esprit-fort*, а третій—поэтъ Пушкинъ, который у насъ въ домѣ смертельно влюбился въ Пиою Голицыну и теперь уже проводитъ у нее вечера: лжеть отъ любви, сердится отъ любви, только еще не пишетъ отъ любви. Признаюсь, что я не влюбился бы въ Пиою: отъ ся трезубца пишетъ не огнемъ, а холодомъ⁴³⁾. Простите, любезнѣйшіе. Обнимаю сперва васъ, дѣтей, а тамъ Жуковскаго, Сѣверина и Блудова, Блудова и Сѣверина. Богъ съ вами. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je ne vous félicite pas avec les fêtes, mes chers et bons amis, on ne félicite pas les êtres souffrants, mais on fait des voeux; les miens sont ardents pour votre prospérité future; que jamais, jamais les moments affreux que vous avez passés ne se renouvellent plus pour vous. J'ai été bien inquiète pour mon mari; grâce à Dieu, que cette inquiétude n'a duré que quelques heures. Adieu, mes tendres amis, je n'ai que le temps de vous embrasser, de vous dire, combien l'idée de vous revoir, mon cher prince Pierre, encore une fois avant votre départ m'atteudrie; mais je n'ose le désirer, en songeant à la peine de la chère princesse Véra. Dans ce moment nous allons pour entendre la messe, sûrement vous ne serez pas oubliés dans nos prières, chers amis. Dites moi, chère princesse Véra, combien dois-je vous envoyer pour les jolies dentelles que vous m'avez procurées. Si on pouvait encore avoir de la plus large quelques archines, cela m'arrangerait beaucoup.

36.

(Начало января 1818).

Поздравляю васъ, любезнѣйшіе друзья, съ новымъ годомъ, то есть, желаю, чтобы 1818 ничѣмъ не ранилъ вашего доброго сердца, а залѣчили бы въ немъ прежнія раны утѣшеніями всячаго

рода. Я встрѣтилъ его не совсѣмъ хорошо: два раза имѣлъ простудную лихорадку, и теперь еще не здоровъ: даже не хожу по утру! Итакъ вы скоро отправитесь въ Варшаву, которая съ сего времени сдѣлается для насъ интересною. Отъ всего сердца поручаемъ васъ милости Божіей. Такъ и быть: видно, вамъ надоѣло испытать и Николая Николаевича, и Варшаву! Поклонитесь отъ меня первому. Простите, любезнѣйшіе, голова не свѣжа. Скажите, милый князь, Ванюшѣ, чтобы онъ чрезъ васъ или прямо прислалъ мнѣ счетъ моимъ издержкамъ: я доставлю ему деньги. Обнимаю васъ четверыхъ.

37.

С.-Петербургъ. 10 генваря 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Я все нездоровъ: вотъ уже третья пѣдѣлья, какъ лежу или сижу на мѣстѣ. Вчера запомогла у насъ и Сонюшка; а я лучше сношу свою болѣзнь, нежели болѣзнь дѣтей. Она простудилась и кашляетъ, чтѣ не хорошо для слабой груди. Все это болѣе и болѣе располагаетъ меня возвратиться въ Москву, когда управлюсь съ изданіемъ Исторіи.

Вотъ мой совѣтъ, любезнѣйшіе друзья, согласный съ вашимъ сердцемъ, а не разсудкомъ (по выраженію вашему, милой князь): побѣзжайте въ Варшаву вмѣстѣ, не разлучайтесь ни другъ съ другомъ, ни съ дѣтьми. Лучше заплатить деньгами, нежели сердечнымъ беспокойствомъ, въ этомъ случаѣ. Проживете тамъ нѣсколько мѣсяцевъ или годъ, и если найдете, что Варшава дорога, что въ пей можно болѣе прожить, нежели нажить добра, проситесь назадъ въ Россію. Надобно быть основательнымъ. Нехорошо для васъ показать Николаю Николаевичу, что вы, еще не вступивъ въ должность, уже думаете не оставаться при немъ. Вотъ какъ мышлю, и не смогу мыслить иначе, ставя себя на вашемъ мѣстѣ, чтѣ мнѣ очень легко по той любви, которую къ вамъ имѣю. Вы знаете мой образъ мыслей о вашей службѣ: не спесете ея безъ дружбы съ начальникомъ, то-есть, безъ взаимной любви между имѣ и вами. Жеребей брошенъ: вооружитесь нѣкоторымъ терпѣніемъ и прави-

лами строгой экономии; а болѣе всего не забудьте платить долговъ казенныx въ ваше отсутствіе.

Простите, милые. Я не расположень ко многорѣчию. Это письмо отправляю, не дожидаясь Катерины Апдреевны, которая усердно занимается счетомъ переплетенныхъ экземпляровъ моей Исторіи. Если вы уѣдете изъ Москвы до февраля, то пошлю къ вамъ экземпляръ въ Варшаву, прямо отсюда. Теперь остановка за генеалогическими таблицами и за переплетомъ.

Обнимаю васъ, любезнѣйшихъ, отъ полноты любящаго сердца, съ вашими милыми дѣтьми.

Приписка Е. А. Каразиной.

Je trouve encore un moment et une place dans cette lettre pour vous souhaiter le bonsoir, mes bien bons et chers amis. Je suis tout à fait de l'avis de mon mari, pour que vous partiez ensemble; la raison et le sentiment s'unissent pour vous le prescrire. Hélas! tout en vous le conseillant, mon coeur se resserre à l'idée de votre éloignement. Moscou perd un grand charme à mes yeux, quand je songe, que je ne vous y retrouverai pas. La pensée, que c'est peut être pour votre bien, me console un peu et, si par malheur vous vous étiez trompés, nous nous reverrons bientôt. Que le Ciel veille sur vous et sur tout ce qui vous est cher: c'est presque faire un voeu egoïste. Embrassez aussi tendrement les enfants de ma part, que j'embrasse de toute ma tendresse le papa et la maman.

38.

С.-Петербургъ. 28 февраля 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Недѣль шесть у насъ все болѣзни въ домѣ: то я, то дѣти нездоровы. Дней 6 мы были въ тревогѣ отъ Катеньки: теперь ей лучше. Пріѣздъ Государевъ заставилъ меня выѣхать, чтобы поднести ему 8 томовъ Исторіи⁴⁴); на другой день я у него имѣлъ честь обѣдать и быть въ кабинетѣ; а тамъ опять сидѣлъ дома и теперь еще не совсѣмъ здоровъ. Исторія моя отправилась къ Императрицамъ etc., по еще не выпла пизъ переплета,

следственno, и въ свѣтъ: надѣюсь, что это будетъ на сихъ дняхъ, и къ вамъ отправится экземпляръ. Вы, думаю, уже готовитесь къ отѣзду: намъ грустно быть отъ васъ еще даље и собираться въ Москву, гдѣ уже не найдемъ васъ. Имѣемъ твердоe намѣреніe поклониться Ивану Великому около августа или еще ранѣе. Едва ли поѣдемъ и въ Царское Село. Хорошо, еслибы удалось къ тому времени управляться съ книгою, то-есть, пристроить ее къ мѣсту и не грузить экземплярами нашего обоза при выѣздѣ отсюда; но мало надежды. Душевно радуюсь, что нашъ любезной поэтъ Жуковскій доволенъ своими обстоятельствами: обнимите его за насъ. Ждемъ Дмитрія Николаевича; а къ другому Дмитрію, то-есть, Петровичу, буду писать на той почтѣ. Простите, милые друзья. Нѣжно обнимаю васъ, крестную свою дочь и другую любезную малютку. Богъ съ вами и нами! Жду записки отъ Ванюши. Да прикажите справиться, получены ли отъ Катерины Андреевны деньги въ Воспитательномъ Домѣ?

О портретахъ хлопочемъ: за Соколовымъ посылаемъ.

Государь кланялся намъ отъ васъ, любезнѣйшая княгиня, и сказалъ мнѣ, чтобы Катерина Андреевна поручила ему вамъ кланяться.

39.

С.-Петербургъ. 15 февраля 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Здравствуйте въ Варшавѣ! Вы завезли туда и наше сердце. Польша сдѣлалась намъ своя: чего не бываетъ на свѣтѣ? Теперь болѣе, нежели по человѣколюбію, желаемъ, чтобы тамъ не было ни землетрясенія, ни пожаровъ, ни разбоевъ, чтобы воздухъ благородстворенный вливалъ въ людей здоровье съ весельемъ, и проч. и проч. ⁴⁵⁾). Пишемъ къ вамъ съ Бородинымъ ⁴⁶⁾; посылаемъ наши Соколовскіе портреты и мою Исторію: глядите и читайте съ удовольствіемъ! Ждемъ отъ васъ писемъ съ дороги.. Даemъ вамъ добрую вѣсть о своемъ здоровьѣ и продажѣ книги: ея разошлось до сегодня 1800 экземпляровъ; это не мало. А всѣхъ немного останется къ нашему отѣзду въ августѣ или въ іюлѣ. Если будемъ живы, то непремѣнно отправимся въ Москву. Душа

моя не прильпала ни къ Петербургу, ни къ двору, не смотря на то, что душевно люблю Государя и обѣихъ Императрицъ; въ Москву же поѣдемъ не искать удовольствій, а доживать вѣкъ свой, какъ велитъ Богъ. Обрадуемся, когда намъ скажете, что ѿдете или прїѣхали благополучно. Дорога часто благопріятствуетъ здоровью дѣтей и беременныхъ. Надѣюсь, что переписка паша не затруднится отъ разстоянія. Не полѣнитесь написать подробно, какъ оснуете жизнь свою въ Варшавѣ, въ какомъ домѣ будете жить, съ кѣмъ болѣе видѣтесь, чтѣ проживатъ, чтѣ дѣлятъ: все хочется знать о тѣхъ, кого любишь. Съ горячностю и съ нѣжностю обнимаю васъ любезнѣйшихъ, родителей и дѣтей. Богъ съ вами и съ нами! Мой поклонъ Николаю Николаевичу. Простите.

Приписка Е. А. Карамзиной.

M'etant dÃ©jÃ prÃ©parÃ©e Ã votre dÃ©part de Moscou, mes chers et bons amis, je ne m'Ã©tais pas prÃ©parÃ©e Ã éprouver la vive douleur que j'ai ressentie, en lisant pour la derniÃ¨re fois votre lettre, datée de Moscou. L'idée de ne pouvoir fixer dans mon imagination le moment de notre rÃ©union avait l'air de se prÃ©senter pour la premiÃ¨re fois; ne pouvant rien de plus pour votre bonheur, mes chers amis, que de vous accompagner de mes voeux, j'en forme de bien ardents, pour que votre voyage et votre sÃ©jour à Varsovie soient aussi agrÃ©ables que possible. Je songe dÃ©jÃ au serrement de coeur que j'éprouverai, en rentrant à Moscou et surtout à Astafievo, dont j'espère que vous nous accorderez la jouissance. Adieu, mes chers amis, je vous serre contre mon coeur, père, mère et enfants, n'oubliez pas de parler de moi à Macha pour que je ne lui sois pas étrangère.

40.

С.-Петербургъ. 14 марта 1818.

Любезнѣйшие друзья! Мы съ нетерпѣнiemъ ждемъ отъ васъ писемъ, тѣмъ болѣе, что слышали о непріятностяхъ пути вашаго, хотя и не слыхали о главной, то-есть, вашей болѣзни, милой князь. Сердечно благодаримъ Бога, что это кончилось благополучно: вы

здравы, и все хорошо! Не худо и то, что покража отыскалась; пе худо и то, что Государь къ вамъ милостивъ. Въ дорогѣ, можетъ быть, совершился кризисъ, а теперь пойдетъ все какъ по маслу: вотъ желаніе дружбы! ⁴⁷⁾ Мы къ вамъ писали и послали Исторію, вмѣстъ съ нашими портретами, черезъ Бороздина; надѣемся, что все дошло до васъ. Другой экземпляръ Исторіи, для васъ назначенный, отосланъ въ Москву: не знаю, чтѣ съ нимъ сдѣлалось. Будемъ ждать, чтѣ вы намъ далѣе скажете о Варшавѣ, то-есть, о себѣ въ Варшавѣ, куда мысли наши часто теперь летаютъ. Нѣть отношенія, въ которомъ бы мы васъ не воображали: и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ. Наши вѣсти состоятъ въ томъ, что всѣ экземпляры Исторіи продались въ 25 дней: это похоже на Англію. О второмъ изданіи помышляю, но боюсь лишиться времени для корректуръ. Теперь у насъ прибавилось доходу 5000 р., не болѣе, а намъ надобно и въ Москвѣ еще тысячу пять въ прибавокъ, чтобы жить безъ долгъ. Мы, слава Богу, здоровы, кромѣ того, что вчера за обѣдомъ остановилась у меня въ горлѣ рыбья кость и не проходитъ: впрочемъ это не сильно беспокоитъ меня. Нѣжно подѣлуйте за меня милую крестницу и милую незнакомку. Всего болѣе обрадуемся, когда получимъувѣдомленіе о благополучномъ разрѣшениі любезнѣйшей княгини. Богъ съ вами, малые друзья. Обнимаю васъ со всею дружескою горячностю. Надѣемся, что вы не будете долго оставлять насъ безъ писемъ, хотя Варшава и не Москва. Любите насъ всегда, какъ мы васъ любимъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Къ Великому Князю ⁴⁸⁾ я уже давно отправилъ экземпляръ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Combien d'inquiétudes nous avons éprouvé à votre sujet, mes très chers et bons amis; votrc lettre ne m'a pas tout-à-fait tranquillisé, et je ne serai parfaitement rassurée sur votre santé, mon bien cher ami, qu'en recevant encore une épître, qui nous apporte la bonne assurance, que vous êtes parfaitement bien portant. Je forme des vœux, pour que le séjour de Varsovie ne vous fasse pas regretter celui de Moscou et que vous vous y trouviez en tranquillité et bonheur. D'après cela vous sentez, combien je suis peu égoiste,

en désirant votre bonheur au dépand du mien, car sûrement il me faut de la résignation à l'idée, que nous sommes séparés pour une éternité, puisque l'incertitude du temps de l'absence en tient lieu. Au moins, mes chers amis, donnez nous des détails sur tout, surtout ce qui a rapport à vous, pour que nous puissions au moins nous transporter parmi vous, helas, au moins en idée, et nous retrouver à peu près, comme vous êtes en réalité. Adieu, chers et bons amis. Croyez à l'attachement tendre de votre vraie amie. Mille tendres baisers à la chère Macha et à sa petite soeur.

41.

С.-Петербургъ. 8 апрѣля 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Здравствуйте въ Варшавѣ! Пишемъ къ вамъ въ третій разъ, отъ васъ же получили только два письма. Съ нетерпѣніемъ ждемъ извѣстія объ умноженіи вашего милаго семейства. Первое наше желаніе, чтобы вы были здоровы; второе, чтобы имѣли причину не скучать службою, ни расходами; третье, чтобы веселились въ блестящемъ Варшавскомъ свѣтѣ. Мы такъ васъ любимъ, что не завидуемъ вамъ даже и въ великолѣпномъ зреющѣ сейма. Переводъ вашъ, любезнѣйшій князь, читалъ я съ живѣшимъ участіемъ: онъ хороши; со временемъ будетъ у васъ болѣе легкости въ слогѣ. Libéralité привадлежитъ къ неологизму нашего времени: я не мастеръ переводить такихъ словъ. Заю свободу: изъ нее можно сдѣлать свободность, если угодно. Libéral въ нынѣшнемъ смыслѣ свободный; а законно-свободный есть прибавокъ. Въ старину говорили, что законъ съ свободою живутъ какъ кошка съ собакою. Всякой законъ (гражданскій) есть неволя. Но это глубоко и заведеть насъ далеко. Радуюсь всему хорошему, чтѣ быть можетъ, и говорю: дай Богъ! Радуемся тому, что васъ посытилъ нашъ добрый Государь; радуемся, что онъ велѣлъ памъ кланяться ⁴⁹⁾). О себѣ скажемъ вамъ, любезнѣйшіе, что мы, слава Богу, здоровы. Живемъ, какъ и прежде: тихо, уединенно. Наконецъ, опять мараю Исторію (а съ липнимъ ея у васъ экземпляромъ дѣлайте, чтѣ хотите; уступите желающему за сходную цѣну или подарите, или возвратите мнѣ при случаѣ). Занимаюсь перегово-

рами о новомъ изданіи; но это, думаю, не удержитъ насъ въ Петербургѣ. Августъ и Москва у насъ въ головѣ, хотя и люблю Петербургъ. На всякой случай напишите къ Ванюшѣ или къ кому слѣдуетъ, чтобы насть пустили въ Осташево около августа; а о домѣ въ городѣ будемъ писать къ Рябининымъ. Вотъ наши вѣсти: давайте намъ вашихъ какъ можно болѣе и пріятнѣе. Обнимаю васъ со всею дружескою горячностю. Цѣлую милую Машу и не-знакомку. Богъ съ вами и съ нами! Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse bien tendrement, mon bon et cher ami. Je suis fachée de ce que nos portraits ne vous aient pas satisfait; ce n'est pas faute d'avoir été dociles aux séances, mais au reste vous êtes trop difficile; tout le monde ici les a trouvés ressemblants. N'avez vous pas un peu oublié nos figures par hazard? Réellement ce ne serait rien de merveilleux parmi ce flux de figures nouvelles que vous voyez tous les jours, et ce fâtras de nouvelles nouvelles, dont vous êtes témoin. Je fais des voeux ardents, primo, pour que vous vous portiez tous bien, et puis que Varsovie ne devienne pas patrie pour vous, mais un théâtre, où vous trouvez du plaisir à passer quelques instants de votre vie, et que vous en sortiez satisfait. Si par aventure vous trouvez encore l'occasion de parler à Sa Majesté, dites lui, combien nous sommes heureux et sensibles à son souvenir, que nous attendons avec impatience le moment, où de vive voix nous pourrons le lui répéter. Dites aussi au comte Capodistras, combien nous l'aimons et regrettons de ne le pas voir. Adieu, mon cher et bien aimé prince Pierre. Embrassez tendrement votre paresseuse de femme et la chère Macha, ainsi que sa soeur.

P. S. Je vous prie de ne plus trainer nos lettres dans votre Varsovie.

42.

С.-Петербургъ. 29 апреля 1818.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Вчера получили мы отъ васъ вдругъ три письма отъ разныхъ чиселъ. Всѣ ваши вѣсти

любопыты, но ждемъ важнѣйшей о благополучномъ рожденіи князя или княжны Вяземскихъ. Жаль, что вы не сказали намъ ни слова о томъ, какъ Государь простился съ вами, и какъ былъ въ теченіе сего интереснаго для васъ мѣсяца. Вы видѣли торжественное собраніе депутатовъ *законно-свободнаго* парода; слышали рѣчи, пренія, сердце у васъ билось сильно, а мы ничего не видали, ничего не слыхали, кромѣ того, о чёмъ сказать нечего. Живемъ въ Петербургѣ почти какъ въ деревнѣ: тихо, смирно; отъ того я и полюбиль его. Однакожь помышляемъ о возвращеніи въ Москву къ концу лѣта. Второе изданіе Исторіи продалъ я книгопродавцамъ въ долгъ на 5 лѣтъ за 50 тысячъ. Теперь занимаюсь опять продолженіемъ, но не очень успѣшно. Дѣти наши, слава Богу, здоровы, кромѣ малютки Николая, у которого тяжело идутъ зубы. Дѣвицы рисуютъ, танцуютъ, бренчатъ на клавесинѣ; Андрей упрямится, Саша любезничаетъ. У васъ жары, у насъ холодъ, и сухой. Дай Богъ, чтобы не было худого года. Арзамасъ разѣхался: Блудовъ въ Лондонъ, Тургеневъ въ Москву на крестины новорожденаго Александра, Батюшковъ въ Тавриду, Полетика въ Америку ⁵⁰). Какой расходъ на добрыхъ людей! Простите, милые друзья! Цѣлуемъ нѣжно васъ, Машу, Цараскеву и будущаго, можетъ быть, уже настоящаго въ сию минуту. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки ваши! Н. Карамзинъ.

Какъ вы съ Николаемъ Николаевичемъ?

Приписка Е. А. Карамзиной.

Quelle moisson de vos lettres nous avons eue hier, mon cher et bon ami; j'en ai été contente le premier moment et me suis fachée le second contre l'inexactitude des couriers; voyons, si la poste sera plus exacte? Avec quelle impatience nous attendons la nouvelle, qui nous annoncera l'heureux accouchement de la chère princesse Véra que j'embrasse de tout mon coeur et que j'aime de m me. Parlez nous de votre genre d'existence, peignez nous si bien Varsovie et ses personnages, qu'elles ne nous paraissent plus étrang res. Quand nous pensons à vous (ce qui arrive bien souvent), que nous sachions à vous prendre, avec qui vous voir et savoir, de quelle humeur, dans quelles dispositions vous êtes, quand vous

vous trouvez dans telle ou telle société. Ne faites pas le paresseux et vous réussirez parfaitement à me satisfaire. En attendant, je vous dirai que mon mari vous induit en erreur, en vous parlant des caprices d'André; les deux frères ont changé de rôle: le cadet est devenu insupportable, capricieux, et l'aîné se forme et devient garçon distingué, mais par habitude nous gâtons toujours le séduisant Sachka. Mon mari calomnie aussi le temps, qui depuis huit jours est superbe. Plaignez nous, nous n'avons plus de maison à Sarsko-Sélo, malgré les promesses, les assurances réitérées de Sa Majesté, il nous a flambé la maison. Adieu, je vous embrasse tous bien tendrement, grands et petits.

43.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 20 Mai 1818. Saint-Petersbourg.

C'est du fond de notre coeur, que nous avons remercié le bon Dieu, de l'heureuse délivrance de la chère princesse Véra. Que le nouveau venu *Nicolas* soit le précurseur de tout ce qui doit vous arriver d'heureux, et qu'il soit la douce consolation de tout ce que vous avez souffert: ce sont les voeux que nous avons formés en famille, mes bien chers et bons amis, en buvant à votre santé de tous, nous avons même fait participer notre *Nicolas* malgré la grimace, qu'il faisait, en avalant sa goutte de Malaga. J'espère, que la chère accouchée à la réception de celle-ci sera déjà parfaitement remise, et qu'elle me fera le plaisir dans la suite de me donner quelques détails sur ce qui la regarde, sur son genre de vie, sur les personnes, qu'elle verra, les liaisons, qu'elle fera; et comme vous me dites, chère amie, qu'en cas que je veuille vous faire des reproches sur votre silence, vous m'écrirez de longues lettres pour m'en punir, comme les dernières très aimables que vous avez envoyées; ainsi prenez garde à votre engagement: vous risquez de recevoir de mes reproches dans toutes les lettres, qui vous arriveront de nous. Mais très sérieusement, ma chère princesse Véra, ne faites pas la paresseuse et écrivez avec détail tout ce qui vous regarde,

à des personnes dont vous connaissez et l'amitié et le tendre intérêt, qu'elles vous portent; pour le prince Pierre, il me fache avec sa susceptibilité de *translateur* et de puriste de la langue russe; j'aimerais bien mieux que ses lettres contiennent des nouvelles sur son établissement dans votre fameuse république, quels sont ses fonctions dans ce moment, qu'il n'y a plus de *discours à traduire*. Comment se trouve-t-il avec son chef? Voilà ce que vous devez nous dire, mon bon et cher ami. Pour ce qui est de nous, mes chers amis, nous nous morfondons malgré le feu allumé dans les poèles dans les cheminées: au mois de Mai nous jouissons de la température de celui d'Octobre et au lieu de vos beaux marronniers, nous n'avons d'ombre que celle des branches de tilleuls, qui sont toutes noires encore, car la végétation a l'air d'être contremandée pour ce printemps. Il n'y a pas de mal sans bien, ce mauvais temps fait, que nous regrettons moins S. Selo, où pour cet été nous n'avons plus de maison. Quant à la famille, je n'ai que des grâces à rendre au Très Haut, nous nous portons tous bien, de temps en temps il y a bien toujours quelque petite indisposition tantôt chez l'un, tantôt chez l'autre; mais je ne m'en plains jamais, pourvu qu'il m'épargne les catastrophes; pour tout le reste je suis resignée. Adieu, mes bons et chers amis. Je vous embrasse aussi tendrement que je vous aime, ainsi que ma chère Macha et mes inconnus. Je vous remercie de me rappeler au souvenir de la première. Dieu sait, hélas, quand nous nous reverrons? Il faut avouer cependant, que c'est une triste chose que la séparation.

Приписка Н. М. Карамзина.

Примите мое сердечное, радостное поздравлениe, любезнейшie друзья. Обнимаютъ въ нѣжностію всѣхъ васъ и своего тескы новорожденнаго. Съ нетерпѣнiemъ ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣстий о здоровьѣ вашемъ и Николая *Варшавского*. Кто въ вашей землѣ, почти Мордовской, былъ его восприемникомъ отъ купели? Я почти сердитъ на васъ, милой князь, что вы такъ мало говорите намъ о себѣ, о вашемъ мѣстѣ, о вашихъ видахъ или предположеніяхъ на будущее, наконецъ обѣ издержкахъ: ибо это не послѣднее въ нашемъ коммерческомъ столѣтии. Переводомъ вашимъ я доволенъ;

только некоторые слова перевелъ бы иначе. Напримѣръ, *je tiens* не есть *дорожу* ни въ какомъ смыслѣ. Но это завело бы настъ въ большія подробности. Довольно, что я вообще нахожу переводъ весьма хорошимъ, прибавлю еще: *много-обѣщающимъ*⁵¹⁾. Обнимаю васъ, милыхъ, еще разъ. Будьте здоровы и благополучны. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

44.

С.-Петербургъ. 30 мая 1818.

Князя Голицына я видѣлъ у князя Голицына; онъ хотѣлъ быть у насть. Очень благодаренъ за портретъ Государевъ: мы поставимъ его въ раму и па стѣну. Ждемъ продолженія вашихъ добрыхъ вѣстей, любезнѣйшіе, и съ прѣжностію обнимаемъ васъ пятерыхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Прилагаю, любезнѣйшій князь, записку О. П. Козадавлева о племянникѣ его Деболи и убѣдительно прошу васъ сдѣлать все, что можете, для доставленія ему мѣста черезъ Николая Николаевича.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse, mes bons amis, de tout mon coeur. Comme je suis en soci t  de m-rs Tourgu new et Pouchkine, qui vous embrassent et vous disent mille amiti s, s'entend vous, mon cher prince Pierre. Pour vous, ch re princesse V ra, vous n'aurez que mon accolade, mais elle est toute amicale. Une plus longue  p tre par le courrier prochain.

45.

С.-Петербургъ. 27 іюля 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Поздравляемъ васъ съ приведеніемъ въ христіанскую вѣру моего тезки. Желаю ему быть вторымъ *святымъ княземъ* Николаемъ, достойнымъ потомкомъ Св. Владимира. Между тѣмъ дай Богъ, чтобы онъ былъ здоровѣе тѣломъ, освятивъ свою маленькую душу христіанскою купелю. Вмѣстѣ съ вами порадовались мы прїѣзу въ Варшаву Оболенскихъ и Огаревой; но вѣроятно, что они уже давно уѣхали, и вы опять только съ Варшавою! Тамошняя скуча ваша есть добродѣтель въ моихъ глазахъ: мнѣ бы грустно было, если бы вы веселились съ Поляками, хотя мы и должны любить ихъ по христіанству и человѣчеству. Тургеневъ говорить, что вамъ слѣдуеть чинъ надворного совѣтника: надобно, чтобы Николай Николаевичъ обѣ этомъ представилъ. Не будьте слишкомъ деликатны: вы же переводите конституцію душеспасительную и читаете г-жу Сталь о конституціи душеспасительной! Я самъ почти *обратилъся* въ конституцію. Соглашаюсь съ вами, что т-те Сталь достойна носить штаны на томъ свѣтѣ. Шутки въ сторону: она пишетъ умно, но не всегда основательно. Мы читаемъ ее теперь вмѣстѣ съ женою. Видимъ дворъ. Собираемся въ Петергофъ и въ Царское Село. Къ вамъ всѣ милостины по прежнему. Вѣроятно, что останемся здѣсь еще на годъ для вто-

рого изданія. Рѣшусь на то или другое въ іюль, просмотрѣвъ первые листы. Обнимаютъ васъ милыхъ отъ мала до велика. Будьте здоровы и любите насъ. Вашъ Н. Карамзинъ.

Жена скажетъ вамъ о Сѣверинѣ.

Прописка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes bons et chers amis; mon mari me laisse le plus triste des sujets à traiter, en me chargeant de parler de Severine, l'etre le plus malheureux certainement de Petersbourg: dans le moment, où il nous depeignait tout son bonheur, la Providence lui preparait le coup le plus affreux!.... Le lendemain sa femme n'existant plus. Des douleurs dans les intestins, qui ont durés neuf heures, ont épuisé la source d'une vie si faible qui a été encore affaiblie par six semaines d'indisposition, qui avaient précédé ce moment fatal. C'est à cette âme si douce, si pure et si ardente pour le bien, que le malheureux Severine a confié son bonheur sans calculer, que le corps, qui renfermait une ame si active pour tous les beaux sentiments, était trop faible et trop fragile pour y resister longtemps. Je ne puis vous dépeindre tout ce que j'ai éprouvé de pénible, en apprenant ce malheur dans des moments, où j'ai dû m'occuper des plus désagréables futilités de ma toilette qui m'est toujours un martyre, et dans ce moment plus que jamais. Mon mari est allé le voir encor hier; il n'a plus de douleur convulsive, comme dans le premier moment, mais une profondement sentie. Pour ce qui nous regarde personnellement, mes chers amis, je suis contente de l'idée que dans quelques jours nous serons à Sarsko Selo, grâce à Sa Majesté, mais avant nous allons à Peterhoff, encore grâce à Sa Majesté, je m'en serais dispensée, mais m-lles Karamzine ne l'entendent pas comme cela. J'avoue que je suis enchantée d'avoir revue la Famille Impériale et de l'avoir revue toujours dans les mêmes dispositions pour nous; mais je regrette la paisible tranquillité, qui vient de nous abandonner pour faire place à plus où moins d'agitation, mais toujours agitation. Adieu, mes chers et tendres amis, je vous embrasse, comme je vous aime de tout mon coeur en gros et en détail; mes enfants vous disent respect et amitié.

46.

Царское Село. 11 июля 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Давно не имѣемъ отъ васъ писемъ; а между тѣмъ и сами давно къ вамъ не писали, отъ праздниковъ петергофскаго, ораніенбаумскаго и перѣѣзда въ Царское Село, откуда *анонимы* хотѣли было менѣа вытѣснить, но куда съ честію опять всель наась Государь, который по возвращеніи своеемъ удивился, свѣдавъ, что нашъ домикъ, вопреки его приказапію, отданъ другому. И такъ мы па старомъ мѣстѣ; но осень уже подъ носомъ: того и смотри, что захочется кампіа. Между тѣмъ гуляемъ подъ тѣнью царскосельскихъ липъ и не завидуемъ вамъ, гуляющимъ подъ тѣнью каштановъ. Знаете ли, что мы почти рады вашей скучѣ варшавской? На мѣстную скучу у васъ есть лѣкарство въ семействѣ, въ полезныхъ упражненіяхъ въ стихахъ и въ прозѣ. Я доволенъ вашимъ экономическимъ счетомъ; но не хочу однакожъ, чтобы вы оскорбляли свой желудокъ: не даромъ слово *быть* и *нѣсть* однозначно на разныхъ языкахъ. Пришлемъ вамъ похвальный листъ, если вы проживете въ Варшавѣ не болѣе сорока тысячъ въ годъ. Мы сами не менѣе проживаемъ въ Петербургѣ, какъ ни экономимъ. Кажется, что останемся здѣсь еще па годъ, то-есть, что второе изданіе *Исторіи* не пуститъ меня въ Москву: ничто другое не удерживаетъ насъ въ Петербургѣ. У васъ тихо, у насъ также. Государь уѣхалъ въ городъ смотрѣть полки. Вдовствующая Императрица живетъ тамъ за болѣзнью Великой Княгини, къ которой пристала корь отъ Великаго Князя: по крайней мѣрѣ такъ намъ сказали. Вѣроятно, что всѣ будутъ здоровы черезъ нѣсколько дней. Время прекрасное, хотя я и нашелъ способъ простудиться. Жду опять корректуръ, однакожъ не жалуюсь. Читаю вѣмецкій переводъ *Исторіи*, французской — и не знаю, гдѣ найду время для всего, чтѣ мнѣ дѣлать надобно. Хочется продолжать *Исторію*; хочется гулять, и проч. У меня теперь почти столько же работы, какъ у генерала Писарева или у Глинки; но не имѣю ихъ генія. Мы писали къ вамъ о Сѣверинѣ: онъ въ глубокой горести; одно время можетъ исцѣлить его душу. Теперь мы не видимъ даже и Тур-

генева: такъ уединенно живемъ, но безъ скуки. Летаемъ мыслями къ вамъ и встрѣчаемъ васъ на дорогѣ къ намъ. Будьте здоровы. Любя другъ друга и дѣтей, любите и насъ, какъ мы васъ любимъ. Простите, милые друзья! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Mon mari vous a tant dit qu'il a tout dit, et ne me laisse que le temps de vous embrasser et de vous promettre une plus longue épitre de moi par le courrier prochain, en tout cas, si une forte attaque de paresse ne coupe en deux ma bonne volonté et ne dissipe mes idées qui deviennent assez confuses, dès que j'ai la plume en main.

Mille baisers à mes chères petites nièces et au petit bambin, qui, j'espère, se porte bien et se conduit assez sagement, pour ne pas inquiéter les chers parents.

le 15 Juillet.

Heureusement que la lettre n'a pu être prise à la poste, ne partant pas pour Varsovie ce jour là. Ce qui fait que nous pouvons vous dire milles tendresses encore, mon cher prince Pierre, en vous félicitant sur vos 26 ans. Dieu veuille, que le nombre des dizaines d'années, qui vous restent encore à être sur cette terre, ne soyent troublées par aucun chagrin cuisant, et que le bonheur possible de ce monde soit votre partage. Nous avons bu à votre santé au sein de votre famille, vous sentez bien que c'était de bien bon coeur; nous avons fait le même acte solennel à la saint Pierre, regrettant amèrement d'être séparés de vous, mes chers amis, par des miliers de verstes, et l'idée de vous savoir isolés redoublait nos regrets. Pour cadeau de jour de naissance je vous donnerai la bonne nouvelle sur notre cher Batuchkow, qu'il est placé à la mission de Naples avec tous les avantages possibles. Hier le comte Capodistrias nous l'a annoncé lui même, en venant prendre le thé, et je suis heureuse d'y avoir cooperé un peu par mes sollicitations auprès de lui. Adieu, mon bon et cher ami, cela s'entend, que je suis l'organe de toute la famille, en vous parlant des voeux et de tendresse. Vous embrasserez tendrement votre femme et lui ferez sa bonne part de tout ce qu'il y a d'amical dans ces lignes.

47

Царское Село. 27 июля 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Мы съ грустію читали ваше послѣднєе письмо, видя, что вы совсѣмъ не получаете нашихъ; а мы пишемъ къ вамъ, по крайней мѣрѣ разъ въ 10 дней или въ 2 педѣли: то отдаемъ Тургеневу, то па почту. Мы счастливѣе: ваши письма доходятъ до насъ. Благодаримъ Бога, что вы здоровы; скуча куда не就得ть! Между тѣмъ скажите мнѣ, любезнѣйшій кназъ, не желаєте ли вы скорѣе выѣхать изъ Варшавы? Не хотите ли имѣть мѣсто въ Петербургѣ? Могу поговорить объ этомъ съ графомъ Каподистріемъ; могу сказать и другому выше его, при случаѣ. Если хотите работати, то для чего же не въ департаментѣ иностраннѣхъ дѣлъ, у доброго Каподистрія? Впрочемъ надобно знать ваши мысли. Наші вѣсти тѣ, что не можемъ довольно возблагодарить Государя за его къ намъ милостивое расположение. Онъ скоро отъ насъ уѣдетъ, но обѣщаетъ скоро возвратиться. Вдовствующая Императрица поѣдетъ черезъ Варшаву. Всѣ уѣдутъ: останемся только съ Богомъ и съ чистою совѣстю—и съ нѣжною любовью къ вамъ. Мы здоровы. Остаемся здѣсь еще на годъ. Хотимъ нанять этажъ у К. Ф. Муравьевой. На сей разъ простите. Надобно тотчасъ отправить это письмо. Обнимаю васъ и милыхъ дѣтей.

48.

Царское Село. 21 августа 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Сердечно благодаримъ васъ за добрыя вѣсти: вы здоровы и мы также. Вы, милой кназъ, садились въ коляску, чтобы ѿхать въ Краковъ: надѣюсь, что вамъ было еще веселѣе возвратиться, нежели ѿхать. Краковъ не Римъ, однакожъ имѣетъ свои древности, и притомъ славянскія: можно видѣть его съ любопытствомъ и съ удовольствиемъ. Скоро увидите гостю въ Варшавѣ—вдовствующую Императрицу, а послѣ гостя—Императора, па возвратномъ его пути, слѣдственно, уже зимою. Мы еще болѣе прежняго полюбили Государя за его милостивое къ намъ расположение.

ложење и ласки. Нынѣшній день мы у него, вѣроятно, въ по-
слѣдній разъ обѣдаемъ: послѣ обѣда онъ йдетъ въ Петергофъ, въ
Стрѣльну, въ Петербургъ, а 26 за границу. М-ти Сталь дѣйство-
вала на меня не такъ сильно, какъ на васъ. Не удивительно:
женщины на молодыхъ людей дѣйствуютъ сильнѣе; а она въ этой
книгѣ для меня женщина, хотя и весьма умная. Дать Россіи
конституцію въ модномъ смыслѣ есть нарядить какого-нибудь важ-
наго человѣка въ гаерское платье, или вашего ученаго Линде учить
грамотѣ по ланкастерской методѣ. Россія не Англія, даже и не
Царство Польское: имѣть свою государственную судьбу, величую,
удивительную и скорѣе можетъ упасть, нежели еще болѣе возве-
личиться. Самодержавіе есть душа, жизнь ея, какъ республикан-
ское правленіе было жизнью Рима. Эксперименты не годятся въ
такомъ случаѣ. Впрочемъ, не мѣшаю другимъ мыслить иначе. Одинъ
умной человѣкъ сказалъ: „я не люблю молодыхъ людей, которые
не любятъ вольности; но не люблю и пожилыхъ людей, которые
любятъ вольность“. Если онъ сказалъ не безмыслицу, то вы
должны любить меня, а я васъ. Потомство увидитъ, что лучше,
или что было лучше для Россіи. Для меня старика пріятнѣе итти
въ комедію, нежели въ залу національного собранія или въ ка-
меру депутатовъ, хотя я въ душѣ республиканецъ, и такимъ
умру ⁵³⁾.

Вы жалуетесь на мухъ: мы жалуемся только на дожди, одна-
ко же надѣемся, что когда-нибудь облака разсѣются, и что мы
проживемъ въ Царскомъ Селѣ до октября. У настѣ въ городѣ буд-
детъ другая квартира: въ домѣ Кат. Фед. Муравьевой. Цѣлую
васъ всѣхъ, любезнѣйшихъ: отца, мать, крестницу, сестру и брата
ся. Богъ съ вами и съ нами. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка В. А. Жуковскаго.

Обнимаю тебя, безцѣнный другъ; сей часъ возвратился я изъ
Шавловска больной: съ простудою, съ гемороемъ. Спѣшу отпра-
вить къ тебѣ письмо Карамзина, а на твои письма и на все буду
отвѣтывать скоро, не сердись, душа и другъ души, на мою лѣнью.
Дай мнѣ съ нею сладить. Она не только порокъ, но и несчастіе.
Я начинаю быть увѣреннымъ, что отъ нея надо бояться лѣчиться

какъ отъ смертельной болѣни; но люблю тебя безъ лѣни. Твою критику посылаю къ Воейкову; а о твоей прозаической піесѣ по-говоримъ на просторѣ. Скажу здѣсь только одно: на твою прозу я надѣюсь столько же, сколько и на твои стихи; еще и болѣе. Образуй только языки, то-есть, познакомься съ правилами, ты схва-тишь *первое мѣсто* какъ прозаикъ. Прости. Слово о Сѣверинѣ. Онъ уѣхалъ (думаю, ибо я еще не видалъ никого) съ графомъ Эделингомъ въ Веймаръ, куда отправляется и Стурдза съ матерью недѣли черезъ двѣ. Изъ Веймара пойдетъ онъ къ графу Капо-дистріа. Прости, другъ. Цѣлую дѣтей и руки у княгини.

49.

Царское Село. 11 сентября 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Начинаю тѣмъ, что мы, слава Богу, здо-ровы, что по отбытіи двора живемъ тихо, но не безъ внутренняго удовольствія въ прелестномъ Царскомъ Селѣ, которое напоминаетъ намъ любезнѣйшую милость Государеву, что Августѣйшій Хозяинъ былъ къ намъ ласковъ до послѣдней минуты и посѣтилъ насъ передъ своимъ отѣзdomъ. Ваше послѣднее письмо, милой князь, сдѣлало намъ большое удовольствіе. Вы такъ хорошо описали Krakovъ и — Варшаву! Поздравляю васъ съ успѣхами разума госу-дарственного! Поздравляю даже и съ осторожностью дипломата⁵⁴⁾. Не беспокойтесь: *оба* письма у насъ и не были, какъ надѣюсь, въ чужихъ рукахъ. Не смотря на публичную искренность нашего времени, будьте всегда осторожны: это не худо. Мы, старики, можемъ иногда позволить себѣ и *лиценцію* благонамѣренную; но вы, молодые люди, держитесь устава. Какъ не люблю читать вашу душу, но отдаю свое удовольствіе за ваше, милой другъ, спо-койствіе. Однакожъ прошу не злоупотреблять того во зле; есть граница и для скромности: говорите не все, но говорите. Теперь одушевилась Варшава, какъ думаю, присутствиемъ Императрицы (которая хотѣла познакомиться съ вами). Будемъ ждать, чтѣ вы скажете вамъ о дальнѣйшемъ вашемъ расположеніи, увидѣвъ Го-сударя въ декабрѣ. А мы мало думаемъ о будущемъ; оно въ хо-рошихъ рукахъ: зависитъ отъ Бога. Ищите насъ мыслями въ Пе-

тербургъ уже не въ Захарьевской улицѣ, а на Фонтанкѣ, въ домѣ у К. Ф. Муравьевой, гдѣ мы съ вами жили. Тамъ могу имѣть уже большой кабинетъ. Но не безъ сожалѣнія оставляю домъ Баженова: тамъ мы жили благополучно. Вообразите, что я написалъ самую Карамзинскую рѣчъ для Россійской Академіи и А. С. Шишкова! Они требовали отъ меня рѣчи, но вѣроятно, не такой, и могутъ отвергнуть ее. Да будетъ ихъ воля! ⁵⁵⁾ Да будетъ воля и профессора Каченовскаго! Повѣрите ли, что я все еще не сердитъ на него? Вижу одно простосердечіе: онъ толкуетъ мнѣ, что такое дворянинъ, и что тысяческой, чтѣ басма, и проч. ⁵⁶⁾. Дивлюсь болѣе дерзости Каразина (не Карамзина), который въ Украинскомъ Вѣстникѣ безъ моего вѣдома напечаталъ мою *Записку о Москвѣ* съ безобразными ошибками. Впрочемъ и то да будетъ! ⁵⁷⁾ Видите, въ какомъ я миролюбивомъ расположениі! Обнимаю васъ, милыхъ друзей, и вашихъ малютокъ, а въ особенности мою крестницу. Богъ съ вами и съ вами.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes bons et bien chers amis! Avec quels regrets je pense que nous voilà encore à la veille d'une fête de famille, et que nous la fêterons chacun dans un coin séparés dans des millions de verstes; il y a de la consolation cependant à penser que sûrement nos sentiments harmoniseront, et que les voeux que nous formerons reciprocquement seront aussi amicaux et sincères d'une part que de l'autre. Recevez donc, chers et bons amis, mes félicitations et mes voeux: ils se composent de tout ce qu'il y a de mieux dans ce bas monde. Un de mes voeux à moi, et que j'adresse le plus souvent au Ciel, en lui demandant avec instance de l'exaucer, c'est de nous reunir le plutôt possible et sous d'heureux auspices. Je félicite la chère Macha avec la fête de sa bonne maman, j'espère qu'elle se se rappelle au moins confusement de sa tante qui l'aime bien. Pour les inconnus, Pacha et Nicolas, ils voudront bien se contenter d'un bon baiser de ma part. Pour le papa et la maman *именинница*, je les serre contre mon coeur, en attendant le jour de boire à la santé conjointement avec celle de ma Sophie et de mes autres enfants.

P. S. Ma chère princesse Véra, faites moi l'amitié de m'en-

voyer des échantillons de différentes espèces de toiles, tant pour chemises que pour linge de lit et autre, pour nous équiper; mari, femme, enfants, nous sommes tous sans linge; et je crois que les toiles sont meilleur marché à Varsovie que chez nous. Marquez aussi les prix des pièces avec ce qu'elles contiennent; vous m'obligerez infiniment; j'ai écrit à M-r Ogarew de m'envoyer aussi des échantillons de différentes étoffes rayés aussi de la partie, et dites moi les prix sur différents autres objets, alors je vous engagerai à être ma commissionnaire. J'espère que vous vous en chargerez sans répugnance par amitié pour moi.

50.

Царское Село. 30 сентября 1818.

Наконецъ и мы уже давно не получаемъ отъ васъ писемъ, любезнѣйшіе друзья! Здоровы ли вы? Дай Богъ, чтобы вы не писали къ намъ отъ веселья! Читаемъ въ газетахъ о вашихъ пирахъ и урахъ. Мы, сельскіе люди, гуляющіе здѣсь съ галками и воронами по желтымъ коврамъ осени, съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ васъ хотя строки для нашего спокойствія. Думаемъ къ 7 октября перебѣхать въ городъ, читать корректуры, дѣлать визиты, большею частию пустые, пить чай съ Тургеневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, одилъ разъ въ недѣлю кричать съ глухимъ канцлеромъ etc. Мы получили худыя вѣсти изъ деревни: у мужиковъ нѣть хлѣба, а у насъ, слѣдственно, не будетъ дохода, и мы будемъ проживать свой историческій капиталъ. Но дай Богъ только, чтобы всѣ мои были живы и здоровы: разумѣется, что вы въ ихъ числѣ. Не могу никакъ жаловаться на дѣйствіе здѣшняго климата относительно ко мнѣ: желудокъ мой сдѣлался рыцаремъ; ладить даже и съ грибами; а бѣлая водка цѣла въ штофахъ. Между тѣмъ однажды старѣюсь, какъ вѣроятно. Занимаюсь, какъ обыкновенно; но IX-й томъ Исторіи худо подвигается впередъ: Богъ знаетъ, когда издамъ его! Бѣда невелика.

Довольны ли вы были Императрицею? Обнимаю васъ всѣхъ отъ мала до велика, а крестницѣ особенный попѣлуй. Будьте благополучны. На вѣки вашь Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

C'est du premier Octobre que j'écris ces lignes, après avoir fait une promenade charmante par le plus agréable temps gris possible, sur des tapis d'or et de pourpre magnifique qui sont d'un moelleux tout à fait charmant; et nous comptons rester encore dans ces jardins enchantés jusqu'au six, pour faire les trois mois juste. J'avoue que quoique le temps se gâte et prend la tournure mélancolique, je quitterai avec peine le cher Sarsko-Sélo, pour nous un vrai séjour de douceur et de tranquillité. Jusqu'à cet heure nous n'y avons éprouvé aucun genre de peine ou de désagrément. Que Dieu fasse qu'il en soit toujours de même. Nous attendons de vous mes chers amis, des relations très détaillées sur le temps du brouhaha que vous venez de passer, et je vous prie de ne pas faire les parasseux, ni l'un ni l'autre. Vous, chère princesse Véra, remplissez mon autre commission, celle de m'envoyer des échantillons et surtout de toiles, car nous en avons une pénurie horrible; et elles sont très chères ici, puisque l'entrée en est défendue. Je vous aurai même prié de faire emplette d'emblée d'un couple de pièces, une pour chemises pour mon mari, et l'autre, plus ordinaire, pour les enfants et les taies d'oreillers; je ne me soucie pas que ce soit absolument de la toile d'Hollande, mais pourvu qu'elle soit de la même largeur et de bonne qualité. Celle pour mon mari entre 225 et 250 r. et l'autre de 125 plus ou moins, comme cela se pourra. Si vous pouvez me faire cette affaire, je vous en serai très reconnaissante; de même que s'il y a de beau ou joli velours noir, de m'en dire tout de suite le prix, pour savoir si cela vaut la peine d'en faire venir. C'est la dernière lettre que vous recevez datée de Sarsko Sélo, comme je le crois, si rien ne nous arrête, comme je l'espère. Les visites nous attendent à la porte de Petersbourg, c'est vous dire assez, combien je suis effrayé e de l'idée d'y arriver. Adieu, mes bons amis, donnez moi un mot de nouvelles sur m-me Ogareff; il y a longtemps qu'elle n'écrit à personne ici, j'en suis inquiète. Je vous embrasse de tout mon cœur ainsi que les chers enfants.

51.

С.-Петербургъ. 30 октября 1818.

Любезнѣйшие друзья! Сердечно благодарю васъ за письмо и за посылку. Пожалуйста скажите въ первомъ письмѣ, какъ послать къ вамъ деньги: ассигнациями или червонцами? У насъ теперь вашихъ денегъ (за полотно) 360 р. Тургеневъ требуетъ изъ нихъ 100 р. по какому-то счету съ вами: остальные отправимъ къ вамъ. Я съ искреннимъ удовольствиемъ читалъ ваши прекрасные стихи на Петербургъ, желая, чтобы вы, любезнѣйший князь, поправили многіе, какъ въ выраженіяхъ, такъ и въ мысляхъ. Жуковскій хотѣлъ сообщить вамъ свои замѣчанія. Подъ исправленіемъ мыслей разумѣю логическое, а не политическое: я либераленъ даже и тамъ, где идетъ дѣло о юной либеральности. Мы оба думаемъ такъ, какъ намъ думать свойственно. Мысль не дѣло; а дѣло будетъ не по нашимъ мыслямъ, а по уставу судьбы⁵⁸). Между тѣмъ желаю знать, какимъ образомъ вы намѣревы черезъ или въ 10 лѣтъ сдѣлать вашихъ крестьянъ свободными; научите меня: я готовъ слѣдовать хорошему примѣру, если овцы будутъ цѣлы и волки сыты. Это и шутка и не шутка. Мысленно составляю комитетъ изъ особъ либеральныхъ и библейскихъ... Хотѣло было назвать нѣкоторыхъ, но не имѣю духа⁵⁹). Лучше обратиться къ стихамъ: пишите, что хотите, только пишите и не лѣнитесь писать всегда хорошо. Геній растетъ терпѣніемъ.

Пропла осень: надоѣно готовиться къ болѣзнямъ. Теперь не здоровъ Андрюша. Между нашими людьми также есть больные; для которыхъ не имѣю мѣста въ домѣ. Живемъ смирно;ѣздимъ мало; читаю корректуры: вотъ почти все! Будьте вы здоровы, милье, отъ мала до велика. Всѣхъ васъ нѣжно обнимаю. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous baise les mains, bonne et chère princesse Véra, pour l'exactitude avec laquelle vous avez rempli ma commission, et si parfaitement, car les toiles sont chacune pr  is  ement ce qu'il me

fallait et à très bon compte; c'est pourquoi, ma bonne amie, je vous confie mes intérêts de toilette et d'économie. Je vous ai envoyé des échantillons; mais si vous trouvez des étoffes plus jolies et qui ne soient pas bien plus chères parmi les nouvelles marchandises, apportées à la faire, je vous donne carte blanche pour en faire le choix, pourvu qu'elles ne soient pas précisément pour telle où telle saison, mais qu'à la rigueur on puisse les porter pendant les quatres, sans trop choquer les convenances, d'autant plus qu'ici on n'est pas trop rigoriste ladessus. Pour les couleurs, excepté une rose pour Sophie, les modestes, sans cependant qu'elles soient foncées, me conviennent le mieux. On porte beaucoup ici du *gros de Berlin*: s'il y en a chez vous, je serai charmée d'en avoir parmi; et puis tous les petits articles que vous m'avez nommés, et ceux même que vous avez tus, comme gants pour tous les jours, gants blancs, faites moi en grace une petite provision de tous ces articles, je vous en aurais une obligation parfaite. Mon mari vous a déjà demandé quelle monnaie on doit vous envoyer, si le papier a cours chez vous. N'oubliez pas en grace le velours noir, et si les epinglez ne sont pas chers, envoyez m'en pour une capote d'une jolie couleur. Je ne vous fait pas d'excuse, étant persuadée que vous trouverez du plaisir à me rendre service; j'aurais plus de conscience, si vous vous amusiez davantage; mais pour (не разобрано одно слово) ennui, vaut il encore mieux celui que vous utilisez pour vos amis. Je me dépêche: je vais dans le moment féliciter les Arxarovъ: m'elle Alexandrine se marie avec m-r Vasiltchikoff Alexis. Pour ma part, j'en suis très charmée, car c'est un parti très assorti en tout points, et je suis persuadée qu'ils seront parfaitement heureux. Notre Petersbourg est très brillant, à ce que l'on dit tous les jours sont fêtes; on a partagé la semaine en jours de bals. Pourquoi n'êtes vous pas ici, mes bons amis? Vous en profiteriez; pour votre pauvre amie, elle ne peut encore achever ses visites, depuis près d'un mois qu'elle les fait. Adieu, chers amis; je vous aime tendrement et vous embrasse de tout mon cour, ainsi que les chers enfants. Que font le pauvre Nicolas avec son inconstance de nourrices? Plaignez votre amie, dans quelques mois elle aura aussi besoin d'une nourrice. Quel malheureuse fécondité!

52.

С.-Петербургъ. 13 ноября 1818.

Любезнѣйшіе друзья! Просылаемъ вамъ съ благодарностію деньги за покупки: за полотно 360 р., а за шелковыя матеріи 260 р. (изъ которыхъ 100 р. отданы мною А. И. Тургеневу).

Мы, слава Богу, здоровы. Живемъ съ сердечнымъ удовольствіемъ у доброй Катерины Федоровны какъ у истинной родной сестры. Комнаты для насъ очень хороши: боимся только, чтобы не были холодны зимою. Ёздимъ какъ можно менѣе; рѣже видимъ и Тургенева! Жуковскій былъ нездоровъ. Читаемъ корректуры и Галіани ⁶⁰), умнаго срамослова. Арзамасъ на боку, но не отъ ударовъ Академіи мирной, если не покойной. Ждемъ, что съ вами будетъ: оставите ли варшавскую конституцію, и куда направите стопы свои? Государь заглянетъ къ вамъ въ декабрь. А мы все еще помышляемъ о Москвѣ, но прежде дай Богъ, чтобы Катерина Андреевна благополучно родила, если не въ Петербургѣ, то въ Царскомъ Селѣ. Обнимая васъ пѣжно съ милыми дѣтьми, а крестинцѣ липинѣ поцѣлуй. Будьте здоровы. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je n'ai eu que le temps d'accuser la reception de votre lettre et des étoffes, chère princesse Véra, par le dernier courrier; aujourd'hui je me donnerai le plaisir de vous dire quelque chose de plus: d'abord pour changer, je vous gronderai un peu pour la mani re dont vous emballez les paquets; on m'a apporté votre carton avec la robe de 400 r., comme si c' tait un chiffon de 400 cop. Aussi nous avons mis tout notre savoir  a ôter les taches de poussière, et toute notre fortune presque en mie de pain blanc. Aujourd'hui m-r Tourguenew nous fait dire qu'il n'a pas de paquet pour les Obolensky, mais un tout d fait pour les Четвертинскіе. J'ai d j  envoy , en oubliant toujours de vous le dire, plusieurs paquets de chez vous, un au prince Четвертинскій, un autre   m-me Давыдовъ. Je suis d sol e de ne pouvoir me d faire encore de votre robe; tout le monde la trouve charmante, mais bien ch re. Pour mes

étoffes, je vous reïtère mes remerciements; je suis fachée cependant que vous n'avez pas attendu le moment de la foire dont vous m'avez parlé; peut-être auriez vous choisi quelque chose de plus distingué, même s'il en avait couté quelque chose de plus. J'aime à croire que le marchand reprendra l'horrible velours, soit disant blanc; si non, renvoyez moi le malheureux, j'en ferai des choux et des raves; mais en grâce envoyez moi le velours noir, je l'attends avec impatience. Donnez vous la peine de le bien choisir, et puis des gants longs une douzaine pour Sophie et une de courts mélangés. Je crois vous voir d'ici, ma chère amie, accablée de toutes ces malheureuses commissions; aussi comme mon mari me gronde! Il croit qu'elles vous fatiguent et vous ennient beaucoup; dites le moi franchement, car le jeu ne vaudra pas la chandelle. J'ai vu un moment le jeune Nélédinsky chez nous; je l'ai beaucoup questionné à votre sujet, mes chers amis, et ne suis pas contente du compte qu'il m'a rendu; je fais des voeux biens vifs, pour que votre séjour devienne plus agréable à Varsovie pour le temps que vous devez y rester, qui, j'espère, ne sera pas immense. Adieu, je vous embrasse tous, comme je vous aime, de toute la tendresse de mon coeur.

53.

С.-Петербургъ. 11 декабря 1818.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Скажу вамъ хотя два слова. Жена беспокоитъ меня кашлемъ своимъ, и очень беспокоитъ; иначе мы были бы покойны. Занимаюсь усердно чтенiemъ корректуръ, не предвидя конца, слѣдственно, не зная, когда мы будемъ вольны оставить Петербургъ; а я люблю свободу, хотя и не либеральность; люблю и Петербургъ, который доселъ угощалъ насъ пріятельски. Вчера доброй Жуковскій показалъ мнѣ вашъ забавный отвѣтъ на его критику: о! о! о! Вы дѣлаетесь не на шутку поэтомъ. Большой бѣды нѣть, любезнѣйшій князь. Къ тому же вы шутите! Загляните въ письмо Галіани къ абату Рейналю: угадаете ли, въ какомъ смыслѣ ссылаюсь на него? Жуковскій смеется, и вы смеетесь, и я готовъ смеяться; а между тѣмъ мы все трое любимъ сердечно другъ друга. Отъ стиховъ къ прозѣ: ждемъ отъ

васъ вѣсти: ъздили ли вы съ Николаемъ Николаевичемъ на встрѣчу къ Государю? Не сдѣлалось ли какой перемѣны въ вашемъ положеніи? Въ разсужденіи вашего письма будьте спокойны: оно дошло до нашихъ рукъ цѣло и невредимо. Вы велите намъ забыть его содержаніе: аминь! Нѣжно васъ всѣхъ обнимаю. Такъ называемую академическую рѣчъ мою взяли у меня въ типографію: пришло въ вамъ напечатанную; не стоитъ труда списывать. Простите, милые. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, chers et bons amis; mon mari vous a parlé de ma toux; moi je vous parlerai de reconnaissance pour vos félicitations, et suis charmée de la cause gaie qui vous a empêché d'en dire davantage. Je vous remercie aussi, chère princesse Véra, de l'envoi que vous m'avez fait; l'argent vous sera envoyé par le premier courrier. Adieu, mes bons amis, si vous dansez, nos filles nous font des surprises: jouent la comédie, composent des prologues, et tout cela de manière la plus sans façon possible et cependant réellement à nous faire beaucoup rire. Mille baisers aux chers enfans.

54.

С.-Петербургъ. 2 января 1819.

Отъ всего сердца обнимаемъ васъ, любезнѣйшій князь, на Святой Руси. Съ нетерпѣніемъ ждемъ изъ Москвы въ Петербургъ. Комната для васъ готова тамъ же, гдѣ вы со мною жили. Лучше, если бы вы прїѣхали не къ 18, а къ 8 января, чтобы праздновать наше пятнадцатилѣтіе. Мы смыслись вашему описанію Москвы, неблагодарной! Какъ ни страшаете меня чучелою, но я не побоялся бы отправиться на злачные берега Язуы, если бы второе изданіе Исторіи не прикрѣпляло меня къ Петербургу или къ типографіи Греча. Другіе привязываются ко двору, а я къ типографіямъ⁶¹). Знаете ли, что *остервенение* Москалей умиляетъ мою душу? Долго будетъ изъяснять это чувство. Не знаю, гдѣ врутъ болѣе, здѣсь или тамъ; но знаю, что здѣсь очень врутъ, и притомъ либералисты

(между нами будь сказано). У насъ немнога друзей въ Москвѣ, но есть друзья. Старый другъ лучше новыхъ двухъ. Обо всемъ переговоримъ, когда увидимся. Кончите ваши экономическая дѣла, и къ намъ на Фонтанку! Между тѣмъ будьте здоровы и веселы, если можно. Къ любезному Василю Львовичу буду писать по той почтѣ. Вашъ И. Карамзинъ.

Примѣка Е. А. Карамзиной.

Mon mari ne me permet pas d'écrire sur la page suivante, donc je me contente de vous dire seulement, mon cher et bon ami, combien nous sommes impatients de vous voir et combien je suis fachée de savoir que l'engagement de venir pour le huit ne sera pas accepté, puisque vous avez une noce à cette époque. Attendons, puisque on ne peut faire autrement. Mais en grâce ne badinez pas davantage et procurez nous le bonheur de vous embrasser dans la douce réalité; il y a si longtemps, si longtemps que nous en sommes privés. Bonsoir, mon bien cher, jusqu'au 15 du courant.

55.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 22 de janvier 1819. Saint-Petersbourg.

Je laisserai mon mari répondre à l'article de votre lettre, ma chère amie, où il est question des dispositions futures de notre cher prince Pierre. Vous n'avez pas besoin de recommander la franchise, vous savez bien que nous ne sommes que trop francs, et surtout quand il s'agit d'objets d'affection; donc vous pouvez être très persuadée que mon mari vous dira tout ce qu'il pense à cet égard, quoiqu'il soit difficile d'asseoir une opinion bien stable sur votre position, avant d'avoir des détails sur les personnages et les circonstances, qui ne peuvent nous être communiqués bien clairement, que par le prince Pierre lui même. En attendant, vous saurez toujours notre façon de penser sur les données que nous avons déjà. Nous sommes très impatients de serrer dans nos bras ce

cher voyageur. Hélas, s'il nous annonce que ce ne sera que pour quelques instants que nous le posséderons, soyez tranquille, nous ne serons pas égoïstes, et malgré la peine que nous aurons de nous séparer aussi vite, nous ne l'arrêterons pas pour ne pas vous l'enlever plus longtemps. Je ne sais que trop, combien les séparations sont cruelles; et vous surtout, pauvrette, qui êtes toute seule dans un pays que vous n'affectionnez pas trop. Dieu veuille que vous vous portiez tous bien, alors le bonheur de se revoir dédommagera de toutes les peines et les privations. A propos de peine, nous en avons éprouvé une bien cruelle, en apprenant la mort de notre bien chère reine de Wurtemberg; nous l'avons pleurée bien amèrement, c'est une perte de coeur, car pour mon compte je l'aimais avec une tendre reconnaissance. Adieu, ma très chère amie; que le Ciel veille sur vous et vous réunisse à votre mari dans la joie de notre coeur. J'embrasse tendrement les chers enfants. Tous les miens vous disent mille amitiés; grâce à Dieu, ils se portent tous bien; il n'y a que moi dont la grossesse cette fois ci n'est pas trop légère; sans être malade je suis presque toujours souffrante. Recevez pour votre part un baiser bien tendre de celle qui vous aime de tout son coeur.

Приписка Н. М. Карамзина.

Здравствуйте, любезнейшая княгиня! Мы за вась и съ вами горюемъ, воображая какъ вы грустите въ одиночествѣ. Утѣшайтесь скорымъ ожиданіемъ. Князь Петръ пытѣтъ, что онъ не заживется въ Петербургѣ. Какъ бы ни хотѣлось намъ пожить съ нимъ долѣе, не будемъ его удерживать. Я одобряю ваши мысли объ его службѣ: въ самомъ дѣлѣ лучше остаться въ Варшавѣ до прибытия Государева; лучше получить тамъ чинъ, а если можно, то и два. Здѣсь же не представляется мнѣ никакого особенно выгоднаго для него мѣста: вѣроятно, что онъ не захочетъ служить въ капелляріи графа Аракчеева, нашего вельможи. Обо всемъ переговоримъ съ нимъ самимъ⁶²⁾; между тѣмъ цѣлую вашу руку, крестницу, сестру ея и брата. Будьте здоровы всѣ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

P. S. Жена заплатить долгъ свой князю Петру.

56.

Письмо С. Н. Карамзиной къ княгинѣ В. О. Вяземской.

(1819).

Recevez, ma bien chère tante, mes félicitations sur le commencement de la nouvelle année. Puisse-t-elle être filée pour vous de bonheur et de joie. Hélas, je m'afflige, en pensant comme vous en fêtez tristement le premier jour loin de mon oncle. Cependant j'avoue que je suis trop égoïste pour ne pas être contente d'une absence, qui nous procurera le bonheur de le revoir. Avec quelle impatience nous l'attendons! En vérité il faut être longtemps séparé de ceux qu'on aime, pour connaître tout l'attachement qu'on leur porte. Et vous, ma chère tante, quand nous reverrons vous? Et mes petites cousines, le petit inconnu, que je suis impatiente de les embrasser! Enfin il faut de la résignation dans ce monde, mais c'est bien dur. Adieu, ma chère tante, je vous baise tendrement les mains, et je suis avec le plus sincère attachement votre dévouée nièce Sophie Karamzine.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Agréez, ma bien chère tante, mes félicitations à l'occasion de la nouvelle année. Je fais des voeux bien sincères, pour que vous la passiez bien heureusement, ainsi que toute votre petite famille. Je n'ai que le temps de vous baisser les mains et de vous assurer de la tendresse vive et sincère que je vous ai vouée C. Karamzine.

J'embrasse mille fois mes charmantes cousines et le petit inconnu, que j'aime déjà de tout mon coeur.

Приписка Н. М. Карамзина.

Здравствуйте, любезнейшая княгиня! Какъ ни радуемся мыслю скоро обнять князя Петра Андреевича, но сердечно жалѣемъ, что вы между тѣмъ грустите въ Варшавѣ, совершенно на чужой сторонѣ. Слѣдственно, не можемъ здѣсь удерживать миаго гостя!

Нѣжно цѣлую вашу руку и всѣхъ дѣтей, а любезнѣйшую крестницу особенно. Будьте всѣ здоровы и любите насъ, какъ мы васъ любимъ. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je suis fachée, ma bonne amie, de commencer ma lettre par vous témoigner mes regrets sur votre séparation avec le cher mari, et désire vivement que vous soyez le plus rarement possible dans cet état si triste pour qui aime son mari autant que vous. J'aime à croire qu'en recevant celle-ci, vous serez déjà parfaitement tranquille sur lui et son heureux voyage; j'aime à croire aussi que vous êtes raisonnable et ne vous laissez pas trop aller à votre mélancolie. La lettre que nous avons reçue de lui a été tout à fait satisfaisante; il avait l'air d'être très content de son *patron*. Nous l'attendons avec une vive impatience, dont vous pouvez vous faire facilement l'idée en connaissant notre tendre attachement. Pourquoi n'êtes vous pas de la partie? Pour nous, ma bonne amie, nous sommes toujours à mener le même train de vie tout tranquillement. Mon mari pour le moment est cependant dans le grand tourbillon de la cour, il est allé porter ses hommages pour le jour de l'an, et moi je suis très occupée à faire les paquets de billets à distribuer dans tous les coins de rues, sans me donner la peine de bouger moi-même. Je n'ai pas voulu passer le jour sans m'entretenir avec vous et sans faire des voeux pour votre bonheur, puisse-t-il être aussi parfait que je vous le désire; alors vous seriez contente de votre lot. Adieu, ma chère amie, j'embrasse de tout mon coeur la maman et envoie mille tendres baisers aux chers enfants.

57.

С.Петербургъ. 2 марта 1819.

Сердечно обрадовались мы вашему письму, любезнѣйшій князь, начавъ было уже беспокоиться, тѣмъ болѣе, что для васъ дороги бываютъ какъ-то не очень гладки. Лучше читать Одиссею, нежели быть Одиссомъ. Хорошо, что вы уже дома, хотя и въ

Варшавъ. И Тургеневъ *камергеръ* радуется тому, любуясь вашими веселыми письмами. Наше удовольствие безкорыстнѣе: мы не ждемъ отъ васъ забавныхъ писемъ, а ждемъ только хорошихъ вѣстей о вашемъ здоровьѣ: не худо и то, что вы нашли работу занимательную; не худо, сверхъ мѣста, имѣть и должность. Мы *почти* здоровы, какъ я говорю часто: жена часто стонетъ, а малютка Николай въ жару съ нынѣшняго утра. Здѣсь много скарлатины. Хотя еще Катерина Андреевна и нескоро должна родить, но я обѣ этомъ думаю уже болѣе, нежели о чѣмъ-нибудь. Впрочемъ, живемъ мирно. Къ вамъ ёдетъ Феншъ: мы хотѣли отправить съ нимъ платье княгини, но онъ не взялъ. О здѣшнихъ повостяхъ пусть пишетъ къ вамъ Тургеневъ: важныхъ, кажется, пѣть. Вы вѣрно посмѣетесь его камергерству. Николай Ивановичъ болѣе разсердился, нежели онъ самъ, и называетъ это пятномъ Тургеневской фамиліи⁶³⁾; бранять ли у васъ Стурдзу, какъ въ Германіи?⁶⁴⁾

Обнимаю васъ, любезнѣйшихъ, со всѣми малютками, цѣлуя въ особенности крестницу. На вѣки ваши Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes chers et bons amis; je vous écris ces lignes un jour très solennel, c'est celui des 17 ans de m-elle Sophie; vous vous figurez sa joie tout à fait d'un enfant de 12 ans: je l'attends dans le moment, car elle est allée à la messe et ne se doute pas que le fameux m-r Bassone est dans sa chainbre pour faire les *nac-turi* d'une grande demoiselle déjà. Le cher prince Pierre peut en juger plus au naturel, ayant vu Sophie depuis peu. Adieu, mes chers et bons amis; Dieu veille sur vous et tout ce qui vous est cher. Je finis, en vous donnant une nouvelle sur le mariage de Фавка Tolstoy avec Apraxine.

58.

С.-Петербургъ. 9 апрѣля 1819.

Христосъ воскресе! Поздравляю васъ, милые друзья, съ свѣтлымъ праздникомъ. Будьте здоровы, спокойны и веселы. Мы, благодаря Бога, здоровы и довольно спокойны; а въ весельѣ большой

вужды не чувствуемъ. Вѣсти ваши хороши: у васъ все благополучно.

Вчера Тургеневъ читалъ мнѣ вашу вылазку на Каченовскаго: забавно и остроумно; по именемъ дружбы прошу васъ, любезнѣйшій князь, не говорить обо мнѣ. Вы и я—почти одинъ человѣкъ, а мнѣ отвратительно и думать о перебранкѣ съ издателемъ Вѣстника. Пусть онъ воюетъ и торжествуетъ въ двухъ англійскихъ клобахъ и даже вездѣ, если можно! Я стараюсь быть независимымъ въ душѣ, любезнѣйшій князь, хотя и смысьюсь надъ либералистами. A propos des liberalistes, зачѣмъ въ піесѣ литературной говорите вы о представительной системѣ и взаимномъ обученії? C'est une faute contre le goit. Каченовскій же вѣрно и за представительную систему, и за взаимное обученіе (хотя между тѣмъ и другимъ нѣть ни малѣйшей связи). Я баранъ противъ тѣхъ, которые дѣлаютъ мнѣ честь своею бранью; а противъ милыхъ друзей лаю! Извините⁶⁵).

Очень благодарю васъ за критическое замѣчаніе, я тотчасъ поставилъ круглую вмѣсто высокой для второго позданія, которое отнимаетъ у меня двѣ трети времени. Давайте мнѣ побольше такой дѣльной критики!

Очень благодарю и за Гурго⁶⁶), и за Прадта⁶⁷), которыхъ я уже давно (то-есть, около мѣсяца) читалъ и немедленно отправилъ чрезъ Тургенева Ивану Ивановичу. Прадтъ есть умной болтунь и красивъ фразами.

Беру живѣйшее участіе въ судьбѣ Коцебу. Онъ еще недавно писалъ ко мнѣ любезное письмо о моей Исторіи. Я плакалъ въ его драмахъ, когда былъ молодъ. Зандъ услужилъ Стурдзѣ. Многіе говорятъ теперь: *Стурдза правъ!* Не я⁶⁸). Если поживете лѣтъ сорокъ, много увидите и меня вспомните⁶⁹).

Мы думаемъ около 25 апрѣля перѣѣхать въ Царское Село съ дозвolenія Хозяина. Дай Богъ только, чтобы жена моя благополучно разрѣшилась отъ своего бремени.

Платье княгини давно лежитъ у генерала Д'Оvre, вмѣстѣ съ нашимъ письмомъ. Онъ еще на 5-й недѣлѣ поста хотѣлъ къ вамъ ѻхать и не ѻдетъ.

Обнимаю васъ, милыхъ, будьте всѣ здоровы. Крестницѣ мое благословеніе. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Христосъ воскресъ, mes bons et chers amis. Comment avez vous passé cette fête si solennelle dans notre pays de бусурманы? Je suis descendue chez notre excellente Катерина Федоровна le premier jour, pour dîner avec toute ma famille grands et petits. C'est une vraie amie et parente que nous avons à Petersburg; pour le reste de la semaine, je n'ai pas bougé de chez moi, quoique mon nom ait couru tout Petersburg. En lisant votre dernière, j'ai éprouvé un peu d'ennui de vous savoir si chaudement à l'ombre, tandis que nous sommes trop heureux, quand le soleil veut bien vous promettre sa douce présence pendant quelques heures dans la journée. Nous formons cependant le projet d'aller nous établir vers le 25 de ce mois à Sarsko Sélo, à moins que le temps n'y mette obstacle par son horreur. Non seulement je suis très contente de l'envoi que je viens de recevoir des serviettes, chère princesse Véra, mais je vous en remercie beaucoup, et si j'ai besoin de quelque chose, je ne manquerai pas de m'adresser à une commissionnaire aussi complaisante qu'exacte. Je ne vous envoie pas encore l'argent: je n'en ai pas fait le calcul encore. Adieu, mes chers et bons amis; je vous embrasse, toute la famille, de tout mon coeur.

Hélas, pour votre robe de merinos, je l'ai déjà envoyée avec ma lettre pour vous avec le général d'Auvray; et par malheur, je crois qu'à l'heure qu'il est, il doit être sur le grand chemin après avoir tardé très longtemps.

59.

Царское Село. 12 мая 1819.

Любезнейшие друзья! Мы переехали сюда 26 апреля, и въ тотъ же день я простудился; черезъ 5 или 6 дней слегъ въ постелью, и теперь только начинаю вставать. Голова моя не свѣжая; однажды хочу написать къ вамъ слова два-три.

Очень благодарю за Mémoires d'un homme célèbre etc. Немедленно отправлю все къ Пушкину черезъ Тургенева.

Мы душевно рады, любезнейший князь, что варшавская

служба сдѣлалась для васъ интереснѣе. Авось все будетъ хорошо. Въ вашихъ лѣтахъ можно и должно быть терпѣливымъ.

Не знаю, что происходитъ въ свѣтѣ не вида никого, кромѣ доктора Штаба. Но, вѣроятно, что Государь посѣтить Варшаву. Ждуть ли у васъ благодѣяній, даровъ?

Я подписался за васъ на Сочиненія князя Шаликова: у него не много таланта, но много дѣтей.

Простите, милые. До лучшаго расположенія! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

60.

Царское Село. 3 іюля 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Вчера мы получили ваше милое письмо. Я выхожу и выѣзжаю, но все еще не совершенно здоровъ. Жена должна родить на сихъ дняхъ: слѣдственно, не могу быть спокойна душою, хотя и надѣюсь на милость Божію. Нынѣшнее житѣе паше въ Царскомъ Селѣ не такъ счастливо, какъ прежнѣе, въ разсужденіи здоровья; девушка Катерины Андреевны лежитъ безъ ногъ и безъ рукъ въ подагрѣ; другая, которая ходить за дѣтьми, также очень больна. Впрочемъ лѣто прекрасно: и у васъ не лучше. Видимъ Царя и Царицъ: первый третьяго дни пилъ у насъ чай и просидѣлъ часа два. Говорено было съ живостію о всякой всячинѣ. Нельзя быть любезнѣе въ такомъ санѣ. Но это не новое, а старое.

Вы, милой князь, опять говорите о *терпѣнїи*: слѣдственно, вы оиять добродѣти и скучаете? Я спрашивалъ у васъ о благо-дѣяніяхъ государственныхъ: личныя интересы для меня единственно въ отношеніи къ вамъ. Благодарю васъ и за присланная книга, и за обѣщаніе новыхъ. Карно лучше душою, нежели умомъ государственнымъ: о военномъ не говорю. Сколько онъ бредилъ, шатался и падалъ въ своихъ политическихъ системахъ!⁷⁰⁾ Во время своего нездоровья я много читалъ, и въ особенности старика Монтескія. Заглядываете ли вы въ него, господинъ молодой политикъ? Онъ умствуетъ умно, умничаетъ остроумно, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ. но всегда полонъ мыслей то глубокихъ, то блестящихъ. Теперь

просматриваю манускрипты, вамъ принадлежащи: записки княгини Дашковой или биографію, которую желаетъ читать Императрица. Хорошему молодцу давали вы списывать! Что слово, то ошибка. Тургенева совсѣмъ не вижу: весь въ дѣлахъ! Плещеевъ читаетъ въ Павловскомъ и тѣшитъ Великихъ Князей представлениемъ трехъ возрастаовъ. А Жуковскій? Читаетъ ваши письма къ Тургеневу и радуется. Жена обнимаетъ васъ пѣжно всѣхъ. Я не даю ей писать. Она вмѣстѣ со мною радовалась мыслю, что вы, любезнѣйшій князь, явитесь въ Царскомъ Селѣ; но вы уже замолчали объ этомъ! Простите, милые! Цѣлу родителей и дѣтей. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

61.

Царское Село. 8 июня 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Жена моя родила сына Владимира и по сie время, слава Богу, не беспокоить меня. Спѣшу васъ, милыхъ, извѣстить о томъ. Катерина Андреевна велитъ сказать вамъ, любезнѣйшій князь, что она ждетъ васъ крестить новорожденнаго: скоро ли будете? Письма требуютъ немедленно. Простите. Всѣхъ васъ обнимаемъ. Будьте благополучны. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

62.

Царское Село. 22 июня 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Послѣднее ваше письмо насть огорчило. Спѣшу сказать вамъ мое мнѣніе: останьтесь спокойно въ Варшавѣ до сентября, и тогда рѣшиитесь. То-есть, я пристаю къ вашему разсудку, милой князь: кто его слушается, тотъ не каєтся: это пословица. Мой свѣтъ не вашъ свѣтъ; но вашъ свѣтъ былъ моимъ свѣтомъ, и еще въ свѣжей у меня памяти. Повторяю: ждите сентября и Государя; а тамъ увидите, что Богъ дастъ: это великое слово и почти мистическое! Жена моя оправляется, и сынъ Владимиръ очень миль: кажется, въ родѣ Сашки, съ голубыми глазами и съ чертами нѣжными. Послѣ завтра его окрестимъ въ семействѣ. Батюшковъ написалъ къ намъ любезное письмо изъ

Неаполя и вамъ дружески кланяется. Воображеніе его гуляетъ по Везувію и роскошествуетъ въ Помпѣй.

Любезный другъ! Напишите къ *Ванюшѣ* или къ мастеру, чтобы они не отдавали насильно дочери Андрюшиной кормилицы Онисси за какого-то горбатаго или хромого жениха въ Остафьевъ: не забудьте, и скорѣе. Здѣшнее наше житѣе не представляеть ничего новаго. Планъ мой старой: раздѣлаться зимою съ типографіею и ѿхать весною въ Москву, доживать вѣкъ тихо, въ надеждѣ на милость Божію къ нашимъ дѣтямъ; не мы, но Онъ устроитъ ихъ долю. Если бы мы были богатѣе, то поѣхали бы въ чужie краи; но казна наша истощается, и мы, сверхъ дохода, уже прожили изъ историческою капиталы тысячъ семьдесятъ. Я согласился бы поселиться и въ Нижнемъ, и въ Симбирскѣ; но жена и дѣти!

Простите, любезпѣйшиe. Нѣжно васъ обнимаю и большихъ, и малыхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embasse bien tendrement, mes bons et chers amis; j'ai assez bien fini mon expédition, tout en demandant à Dieu qu'il ne me fasse pas recommencer une nouvelle campagne. Non, quand on frise la quarantaine, cela ne convient plus. Pour vous, ma chère princesse Véra, vous êtes bien sage, et il paraît, qu'en vous transportant à Varsovie, Dieu vous a frappé de stérilité; cependant il ne faut jamais pousser les choses trop loin. Bonjour, mes amis; malgré qu'il ait quinze jours que je suis accouchée, cependant je ne suis pas encore bien forte; je finis en vous recommandant mon Wladimir qui, hélas, ne sera pas le fillenl du cher prince Pierre; en attendant, recevez les plus tendres félicitations sur le jour de votre nom; j'espère que vous le passerez heureusement, et nous, de notre coté, nous tâcherons d'avoir quelques amis communs pour boire à vos chères santés.

63.

Царское Село. 8 июля 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Мы, слава Богу, здоровы, и съ родильницею и съ новорожденнымъ. Катерина Андреевна начинаетъ прогуливаться и даже дѣлать сельскіе визиты, но до шести недѣль не хочетъ представляться Императрицамъ.

Вѣсти ваши, милой князь, не очень веселы въ отношеніи къ вашему политическому состоянію; но сколько разъ судьба ваша еще перемѣнится въ жизни! Лишь только живите. Пріятное бываетъ передъ непріятнымъ, непріятное передъ пріятнымъ. мнѣ очень хотѣлось бы знать всѣ подробности; но имѣю терпѣніе. Когда увидимся, тогда узнаю. Между тѣмъ будьте какъ можно хладнокровнѣе до сентября; а тамъ рѣшиитесь. Вамъ трудно найти чоловѣка по сердцу, чтобы зависѣть отъ него по службѣ. Не знаю никого лучше графа Каподистрія; но вы не хотите быть дипломатомъ? Онъ писалъ къ намъ изъ Корфу, и дружески; будетъ здѣсь мѣсяца черезъ два и, слѣдственно, уже не застанетъ Государя, который пойдетъ осматривать армію недѣль черезъ шесть, какъ говорятъ, и проѣдетъ въ Варшаву.

Вы уже знаете, что Ивану Ивановичу данъ Владимира 1-й степени за коммисію благотвореній. Онъ радъ, и я за него радъ. Кому аренды, а ему почести. Въ письмахъ своихъ ко мнѣ онъ молчитъ, но слышу отъ другихъ о намѣреніи его переселиться сюда. Въ такомъ случаѣ мы опять разъѣдемся, ибо стою въ томъ, чтобы умереть въ гостяхъ уbrigадирши (вы такъ называете Москву?).

Усердно благодарю васъ за критическое замѣчаніе о городѣ Таркахъ: не лѣнитесь сообщать мнѣ подобныхъ.

Вы прислали мнѣ только письма Наполеоновы къ Карно.

Простите, милые друзья. Цѣлую васъ всѣхъ, отъ мала до велика, и въ особенности дорогую крестницу. Будьте здоровы.

Дошли ли до васъ 240 р., посланные нами за салфетки?

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous salue, chers et bons amis; me voilà tout à fait bien, mais aussi j'ai presque cinq semaines. Nous nous proposons toujours de faire des courses aux environs de Sarsko-Sélo pendant le temps qui me reste de libre, jusqu'à la présentation. Mais hélas, je crains bien que n'en ayant rien fait pendant trois étés, que nous y passions sans compter celui-ci, nous executerons encore bien moins ce plan dans dix jours. J'avoue, moi cher prince Pierre, que les nouvelles que nous recevons de vous sont très affligeantes, car être loin de sa patrie pour être désagréablement, c'est trop, et surtout quand on ne retire aucun autre avantage ni pour le service, ni pour aucun autre objet. Nous avons bu à votre santé le 29 de juin, mais en famille, car ni Joukoffsky, ni Tourgueneff ne sont venus pour être de la partie quoique invités. M-elle Pluskoff a été la seule qui s'est jointe à nous. Le 12 de ce mois je sommerai encore les amis à venir manger notre soupe et boire la coupe de l'amitié en l'honneur de l'ami absent. Ce qui est sûr, chers amis, c'est que vous n'avez personne, qui fassent des voeux aussi ardents pour votre prospérité, que vos amis de Sarsko-Sélo. Recevez les embrassades les plus tendres de celle qui vous aime de tout son cœur et qui donne bien des baisers à vos chers enfants. Quand ferons nous la connaissance mutuelle de nos deux familles?!

64.

Царское Село. 3 августа 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Послѣднее ваше письмо успокоило пасъ въ разсужденіи временныхъ непріятностей вашего польского житѣя-бытия. Вы стали веселѣ: и мы съ вами! Сентябрь на дворѣ: желаю, чтобы опъ посмотрѣлъ на васъ маемъ. Государь гуляетъ теперь въ Архангельскѣ. Оттуда въ Торнео, оттуда въ Царское Село, и тотчасъ къ вамъ.

Благодарю за кормилицу. О дѣлѣ вашемъ я два раза просилъ оберъ-прокурора Столыпина ⁷¹⁾; на послѣднюю просьбу онъ мнѣ еще не отвѣчалъ. 1-й департаментъ сената на меня сердитъ

за то, что я написалъ и вручилъ Государю жалобу одной бѣдной дворянки, осужденной имъ (сенатомъ) на каторгу беззаконно: Государь разсмотрѣлъ дѣло, уничтожилъ рѣшеніе сената и сдѣлалъ ему выговоръ именнымъ указомъ. Не только сенаторы, но и министръ юстиціи, но и Столыпинъ въ гнѣвѣ на исторіографа. За то бѣдная дворянка стала здоровѣе, а доброй Императоръ сказалъ мнѣ спасибо; позволилъ даже и впредь сказывать ему о несчастныхъ, обѣ утѣшненныхъ: право любезное, но надежно ли? По крайней мѣрѣ я еще болѣе полюбилъ Государя⁷²⁾). Не смотря на то, думаю о возвращеніи въ Москву.

Катерина Андреевна худо оправляется послѣ родинъ: это тревожитъ меня.

Теперь у насъ Тургеневъ, всегда любезной: мы съ нимъ обыкновенно говоримъ обѣ васъ, равно какъ и съ Жуковскимъ, который расписался о солнцѣ, о лунѣ и проч. для Павловскаго — и для потомства, какъ надѣюсь.

Обнимаю васъ, милыхъ друзей, большихъ и малыхъ. Стихи Эдуардесы⁷³⁾ читали мы съ удовольствіемъ. Французъ какъ французъ: пе много, да складно. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Прописка Е. А. Карамзиной.

Mon mari vous abuse, mes bons et chers amis, en vous donnant de l'inquiétude sur ma santé: je me porte très bien à un peu de faiblesse près et un petit dérangement à la suite des couches qui autrefois durait moins longtemps; voila tout. Je me porte si bien qu'après vous avoir écrit ces lignes, je vais me mettre à ma toilette pour aller dîner à Pavlovsky. Hélas! Nous n'avons plus de dîner à Sarsko. Sa Majesté est sur les confins de la Laponie, son Auguste Épouse sur les bords du golfe à Oranienbaum, donc nous sommes sans cour à Sarsko Sélo. Sa Majesté m'a negligée cette fois-ci, il est parti non seulement sans me dire adieu, même sans me dire une parole bienveillante ou amicale, comme il le faisait toujours, et s'il en fait autant en allant chez vous, je vous autorise, quand il vous parlera de nous, de lui dire mes plaintes sur l'inconstance de sa conduite envers moi; cependant je n'en ai ni enlaidie, ni embellie: à mon âge ni l'un, ni l'autre ne se remarque; je ne suis pas plus

mauvaise que je ne l'ai été; hélas, voila comme les vissitudes tombent sur vous, sans que vous sachiez par quoi vous les avez mérités. Eh bien, résignons nous. La veille du départ de l'Empereur, jour de nom de sa bonne Mère, nous avons eu chez elle un très joli spectacle de société, où les comtesses Koutaysoff, mère et fille, ont figuré, et toute la brillante société et les deux cours ont été réunies. Je suis émerveillée d'avoir tant griffonné; aussi, chère princesse Véra, je vous mettrai à contribution, quand vous aurez nos russes chez vous, pour mes commissions, pour me recompenser de ce bel effort. En attendant, je vous embrasse bien tendrement, toute la famille. Nous avons une fête de famille: notre Nicolas a deux ans aujourd'hui; mais comme ce n'est pas le Benjamin, on ne se soucie pas de le fêter.

65.

Царское Село. 26 августа 1819.

Здравствуйте, любезнейшие друзья! Пишу съ графомъ Комаровскимъ, желающимъ познакомиться съ вами. Онь доброй нашъ сосѣдъ: будьте съ нимъ любезны и ласковы⁷⁴⁾). Теперь пудритесь, умничайте: мы вымыли себѣ головы и только за бабочками бѣгаемъ въ саду Царскосельскомъ, оставленномъ, уединенномъ. Царь у васъ, а съ вами только Богъ! Не завидуемъ вамъ единственно потому, что зависть есть грѣхъ. Солнца станетъ для всего міра. Разумѣется, что говорю еще о будущемъ, о половинѣ или обѣ исходѣ сентября. Вѣроятно, что еще увидимъ Государя до его отѣзда въ Варшаву.

Дошелъ ли до васъ слухъ о нашемъ лѣтѣ? Никогда Ижорскія болота не видали такого прекраснаго. Сентябрь на дворѣ, а у насъ и почю дупло. Это чудо. Но совсѣмъ радоваться: въ Москвѣ, въ Орлѣ etc. все лѣто плакали отъ дождей и холода. Такъ водится въ здѣшнемъ свѣтѣ: одному хорошо, другому плохо, и люди богатѣютъ на счетъ бѣдныхъ. Шагнуть ли изъ физического въ свѣтъ политической? Раздолѣе крикунамъ и глупымъ умникамъ; не худо и плутопикамъ, а намъ съ вами что? Не знаю. Смотрю па Англію, па Германію и говорю съ покойнымъ Батопди⁷⁵⁾: il

у aura quelque chose! За то мы ходимъ въ Россіи какъ сонные и спимъ какъ праведники. Я зритель съ любопытствомъ и наблюдениемъ, но только зритель. Не завидую актерамъ: они не завидны. Видите ли, мой умной князь, что я стараюсь подражать вамъ въ игрѣ словъ? Но между тѣмъ простите. Скажите, что увидите и услышите о нашемъ миломъ Царѣ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Катерина Андреевна посыпаетъ княгинѣ 300 р. на покупки, о которыхъ она просила ее.

Ваше дѣло объ искѣ на Левашова рѣшено будто бы въ вашу пользу, но едва ли что получите. Теперь падобно хлопотать въ Симбирскѣ.

66.

Письмо Е. А. Карамзиной къ княгинѣ В. О. Вяземской.

Sarsko-Sélo. Le 26 août 1819.

Bonjour, ma chère et bonne amie, princesse Véra, je m'adresse à vous directement pour vous engager à être assez aimable pour remplir mes commissions; vous aurez bientôt des moyens sûrs pour me faire parvenir ces différents objets que je vous demande. Je vous envoie 300 r. avec le comte Komaroffsky, et vous recevrez une lettre avec lui de mon mari; mais comme il ne sera encore chez vous que dans trois semaines, quoique il parte dans un couple de jours, je vous engage à faire mes emplettes, en recevant celle-ci, qui doit vous arriver dans la huitaine: une fois l'Empereur arrivé, vous n'aurez plus autant de temps libre. Voici ce que je vous demande, ma chère amie. Une pièce de crêpe blanc large, il est très difficile de trouver ici de joli. Pour deux ou trois robes de bal (pour Sophie) du crêpe ou de la gaze, comme vous le voulez, absolument à votre choix les couleurs et l'étoffe. Deux ou trois jolies étoffes de différents genres bigarrés, rayés ou unis, encore comme il vous le plaira; comme vous avez du gout, je me fie parfaitement au votre, pourvu que cela soit dans le genre actuel et pas des plus chères; du velours noir pour une capote à Sophie, une douzaine de souliers de maroquins de jolie couleur sans être faits, mais

déjà tout à fait découpés. En fait de bagatelles, comme de petites écharpes pour le cou en gaze ou grenadine ou d'autre manière, trois ou quatre; quelques ceintures aussi en large rubans ou écharpes; enfin vous êtes jeune, vous avez du gout, vous saurez vous même ce qu'on peut avoir de gentil en fait de petits objets pour relever une toilette simple; comme l'argent que je vous envoie, ma chère amie, pourra être trop peu de chose pour tout ce que je vous demande, je vous donne carte blanche jusqu'à la somme de 500 r. et je vous remercie avec reconnaissance de ce que vous aurez dépensé de votre argent, et vous aurez la complaisance de distribuer tous ces effets aux différentes personnes qui seront de la suite de l'Empereur; l'une de ses personnes sera m-me Komaroffsky. Faut-il vous demander pardon, chère amie, pour mon importunité? Je crois que non, j'aime à croire que si même c'est une peine pour vous, que tous ces achats, l'idée de me rendre service en sera la compensation; aussi mettant de côté la crainte de vous être importune, je vous remercie d'avance de votre aimable complaisance et de toutes les jolies choses que je crois déjà voir et tenir. En grace seulement, faites bien emballer. Vous voyez déjà que je pense à la toilette de m-elle Sophie. C'est qu'insensiblement elle va après demain au troisième bal qui se donne chez nous parmi la société de Sarskoe Sélo, qui est par parenthèse la quintessence de la brillante société. Et comme nous sommes très simples et pas du tout quintessenciés, la pauvre Sophie se ressent de notre isolement; aussi comme elle dit souvent: „Ah, si mon oncle et ma tante étaient ici, je m'amuserai davantage“. C'est vrai, ma chère amie, que vous me manquez toujours, mais s'il faudra que Sophie sorte réellement, vous me manquerez bien davantage. Adieu, ma chère amie, je vous recommande encore mes commissions, à votre gout, à votre économie et à votre complaisance. Amusez vous bien les quinze jours brillants que vous allez avoir pendant le séjour du cher Empereur. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous aime de même. J'aurai voulu vous écrire encore, mais je suis déjà très fatiguée, car jusqu'à cet heure je ne puis regagner mes forces. Mille tendres baisers à mon bon et cher prince Pierre, ainsi que pour les chers enfants.

P. S. J'oubliais de vous dire, ma bonne amie, en cas que les

marchandises renchérissent par la présence de l'Empereur, alors j'aime mieux que vous attendiez son départ. Encore je vous prie en cas qu'il ait à Varsovie de jolies garnitures, *накладки*, de robes appliquées qu'ou puisse transporter d'un bas de robe à une autre et que ce ne soit pas trop cher, vous m'obligerez infiniment en m'envoyant une.

Приписка Н. М. Карамзина.

Обнимаю васъ, любезпѣйшие друзья, я сію минуту пишу къ вамъ съ графомъ Комаровскимъ.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Je me joins à maman, ma chère et bonne tante, pour vous prier de vous charger de toutes ses commissions, auxquelles je suis si intéressée, et pour vous dire combien j'en serai reconnaissante; et je trouverai mille fois plus de plaisir à porter ces robes, en pensant qu'elles sont de votre choix. Maman a bien raison de vous dire que *même* au bal je vous regrette; mais croyez bien que ce n'est pas *seulement* au bal; c'est tous les jours et dans toutes les occasions. Je vous assure que je vous aime bien tendrement, et jamais rien ne pourra altérer ce sentiment avec lequel je suis pour la vie votre très affectionnée nièce Sophie Karamsine.

Je baise les mains à mon oncle et j'embrasse mes petites cousines.

67.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 22 septembre 1819. Sarsko Sélo.

Vous voila dans tout le brillant d'une habitante d'une capitale, où le Maître vient de paraître avec son beau cortège. Aussi je suppose, ma chère et bonne princesse Véra, que vous devez vous trouver dans un brouhaha depuis hier. Cependant, comme j'ai manqué la poste de l'autre courrier qui était le porteur des lettres de

mes filles et de l'album, et comme je l'ai manqué par le contraire d'un brouhaha, car nous sommes dans une solitude profonde et par conséquent dans une parfaite tranquillité, j'ai oublié le jour de la poste, ce qui arrive souvent, quand tous les jours se ressemblent par leur uniformité. Vous recevrez donc aujourd'hui mes félicitations et mes voeux pour vos jours de fêtes. Vous devez être persuadée, chère amie, que pour les derniers j'en forme tous les jours pour votre bonheur, et comme il y a un peu d'égoïsme dans tout cela, ce n'est pas si méritoire, le bonheur de votre famille étant si intimement uni au notre. J'ai été bien enchantée pour le cher prince Pierre d'apprendre que le comte Capodistrias doit être déjà depuis quelques jours à Varsovie; je voudrais bien qu'il rumine bien dans sa tête ce qu'il désirerait demander au comte, et après avoir bien réfléchi à ce qui lui conviendrait le mieux, de s'en ouvrir; je suis persuadée qu'il sera favorablement écouté. Dites, je vous prie, de notre part au comte mille amitiés et combien nous sommes enchantés de l'idée de le revoir bientôt; nous ne l'avons pas vu souvent, et malgré cela sa société nous a manqué sensiblement, comme celle d'un des hommes que nous aimons et estimons le plus. J'attends avec impatience vos lettres: il me paraît qu'elles nous apprendrons un changement si non dans votre situation, au moins dans le séjour. Que le bon Dieu fasse tout ce qui vous convient le mieux. Bonjour, mes bons et chers amis; c'est le jour de naissance de ma chère Catiche qui viens d'avoir ses treize ans; encore quelques années, et la voilà grande demoiselle. Je reçois d'avance vos félicitations, et vous recevez mes tendres embrassements pour toute la chère famille, papa, maman et enfants. Dieu veuille que votre choix d'une gouvernante soit bénî par lui, c'est un point si important!

Приписка Н. М. Карамзина.

Обнимаю васъ, любезнѣйшіе друзья. Я не очень здоровъ: для того скажу мало словъ, но не съ холоднымъ чувствомъ. Да устроится все къ вашему удовольствію: не говорю о счастіи, которое не зависитъ ни отъ Варшавы, ни отъ Парижа. Совѣтовать поздно, но не поздно желать вамъ добра. Между тѣмъ не безъ

грусти читаль я въ вашемъ письмѣ о безднахъ и вѣкахъ, которые отдаляютъ васъ отъ Россіи. Да будетъ, чтѣ угодно Богу и вашему генію! Всѣхъ васъ цѣлую нѣжно и вашъ на вѣки Н. Карамзинъ.
Скажите графу Каподистріа, какъ мы его любимъ.

68.

Царское Село. 13 октября 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Нетерпѣливо желаемъ узнать слѣдствіе Царскаго пребыванія въ Варшавѣ для васъ. Лучше быть христіаниномъ, нежели жидомъ; лучшее блаженствовать пришествіемъ Мессіи, нежели ждать второго. Дѣло сдѣлано: остается намъ узнать, что или ничего? Императоръ, вѣроятно, уже въ Гатчинѣ, куда ѿду черезъ часъ по грязи и въ ожиданіи новаго дождя; но надоѣло поздравить Марію, пестарую въ 60 лѣтъ. Елизавета была къ намъ милостива и *semper amabilis*, такъ что я написалъ четыре стиха къ ея портрету, у настъ на стѣнѣ висящему:

Корона на главѣ, а въ сердцѣ добродѣтель;
Ильняетъ умъ душей, умомъ душѣ мила;
Въ благотвореніяхъ ей только Богъ свидѣтель;
Хвалима... но предъ ней безмолствуетъ хвала.

Это не поэзія, а исторія. Здѣсь жили мы, какъ обыкновенно, безъ скуки. Думаемъ на сихъ днѣхъ перебраться въ городъ, гдѣ хотѣлось бы мнѣ кончить второе изданіе и 9-й томъ къ лѣту.

Сдѣлайте одолженіе, любезнѣйшій князь, спрavьтесь по приложенной запискѣ, живъ ли, здоровъ ли мужъ нашей мамушки въ Варшавѣ, и какъ можно скорѣе пасъ о томъ извѣстите.

Нѣжно обнимаю васъ всѣхъ, и въ особенности милую крестницу! Когда-то увижу ее и васъ! Между тѣмъ на вѣки вашъ Н. Карамзинъ⁷⁶).

Прописка Е. А. Карамзиной.

Mon mari court dans ce moment sur le chemin de Gatchina, et moi je vais vous dire quelques mots, mes bons et chers amis. J'ai reçu votre lettre avec toutes les *annonces*; celle de votre gros-

sesse, chère princesse Véra, ne m'afflige nullement; à votre âge c'est permis; c'est à moi de me reposer sur mes lauriers, après huit campagnes il en est bien temps et alors c'est permis. Je vous remercie, chère amie, pour la peine que vous vous êtes donnée pour le choix de nos commissions; vous auriez pu vous en diminuer l'embarras, en n'achetant que du simple, pourvu que ce soit frais; d'avance je vous remercie pour tout, étant persuadée que ce sera du meilleur gout. Ne vous étonnez pas, mes chers amis, de notre persévérence à rester toujours à Sarsko Sélo; voilà déjà près de six mois que nous sommes ici et je n'ai découché qu'une fois pour aller à Gatchina il y a quinze jours; je ne suis pas allée une fois à Petersbourg, aussi c'est la dernière lettre que vous recevrez de nous daté d'ici; pour le 20 nous serons déjà rentrés s'il plait à Dieu. Je ne sais si j'aurai l'occasion de voir et de parler à Sa Majesté, je voudrais bien qu'il me dise quelque chose de satisfaisant sur vous, mon bon ami, en tout cas j'en saurai toujours quelque chose par le comte Capodistrias. Adieu, mes chers et bons amis, je vous embrasse de toute la tendresse de mon coeur et vous aime de même, y compris les chers enfants, la favorite Marie en particulier.

P. S. J'oubliais de vous dire: ne vous embarassez pas pour le velours noir, achetez du velours épeinglé d'une jolie couleur dans les nuances de Marie-Louise, s'il n'y a pas de joli noir.

69.

С.-Петербургъ. 3 ноября 1819.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Поздравляю коллежскаго совѣтника. Мы пѣсколько разъ говорили объ васъ съ Государемъ, котораго отзывы были очень лестны для васъ, любезнѣйшій князь. Видите, что и *первое приспѣствіе* было не безплодно. Ждите второе съ новою надеждою: въ ваши лѣта еще можно надѣяться⁷⁷). Между тѣмъ трудитесь умомъ, играйте воображенiemъ, живите сердцемъ и отъ времени до времени заглядывайте въ расходную книгу. Кто любить свободу, долженъ быть бережливъ какъ Франклинъ. Мы видѣли вашего Байкова: разумѣется, что много говорили съ нимъ объ васъ⁷⁸). Опъ берется доставить вамъ ящикъ съ

чаемъ. Наконецъ мы переѣхали въ городъ, гдѣ почти никого не видимъ, лѣнимся изо всей мочи и вздыхаемъ, смотря па распись визитовъ, пустыхъ, по трудныхъ для насъ еще болѣе, нежели для нашихъ коней. Царя можемъ и не видать въ теченіе зимы: мы существовали для него вмѣстѣ съ мухами лѣтомъ; а па зиму прячемся въ пору вмѣстѣ съ кротами: выползаемъ, чтобы иногда взглянуть па солнце будничное, па простое солнце природы, которое должно весною или лѣтомъ, или осеню освѣтить нашъ путь въ Москву, если только поѣдемъ туда: ибо па стонѣ труда забѣжать мыслями далеко впередъ тамъ, гдѣ все дѣлается... Богъ вѣсть какъ! Говорю о здѣшней жизни, вѣря другой, гдѣ мы будемъ... то ли дѣло! Живемъ здѣсь, какъ птенцы въ яйцѣ; смерть разбиваѣтъ скорлупу: взглянемъ, оперимся и полетимъ! Въ ожиданіи сего времени или вѣчности, если угодно, будемъ заниматься кое-чѣмъ: вы—повою всемирною конституціею и стихами, я—старою россійскою исторіею и прозою; а болѣе всего станемъ любить женъ, дѣтей и добрыхъ людей, къ числу которыхъ припадлежать наши друзья: *первой*, *другой* — *обучаясь*. Это шутка: Тургенева, Жуковскаго смѣло называю въ Петербургѣ друзьями, хотя первого рѣдко видимъ, а второго почти никогда; первый занимается движеніемъ, второй — сидѣніемъ: пишетъ академическую рѣчь... *о вліяніи* etc. Это богатый предметъ: па правда ли? Мы всѣ произошли отъ *вліянія*; все зависить отъ *вліянія* и проч. Это самое академическое *вліяніе*. А вы, милой князь, еще не академикъ! Вообразите, что наша смиренная Академія жаловалась правительству па Гречу за его критическое разсмотрѣніе грамматики ея, и Гречу сдѣлали выговоръ! Вотъ прямо христіанское смиреніе! Могу завидовать, но тщетно⁷⁹⁾.

Дѣти наши милы намъ: часто любуемся меланхоликомъ Андреемъ, маркизомъ Сашею. Вотъ мой разговоръ съ первымъ. *A.* „Гдѣ Богъ? па небѣ?“.—*И.* „И на небѣ и на землѣ“.—*A.* „Стало онъ очень широкъ“. Видите ли работу воображенія? Будетъ путь, если останется живъ.

Простите, любезнѣйшіе. Всѣхъ васъ нѣжно обнимаю. На вѣки ваши Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Quoique femme de mon mari, je lui envie le talent d'une aussi jolie lettre; c'est pourquoi je le laisse parcourir sa carrière brillante, sans tenter de l'imiter, et vous dirai tout plattement, mes chers amis, que j'ai été charmée des avoir que Sa Majesté dit du bien du cher prince Pierre, et qu'en conséquence de cela sa *rangomanie* doit être satisfaite, car voilà trois rangs dans le courant de 18 mois, il y a de quoi faire des curieux. Pour vous, chère princesse Véra, mr. Baykoff nous a dit que vous vous plaisiez beaucoup à Varsovie, et j'en suis charmée; puisque il faut que vous y restiez encore quelque temps, il vaut mieux s'amuser; seulement je suis fachée contre vous de ce que vous ne me faites pas part de vos plaisirs, ayant si sincèrement partagé vos ennuis les premiers temps de votre séjour dans cette ville, si séduisante au dire de tout le monde. Je vous remercie, chère amie, pour tous vos envois qui seraient charmants, s'ils m'étaient arrivés sains et saufs: par exemple la robe de gaze que vous avez fait l'amitié d'envoyer à Sophie ne peut même servir, tant elle a été maltraitée par la poussière, car le paquet est arrivé en lambeaux. J'en étais d'autant plus fachée que c'est la seule robe de bal que vous ayez envoyée; c'est pourquoi, en grâce, faites mieux embâller vos paquets; j'attends avec impatience les garnitures, car voilà les bals de la cour déjà en train. Je vous enverrai le thé de notre provision à vous, chers amis, vous en boirez, en pensant à notre table ronde et à nos regrets de ne pouvoir même prévoir le moment, où nous y serons tous réunis. Adieu, mes chers amis, je vous embrasse tous, tant que vous êtes, tendrement.

70.

С.-Петербургъ. 17 декабря 1819.

Любезнѣйшіе друзья! Мы къ вамъ давно не писали. За то пишемъ теперь въ 30 градусовъ мороза. Чрезмѣрный холодъ имѣеть дѣйствіе жара: лѣни мыслить и писать; но великодушно побѣждаемъ врага, чтобы сказать друзьямъ: здравствуйте!

Доселѣ, не смотря на этотъ въ самомъ дѣлѣ ужасный холодъ, мы здоровы. Но для меня прервалося сообщеніе съ людьми: не выѣзжаю, боясь заморозить кучера. Что то у васъ въ Варшавѣ! Мы надѣялись, что вы уже пѣте нашъ чай, отправленный къ вамъ съ Байковымъ; но слышимъ, что Байковъ еще здѣсь. Когда нибудь уѣдетъ, какъ надѣюсь, и доставить вамъ нашу посылку, довольно огромную. Не знаемъ найдемъ ли случай отправить другую такую же, то-есть еще фунтовъ 12 чаю. Если не найдемъ, то пошлемъ къ вамъ деньги. Ходятъ ли новыя ассигнаціи въ Варшавѣ? Увѣдомьте.

Прошу васъ, милой князь, прислати мѣй Сигизмунда III Нѣмцевича и еще піесу о царѣ Шуйскомъ, о коей прилагаю особенную записку. Пожалуйста пайдите эту любопытную для меня статью, напечатанную въ Варшавскомъ и Львовскомъ Памятникахъ. Я все еще будто занимаюсь Исторіею; памѣренъ даже и дѣйствительно заняться ею съ генваря, по окончаніи второго изданія. Хочу въ торжественномъ собраніи пресловутой Россійской Академіи читать нѣсколько страницъ обѣ ужасахъ Іоанновыхъ: президентъ счель за нужное доложить о томъ черезъ ministra Государю! Увидимъ, сколько будетъ любопытныхъ⁸⁰). Знаете ли вы французское сочиненіе одного Россіянина *Essais philosophiques sur l'homme*? Еще Русскіе такъ не писывали. Знаю автора и полюбилъ его. Жаль, что у насъ такие люди не всѣмъ извѣсты!⁸¹) О новостяхъ къ вамъ не пишу: у васъ есть Тургеневъ. Для меня все *in statu quo*. На сей разъ цѣлую всѣхъ, прежде свою милую крестницу. Ея сверстникъ Андрей уже изрядно читаетъ и становится интереснѣе. За него цѣлую нѣжно всѣхъ васъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Chantez, chantez, mon cher ami, les premices de l'hiver, il vous fait honneur, cet amour patriotique qui vous anime; avec vous ce n'est pas le cas de dire que les absents ont tort! Pour nous autres, qui passerons cet hiver avec toute sa sublime énergie, nous en sommes pénétrés et atteints jusqu'au coin de nos cheminées; nous ignorons même combien il y a de degrés de froid, car à notre

thermomètre qui ne marque que 31, le mercure est rentré dans la boule et n'en bouge depuis trois jours. Cependant en achevant ces lignes, je sortirai pour aller voir m-me Doktoroff, qui est arrivée depuis deux jours ici. Elle vous dit mille amitiés, mes chers et bons amis. Et moi, je vous remercie infiniment tous les deux pour les félicitations, quoique un peu laconiques, et j'en veux d'autant plus au cher prince Pierre que je suis jalouse des épîtres qu'il écrit à notre cher Tourguenoff. Je serais aussi coupable, si on me trouvait des correspondances plus suivies et plus prolixes que celle-ci: mais je défie de me prendre sur le fait. Le 12 nous n'avons fait qu'entrevoir Son Altesse Imperiale le Grand-Duc de Varsovie; il n'a pas daigné même nous saluer, ni mon mari, ni moi, malgré l'ancienneté de notre connaissance qui date de Tver. Je ne vous dis rien sur cette belle fête; vous en aurez sûrement des nouvelles sur des spectateurs qui s'y sont trouvés, et puis sûrement des descriptions de nos correspondants moins paresseux et qui possèdent mieux le style descriptif. Adieu, chers et bons amis. Je vous embrasse tendrement toute la famille en gros et en détail.

Приписка Н. М. Караджина.

Зима ваша, любезнейший князь, очень хороша, и многие стихи прекрасны.

71.

С.-Петербургъ. 21 генваря 1820.

Здравствуйте, любезнейшие друзья! Благодарю васть за книги, а тетрадку, взятую вами изъ Публичной Библиотеки, возвращу пемделепно. Нѣмцевичъ далъ вамъ записку о книгѣ весьма известной: Гейденстейнъ есть азбука для описанія Баторіевої войны съ Иваномъ Васильевичемъ. Какъ бы то ни было, по мнѣ жаль, что *le grand prince* перемѣнился въ отношеніи къ вамъ: желаю новой перемѣны, то-есть, чтобы новое цвѣтимашіе обратилось въ старое вниманіе. Вы еще молоды, любезнейший: успѣете блестать искренностью; а теперь въ вашемъ дипломатическомъ элементѣ не худа и скромность. *Le Diable prêche l'Évangile;* но я уже старюсь: миѣ пора

оказывать характеръ; къ тому же могу иногда похвалиться и скромностью или, лучше сказать, не чѣмъ хвастаться. Старѣюсь ребенкомъ, а мужество ждеть наскъ за гробомъ. Умирая, не скажу съ Брутомъ: *ты пустое имя*, а протяну руку къ *Ней*, къ оригиналу: здѣсь видимъ *ея* портреты въ туманѣ. Дай Богъ только дожить до смерти тихо и спирально! Отъ васъ перешелъ я къ себѣ; отъ себя перехожу къ вамъ. Мы съ Жуковскимъ говорили о томъ, что не худо бы отъ времени до времени приглашать 20 или 30 женщинъ, 30 или 40 мужчинъ въ залу (на примѣръ) Катеринны Федоровны Муравьевой для какого-нибудь пріятнаго чтенія, не бесѣднаго, не академическаго, а... разумѣете? И такъ мы положили требовать отъ васъ содѣйствія стихами, прозою, какъ угодно, съ наблюдениемъ шѣкоторыхъ правилъ: 1) желаемъ остроумія безъ колкихъ насмѣшекъ; 2) легкости безъ пустоты; 3) грустнаго безъ тоски; 4) веселаго безъ вольнаго; 5) любопытнаго безъ страшнаго; 6) учепаго безъ скучнаго; 7) глубокомысленнаго безъ темнаго, etc. etc. И такъ, вы, любезнѣйшій князь, пришлете къ намъ, недѣли черезъ двѣ, три, четыре піесу, двѣ, три, четыре. А кто еще? Можетъ быть, Батюшковъ. Плещеевъ буде читать хотя за десятыхъ; а вы въ минуту рукоплесканія *съадострастно* вздрогнете въ Варшавѣ. Ждемъ вашей отповѣди для дальнѣйшихъ соображеній. Между тѣмъ просимъ не шутить пашимъ вызовомъ; перчатка лежитъ передъ вами. Но передъ вами ли лицикъ съ чаемъ? Доставилъ ли его вамъ камергеръ варшавскій? А деньги ваши еще у насъ.

Простите, любезнѣйшіе. Нѣжно обнимаю родителей и дѣтей, въ особенности милую крестницу. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Тургеневъ писалъ къ вамъ объ академической медали?

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes bons et chers amis, il y a longtemps que nous ne nous avons écrit. Dieu sait, sans avoir beaucoup de dissipation, nous sommes distraits, et avec cela la petite paresse, qui va toujours son train, fait que mercredi vient et passe avant que nous nous en soyons aperçus. Cet hiver est très brillant à Petersbourg: des bals, des bals masqués, des spectacles dans tous les genres,

remplissent presque toutes les soirées. Ne croyez pas que nous y participions; excepté quelques sorties à la cour et quelques visites chez les particuliers, nous sommes toujours chez nous. Mais aussi dès que je sais, que je dois aller au spectacle ou à un bal, il me faut huit jours pour m'y préparer et me tenir en haleine. Madame Doktoroff est ici, elle me prend beaucoup de mon temps; m-me Ogareff est ici depuis trois semaines, elle repart dans huit jours pour Moscou et puis elle entreprend un voyage dans l'étranger pour sa santé qui est très délabrée. Je passe presque tous le temps avec elle, elle a l'amitié de venir tous les jours chez nous et quelque fois tout le long du jour elle n'en bouge. Toutes les deux dames vous disent bien d'amitiés. Nous avons beaucoup parlé de vous, de vous, chers amis; elle m'a beaucoup donné de détails sur votre existence, et vous sentez que c'est une véritable jouissance pour moi, que de causer de vous avec quelqu'un qui vous aime et qui a vécu avec vous quelque temps; vos chers enfants ne sont pas oubliés dans nos entretiens. Ma chère princesse Véra, vous me faites mystère du moment de l'accroissement de la famille, vous ne m'en avez dit un mot qu'en m'annonçant vos doutes, et depuis vous ne m'en soufflez plus un mot; c'est par les bruits *européens* que j'apprends votre état et que vous êtes sur le point d'accoucher. Que le Ciel vous aide dans ce moment comme dans tous les autres de votre vie et qu'il vous conserve toute votre chère famille. Adieu, mes chers et bons amis, toute notre famille grande et petite se porte très bien et vous aime beaucoup.

72.

С.-Петербургъ. 25 февраля 1820.

Любезнейшие друзья! Давно мы къ вамъ не писали, а между тѣмъ беспокоились о вашихъ малюткахъ. Въ послѣднемъ письмѣ не говорите объ нихъ: заключаемъ, что они, слава Богу, совершенно здоровы. У насъ также Катенька не здорова: говѣла, постилась и занемогла, пынѣшній день давали ей рвотное. Вирочемъ вообще не жалуемся на дѣйствіе здѣшняго климата. Одна Катенька не добреѣтъ физически. Наше нравственное житѣе-

бытье по старому, за чѣдь благодаримъ Бога. Только одною работою своею я не очень доволенъ: не могу паладить такъ, чтобы всяко утро заниматься постоянно отъ 4 до 5 часовъ, пока есть охота и силы. А вы, любезнѣйшій князь, поднявъ мою перчатку, чѣдь дѣлаете? Ознаменуйте вапе пребываніе на Вислѣ многочисленными дѣятами вашего ума и воображенія; пользуйтесь временемъ какъ можно лучше, подчиняйте разсѣяніе труду, чтобы болѣе наслаждаться и тѣмъ и другимъ. Видите, я не отстаю отъ старой привычки проповѣдывать, по крайней мѣрѣ не безъ искренности. Катастрофа парижская тронула меня до глубины сердца. Бѣдные Бурбоны! Ихъ записываютъ въ святые: поять, кормить и рѣжутъ на троицѣ! Убѣжищемъ остается имъ рай или долина Іосафатова, гдѣ нѣтъ ни бонапартистовъ, ни якобинцевъ, ни роялистовъ⁸²). Прошу васъ, любезнѣйшій князь, сказать г. Миллеру, что въ изданной мною Исторіи помѣщено все извѣстное мнѣ о жидахъ въ древней Россіи; что съ десятаго вѣка видны ихъ въ Тавридѣ, на Кавказѣ, въ Киевѣ, а съ XIII-го и въ Сѣверной Россіи откупщиками нашей монгольской дани; что они составляли знатную часть жителей Козаріи, особенно въ Ателѣ, при устьѣ Волги; что ему надобно заглянуть и въ Эбнъ-Гаукала и въ Массуди; что Рюльеръ бредитъ, и что еврейскія обыкновенія сдѣлались намъ извѣстны только черезъ *Библию*; что въ Сибири не бывали жиды; что я не знаю никакого русскаго рукописнаго сочиненія о евреяхъ; что великій князь Василій Ивановичъ и царь Иванъ Васильевичъ изгнали ихъ всѣхъ безъ остатка изъ Московской Россіи.

Простите, милые друзья. Нѣжно щѣлую всѣхъ васъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Возвращаю при семъ съ благодарностью *Памятникъ Йовооскій*.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes bons et chers amis, vous annoncez les dѣvotions de la princesse Vѣra. Nous ne sommes pas moins exacts à remplir nos devoirs, car nous venons aussi de faire les nôtres la seconde semaine du carême, ce qui a tellement fatigué la pauvre Catiche qu'elle ne remue ni pied, ni patte. Il n'y a que mon mari qui n'a pu faire les siennes, devant accompagner l'Impr atrice aux examens

de l'Institut Sainte-Catherine, dont il y a eu sortie ces jours-ci. Cela ne lui a pas mieux réussi qu'à Catiche ses dévotions, car il est resté plusieurs jours sans quitter la chambre pour un refroidissement qu'il y attrappa. Je suis bien charmée d'apprendre que les enfants vont mieux; nous avons été bien inquiets d'autant plus que vous ne nous avez rien dit de la qualité ou de l'espèce du mal qu'ils avaient. Mon mari a confondu votre dernière lettre avec la précédente, c'est pourquoi il vous parle encore de leur indisposition au lieu de parler de leur convalescence. J'ai eu ces jours-ci un moment de plaisir très vif, en revoyant la ci-devant malheureuse Obreskoff, dans ce moment-ci la fortunée princesse Хилковъ; Dieu veuille, que son bonheur dure, mais pour le moment elle en jouit dans toute sa plénitude. Les compliments de la chère princesse Véra pour m-me Ogareff sont arrivés trop tard, elle avait quitté Petersbourg, quand j'ai reçu la lettre qui les contenait. Son voyage est remis jusqu'au printemps; elle n'a pas trouvé l'argent sur lequel elle comptait, ce qui non seulement retarde son voyage, mais surtout son rétablissement dont elle a grand besoin, car elle est d'une faiblesse extrême et avec cela elle souffre l'impossible. Chère princesse Véra, faites moi le plaisir de faire regarder dans les magasins, si on peut encore trouver quatre archines de l'étoffe dont voici l'échantillon ci-joint, et envoyez le, comme si c'était un paquet avec un livre; on m'a assuré que cela ne souffrirait pas de difficulté, envoyé de cette manière. Mon mari est coupable de ne vous avoir pas encore envoyé l'argent, je ne sais ce qui lui arrive, lui qui est si exact; c'est 250 roubles, je crois? dites, je vous prie, oui ou plus. Adieu, je vous embrasse tous, comme je vous aime, ce qui veut dire de tout mon coeur. Ne soyez pas paresseux, écrivez nous davantage et n'imitez pas le mauvais exemple.

73.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 23 mars 1820. Saint-Petersbourg.

Bonjour, mes bons et chers amis, je vous écris le mercredi de la Semaine Sainte pour vous féliciter avec notre fête solennelle de

Пâques. J'espère que cette lettre vous parviendra dans les premiers jours de la semaine des fêtes et que vous penserez à nous et à notre chagrin d'être pendant si longtemps séparés de vous, nos chers amis. Réellement cette idée est triste, surtout quand on ignore même le moment de la réunion. Pour ce qui nous regarde, je suppose que nos fêtes se passeront comme le grand carême, s'entend presque dans une solitude totale. Mr. Tourguéneff, Alexandre, est parti pour Moscou avec son frère Serge; le dernier n'a pas apparemment beaucoup gouté la société de mon mari, car en partant pour Constantinople et pour un temps indéterminé, il ne s'est pas même donné la peine de venir dire adieu. Qui sait, mon cher prince Pierre, qui sait, peut-être, un jour étant réunis dans la même ville, vous ne nous verrez pas davantage, car pour vous autres *libéraux*, vous n'êtes pas pour cela plus *tolérants*; il faut avoir la même façon de voir, sans cela non seulement on ne peut pas s'aimer, mais pas même se voir. Je badine, quand je vous mets du nombre, car le caractère de mon mari m'est garant que nous resterons frères, malgré les opinions politiques. Joukoffsky vient nous voir une fois le mois; mr. Pouchkine à tous les jours des duels; grâce à Dieu, qu'ils ne sont pas meurtriers, car les combattants se portent toujours bien. Mr. Mouraview imprime une critique sur l'Histoire de mon mari. Vous voyez que d'après ce petit aperçu nous sommes mal dans la société qui nous a le plus assidument fréquenté. Mais hélas, il faut bien trouver à se consoler, et Dieu merci, nous ne nous désespérons pas trop. Mon mari s'occupe avec plus d'assiduité à son Histoire que jamais, moi (comme la mouche du chariot) je la copie; nous pensons déjà à Sarsko Sélo, on nous y arrange notre petite maisonnette. Toute la famille se porte bien, et nous en bénissons le bon Dieu en chorus. Je fais les mêmes voeux pour vous tous, mes bons amis, que pour moi et les miens; et je vous embrasse avec beaucoup de tendresse, en me réservant le plaisir de vous dire le premier mercredi: Христосъ воскресъ!

Приписка Н. М. Карамзина.

Обнимаю васъ, любезнѣйшіе друзья, прочитавъ не безъ улыбки, что пишетъ къ вамъ жена о либеральныхъ, которые не либеральны

даже и въ разговорахъ, а я стараюся быть либеральнымъ и на дѣлѣ, и въ такихъ слушалхъ... но теперь не имѣю времени болтать. Скажу только, что люблю васъ нѣжно. Будьте, милые, всѣ здоровы и благополучны. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

74.

С.-Петербургъ. 12 апреля 1820.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Надѣемся, что малютки уже не беспокоятъ васъ своимъ здоровьемъ. Мы довольны своими и благодаримъ Бога. И здѣсь весна, а у васъ, безъ сомнѣнія, и цвѣты. Думаемъ недѣли черезъ двѣ или три перебраться въ Царскосельское Село, гдѣ мнѣ отдаѣваютъ свѣтлку для кабинета съ видомъ въ поле. Вотъ уже пять лѣтъ проводимъ въ чухонской землѣ, которая однакожъ имѣетъ пріятности. Нынѣшнее лѣто почти не увидимъ Государя: онъ скоро уѣдетъ смотрѣть войска и колоніи, а тамъ къ вамъ въ Варшаву. Была ли у васъ свадьба? И какъ вы будете чествовать молодую?⁸³⁾

Исторія Іспаніи очень любопытна. Боюсь только фразъ и крови. Конституція кортесовъ есть чистая демократія à quelque chose près. Если они устроятъ государство, то обѣщаюсь итти пѣшкомъ въ Мадритъ, а на дорогу возьму Доиль-Кишота или Кихота. Чѣмъ сказалъ бы напѣтъ незабвенный Батонди? Ah, monsieur! Je vous prédis qu'il y aura quelque chose!⁸⁴⁾ Пророковъ у насъ бездна. Канцлеръ графъ Румянцовъ именно предсказалъ революцію въ Гишпаніи: я слышалъ своими ушами гласъ Гереміи! Будетъ ли лучше? Будетъ ли хуже? Послѣднее, увы, обыкновенѣе. Вирочемъ есть горка на землѣ, откуда все кажется совершенствомъ: тамъ, гдѣ мы стоимъ съ мыслю о Шровидѣніи! Довольно.

Шишасть ли къ вамъ Тургеневъ изъ Москвы? Онъ блеститъ тамъ своею звѣздою, бодрствуетъ на обѣдахъ и дремлетъ на вечерахъ. Ждемъ съ нетерпѣніемъ.

Простите, любезнѣйшіе. Нѣжно обнимаю васъ, крестницу и всѣхъ малютокъ Вяземскихъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Примиска Е. А. Каравзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mes bons et chers amis. Je remercie la chère princesse Véra de m'avoir donné la douce espérance de vous revoir tous ici dans le courant de l'année; combien ce moment sera doux après une si longue absence. Je fais des voeux tous les jours pour votre heureuse délivrance et un parfait rétablissement après; donc vous finirez par avoir un polonais ou une polonaise, ce ne sera pas le favori ou la favorite de votre très humble servante. Nous pensons déjà à notre séjour à Sarsko Sélo qui sera, je suppose, plus calme que jamais: notre illustre Hôte nous quitte, à ce que l'on dit, au milieu de la belle saison. Vous gagnerez à ce que nous perdrions, car vous le posséderez au moins pendant un mois. Je ne puis ne pas vous féliciter avec les *nôces*: étant des habitants de Varsovie, il faut que vous preniez votre part à tout ce qui se fait de remarquable. Bonjour, mes bons et chers amis, portez vous tous bien, soyez tranquilles, ce qui équivaut à être heureux; voila les voeux de celle qui vous aime de tout son coeur, et qui vous embrasse de même les grands comme les petits.

75.

Царское Село. 17 мая 1820.

Любезнѣйшие друзья! Написмъ къ вамъ съ непелица: 12 мая сгорѣла здѣсь часть дворца, церковь, лицей; три раза загорался и нашъ домикъ; бумаги, книги мои etc. были уже въ полѣ: но вѣтеръ поверотилъ въ другую сторону, и домикъ нашъ уцѣлѣлъ. Государь съ своими генераль-адъютантами, а мы съ дѣтьми были на ногахъ отъ двухъ часовъ за полдень до самаго утра. Явилась полиція изъ Петербурга и залила огонь въ самомъ императорскомъ кабинетѣ. Дѣло окончилось убыткомъ миллионовъ до двухъ: мірская шея толста. Всѣ живы и здоровы. Мы уже снова обѣдали во дворцѣ, на половинѣ у Императрицы. Государь, какъ любезнѣйшій хозяинъ, въ то же утро приходилъ къ намъ спросить о здоровье жены и дѣтей. Все по старому. А у васъ что? Дѣти совершенно ли паконецъ здоровы? Вы написали къ намъ, любезнѣйшій князь,

такія загадки, что и Эдипу не разгадать ихъ. Какая *другая* свадьба па развлѣзу? Одной мы ждемъ: да совершилась ли? Здѣсь ничего не слышимъ. Уже не женится ли вашъ начальникъ? Аминь! Пусть ихъ женятся! Но оставляя всѣ Тургеневскія церемоніи, и разводы и бракосочетанія, скажу вамъ, что мы обѣ васть беспокоились: Богъ знаетъ, какъ давно не получали ни строки изъ Варшавы! Даже и Тургеневъ жаловался на ваше молчаніе. Впредь желаемъ не имѣть такія беспокойства. Готовитесь ли къ сейму и чтѣ сочиняете: рѣчи ли, конституція ли? Гишпанцамъ желаю добра, а едва ли придется мнѣ, и съ вами, итти къ нимъ пѣшкомъ. Клобами и журналами не прельщаюсь. И у насъ проявились смѣльчаки: графъ Хвостовъ! *Дерзнувъ* сказать (въ стихахъ на убіеніе Берри), что не должно рѣзать людей, онъ ждетъ великодушно смерти отъ руки какого-нибудь Занда! Не выдумываю, а слышалъ отъ него самого. Между тѣмъ Пушкинъ, бывъ нѣсколько днѣй совсѣмъ не въ пітическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на свободу и нѣкоторыхъ эпиграммъ, далъ мнѣ слово унаться и благополучно поѣхалъ въ Крымъ мѣсяцемъ на пять. Ему дали рублей 1000 ва дорогу. Онъ былъ, кажется, тронутъ великодушіемъ Государя, дѣйствительно трогательнымъ. Долго описывать подробности; но если Пушкинъ и теперь не исправится, то будетъ чертомъ еще до отбытія своего въ адъ. Увидимъ, какой эпилогъ напишетъ онъ къ своей поэмѣ! Простите, милые друзья, родители и дѣтки! Будьте всѣ здоровы. На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Mon mari a été si bavard pour cette fois-ci, qu'a peine j'ai assez de place, pour vous dire un petit bouton, mes bons et chers amis; nous avons si rarement de vos nouvelles que quelquefois cela nous donne des moments d'angoisses. Vous qui êtes encore jeunes tous les deux, vous ne devriez pas prendre le mauvais pli de la paresse, comme nous autres qui, hélas, sommes déjà trop vieux pour nous corriger du détestable défaut de paresse pour écrire. La chère princesse Véra vous a-t-elle déjà donné un beau garçon ou une jolie fille? Embrassez la tendrement pour moi, et elle vous rendra la pareille. Adieu, mes bons amis, mille baisers à la chère marmaille.

76.

Царское Село. 31 августа 1820.

Любезнѣйшіе друзья! Около мѣсяца я не бралъ пера въ руки, страдавъ отъ ревматизма въ правой руцѣ; и теперь еще боль не совсѣмъ пропала: по крайней мѣрѣ могу писать. Вы могли думать, что мы совсѣмъ забыли васъ, если бы ваше сердце не отвѣчало вамъ за нашу дружбу *пожизненную*. Я кричалъ отъ боли, а Сошишка между тѣмъ лежала въ простудной горячкѣ: теперь, слава Богу, она здорова.

Первое письмо отъ васъ, любезнѣйшій князь, получили мы изъ Варшавы, а *второе* изъ Вильны, черезъ пѣсколько дней. Мы очень довольны вашими извѣстіями. Будьте здоровы и любите другъ друга!

Держусь еще лаконизма: пачавъ, уже думаю кончить, ибо движеніе руки еще отзывается у меня въ первахъ. Ждемъ отъ васъ извѣстія о *движеніяхъ* сейма и нашемъ любезнѣйшемъ Государѣ. Поѣдетъ ли въ Вѣпу? Не очень желаю того. Обнимаютъ пѣжно васъ и дѣтей. У васъ добрый Кривцовъ? Графу Каподистрию скажите отъ насъ дружеское слово. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je suis bien fachée, mes bons amis, que vous me supposiez encore plus paresseuse que je ne le suis, et je le suis beaucoup, il faut l'avouer. Mais cependant j'ai répondu aux aimables lettres de la chère princesse Véra, et suis très étonnée qu'elle n'ait pas reçu mes réponses; sa dernière me fait beaucoup de peine, où elle nous annonce son départ de Varsovie, pour se rendre auprès de m-me Kologrivoff. Cela nous fait perdre totalement l'espérance de la voir, ainsi que les chers enfants; est-ce qu'elle ne pourrait pas prendre le chemin de Petersbourg pour se rendre chez ses parents? Ce serait une véritable jouissance pour nous que le moment où nous pourrions nous réunir, au moins pour quelques semaines; et le cher prince Pierre, comme de raison, accompagnerait sa famille jusqu'à ce qu'il l'aie déposée dans son autre famille. En gracie, mes

bons amis, dites nous quelque chose de favorable au sujet de ce plan très simple et bien agréable, pour nous au moins. Adieu en attendant, mes tendres amis, que vous nous donniez la commission de vous chercher un quartier.

77.

Царское Село. 14 сентября 1820.

Отъ всего сердца поздравляю васъ, любезнѣйшая княгиня, съ наступающимъ днемъ вашихъ именинъ; съ нимъ же поздравляю и милаго князя. Будьте здоровы, веселы душою и любите другъ друга! Надѣемся праздновать 17 сентября въ нашемъ семейственномъ кругу: авось подѣдетъ Тургеневъ etc. Я все еще не вышелъ изъ инвалидовъ; выѣхалъ во дворецъ, простудился и снова лежалъ два дни; опять брошу, но еще не работаю, или плохо. Кривцовъ пріѣхалъ весель-счастливъ. Дай Богъ ему радоваться до конца жизни⁸⁵⁾. Мой нравъ не указъ другимъ: кто любить, кто не любить просять. Здѣсь завидуютъ и смѣются *въ духѣ времени*. А вы, любезнѣйшій князь, не смѣетесь и важничаете не на шутку? Если я не опоздалъ совѣтомъ, то даю его въ смыслѣ кротости и терпѣнія: не оставайтесь въ Варшавѣ, но не ходите въ отставку. Всего лучше, если бы васъ сдѣлали помощникомъ статѣ-секретаря въ которомъ-нибудь департаментѣ совѣта: это возможно и нетрудно, какъ думаю. Поговорите съ Николаемъ Николаевичемъ. Что за бѣда, если и не захотятъ перевода варшавскихъ преній? Не въ нихъ наше благо и спасеніе. Вы еще успѣете перемѣнить вашъ образъ мыслей; даю вамъ честное слово. Только живите и будьте здоровы. Въ Варшавѣ играютъ, а дѣлу быть (или не быть) въ Россіи; по прежде дѣла надобно хорошенъко подумать.

Кривцовъ далъ намъ надежду видѣть васъ обоихъ въ Петербургѣ зимою; обрадуемся вамъ душевно. Съ петербургіемъ ждемъ вашихъ писемъ. Обнимаю съ нѣжностію васъ и дѣтей. На вѣки ваши Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous félicite tous deux, mes bons amis, avec la fête du 17. Nous confondrons la vôtre dans la nôtre et buverons à la santé de nos deux chères именинницы, en faisant des voeux que datant de ce jour il n'y ait plus aucun orage qui obscurcisse votre horizon. Je ne sais trop, ma chère princesse Véra, ce que vous voulez dire, en pensant *qu'on ne sera pas trop bien avec vous*; qui est-il, notre Hôte ou les vôtres? et pourquoi? qu'est-ce que cela les regarde, ce qui se passe dans un ménage? J'aime à croire que vous vous êtes trompée, et que la première lettre que nous recevrons dira autre chose. Mille remerciements pour vos envois qui ont parfaitement réussi, tellement que je me meurs d'envie d'être encore une fois indiscrette, et de vous prier de m'acheter une douzaine de bas de soie, six paires à jour et six autres unis, ainsi que des bas de coton six paires à jour et six unis, tous jolis, sans être rien d'extraordinaire, et puis une douzaine de mouchoirs de batiste ordinaire de cinq à six roubles le mouchoir, ou si vous trouvez que ce sera d'un meilleur compte, une pièce de batiste pour une douzaine de mouchoirs, pourvu que l'un ou l'autre soit aussi fin que possible et surtout bien serré pour ce prix, car je ne veux pas du clair. Vous serez assez aimable pour m'acheter tout cela en cas que vous trouviez une occasion pour me l'expédier. Et en grâce dans la note que vous y ajouterez, marquez les ducats et les roubles à côté, car je n'entends rien à vos prix. Par exemple, j'ai cru que c'est moi qui devais vous rembourser quelque chose sur les toiles, et vous me dites que vous m'enverrez des rubans pour la petite somme qui reste de l'argent qui vous a été envoyé. J'ai beaucoup questionné mr. Krivzoff sur tout ce qui vous regarde; il m'a dit des choses satisfaisantes sur la chère princesse Véra, mais très peu sur le cher frondeur. Attendez, mon cher, de prendre cette livrée, vous voyez que c'est aussi celle des *carbonari* et réellement il n'y a aucune ambition à les imiter ou à leur ressembler. On peut toujours être utile à sa patrie, quand on l'aime réellement et quand on veut la servir, comme on peut et non comme on veut. La-dessus je vous embrasse, mon cher boudeur politique, même si vous vou-

liez me bouder pour ces lignes, et j'espère que nous ferons la paix à Saint-Petersbourg, car je me flatte bien de nous y voir avec toute la chère famille. En attendant, adieu; je vous embrasse de toute l'affection de mon coeur, père, mère et enfants. Tous les miens vous disent mille amitiés, s'entend les polissons, car les demoiselles se chargent elles-mêmes de leur besogne.

78.

Письмо Е. Н. Караваиной.

(1820).

J'en viens encore une fois aux félicitations, mon cher et aimable oncle; mais cette fois-ci cependant je les crois mieux fondées, car si vous n'êtes pas satisfait d'être né pour vous personnellement, vous devez l'être pour tous ceux à qui le 12 juillet a procuré le bonheur de vous aimer, et il ne sont pas en petit nombre, je vous en réponds. Parmi tous les voeux que je forme pour vous, celui que vous passiez le jour de votre naissance un peu plus agréablement que la Saint-Pierre, n'est pas oublié, quoique ce soit un voeu sans espoir; car à moins que la saillie de gaîté bachique de nos anciens vassaux n'excite de nouveau votre rire, ordinaire en pareille occasion, je ne crois pas, que vous puissiez retrouver dans votre isolement quelque souvenir de votre splendeur passée. Quant à nous, mon charmant oncle, nous ne passons pas non plus notre temps fort gaîment, ayant toujours quelque malade à soigner. Dans ce moment-ci c'est la pauvre Sophie qui est souffrante; je crois qu'elle vous a parlé, dans sa dernière lettre, d'une glande qu'elle avait au cou et qui lui faisait garder la maison: eh bien, les médecins ont eu la malheureuse idée de lui faire appliquer dessus des sangsues, à la suite desquelles son sang a coulé pendant onze heures, sans qu'aucun effort humain ait pu l'arrêter, et ce n'est déjà qu'au bout de ce temps qu'un évanouissement, causé par son extrême faiblesse, l'a étanché; maintenant elle est assez bien, à la pâleur et à la défaillance près, mais ce qu'il y a de plus triste, c'est que la pauvre Sophie a souffert tout cela pour rien, car sa glande n'a fait qu'empirer. Aussi je vous assure qu'elle est

très touchante et très à plaindre; vous devriez bien la consoler un peu, en lui écrivant quelques lignes que vous savez toujours rendre si aimables, et qui lui font toujours tant de plaisir.

Comment trouvez vous *l'écrivomanie* qui me posséde depuis quelque temps? Aussi en suis je toute émerveillée, ainsi que de ma présomption et de ma confiance dans votre amitié, car il faut en être bien persuadée, vous conviendrez, pour ne pas craindre de vous ennuyer. En cas que vous le soyez un peu, je m'en vais mettre le remède à coté du mal, en vous annonçant que cette épître est le chant du cygne pour un certain laps de temps, s'entend bien, et que je me tairai jusqu'à la première occasion, où il faudra commencer ma lettre par des *félicitations*. En attendant, chargez vous des miennes pour vos enfants, ainsi que de mille tendres baisers, et engagez les à vous en donner quelques uns pour moi, mais de toute la vivacité et de toute la force de leurs sentiments. Catherine Karamsine.

Приписка Н. М. Карамзина.

Съ горячностю обпимаю васъ, любезнѣйшій князь, и поздравляю, желая вамъ всего доброго, какъ нашему сердечному другу.

Мужайтесь въ уединеніи и трудитесь сколько для вашего будущаго спокойствія, столько и для блага милыхъ дѣтей.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

C'est moi qui a commencé la lettre, mon cher oncle, c'est à moi aussi à la finir, car papa a été interrompu au milieu de sa phrase par l'arrivée de plusieurs personnes de la ville. Maman ne pouvant par conséquence non plus vous écrire elle-même, me charge de ses tendres félicitations et de ses voeux pour le bien-être du chef et de tous les membres de la chère famille Wiasemsky.

Sophie se trouve beaucoup trop bête et trop faible pour ajouter quelques mots à cette lettre; elle vous félicite de tout son coeur et vous embrasse de même. Mlle Pluskoff, qui est ici en ce moment, vous salue à *l'aimable* (comme disait mr. Moltchanoff) et vous félicite. A propos d'elle, c'est bien vilain de l'oublier dans

toutes vos lettres et de nous obliger à forger des compliments de votre part dont jamais vous n'ez nous chargez pour elle.

Nous avons toujours sous-entendu nos remerciements pour les chapeaux *radicaux* que les enfants ont déjà usé à moitié, sans cependant se douter de leur importance. Recevez les donc maintenant: *vieux mieux tard que jamais*. Nous avons reçu aussi votre lettre qui nous a fait, comme de coutume, le plus vif plaisir. Le bon-mot de Machinka est charmant: ne pourriez vous pas nous en fournir plus souvent.

Sarsko Sélo. 11 juillet.

79.

С.-Петербургъ. 8 декабря 1820.

Любезнѣйшій князь! Наконецъ мы получили отъ васъ письмо долго не имѣвъ ни строки. Знаю только отъ Тургенева, что вы бодрствуете духомъ и тѣломъ. Неужели почта шалитъ? Все возможно, когда шалитъ и Европа. Я съ живѣйшимъ любопытствомъ жду слѣдствій Троппавскаго совѣщанія⁸⁶⁾. Австрія горячится и любуется своимъ жаромъ, для пея новымъ и не совсѣмъ естественнымъ. Это не жаръ ли эпидемической болѣзни, которая волнуетъ кровь европейскую, имѣя разные симптомы, либеральные и антилиберальные, но равно противные уму, спокойному, тихому, ясному? Я оставилъ бы Неаполь въ покой или, лучше сказать, въ его собственномъ беспокойствѣ, чтѣ скорѣе пояснило бы идеи о молодыхъ конституціяхъ⁸⁷⁾. Меттернихъ хочетъ великаго имени;увидимъ! Не вмѣшиваюсь въ ремесло пророковъ, лѣтами наученный скромности и... невѣдѣнію! Разсуждаю кое-какъ про себя; а главное мое дѣло наблюдать — и дѣло не скучное: вы, господа молодые либералисты, зѣваете часто съ утра до вечера, а мы, не-либералисты, и подъ старость наслаждаемся дѣятельностью душевныхъ силъ своихъ, въ полной независимости духа, покланяясь не идоламъ, а только Богу.

Но это уже не хвастовство ли? Крещусь отъ демона и ставлю точку.

Отъ любезной княгини Вѣры мы получили два или три письма

дружескія. Скажите о вашемъ планѣ: думаете ли навсегда оставить Варшаву? И что послѣ? Когда васъ ждать сюда? Между тѣмъ обнимаю нѣжно отца и дѣтей. Будьте здоровы. На вѣки ваши Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mon cher prince Pierre, et suis charmée de vous savoir bien portant physiquement; mais pour la maladie *politique* ou *libérale*, qui vous possède, j'avoue que je n'aurais pas été fachée qu'on vous fit sortir quelques livres de sang; cela diminuerait un peu de votre effervescence radicale. Pour nous, nous sommes plus tranquilles, car nous ne nous mêlons pas de ce qui ne nous regarde pas. Voilà un petit bout de sermon, mon cher démagogue. Je vous dirai sur nous que pour mon compte je suis fatiguée d'un paquet que je dois encore porter deux mois, que j'ai eu les enfants malades; le pauvre Nicolas se remet un peu d'une fièvre chaude qu'il a eue. Nous avons des nouvelles de la bonne princesse Véra, et j'attends avec impatience cette réunion ici; marquez nous quand en sera le moment. Adieu, je vous embrasse et vous aime fou ou raisonnable; cependant le dernier titre est plus de mon gout.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Maman me charge d'embrasser pour elle vos petits choux et de vous dire qu'elle vous a quitté si brusquement, parce qu'elle s'est trouvée interrompue par la visite d'un ancien ami de la maison, mr. Hamilton, que dix ans d'absence et de ménage n'ont pas rendu moins vif et moins amusant. Adieu, je vous quitte aussi brusquement, parce que l'heure de la poste presse. Merci de la plaisante lettre, mais permettez de vous observer que vous nous croyez parfois trop arriérées. Nous citer des bons mots de Jocrisse! Croyez vous qu'on ne les connaisse qu'à Varsovie? Encore un remerciement pour le logogryphe, et je m'arrache à vous. Sophie K.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Vous nous avez mis si bien les points sur les *i* que je me suis bien doutée que vos *u v x y z* voulaient arriver après le thé.

Vous voyez, mon bien cher oncle, que le titre de *président* rend l'esprit moins bouché, car ni Sophie, ni m-lle Cador, ni aucun membre de la famille n'ont pu résoudre l'éénigme qui, quoique fort peu difficile à deviner, nous a paru aussi captieuse que l'éénigme du Sphinx. Je joins mes remerciements à ceux de Sophie pour vos bons mots et vous embrasse de toute la tendresse de mon cœur.

M-lle Cador vous remercie un million de fois de votre souvenir, ne vous écrit pas elle-même, car elle est malade.

80.

С.-Петербургъ. 20 января 1821.

Любезнѣйшій князь! Пишу къ вамъ съ грустью отъ того, что давно не писалъ. Какъ это сдѣлалось, и самъ не знаю. За то теперь пишу не здоровый, въ простудѣ и почти въ сердцѣ па васъ за эпистолу къ Каченовскому⁸⁸⁾, хотя въ ней и много прекрасныхъ стиховъ. Вы знаете мой образъ мыслей, весьма искренний. Я не имѣю нужды ни въ защите, ни въ мести, и если не врагъ, то друзьямъ своимъ говорю отъ души: „Оставьте меня въ покой!“ Вы, кажется, все еще не хотите мнѣ вѣрить: вотъ о чёмъ жалѣю! Когда добрый Шишковъ вручилъ мнѣ золотую медаль и лучшая россійская публика по собственному внутреннему движению встала при громѣ рукоплесканія, противаго академическому уставу, я былъ холденъ: нужно ли объясненіе?⁸⁹⁾ Непріятели и друзья! Вы не сдѣлаете меня ни хуже, ни лучше — ни менѣе, ни болѣе. Если это не смиреніе, то и не гордость, а любовь къ независимости, которую люблю любить. Читаль я и *Негодованіе*⁹⁰⁾ безъ негодованія, ибо въ немъ много прекраснаго; но желалъ бы болѣе истины, болѣе души и менѣе дѣкламаціи. Вы мнѣ не повѣрите: и такъ на сей разъ замолчу.

Катерина Адреевна можетъ родить дней черезъ десять: беспокоюсь и тревожусь. У нее какая-то одышка, которой боюсь.

Отъ княгини получаемъ письма и слышимъ обѣ ней все хорощее. Ждать ли вѣсть въ Петербургъ, и когда?

Обнимаемъ васъ нѣжно всѣхъ, отца съ дѣтьми. Будьте здо-

ровы и благополучны. Если молитесь Богу, то помолитесь и за насъ: долгъ платежемъ красенъ. На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

81.

С.-Петербургъ. 16 февраля 1821.

.Любезнѣйшій князь! Жена благополучно родила дочь Лизу 9 февраля. Пока все хорошо, а тамъ чтò Богъ дастъ. Мы желали дочери. Довольно и четырехъ молодцевъ. Новорожденная похожа на мать, кажется. Жалѣемъ, что вы не пріѣхали быть крестнымъ отцемъ. Мѣсто ваше заступилъ князь Андрей Петровичъ Оболенскій, который уже собирается назадъ въ Москву. Мы васъ опять ждемъ; но будете ли? Если ожидаете Государей, то развѣ весною васъ увидимъ. Я не Bignon⁹¹) (котораго мы читали), но не могу быть энтузиастомъ конгрессовъ. Нота англійская нехорошо написана, смутно, съ какими-то вывертками, однакожъ дѣльная. Странно, что и Англичане не артисты въ ясности слога. Скажите намъ, что - нибудь яснѣе Англичанъ въ разсужденіи вашего плана: совсѣмъ ли думаете оставить Варшаву?

Вотъ просьба. Тверской вашъ бурмистръ высѣкъ нашу кормилицу Ѹеклу за то, что она просилась Ѣхать къ намъ. Молоко ея воспитало Наташу и Катеньку; вашъ отецъ и вы письменно велѣли сельскому начальству уважать въ ней эту заслугу, а бурмистръ начальствуетъ и сѣчеть пятидесятилѣтнюю женщину. Потребуйте съ него строгаго отвѣта. Еще убѣдительно прошу васъ, любезнѣйшій другъ, дать повелѣніе, чтобы не отдавать въ рекруты старшаго сына до возраста малолѣтнихъ его братьевъ.

Думаю отослать въ Москву нашихъ людей, Матвѣя и Николая: дозволите ли жить имъ въ Осташьевѣ, разумѣется, на нашемъ содержаніи? Напишите и обѣ этомъ къ Ванюшѣ.

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ васъ и Ѵжпо. Будьте здоровы, любите насъ и пишите хорошие стихи. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

82.

С.-Петербургъ. 9 марта 1821.

Любезнѣйшій князь! Скажу вамъ два слова: первое то, что мы, слава Богу, здоровы. Катерина Андреевна оправляется, и Лиза, пока некрасивая, ведеть себя достохвально. Искренно благодарю васъ за пріятное знакомство вручителя, хотя я имъ и мало пользовался. На любезное либеральное письмо ваше буду отвѣтывать черезъ почту. Запимаюсь печатаніемъ IX-го тома Исторіи и немелленно доставлю его вамъ, если вы до лѣта не выѣдете изъ Варшавы. Вероятно, что Государь скоро будетъ. Война начинается: гдѣ и какой конецъ? Не хочу быть пророкомъ. Между тѣмъ худо то, что у насъ голодъ въ разныхъ губерніяхъ.

Обнимаемъ васъ нѣжно—я, жена и дѣти. Богъ съ вами и съ нами! На вѣки ваши Н. Карамзинъ.

83.

С.-Петербургъ. 26 апреля 1821.

Любезнѣйшіе друзья! Снова пишу къ вамъ обоимъ; сердечно радуюсь варшавскому Гостю⁹²⁾ въ Москвѣ, то-есть, приближенію его къ намъ. Дай Богъ, чтобы вы уже не тревожились болѣзняю моего тезки, и чтобы онъ только веселилъ васъ, когда будете это читать. Нетерпѣливо желаемъ узнать, когда можемъ обнять васъ въ Царскомъ Селѣ? Думаемъ перенѣхать туда около 4 мая. Хотѣлось бы, любезнѣйшій князь, предложить вамъ вопросовъ десять и болѣе; но Тургеневъ ждетъ меня. И такъ до свиданія, если можно, или первого писанія. Мы здоровы и васъ вѣжно любимъ. На вѣки ваши Н. Карамзинъ

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout coeur, mes chers amis, et suis r  ellement impatiente de vous embrasser en r  alit  ; les fictions commencent   me paraître trop froides, surtout quand je puis pr  voir toute la possibilit   de faire autrement, car j'esp  re qu'à l'heure

qu'il est Nicolas est parfaitement bien; le temps est magnifique, les routes merveilleuses, il faut donc de la bonne volonté pour que vous vous trouviez au milieu de nous dans quelques jours; cela retardera un peu le retour à Varsovie; mais quelques jours de plus de séparation pour l'impatience de la chère princesse Véra ne seront pas un retard assez considérable, pour ne pas nous en faire le sacrifice. Et puis il faut être *gens à parole*; vous avez si souvent et si longtemps promis, qu'il faut bien remplir vos promesses; en attendant ce moment désiré, je vous souhaite le bonjour à tous, présents et absents, en faisant des voeux pour votre sort et tranquillité. Encore un mot, point de prévention, ni de calomnie contre Moscou, mon cher libéral radical.

84.

С.-Петербургъ. 2 мая 1821.

Любезнейшие друзья! Имъя радостную надежду увидѣться съ вами, будемъ ждать васъ въ Царскомъ Селѣ, куда собираемсяъ хать черезъ два дни, если время и здоровье позволятъ. Можетъ быть, вы еще успѣете возвратиться въ Варшаву прежде, нежели Государь тамъ будетъ. Еще не знаютъ ничего вѣрнаго объ его возвращеніи. Онъ писалъ только къ Императрицѣ Маріѣ Феодоровнѣ, qu'il entrevoit le moment etc. Впрочемъ я не слыхалъ, что привезъ курьеръ пынѣнняго утра. И такъ вы скучаете въ Москвѣ, милый князь? Жалю. Авось когда нибудь перестанете скучать: этотъ талисманъ дается съ лѣтами. Слава Богу, что моему тезкѣ лучше. Будьте всѣ здоровы и спокойны, хотя и съ скучою! На вѣки ваши! Н. Карамзинъ.

Приписка А. И. Тургенева.

Написать никогда, а твое письмо получилъ. Скоро ли будешь къ намъ?

3 мая.

85.

Царское Село. 26 іюля 1821.

Любезнѣйшій князь! Сердечно благодаримъ васъ за дружескую строку. По крайней мѣрѣ знаемъ, что вы благополучно доѣхали. Князь А. Г. Щербатовъ уже здѣсь; но мы видѣлись только на минуту. Какъ опѣ потолстѣлъ и посѣдѣлъ! Вотъ вамъ письмо отъ княгини Вѣры, присланное въ письмѣ къ Сонюшкѣ. Княгиня говоритъ ей, что она писала къ намъ; а мы не имѣли отъ нее ни строки: слѣдственно, это письмо пропало. У нея нѣтъ денегъ для выѣзда изъ Варшавы: она требуетъ еще десяти тысячъ. Можете ли немедленно отправить къ ней эту сумму прямо изъ Москвы? У меня теперь нѣтъ денегъ, кроме тѣхъ, которыхъ лежать въ ломбардѣ, и которыхъ мнѣ не выдадутъ до срока (въ февралѣ) безъ хлопотъ и усилиной просьбы, для меня непріятной. Выдачи изъ опекунскаго совѣта теперь не легки. Ожидая вашего отвѣта. Сленинъ долженъ мнѣ заплатить еще 10 тысячъ, но срокъ въ ноябрѣ.

Насъ залили дожди; сѣно и хлѣбъ гниютъ. Изъ многихъ мѣсть худыя вѣсти объ урожаѣ. Кажется, что я не видаль еще такого худаго лѣта и такого продолжительнаго ненастя.

Гдѣ вы расположились, любезнѣйшій князь, своимъ житѣемъ-бытьемъ? Въ Остафьевѣ? Нетерпѣливо желаемъ узнать о возвращеніи княгини, о соединеніи всего вашего семейства, о вашей нескучной экономной жизни въ интересномъ Остафьевѣ, для насъ незабвенномъ.

Здѣшняя новость есть великолѣпный праздникъ, данный Государемъ Императрицѣ Марії Феодоровнѣ 22 іюля: на капупѣ спектакль въ Павловскомъ, въ день именинъ обѣдъ тамъ же на 200 человѣкъ, въ Царскомъ Селѣ спектакль, прекрасная иллюминація и ужинъ въ Александровскомъ дворцѣ для 200 гостей. Учтивое нѣбо затворило свои хляби на 18 часовъ; а тамъ опять хлынулъ дождь и не перестаетъ. На этомъ празднике занемогъ и черезъ пѣсколько часовъ умеръ Н. А. Загряжской, старый другъ Императрицы Маріи Феодоровны. Его погребутъ въ Павловскомъ⁹³⁾). Плещеевъ — каммергеръ и помолодѣлъ отъ удовольствія.

Испиланти исchezъ⁹⁴). Молдавія и Валахія въ крови и въ пеплѣ. Будеть ли у насъ война съ Турками, еще не известно. Сочините эпитафію Наполеону: вотъ вамъ задача!

Мы пока здоровы; но если это время продолжится, то не миновать болѣзней. Я еще гуляю и встречаю Государя изрѣдка; другіе сидятъ въ порахъ.

Обнимаю васъ нѣжно, любезнѣйшій другъ. Напишите же къ намъ, посылаете ли вы деньги княгинѣ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Примѣска Е. А. Карамзиной.

Il n'y a de place que pour un baiser pour vous, mon cher ami, et pour le petit ami князинька. Que la bénédiction du ciel soit avec vous et les vôtres!

86.

Царское Село. 2 августа 1821.

Любезнѣйшій князь! Сей часъ былъ у насъ Кривцовъ, отдалъ намъ ваше письмо и княгиня, я хотѣлъ нынѣ же отдать деньги Тургеневу, чтобы отправить ихъ завтра въ Варшаву. Авось княгиня выѣдетъ еще до полученія денегъ изъ Варшавы: чего очень желаемъ, чтобы скорѣе соединилось ваше семейство въ такомъ прекрасномъ Остafьевѣ, гдѣ и намъ готовьте уголокъ къ слѣдующему лѣту, если будемъ живы, и если пе будетъ *третьяло* изданія сочиненія моей Исторіи. Пишу 10-й томъ очень медленно: кончилъ только первую главу. Кривцовъ расхвалилъ намъ Москву, такъ, что мнѣ захотѣлось взглянуть на нее. C'est beau.. oui, pour les passants! какъ вы говорите. Еще болѣе прежняго я ни то, ни се въ разсужденіи будущаго: какъ Богу угодно! Обнимаю васъ нѣжно. Страйтесь не скучать: пишите стихами и прозою; издавайте пословицы, старые наши иѣсни съ замѣчаніями⁹⁵), etc., etc. Мы здоровы. Спѣшу отправить письмо. Вашъ Н. Карамзинъ.

Экономьте, платите долги, а тамъ, если пароксизмъ либерализма пройдетъ, выбирайте службу и мѣсто!

87

Письмо къ княгинѣ В. Ф. Вяземской.

Царское Село. 2 августа 1821.

Любезнѣйшая княгиня! Вообразите, что ваше письмо, въ которомъ вы пишете о приславіи къ вамъ десяти тысячъ рублей, получили мы только нынѣ по утру, и то изъ Москвы, отъ князя Петра Андреевича! Гдѣ оно было, и какъ шло, не знаю. Князь прислалъ и деньги, которыхъ завтра долженъ отправить къ вамъ Тургеневъ. Но лучше, если бы они уже не застали васъ въ Варшавѣ. Князь ждетъ васъ съ четвергомъ въ Москвѣ. Сердечно раздѣляемъ съ вами хлопоты и беспокойства. Дай Богъ, чтобы вы скорѣе отдохнули отъ нихъ въ тишинѣ Остафьевъ! Намъ пріятно было читать въ вашемъ любезномъ письмѣ, какъ въ Варшавѣ соожалѣютъ о князѣ, то-есть, какъ отдаютъ ему справедливость⁹⁶). Мы все, слава Богу, здоровы. Мои будуть писать къ вамъ въ слѣдующую среду: теперь спѣшу отправить это письмо къ Тургеневу. Цѣлую вашу ручку и милыхъ дѣтей. Прѣзжайте скорѣе въ Москву, и все здоровы. На вѣки ваши Н. Карамзинъ.

88.

Царское Село. 12 августа 1821.

Любезнѣйший князь! Давно не имѣемъ ни строки отъ васъ. Деньги къ княгинѣ посланы. Надѣюсь, что она уже въ дорогѣ. Кажется, что съ нею нехудо обошлись въ Варшавѣ. Великій Князь звалъ ее на какой-то феерверкъ и былъ учтивъ до любезности. Желаемъ скорѣе узнать, что вы все вмѣстѣ въ любезномъ Остафьевѣ, въ вашемъ наслѣдствѣнномъ княжествѣ, которое не уступаетъ иному нѣмецкому. Годъ для экономіи не совсѣмъ хороши: все пропадаетъ отъ дождей ливныхъ, какихъ не помню; и эта полоса идетъ отъ Рейна до Кавказа. Здѣсь все по старому. Но-ваго то, что Сергій Тургеневъ въ Одесѣ съ посломъ и посольствомъ: ихъ благополучно выпустили изъ Константиополя. Александръ Тургеневъ вспрыгнулъ, думаю, отъ радости. Въ память Хе-

8*

раскову спрошу у васъ: что ваша муз? Третьяго дни ъздилъ я на Петергофскую дорогу посѣтить старика Болотникова, которой едва не до смерти убился, страдаетъ, не жалуется и съ усердіемъ молится Богу. Теперь вы не стали бы надъ нимъ смеяться! Это его *красной часъ*⁹⁷⁾. На сихъ дняхъ была у насъ Катерина Федоровна: она беспокоится о Никитѣ Михайловичѣ⁹⁸⁾. Я объяснялся обѣ немъ безъ большаго успѣха. Вообразите, что Лунинъ упорно хотѣлъ служить въ департаментѣ министерства просвѣщенія и добился аудиенціи, чтобы имѣть торжественный отказъ! Съ досады ускакалъ изъ Петербурга.

Обнимаю васъ нѣжно всѣмъ семействомъ, любезнѣйшій другъ. Будьте здоровы и не скучайте. Цѣлую милаго тезку. Здоровъ ли онъ? Помнить ли насъ? На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

89.

Царское Село. 30 августа 1821.

Любезнѣйшій князь! Надѣемся, что вы уже все вмѣстѣ; княгиня должна была выѣхать изъ Варшавы 14 августа. Дай Богъ, чтобы впредь вы уже не разставались, худо проживая, добро наживая! Мысленно смотримъ на васъ отсюда въ Остафьево: кажется, что лицо ваше уже веселѣе, нашъ умный князь; хандра миновала; вы улыбаетесь сатирически, но не сардонически: такъ ли? Въ самомъ дѣлѣ чего не достаетъ для вашего совершенного земнаго блага? О небесномъ же, думаю, вы еще не тоскуете! Вы здоровы, молоды, имѣете милое семейство, хорошее состояніе, добрыхъ пріятелей, Остафьево, *дворянскій чинъ*; прибавлю: душу, разумъ, дарованіе. Не достаетъ вамъ развѣ умнья наслаждаться тѣмъ, что имѣете; правда, что это не бездѣлица: но кто виноватъ? Вѣкъ живи, вѣкъ учись... жить! Безъ науки и въ попы не ставить. На томъ свѣтѣ какъ вы посмѣетесь надъ собою! Впрочемъ мы все составимъ тамъ хоръ мертвѣцовъ, смыюшихся надъ живыми. Я также не гораздъ счастью, съ тою разницею, что мало и забочусь обѣ этой нсвидальщинѣ; смотрю въ землю, взглѣдывая иногда на небо.

Обратимся къ важнѣйшему: думаете ли о собрапіи русскихъ пословицъ и пѣсенъ? Есть и другой предметъ для вашего бездѣлья:

напишите эпиграфю Наполеону въ ожиданіи стиховъ Байроновыхъ; напишите ее хотя въ формѣ сонета! Не задаю вамъ Греці... или задаю, если угодно: вы найдете способъ не толкаться лбомъ съ дюжинами стихотворцевъ, воспѣвающихъ теперь на разныхъ языкахъ Элладу и Гелленовъ. Мы почти здоровы: только я въ пасмокѣ. Здѣсь теперь все пусто, ибо все полно въ Невскомъ монастырѣ. Нѣжно всѣхъ васъ обнимаемъ. Крестницѣ особенный поцѣлуй, также и тезкѣ. Будьте здоровы. Вашъ Н. Карамзинъ.

P. S. 1 сентября. Наша Сонюшка фрейлина!! Вчера Государыня Марія Феодоровна намъ о томъ сказала. Голубыя ленты Кочубею и Траверсе; шталмейстеру Долгорукову Аннинскаго; князь Андрей Павловичъ Гагаринъ действительный статскій советникъ etc. etc.

Что-то много. Еще разъ васъ обнимаемъ и радостно поздравляемъ любезнѣйшую княгиню съ прїѣздомъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Bonjour, mes bons et chers amis, je suis enchantée de vous savoir enfin réunis. Dieu veuille que ce soit pour toujours, et surtout que ce soit de coeur et d'âme. Je vous félicite avec une nièce demoiselle d'honneur; cette faveur a été une parfaite surprise pour nous; et les premières félicitations que nous en avons reçues ont été très sèchement renvoyés; c'est l'Impératrice Mère qui nous en a donné l'assurance et hier le chiffre est arrivé, pas moyen de douter. Dans une heure nous partons pour Pavlovsky pour rendre nos actions de grâce, car nous ne voulons pas faire le voyage à la Tauride et à Kamenoy-Ostroff, comme tous nos compagnons de grâce vont le faire, et nous en avons beaucoup. Adieu, je n'ai que le temps de vous embrasser tendrement tous en gros et en détail. Un mot pour la chère princesse Véra, envoyez en grâce ce qu'il vous reste de nos envois et surtout la note; ne l'oubliez pas.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Merci, cher calembouriste, de nous avoir si exactement et si aimablement répondre; comment donc répondrez vous au vénérable^e de grâce que ce soit par nous. Me voilà donc chiffrée parmi les

demoiselles d'honneur, à mon très grand étonnement, et c'est un chiffre que rien au monde ne pourra effacer, puisqu'il est en lettres de diamants. J'avoue cependant que ceci n'est pas tout à fait de moi. Adieu, je vous prie de distribuer mille tendresses à toute votre famille en commençant par vous. S. K.

90.

Царское Село. 30 сентября 1821.

Здравствуйте, любезнейшие друзья! Сердечно благодаримъ милью княгиню за подробное уведомление объ ея варшавскомъ пребываніи; все для насъ интересно. Хорошо во всякомъ мѣстѣ оставить людей съ добрымъ обѣ наше мнѣніемъ. Вопреки библейской пословицѣ можно быть пророкомъ и въ своей землѣ; однакожъ добрая слава и въ чужой лестна сердцу. Вы, мой умный князь, дивитесь задачѣ писать эпитафию Наполеону: я стою въ томъ, что можно безъ ссоры съ цензурою бросить нѣсколько стиховъ на его могилу, блестящихъ мыслями, какъ перлами нетленными. Предметъ высокъ и глубокъ, не въ мѣру цензурѣ, и тѣмъ лучше: она не должна найти въ немъ ничего запрещенного; а потомство нашло бы тутъ истину, еще не весьма ясную для современниковъ. Такъ воображаю. Между тѣмъ знаете ли, что нашъ поэтъ Батюшковъ склонится и съ потомствомъ, и съ современниками, не хочетъ ничего писать, ни служить, ни быть въ отставкѣ, ни путешествовать, ни возвращаться въ Россію, то-есть, онъ въ гипохондрии, по рассказамъ Блудова? Жалко и больно. *Telle est la misère humaine!* Говоримъ обѣ васъ и съ Блудовымъ, и со всѣми: кто васъ не любить? Развѣ NN, да NN, да NN; но мы ихъ не видимъ. Будьте, право, веселы: сколько пріятностей въ жизни имѣете и еще имѣть можете! Вотъ письмо не связное и безъ каламбуровъ: спѣшу отправить его. Жена гуляетъ: день прекрасный. Вы слышали о гвардейскомъ обѣдѣ? 30 тысячъ пило здоровье Императора, плакало, кричало *ура*, etc. etc. Это не совсѣмъ придворная вѣсть, но... бросаю перо, какъ я въ старину писываль. Нѣжно васъ обнимаютъ всѣхъ до единаго. Вашъ Карамзинъ.

91.

Царское Село. 21 октября 1821.

Любезнѣйшіе друзья! Грустно намъ знать о вашей ипохондрии, милый князь: потому что ваша болѣзнь есть точно ипохондрия, скука или тоска отъ скучи. Думаю, что лучше вамъ перебѣхать въ городъ: каковъ онъ ни есть, но все не деревня; и английскій клубъ имѣть свое достоинство. Теперь же осень глубокая: шумъ вѣтра склоняетъ къ мрачнымъ думамъ. Для чего бы вамъ не бесѣдовать съ музою? Вы умѣете даже и въ логографахъ правиться: ваша *Слава* почти славна; а басни разсмѣшила насть, равно какъ и журнальное объявленіе. Вы смѣшите другихъ, а самисмотрите сентябрь. Съ такимъ умомъ, съ такимъ прекраснымъ дарованіемъ какъ бы не жить пріятно и въ Остафьевѣ, и въ старушкѣ Москвѣ! Я прожилъ тамъ все цвѣтущее время жизни и не скучалъ: этимъ хвалиться можно безъ нескромности. Но не позволяю себѣ на васъ сердиться, когда я не сержусь и на Каченовскаго за новый его выстрѣлъ въ IX-й томъ, къ счастію, весьма толстый. A la guerre comme à la guerre. Безъ непріятеля всякий герой, всякий побѣдитель. Я не видалъ и не имѣлъ чести знать царя Ивана, а сказываю, что обѣ пемъ писали современники; и еще не безъ разбора. А государственные акты? А Четиминей? Вы требуете матеріаловъ для біографіи Ивана Ивановича: это не легко на письмѣ. Предложите мнѣ вопросы: буду отвѣтывать на нихъ; или приплите, что напишете: могу сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія⁹⁹).

Прикажите нашему Ивану Тургеневу сдѣлать расчетъ, сколько надо бути за варшавскія покупки исключить изъ 10,000 р., и по тому заплатите, когда будетъ время; а процентовъ пять, то есть, это я беру изъ ломбарда. Нѣжно всѣхъ вать обнимаемъ: мужа, жену, дѣтей, и въ особенности мою милую крестницу. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Думаемъ черезъ три дни перебѣхать въ городъ.

92.

С.-Петербургъ. 28 ноября 1821.

Любезнѣйшіе друзья! Сію минуту мы получили ваше письмо, въ которомъ пишете вы о парыѣ бѣднаго Николинки: дай Богъ, чтобы это все прошло. Тутъ неѣтъ опасности, но не мало страданія. У нашего Владимира былъ такой же парыѣ. Будемъ ожидать успокоительной вашей вѣсти.

На сихъ дняхъ отправили мы Фимушку къ ея матери, потерявъ всю надежду исправить ее и боясь, чтобы она не развратилась въ нашемъ домѣ. Катерина Андреевна просить васъ, любезнѣйшій князь, дать ей (Фимушкѣ) отпускную: пусть она будетъ вольною, а мать или выдастъ ее за-мужъ или оставитъ у себя для исправленія.

Прилагаю письмо къ матери и къ Ивану Иванову.

Прекрасно, что вы говорите о дѣйствіи музыки; живо описываете и состояніе вашей души: но для чего же не сражаться и не побѣдить? Въ такой побѣдѣ и добродѣтель, и сладость. Здѣсь мы не для нѣги, а для войны. Поддаваться есть уничтожаться. Въ Москвѣ скучно, въ Петербургѣ непріятно. Не скучайте въ Москвѣ и находите пріятности въ Петербургѣ. И Москва, и Петербургъ есть только декорація: существо въ нась. Всякое усиленіе быть въ душѣ независимымъ богато награждается. Говорю, чтò чувствую: слѣдственно, прибавлю, что люблю васъ сердечно. Жалѣю и жалѣю.

Разпахомъ я не боленъ единственно отъ вѣры моей въ Прорицаніе: гдѣ добро или зло не зависятъ отъ меня, тамъ стараюсь быть спокойнымъ зрителемъ. Дѣйствительно все къ лучшему, хотя и не въ здѣшнемъ свѣтѣ, то-есть, не въ грезѣ, а на яву.

Обнимая васъ нѣжно, любезнѣйшіе друзья. Еще повторяю: дай Богъ, чтобы мой тезка уже не тревожилъ васъ! На вѣки ваши. Н. Карамзинъ.

Сдѣлайте одолженіе, не забудьте отдать приложенное письмо Ивану Иванову и Анисье.

93.

С.-Петербургъ. 26 декабря 1821.

Любезнѣйшій князь! Вилюсь передъ вами: держу вашъ манускриптъ обѣ Иванѣ Ивановичѣ съ недѣлю и еще не прочиталъ его, то-есть, до конца; еще могу продержать дней пять отъ того, что занималось имъ въ вечеру, когда и скучные, и нескучные люди являются въ нашей гостиной. Читаю съ искреннимъ удовольствиемъ и кое-что перемѣняю въ словахъ: вы будете судьею.

Теперь возвращаюсь къ третьей главѣ X-го тома. Мы слава Богу, здоровы. Надѣемся, что мой тезка уже совершенно оправился. Будьте всѣ здоровы. Цѣлую ручку у милой княгини, нѣжно обнимаю васъ, крестницу и всѣхъ дѣтей. Новый годъ на дворѣ: будьте по возможности счастливы въ его теченіе! Еще разъ обнимаю все ваше любезнѣйшее семейство. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Вчера ѿздилъ я въ первый разъ на саняхъ.

94.

29 декабря (1821).

Любезнѣйшій князь! Съ удовольствіемъ искреннимъ читалъ и возвращаю. Я дозволилъ себѣ сдѣлать *поправки*, а вамъ даю *право поправить* ихъ; но не оставляйте какъ было: ручаюсь, что было неисправно. Охота вамъ вольтерствовать и щелкать въ каменную стѣну: цензура не пропустить за то и хорошаго, и весьма хорошаго; и мнѣ будетъ жаль, и всѣмъ, кто любить хорошее. Я дерзнулъ вымарать и *деспота*: опять что за охота? Это все сказано и пересказано. Будьте великодушны и притупите жало, останьтесь при одномъ остроуміи. Послѣдней части я еще не видалъ; она у Д. Н. Блудова. Мы, слава Богу, здоровы и почти все сидимъ дома. Боюсь маскарада 1 января. Здѣсь наконецъ зима и въ 1821 году.... Кто-то пріѣхалъ: простите. Всѣхъ васъ цѣлую въ древнемъ и въ новомъ смыслѣ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

95.

С.-Петербургъ. 5 января 1822.

Еще поздравляю васъ съ новымъ годомъ, любезнѣйшій князь.
Дочитываю ваши послѣднія тетради о Иванѣ Ивановичѣ.

Сдѣлайте одолженіе, позвольте моему человѣку Николаю по-
жить въ Остафьевѣ у родныхъ его жены на моемъ содержаніи,
которое тамъ дешевле, пожели здѣсь: здѣсь же онъ пиль и портилъ
своихъ двухъ сыновей. Клялся, что не будетъ пить въ Остафьевѣ.
Шипу обѣ пемъ и къ Ивану Иванову, которому отдайте прило-
женное письмо, гдѣ вложена и банковая расписка.

Сюда пріѣхалъ вашъ варшавскій милостивецъ, котораго я
еще не видалъ.

Вотъ новость: вчера Шлещеевъ долженъ былъ играть комедію
у графини Кутайсовой; гостей звали въ 8 часовъ, а онъ, то-есть,
актеръ Шлещеевъ, пріѣхалъ—когда, думаете? Въ первомъ часу за
 полночь! Однакожъ играли, и зрителей распустили по домамъ въ
третьемъ часу утра; никто не захотѣлъ уживать.

Цѣлую ручку у любезнѣйшей княгини; цѣлую милую крест-
ницу и всѣхъ дѣтей. Васъ нѣжно обнимаю и берусь за ваши
тетради. Будьте здоровы и на вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

96.

С.-Петербургъ. 7 февраля 1822.

Благодаримъ васъ, любезнѣйшіе друзья, за ваши письма, столь
для насъ пріятныя. Слава Богу, а то мы очень беспокоились. Одна-
ко же желаемъ продолженія до четырехъ недѣль: хотя по строкѣ
пишите къ памъ съ каждою почтою.

Мы отдохаемъ послѣ праздника блестящаго; во готовимся
еще раза три выѣхать въ люди на этой педѣль.

Жуковскій пріѣхалъ; мы еще не видали его. Императрица
написала, что онъ пе расправился въ путешествіи. Мы всѣ и всѣхъ
васъ обнимаемъ. Спѣшу отослать письмо. На вѣки вашъ Н. Ка-
рамзинъ.

97.

С.-Петербургъ. 21 февраля 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Радуемся душевно, что у васъ все хорошо и здорово. У насъ было двое нездоровыихъ: одинъ Владимира еще не совсѣмъ справился.

Скоро отправятся къ вамъ двѣ дѣвицы: одной изъ нихъ, по вашему предписанію, дали мы въ задатокъ 200 р.; дадимъ и болѣе, сколько понадобится.

Собралъ я подписько на сочиненія любезнаго Василья Мѣвовича рублей 400: что съ ними дѣлать? Увѣдомьте. Отдать ли Плетневу? ¹⁰⁰⁾

Увѣдомьте также, получилъ ли вашъ, уже *свободныи*, Иванъ Ивановъ Тургеневъ мои 180 р. изъ банка, и получить ли?

Вы превзошли Петербургъ своими масличными весельями.

Я не въ духѣ писать. Простите, милые друзья. На вѣки вали Н. Карамзинъ.

А вы что пишете, любезнѣйшій князь? Раздѣлялись ли вы ст. поправками сочиненія о стихотвореніяхъ etc. Ивана Ивановича?

98.

С.-Петербургъ. 10 марта 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Отпускаемъ къ вамъ двухъ дѣвицъ, которымъ и за которыхъ мы отдали здѣсь 490 р. Дѣвица Жохова намъ очень полюбилась: хорошо воспитана, умна и добра. Желаемъ, чтобы вы были довольны. Простите. Впередъ болѣе. Обнимаемъ васъ любовію. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous dirai aussi un petit mot pour les dames de la diligence; m'-lle Жоховъ a passé la nuit chez nous et part dans le moment; j'espère que vous serez contents de l'une comme de l'autre de ces dames, qui vont vous trouver. La vôtre sera sûrement bien chez vous, donc mes sollicitudes se portent davantage sur m'-lle

Жоховъ: elle quitte sa patrie pour ainsi dire en quittant l'institut; je vous engage à être sa patronne dans la bonne comme dans la mauvaise fortune en cas qu'elle ne convienne pas à la princesse Четвертинска. Adieu, mes bons amis; je suis enchantée de vous savoir tous bien portants; grâce au Ciel, nous pouvons vous en dire autant. Je vous embrasse avec tendresse tous tant que vous êtes.

99.

С.-Петербургъ. 20 марта 1822.

.Любезнѣйшіе друзья! Вы было опять пась напугали; но послѣднія строки княгининой приписки нась успокоили: надѣемся, что все пройдетъ благополучно. Между тѣмъ ожидаемъ новаго письма, чтобы быть совершенно спокойными.

Для чего не съѣздить въ Одессу? Но совсѣмъ не трогаться съ мѣста до іюня: къ тому времени, думаю, рѣшатся наши отношенія къ Портѣ, миръ или война; если война, то неѣздите, и ради Бога неѣздите, для избѣженія непріятностей. Въ Одессѣ не менѣе пяти тысячъ Грековъ: тѣсно и дорого; а какъ еще выпалять изъ пушки, то будетъ сумятица ужасная. Посмотримъ развязки.

Дѣвицы уже передъ вашими глазами, если дилижансъ не утонулъ: не правда ли, что Жохова интересна, хотя и съ горбомъ? Воспитаніе женское у нась въ *преуспѣніи*; съ мальчиками ладимъ менѣе, нежели съ дѣвочками.

Батюшковъ возвратился меланхоликомъ, ипохондрикомъ, мрачнымъ и холоднымъ: остановился у Демута, сидѣть въ своей комнатѣ и не расположено часто видѣться съ нами; однакожь провелъ у нась вечеръ кое-какъ. Увидимъ, что будетъ далѣе.

Мы, слава Богу, здоровы. Жена и дочери начинаютъ говѣть.

Здѣсь известный египетскій путешественникъ Бельцони: буду съ нимъ нынѣшній день обѣдать у французскаго посла.

Поздравленія вашего съ весною не принимаемъ: выпалъ снѣгъ и обратился въ грязь.

Любезнѣйшій должникъ! Увѣдомьте, можете ли въ апрѣлѣ

заплатить мнѣ по заемному письму? Это знать нужно для нѣкотораго распороженія.

Простите. Нѣжно васъ обнимаемъ всѣмъ домомъ. Вашъ Н. Ка-
рамзинъ.

100.

Письмо Е. А. Карамзиной.

(1822).

Bonjour, mes bons amis, combien nous sommes contents de savoir la chère princesse Véra quitte de la perspective terrible des souffrances qu'elle craignait; au nom du Ciel continuez les ménage-ments sans faire attention aux six semaines écoulées. Pour nous, grâce à Dieu, nous nous portons tous bien et faisons nos paquets pour le séjour des dieux et des rois. Mais il y a une certaine parade qui, je suppose, nous retiendra quelques jours de plus ici, et que nous ne partirons que le 15. Je pense qu'une fois que vous serez tout à fait sûre de la santé de la princesse Véra, vous songerez aussi à Astafievo. Adieu, je me dépêche, j'ai quelqu'un qui m'at-tend: mais j'ai besoin de vous donner une commission; j'espère que vous avez à l'heure qu'il est vos fichus, et l'argent qui nous en revient 40 r. vous le remettrez à B. Л. Pouchkin pour 4 exempl. de ses œuvres qu'on nous a demandés, et vous accompagnerez le tout d'un amical compliment de ma part.

Adieu, chers, bons amis, je griffonne plus qu'à l'ordinaire, on m'appelle, on m'appelle.

Прописка Н. М. Карамзина.

Обнимаю васъ пѣжно, любезнѣйшіе друзья. Видимъ Батюш-кова съ горестю. Одинъ Богъ можетъ исцѣлить его. Скажите Англичанину, что я буду отвѣтывать ему на письмо; но не сказы-вайте, что мнѣ это скучно. Прибавьте, что я исполненъ почтенія къ его трудамъ, лестнымъ для чести нашихъ древностей.

Ради Бога не упускайте случая продать Костромское село графу Орлову: онъ прекрасный господинъ для крестьянъ; а крестьяне васъ обманутъ и никогда не заплатятъ вамъ полу-милліона: мо-

жете остатъся и безъ крестьянъ, и безъ денегъ, не смотря на законныя условія съ ними. Такъ думаю и еще разъ обнимаю васъ всѣхъ пѣжно.

101.

С.-Петербургъ. 31 марта 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Мы опять въ беспокойствѣ о милой княгинѣ и съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ васъ извѣстій. Дай Богъ, чтобы это письмо нашло васъ безъ больныхъ! Мы здоровы; но мысль о поздоровью княгини мѣшаетъ намъ встрѣтить праздникъ съ удовольствіемъ. Между тѣмъ отъ всего сердца поздравляемъ васъ и заранѣе говоримъ: *Христосъ воскресе!* Нѣжно васъ всѣхъ обнимаемъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

102.

С.-Петербургъ. 5 апрѣля 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Христосъ воскресе! Мы спокойнѣе, но все еще ждемъ отъ васъ новаго извѣстія, чтобы совершенно успокоиться.

Мы, слава Богу, здоровы. Праздникъ для настъ только христианскій, а не свѣтскій. Я не видалъ и двора, а видѣлъ только Императрицъ на минуту.

Пишу къ вамъ это письмо съ племянникомъ, Николаемъ Федоровичемъ Карамзинымъ, выпущеннымъ изъ Пажескаго корпуса въ Екатеринославскій полкъ. Будьте къ нему милостивы.

Въ разсужденіи денегъ вотъ мое распоряженіе: пришлите мнѣ до мая теперь 5000 р., а остальные 5000 р. оставьте у себя еще на шесть мѣсяцевъ, если хотите.

И у васъ жарко: второй день лѣтній. Что же о сочиненіяхъ Василья Львовича? Прошу нѣжно подѣловать его за меня. Каково разсужденіе Шлетнева о Жуковскомъ и Батюшковѣ въ книгѣ Греч? Мы посмѣялись; но это и жалко¹⁰¹⁾. Батюшкова давно не вижу. О работѣ для него мы уже толковали; но едва ли экспериментъ удастся. *Что есть человѣкъ, си же и проч.?*

Обнимаемъ васъ нѣжно всѣхъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Каразиной.

Христосъ воскресъ! Mes bons et chers amis, vous avez gâté nos fêtes, en les attristant par les mauvaises nouvelles sur la santé de la chière princesse Véra; il y a un véritable guignon attaché à ses couches; après des relevailles si heureuses, malgré les accidents des *mixtures* prises les unes pour les autres, après six semaines attraper une si forte maladie! Nous sommes un peu plus tranquilles depuis votre dernière, mais je ne le serai qu'à la nouvelle de la guérison parfaite. Pour nous, grâce au Ciel, nous nous portons tous bien et passons nos fêtes, comme le carême, tout doucement chez nous. Je vous embrasse tous de tout mon coeur en gros et en détail.

Приписка С. Н. Каразиной.

Recevez aussi mes tendres félicitations et mes voeux pour le rétablissement de la santé de ma tante; j'espère que ce temps si beau et si chaud aidera à la débarasser de ses rhumatismes. Je suis toute émerveillée de l'effet qu'il produit sur vous, nouveau poète de la nature, car votre dernière lettre vaut une dithyrambe en son honneur. Je suis tentée de croire ou que vous avez en vérité terriblement vieilli depuis notre séparation, ou bien que l'ennui est bon à quelque chose, ce qu'il est encore plus difficile de me persuader. Je ne désespère pas de vous voir revenir de voyage de Crimée en nouveau Joukoffsky avec des coffres remplis de vues et de feuilles séchées.

En attendant, je vous prie de distribuer mille tendres baisers de ma part à toute votre famille et au cher Nicolas en particulier. Se souvient-il encore de nous, et ne le faites vous plus languir d'inanition? Sophie K.

Приписка Е. Н. Каразиной.

Je joins mes félicitations, mes vœux et mes regrets à ceux de la famille, en vous priant, mon cher et aimable oncle, de les faire agréer à ma tante. Je vous embrasse du fond de mon coeur, de même que tous les chers petits cousins et cousines. Toute à vous Catherine K.

103.

С.-Петербургъ. 27 апреля 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Ваши извѣстія не совсѣмъ насы успокаиваются: долго ли страдать отъ нарываовъ? Ждемъ отъ почты до почты, и между тѣмъ неохотно писать въ этомъ беспокойствѣ. Однакожъ сердечно благодаримъ васъ, любезнѣйшій князь, заувѣдомленіе, которыхъ и просимъ и требуемъ.

Спасибо за ласку, оказанную племяннику. Уѣхалъ ли онъ?

Языкъ копченый есть для насъ рѣдкое блюдо: показывается днѣй черезъ десять. Все тотъ же: добрый и вкусный для насъ, старыхъ друзей, и не взыскательныхъ. Батюшковъ ѓдетъ на Кавказъ: имѣю мало надежды, однакожъ имѣю. Богъ знаетъ, что сидить въ немъ: меланхолія, ипохондрія? Грустно, а дѣлать нечего: онъ заперся отъ дружбы; сердце его глухо для ея голоса.

И такъ вы мыслите воевать съ Катенинымъ? Что за охота? Шищите лучше и лучше: вотъ лучшій отвѣтъ на всякую критику и брань¹⁰²⁾. О нѣмецкой критикѣ на мою Исторію ничего не знаю: видѣлъ только въ разныхъ журналахъ кое-что, по нѣскольку строкъ. Нѣмцевича здѣсь нѣть: дайте мнѣ идею обѣ этой новой его книгѣ.

Мы собираемся ѓхать въ Царское Село, но стало холодно. Намъ отводятъ на нынѣшнее лѣто два домика въ Китайской деревнѣ: будетъ просторнѣе и красивѣе, но опасаемся сырости. Нашъ старый домикъ передѣлываютъ.

Пишу Годунова, и хотѣлось бы кончить его къ зимѣ. Сленинъ начинаетъ платить туго: это худо для нашихъ финансъ. Пришлете вы намъ 5000 р.? Скажите.

А. И. Тургеневъ принимаетъ дѣла отъ Розенкампфа¹⁰³⁾, а Ник. Ив. Тургеневъ весь въ юстиції. И здѣсь давно говорять о перемѣнахъ въ министерствѣ просвѣщенія etc., но я не знаю обѣ этомъ пичего вѣрнаго; можетъ остаться, и *status quo*.

Обнимаю всѣхъ нѣжно; а васъ, любезнѣйшій князь, прошу обнять за меня почтеннаго и любезнаго Д. В. Дашкова: увидимъ ли его? Мы обѣ немъ говоримъ часто. Всѣхъ дѣтей цѣлую. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

104.

С.-Петербургъ. 4 мая 1822.

Любезнѣйшіе друзья! Мы обрадовались приписанію княгини, но все еще ждемъ дальнѣйшихъ вѣстей. Вы такъ настращали насъ! Авось лѣто будетъ медикомъ. И у насть есть нездоровая: Сонюшка, у которой часть шеи въ желѣзахъ отъ простуды; лѣчать уже около шести недѣль, а пользы нѣть. Собираемсяѣхать въ Царское Село послѣ завтра. Намъ отвели два домика въ Китайской деревнѣ: не знаю, хорошо ли будетъ. На сихъ дняхъ отправится къ вамъ Крикцовъ ждать губернаторства. Дай Богъ, чтобы ему всегда помогалъ Богъ! Я истинео люблю его, какъ доброго пріятеля и беспокоюсь о будущей судьбѣ его. Увидите, можетъ быть, и Батюшкова. Онъ третьяго дни читалъ Блудову стихи свои: это хорошій звакъ; и стихи хороши¹⁰⁴⁾. Обнимите за меня Д. В. Дацкова и С. И. Тургенева. Увидимъ ли перваго? 5000 р. и новое заемное письмо получиль: возвращаю при семъ старое съ надписью. Чтѣ вы дѣлаете, любезнѣйшій князь, въ часы досуга пітическаго, когда княгиня менѣе тревожить васъ своимъ нездоровьемъ? Жуковскій читаетъ намъ Іоанну Шиллерову: переводъ очень хороши для чтенія; но не знаю, какъ будутъ наши актеры играть ея: это романъ въ разговорахъ, а не драма. Вы слышали, что сдѣлалось съ Байрономъ? Если правда, то онъ по предчувствію любилъ писать о кинжалахъ и смертоубійцахъ.

Обнимаемъ васъ нѣжно всѣхъ отъ мала до велика. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je ne vous dis que deux mots, mes bons amis, pour vous exprimer la satisfaction que j'ai eu de revoir l'écriture de la chère princesse Véra; mais cette satisfaction a été bien troublée, en apprenant que sa santé était encore si délabrée qu'on ne prévoyait pas le moment du rétablissement parfait. J'espère dans la bonté divine et qu'en dépit des esculapes la belle saison rendra les forces à la malade si patiente. Pour nous, notre départ est décid  pour demain.

en cas que mon pauvre mari ne souffre pas davantage de ses hémorroïdes; il serait aussi à désirer qu'il fit moins froid; il y a eu gelé cette nuit. Je vous embrasse tous, mes bons et chers amis, père, mère et enfants, tous les miens vous baissent les mains; ils sont dans le chagrin: leur *Xamika*, qu'ils ont pris en grande affection, les quitte pour aller dans l'étranger retrouver sa famille; et pour moi aussi: c'est une véritable calamité après quatre mois d'habitude, un bon jeune homme et qui me convenait très fort pour ce qu'il devait être, il faut s'en séparer, prendre un autre, s'y habituer de rechef! Enfin il faut prendre les choses comme le bon Dieu les envoie.

105.

Царское Село. 28 мая 1822.

Любезнейшіе друзья! Вы могли предузнать горесть моей жены: она плакала и плачетъ о незабвенномъ, добромъ старцѣ; съ ея слезами смѣшились и мои. Надобно когда-нибудь умереть; однакожъ жаль. Семейство Оболенскихъ лишилось своего маститаго украшенія: это былъ ихъ патріархъ¹⁰⁵⁾.

Сердечно благодаримъ васъ за хорошия вѣсти о здоровьѣ любезнай княгини. Надѣемся и на хорошее дѣйствіе лѣта, гдѣ бы то ни было, въ Остафьевѣ или въ Одессѣ, въ Костромѣ или въ Карлсбадѣ. Посмотримъ куда принесутъ васъ облака! Главное дѣло здоровье, а послѣ экономія, важны не только для спокойствія души, но и для здоровья. Какъ идутъ ваши дѣла экономическія? Отъ экономіи не далека и поэзія: пишете ли и чтѣ? Пріѣздъ любезныхъ Кривцовъ вѣрно сдѣлалъ вамъ не мало удовольствія, вы ихъ у насъ отняли, и мы искренно обѣ нихъ жалѣемъ. Нравятся ли имъ по крайней мѣрѣ виды Васильевскаго? Пусть скажутъ отъ насъ поклонъ блестящимъ изгибамъ Москвы-рѣки и прекраснымъ лугамъ ея: мысленно гуляю съ ними, если они NB гуляютъ. Умѣю иногда наслаждаться тѣмъ, что вижу; однакожъ, среди красотъ здѣшняго сада, вспоминаю о лугахъ и рощахъ окрестностей Московскихъ. Фрейлина наша все еще поздорова; ходить съ желѣзою и все еще кашляетъ, однакожъ менѣе. Мы дней 10 жили

почти уединенно. Ждутъ Государя черезъ два дня. Ртуть политического барометра идетъ вверхъ, къ досадѣ французскихъ и немецкихъ либералистовъ. Для меня миръ лучше браны. У васъ ли Батюшковъ? или былъ ли? Жуковскій сидитъ за Виргилемъ: переводить экзаметрами лучшія мѣста Энеиды и спорить со мною о высокомъ достоинствѣ Шиллеровѣ Ioапны, которую графъ Ко-чубей запретилъ играть на здѣшнемъ театрѣ, опасаясь соблазна явленій Богоматери etc. Простите, любезнѣйшиe. Нѣжно обнимаю всѣхъ васъ отъ мала до велика, а крестницу особенно. Будьте здоровы. Вашъ Н. Карамзинъ.

P. S. Я не читалъ Сегюровой статьи: нѣтъ ли ея у васъ?

106.

Царское Село. 13 июня 1822.

Любезнѣйшиe друзья! Спѣшу отвѣтить на вашъ вопросъ: Императоръ не думалъ и не думаетъѣхать въ Одессы. Вы уже знаете, что дѣло, по видимому, обойдется безъ войны: тѣмъ лучше и для вашего путешествія. Намъ грустно слышать о возобновленії вашихъ безсоницъ, милый князь. Ступайте же съ Богомъ въ Одессу: авось это будетъ для васъ лѣкарствомъ. Заглянете ли въ Тавриду? Всего болѣе желаю, чтобы пріятное разсѣяніе успокоило ваши нервы¹⁰⁶), послѣ того желаю, чтобы вы путешествовали съ первомъ въ рукѣ. Это дастъ вамъ и болѣе вниманія, и болѣе удовольствія. Не пайдете ли гдѣ-нибудь и Батюшкова? Онъ поѣхалъ отсюда въ нерѣшимости, кудаѣхать: на Кавказъ или въ Крымъ. Вчера былъ я нѣсколько часовъ въ городѣ для свиданія съ канцлеромъ, и не веселаго: по прежнему ничего не слышитъ и едва передвигаетъ ноги. А. И. Тургенева почти не видимъ, хотя онъ черезъ день бываетъ въ Царскомъ Селѣ у А. А. Воейковой; но мы друзья невзыскательные. Жуковскій сидитъ за Энеидою и бормочетъ экзаметрами. Пушкинъ написалъ Узника: слогъ живъ, черты рѣзкія, а сочиненіе плохо; какъ въ его душѣ, такъ и въ стихотвореніи нѣть порядка¹⁰⁷).

Прикажите отдать сыну Прохора 50 р., въ которыхъ я съ вами сочтусь.

Обнимаю васъ нѣжно всѣхъ. У Сонюшки все еще не проходитъ желѣза. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

107.

Царское Село. 30 іюня 1822.

Отъ всего сердца поздравляю васъ, любезнѣйшій князь, съ вчерашними имянами. Мы въ кругу семейства пили за ваше здоровье. Никто искреннѣе нашего не желаетъ вамъ всего, чтѣ можетъ называться добромъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Пріѣздъ Ивана Ивановича радостно удивилъ насть. Мы не нашли въ немъ большой перемѣны. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ вечеру, ночевалъ у насъ, обѣдалъ и скрылся; обѣщаетъ однакожь быть послѣ завтра; обѣдалъ у Государя на Каменномъ островѣ, какъ мнѣ сказывали, и поѣдетъ въ Павловское¹⁰⁸).

Ждемъ отъ васъ извѣстія, єдете ли въ Одессу, или въ Кострому, или останетесь въ Остафьевѣ. Мы, слава Богу, здоровы. Сверхъ желѣзы, у Сонюшки болѣль еще глазъ: теперь лучше. Цѣлую ручку у милой княгини, обнимаю васъ и дѣтей. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

108.

Царское Село. 28 августа 1822.

Любезнѣйшій князь! Съ живѣйшимъ удовольствіемъ читалъ я ваше любопытное письмо о Нижегородской ярмонкѣ; соглашаюсь съ главными мыслями и жалѣю о худомъ состояніи нашей торговли, которая вездѣ худа отъ причинъ ясныхъ и неясныхъ. Думаю, что робкая цензура устрашилась бы нѣкоторыхъ замѣчаній и мыслей, еслибы вы вздумали ихъ напечатать¹⁰⁹). Это не во вкусѣ Свинарина: онъ не жалуется на цензуру. Загляните въ ту книжку его журнала, гдѣ описанъ Петергофскій праздникъ съ Самсономъ и съ пектаромъ!¹¹⁰) Надѣемся, что вы уже въ Остафьевѣ съ вашимъ милымъ семействомъ, не скучаете и спите спокойно. Мы на сихъ дняхъ много говорили обѣ васъ съ Дацковымъ, не

очень нѣжнымъ другомъ Москвы; а я все еще не прощаюсь съ нею въ мысляхъ и могу оставить ей свои кости въ вѣчное потомственное владѣніе. Мы, слава Богу, здоровы, & quelque chose prѣs. Желаемъ дожить здѣсь до октября. *Лѣтопроводецъ* Симеонъ уже на дворѣ, а погода еще теплая и сухая. Жуковскій хочетъ также быть царскосельскимъ жителемъ до глубокой осени. Я съ удовольствиемъ слушать его переводъ Энеиды. Воображаю васъ уже въ бесѣдѣ съ Иваномъ Ивановичемъ, который для насъ мелькнулъ и скрылся. Это похоже на сновидѣніе, какъ и вся наша жизнь; чѣмъ долѣ живемъ, тѣмъ болѣе увѣряемся въ сходствѣ. Гдѣ думаете провести осень и зиму? Обнимаю васъ нѣжно и цѣлую руку у милой княгини; цѣлую и крестницу и всѣхъ дѣтей. На вѣки ваши Н. Карамзинъ.

109.

Царское Село. 9 октября 1822.

Любезнѣйшій князь! Мы совсѣмъ не думали играть съ вами въ молчанку и ждали отъ васъ отвѣта на свое письмо: по крайней мѣрѣ дѣвицы увѣряютъ, что не вы, а мы писали послѣдніе. Впрочемъ не будемъ спорить: довольно знать, что и вы, и мы здоровы, уповая впредь на милость Божію, какъ писывали наши дѣды. Письмо Заіончека пріятно для васъ и для насъ: умно и благородно. Спасибо за копію; доставлю ее и Тургеневу. Правда, наши господа не написали бы въ такомъ тонѣ и въ такихъ отношеніяхъ, хотя это и не доказывается, чтобы Ляхи вообще были характеромъ благороднѣе Русаковъ¹¹¹). Жалю вмѣстѣ съ вами о суетномъ любопытствѣ почты варшавской, думаю, а не московской. Мы смигались вашей перчаткѣ: надѣюсь однажды, что ее не кому было поднять между Москвою и Царскимъ Селомъ. Для чего вы когда-нибудь хотѣли такъ сильно скромничать съ нами? Мы совсѣмъ не расположены затыкать себѣ ушей отъ вашей искренности, всегда для насъ любезной и безгрѣшной. Можемъ иногда поспорить; но это не бѣда. Здравствуйте только желудкомъ; питайтесь душевно и тѣлесно со вкусомъ, спите сномъ праведника, и въ воскресенье

старайтесь быть свѣтлѣе сердцемъ, нежели въ субботу. Люблю думать, что мы все подъ крыломъ Провидѣнія—и въ Царскомъ Селѣ, и въ Остафьевѣ. Въ Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ (Gelehrte Anzeigen), № 133, 22 августа 1822, напечатана рецензія на мою Исторію, писанная, какъ вѣроятно, знаменитымъ историкомъ Гереномъ (Heeren): мнѣ читала ее Императрица Марія Феодоровна, а я слушалъ съ удовольствіемъ, развѣшивъ уши. Здѣсь лѣто было прекрасное; осень также хороша: грустно слышать, что внутри Россіи гнѣть хлѣбъ отъ дождей. Мы думаемъ прожить въ Царскомъ Селѣ до 25 или 30 октября. Императоръ не поѣдетъ, ни въ Неаполь, ни въ Римъ, какъ слышно, и возвратится въ декабрь. Нѣжно обнимаютъ васъ и цѣлую руку у милой княгини и свою крестницу въ розовые губы; цѣлую и всѣхъ остальныхъ Вяземскихъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Прописка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de tout mon coeur, mes bons amis, et suis fâchée de ce que vous nous accusez de paresse; c'est un peché originel qui va en croissant dans notre famille, surtout du côté des femmes: mais pour le moment ce n'était pas le cas de le reprocher, notre lettre ayant été la dernière écrite. Nous restons ici encore avec charme, car la campagne quoique dépouillée, les gazon, les eaux, le ciel restent encore pour consolation, et r  ellement nous avons une atmosph  re qui rappelle plut  t le printemps que le mois d'octobre. C'est dans cette douce disposition printani  re que je fais des voeux pour le bonheur de toute la famille.

Прописка Е. Н. Карамзиной.

Nous sommes dans les douceurs de *la tante* des pains d'épice de l'oncle bien aim  . С. К.

110.

Царское Село. 31 октября 1822.

Здравствуйте, любезнѣйшіе друзья! Вотъ вамъ послѣднія строки съ береговъ Царскосельскаго озера! Черезъ два часа сядемъ въ карету, чтобыѣхать къ нашей городской хоziйкѣ, къ Тургеневу, Блудову, Дашкову etc., проживъ здѣсь, слава Богу, шесть мѣсяцѣвъ безъ шести дней не въ свѣтскомъ, а въ семейственномъ шумѣ, въ разсказахъ о Годуновѣ, въ чтеніи Вальтеръ-Скотта, Шлегеля, мадамъ Сталь, Тасита, Плутарха, газетъ, журналовъ и въ прогулкахъ. Сосѣдство двора было для настъ только пріятнѣмъ соѣдствомъ. Искренно благодаримъ Царя и за свое уютное китайское жилище, въ которомъ мы не чувствовали ни сырости, ни холода. Я еще болѣе жалѣль бы о Царскомъ Селѣ, если бы не думалъ, что и въ Петербургѣ то же Провидѣніе, которому охотно вѣряю судьбу своей жизни и цѣлаго міра, не чужаго моему сердцу.

Отъ извѣстій добродушнаго *Австрійскаго Наблюдателя* о Грекахъ я провелъ худую ночь въ сентябрѣ; но Греки, кажется, еще бодрствуютъ: живъ, живъ курилка—а тамъ, что Богъ дастъ! Не радуюсь побѣдѣ Оттомановъ надъ Персами: 12,000 ушей прислано въ Константинополь. По разсказамъ одного любскаго корабельщика, пришедшаго къ намъ въ три дни, король Неаполитанскій уступилъ тронъ сыну, о чемъ и въ газетахъ намекали.

Грустно намъ слышать о худомъ состояніи вашихъ фабрикъ: видно, что тарифъ не производитъ обѣщаннаго дѣйствія. Можете, любезнѣйшій князь, безъ всякаго сомнѣнія не платить мнѣ по заемному письму до будущаго генваря: довольно, если можете прислать деньги около Крещенія. Для настъ худо то, что Сленинъ не платить: опасаюсь катастрофы во вкусѣ Акохова покойника. Останется тоскать послѣднія деньги изъ ломбарда.

Простите, любезнѣйшіе друзья! Всѣхъ васъ обнимаемъ нѣжно. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

111.

С.-Петербургъ. 2 декабря 1822.

Любезнѣйшій князь! Сердечно благодаримъ за послѣднее веселое письмо о безпутьѣ etc. Я почти долженъ виниться передъ вами, что пишу рѣдко, не столько отъ лѣни, сколько отъ прилежанія къ историческому дѣлу: спѣшу, если можно, дойти до конца, пока еще могу писать. Старость на дворѣ: того и смотри, что сгонить съ двора охоту писать, а мнѣ хотѣлось бы посадить Романова на тронъ и взглянуть на его потомство до нашего времени, даже произнести имя Екатерины, Шавла и Александра съ историческою скромностію. Сижу часовъ пять, а напишу иногда строкъ пять; устану, а тамъ не легко писать и къ друзьямъ. Теперь пишу къ вамъ по утру, собираюсьѣхать въ Академію, гдѣ я не былъ уже около двухъ лѣтъ: вотъ дорогая плата — не знаю, за что! Имѣете ли новое изданіе Лексикона?

Горюемъ о Батюшковѣ поэтѣ. Катерина Федоровна хочетъ взять маленькаго. Въ лицей никого не берутъ *прямо*: надоѣво пройти черезъ пансіонъ, гдѣ платятъ около двухъ тысячъ въ годъ. Остаются корпусы, гдѣ не можно стелять и жестко спать. Увидимъ когда малютка будетъ здѣсь: обѣ немъ уже писали въ Москву.

Я съ живымъ удовольствиемъ читалъ ваши стихи: *Первый Снѣгъ* и на рожденіе Ивана Ивановича; но цензура не пропустила *Снѣга* за 8 стиховъ сладострастныхъ, по чувству Красовскаго. И жалко, и смѣшино; но такова каррикатура свѣта¹¹²⁾). Говорятъ, что Магницкій въ какомъ-то комитетѣ подалъ голосъ противъ чтенія Библіи безъ разбора: всему достается.

Всѣмъ семействомъ обнимаемъ васъ всѣхъ. Нѣжно цѣлую руку у милой княгини. Вашъ Н. Карамзинъ.

112.

С.-Петербургъ. 20 декабря 1822.

Любезнѣйшій князь! Съ благодарностію отправляю къ вамъ Прохора на покой. Онъ довольно послужилъ намъ вѣрою и прав-

дою, и до конца хранилъ благосостояніе нашихъ старыхъ коней. Просимъ вѣсъ быть къ нему милостивымъ. На сихъ дняхъ я писалъ къ вамъ; а теперь прибавлю только, что мы, слава Богу, здоровы. Будьте и вы благополучны. Нѣжно цѣлую ручку у милой княгини, а васъ обнимаю со всѣми малютками. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Долго ли вамъ за меня ратовать? Что за охота? И какая польза? Всякій видѣтъ и судитъ по своему¹¹³⁾). Скажите, какъ рѣшили вы судьбу вашихъ фабрикъ?

113.

С.-Петербургъ. 1 января 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Нѣжно обнимаю васъ въ новый годъ! Будьте здоровы, спокойны и менѣе должны! Часто, часто о васъ думаемъ и говоримъ съ нашими общими друзьями. Послѣднее письмо К. А. Рябининой, въ которомъ она говоритъ объ васъ съ любовью, было намъ очень пріятно. Вы, милый князь, философствуете обѣ жизни вчернѣ: слава ей, ибо она развертывается въ насъ высокія чувства! За часъ до новаго года я пріятно занималася чтеніемъ Мендельзона и Якоби о метафизикѣ Синозы: вы еще не занимаетесь метафизикою? Не давно читалъ я и доктора Омеру о Наполеонѣ: много лжи, но любопытно. Довѣхалъ ли до васъ Прохоръ? Видѣли ли вы нашу мамзель Кадо? Мы не безъ слезъ разстались съ нею. Еще разъ нѣжно всѣхъ вѣсъ обнимаю. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous souhaite toutes les prospérités de ce monde, mes chers et bons amis, pour l'année 23, et entre autres l'arrangement de vos affaires, prospérité qui dépend plus immédiatement de vous et dont je désire ardemment que vous vous occupiez, car cela vous donnera les moyens de disposer de la vie. J'ai eu de vos nouvelles et surtout de celles de Macha et Pacha par m-me Rébinine de très satisfaisantes, et elle m'en a fait un portrait si detaillé que je les reconnaitrais au premier abord. Nous sommes tous très affligés par

le départ de m^{lle} Cadot qui nous a laissé un vide par son absence que miss Scouguel ne remplira de longtemps par sa présence. Cette miss Scouguel est une anglaise que j'ai engagée pour être auprès de mes filles, que le Ciel bénisse ce choix. Je suis desolée de vous savoir sans gouvernante, c'est indispensable ayant des filles déjà grandes. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse tous de cœur et d'âme, père, mère et enfants.

114.

С.-Петербургъ. 19 января 1823.

Любезнѣйшие друзья! Насъ испугали вѣсти о московскомъ пожарѣ: не были ли вы на этомъ несчастномъ балѣ? ¹¹⁴⁾ Безпокоимся также и о милыхъ дѣтяхъ: что ихъ кашель? Дай Богъ, чтобы и вы и мы скорѣе успокоились. Пишу Ивану Ивановичу о собраніи академическомъ. Дашковъ не пускалъ туда Блудова, какъ въ чумное мѣсто: онъ уже и меня считаетъ въ моровой язвѣ ¹¹⁵⁾. Но болѣе всего жаль, что мы не видимъ его: онъ сталъ государственный мужъ и занятъ дѣлами. И здѣсь коммерція плоха: нѣть денегъ, старайтесь же копить ихъ. Любезные стихи Ивана Ивановича всѣмъ полюбились, кому я читалъ ихъ ¹¹⁶⁾. Докучайте ему, чтобы онъ не переставалъ писать. Я отдуналъ, хотя и не безъ сожалѣнія, печатать въ эту зиму 10-й томъ; хочу прежде дописать Самозванца, а будущее въ руکѣ Божіей! ¹¹⁷⁾

Нѣжно васъ всѣхъ обнимаю. Обрадуемся когда узнаемъ, что дѣти здоровы. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Государя ожидаютъ завтра; а мы ожидаемъ всякой день князя А. П. Оболенскаго.

115.

С.-Петербургъ. 5 апрѣля 1823.

Любезнѣйшие друзья! Отъ всей души поздравляемъ васъ съ рожденіемъ милаго, *втораго* князя Петра: Дай Богъ, чтобы онъ имѣлъ умъ, дарованія и душевное благородство *перваго*! Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ дальнѣйшихъ добрыхъ вѣстей о состояніи

родильницы любезнѣйшей, и надѣемся, что вы, милый князь, будете ея неусыпнымъ стражемъ въ теченіе шести недѣль и далѣе. Надѣемся также, что не пропустите почты безъ извѣщенія насъ хотя одною строкою о матери и новорожденномъ: авось весна полѣстуетъ на нихъ лучше всякихъ лекарствъ. Здѣсь возвратилась было зима, и Нева едва снова не стала; но теперь идетъ теплый дождь.

Мы, слава Богу, здоровы, *à quelque chose près*. Собираемся говѣть на послѣдней недѣлѣ; а послѣ праздника желали бы скорѣе перѣѣхать въ Царское Село.

Худыя вѣсти о Батюшковѣ: онъ хочетъ непремѣнно лишить себя жизни. Послалъ стафету къ губернатору, чтобы онъ нашелъ хороший способъ отправить его сюда. Государь взялъ участіе въ судьбѣ несчастнаго; но, можетъ быть, все уже поздно. Батюшковъ, готовясь умереть, писалъ къ брату и къ Н. М. Муравьеву, трогательно называя первого *будущимъ* своимъ другомъ. Грустно и жалко до глубины сердца.

Всѣхъ васъ обнимаемъ вѣжно. Будьте здоровы и спокойны для нашего спокойствія. На вѣки ваши Н. Карамзинъ.

Я радъ, что вы, любезнѣйшій князь, рѣшились продать запатентованную часть имѣнія для заплаты всѣхъ долговъ. Но старайтесь же скорѣе произвести свое намѣреніе въ дѣйство: время дорого, и нынѣ вѣдь легко найти покупщика.

Прописка С. Н. Карамзиной.

Recevez aussi mes tendres fÃ©licitations et mes vœux pour que Pierre second soit aussi aimable et aussi aimé que Pierre premier que je me permets toujours d'embrasser sans facon, comme au bon vieux temps, et de toute la tendresse de mon cœur, ainsi que ma charmante tante. S. K.

Прописка Е. А. Карамзиной.

Je joins mes veux à tous ceux des personnes qui vous aiment, mais personne plus que moi; Dieu fasse que la chère accouchée fasse ses relevailles aussi heureusement que le principale acte, et pour cette fois au moins qu'elle soit quitte des douleurs et d'an-

goisses. J'espère que le petit Pierre aura toutes les bonnes et belles qualités de son père avec un peu moins de poësie et par conséquent un peu plus de *raison*, n'en déplaise au cher ami Pierre. Je vous embrasse tous, père, mère et enfants, de toute la tendresse d'un cœur qui vous est tout dévoué.

116.

С.-Петербургъ. 19 апрѣля 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Сердечно радуемся вашимъ добрымъ вѣстямъ: дай Богъ продолженія! Между тѣмъ берегите и берегитесь до шести недѣль и болѣе. Опять въ вашей памяти. Благодаримъ васъ, милый князь, за то, что вы доселѣ не оставляли насъ безъ увѣдомленія о родильницѣ, надѣемся, что и не будете оставлять.

Поздравляемъ васъ съ наступающимъ свѣтлымъ праздникомъ: авось въ слѣдь за нимъ явится и весна, которую только предвидимъ, а не видимъ до нынѣшняго дня, слѣдственно, еще не можемъ помышлять о Царскомъ Селѣ. Мы цѣлымъ семействомъ говѣли и нынѣшній день причащались въ церкви у графа Шереметева.

Ждите въ Москву Тульскаго губернатора. Онъ доволенъ: будутъ ли имъ довольны? Или мы будемъ ли, какъ его добрые приятели? О несчастномъ Батюшковѣ нѣтъ дальнѣйшихъ вѣстей. Все еще можно надѣяться; но страхъ сильнѣе надежды въ этомъ случаѣ.

Всѣ мы и всѣхъ васъ обнимаемъ нѣжно. Будьте здоровы и благополучны, къ нашему сердечному удовольствію! На вѣки ваши
Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous félicite de tout mon cœur, mes bons et chers amis, avec le beau jour de Pâque; nous l'attendons ici avec crainte et espérance par rapport au temps qu'il fait qui a été détestable et qui commence un peu à sourir; je suis un peu fatiguée de ma matinée, je me contenterai pour aujourd'hui de vous donner le baiser

de chrétienne que vous recevrez probablement tout juste, quand il le faudra. Portez vous bien et soyez tranquilles, c'est les vœux de celle qui vous aime de tout son cœur. J'envoie à la chère princesse Véra les fichus lavés, leur lessive couté 40 r. que vous aurez la complaisance de remettre à m-me Rebinine avec qui j'ai des comptes.

117.

С-Петербургъ. 1 мая 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Послѣднее ваше извѣстіе насть успо-коило; однакожь все еще ждемъ дальнѣйшихъ. Спасибо вамъ, милой князь, за частыя письма. Надѣемся, что вашъ флюсъ уже прошелъ. Я самъ не очень здоровъ: болитъ горло уже пѣдѣли двѣ, и вообще какъ-то не хорошо себя чувствую. Погода и здѣсь самая не веселая; вчера проглянуло солнце, а теперь опять дождь. Не знаю, когда перѣдемъ въ Царское Село: все черно и сырьо. Но-ваго не знаемъ о Батюшковѣ. Крыловъ почти совсѣмъ здоровъ, но простился съ баснями. Жуковскій еще въ Дерптѣ. Читали ли вы графа Растворчина *Verit  sur l'incendie de Moscou?* Обнимаемъ всѣхъ васъ нѣжно. На вѣки ваши Н. Карамзинъ.

118.

Царское Село. 1 июня 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Желаемъ, чтобы вы были уже въ Остафьевѣ, и благодаримъ Бога, что милая княгиня на сей разъ отѣлалась отъ родовъ безъ дальнѣйшихъ худыхъ слѣдствій.

Написавъ вчера письмо къ Ивану Ивановичу здоровый, я вдругъ въ сильный жаръ почувствовалъ дрожь, провелъ ночь дурно, и не могу заниматься обыкновеннымъ своимъ дѣломъ. По крайней мѣрѣ скажу вамъ нѣсколько словъ.

Изъ петербургскаго нашего жилища, вѣроятно, и насъ самихъ скоро выгонятъ. Когда мы сюда уѣхали, то Катерина Федоровна перевела въ наши комнаты Батюшкова. Съ сердечнымъ удо-

вольствиемъ ожидаемъ любезныхъ Огаревыхъ: увѣдомьте, выздоровѣлъ ли Николай Ивановичъ? ¹¹⁸⁾

Друзья все дѣлаютъ для Батюшкова, что могутъ. Онъ безпрестанно говорить о самоубийствѣ: надѣюсь, что и впредь будетъ только говорить; но мало надежды видѣть его оиять, какъ онъ былъ. У него полусумасшествіе, и тѣмъ опаснѣе. Всего хуже бываетъ онъ наединѣ съ людьми короткими.

Слухъ московскій о моемъ кураторствѣ не могъ имѣть никакого основанія, какъ вы сами догадались. Вѣроятно, что почтенный князь Андрей Петровичъ смѣется нашему совмѣстничеству! Пора уже не говорить обо мнѣ старикѣ.

На сихъ днѣахъ однакожъ, не смотря на старость, слушалъ я въ нашемъ семействѣ кругу съ живѣйшимъ удовольствіемъ чтеніе новаго романа г.-жи Сузы: Comtesse de Sary. Теперь читаю Memoires de Napoléon, изданные Монтолономъ и Гурго: писано хорошо, но все въ смыслѣ хвалы.

Простите, любезнѣйшіе. Голова моя не совсѣмъ въ порядкѣ. ()бираю нѣжно всѣхъ васъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

119.

Царское Село. 24 іюля 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Мысленно мы всѣмъ семействомъ провали съ вами въ Остафьевѣ и между тѣмъ пили здѣсь здоровье новорожденнаго, желая ему всего, чего умѣеть желать любовь сердечная.

Вы съ нами были не долго, милый князь, но оставили въ насъ пріятное впечатлѣніе надолго: трогательное воспоминаніе объ этомъ дѣйствіи вашей истинной къ намъ дружбы ¹¹⁹⁾. Я оправляюсь, только все еще слабъ, и Богъ знаетъ, когда примусь за работу: голова моя еще не въ силахъ производить и образовать мысли. За то читаю много: новѣйшій романъ Вальтеръ-Скотта и Mémorial Ласъ-Каза сдѣлали мнѣ не мало удовольствія.

Ждемъ отъ васъ подробнаго извѣщевія о празднике. Прѣбулю васъ и дѣтей нѣжно. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приниска Е. Н. Карамзиной

Combien j'ai été contente, mon cher et aimable oncle, en lisant dans votre lettre que vous êtes arrivé à Moscou le *onze matin*; mais n'allez pas croire cependant que ce sentiment de vive satisfaction aie été entièrement désintéressé; vous vous souvenez, j'espère, d'un certain pari proposé par vous dans la chaleur du désespoir, lorsque, ne voyant pas arrivé votre aimable compagnon de voyage, vous craigniez de faire évanouir tous les projets brillants formés sur votre retour (et qui, je l'espère, ont eu aussi une brillante réalisation): je vous prie donc de vous rappeler de la gageure, d'autant plus qu'elle est gagnée et de m'en envoyer le prix qui n'étant qu'un petit bout de papier bleu ne sera pas embarrassant à me faire parvenir. Rappelez vous aussi la promesse que vous nous avez faite d'une description détaillé de la fête; je m'y suis transportée, si non en réalité, au moins en rêve, car je vous assure, qu'à force d'y avoir pensé et désiré d'y être, j'y aie fait un pelerinage pendant la nuit. Embrassez tendrement, bien tendrement de ma part ma tante et toute la petite famille, et chargez les de vous embrasser pour moi; mais de toute la tendresse de leurs cœurs réunis. Catherine Karamzine.

Приниска С. Н. Карамзиной.

Elle a tant babillé qu'il ne me reste qu'un instant, tandis qu'on fait le paquet, pour vous embrasser, comme je vous aime, tous les deux, et c'est de tout mon cœur. Sophie K.

120.

Царское Село. 5 сентября 1823.

Любезнѣйшій князь! Давно я не писалъ къ вамъ, отъ беспокойства о дѣяхъ, которое еще не прошло, хотя и уменьшилось. Несколько недѣль слушать ужасный кашель пятерыхъ, видѣть рвоту и кровь текущую ручьемъ отъ надсады изъ носу--это могло вскружить голову, еще слабую послѣ горячки. Живемъ въ совершенномъ уединеніи, потому что всѣ настѣ боятся какъ чумныхъ.

Богъ знаетъ, когда эта жестокая болѣзнь совсѣмъ пройдетъ. Ка-
шель сдѣлался рѣже, но все еще силенъ; по крайней мѣрѣ, ка-
жется, уже нѣтъ опасности, если какъ нибудь не простудимъ
дѣтей. Очень желаемъ, чтобы хорошая погода продолжалась.

Сердечно жалѣемъ, что вы должны были отпустить любезную
княгиню въ Саратовъ, и по христіанскому чувству радуемся скро-
ному выздоровленію Кологрикова¹²⁰⁾. Надѣемся, что она уже на
обратномъ пути. Кажется, что одно изъ вашихъ писемъ не дошло
до насъ то, въ которомъ вы писали о болѣзни Кологрикова.

Дѣлаете ли что-нибудь для поправленія дѣлъ экономическихъ?

Не требую отъ васъ подробнаго извѣщенія о Государевомъ
пребываніи въ Москвѣ¹²¹⁾; хотѣль бы я только знать, какъ онъ
обопелся съ С. С. Кушниковымъ¹²²⁾.

Знаете ли, что наши дѣвицы (кромѣ Лизы) дуются ва васъ
за послѣднее письмо?

Нѣжно обнимаю васъ и милыхъ дѣтей. Будьте здоровы и
благополучны. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Батюшковъ чуть не утопился. Реминъ хотѣль прибрать его
въ руки, но не могъ; а откладывать не должно.

Скажите отъ насъ ласковое слово любезнымъ Оболенскимъ.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Comme je suis de ma nature boudeuse à l'excès, je n'étais
pas du tout disposée à vous donner signe d'une vie consacrée main-
tenant à l'indignation contre vos mauvaises plaisanteries: mais je
suis aussi extrêmement compatissante de ma nature, et l'idée de
l'absence de ma tante et de la présence m'ont attendrie si singu-
lièrement que je n'ai pu résister au désir de vous envoyer mes
compliments de condoléance et de vous embrasser du fond de mon
cœur sans rancune, en vous engageant à en faire autant à la pe-
tite famille. Catherine K.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Quant à moi, papa a tort de dire que je suis fâchée: non,
vos perfides plaisanteries en se continuant ont fini par éteindre le
dépit, je les dédaigne, voyez que c'est beau! Et je vous embrasse

du *fond de mon cœur* trop plein de sentiment pour vous pour que ce mépris y pénètre! Sophie K.

121.

17 сентября (1823).

Отъ всего сердца поздравляю васъ, милая княгиня, съ именами, равно какъ и васъ, любезнейшій другъ. Вчераший день мы провели съ нашими общими пріятелями: слѣдственно много говорили объ васъ. Дѣтямъ, слава Богу, гораздо лучше. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je me joins à mon mari, chère et bonne princesse Véra, pour vous souhaiter tout ce qu'il y a de biens désirables dans ce monde; et si je vous avais écrit quelques jours plutôt et avec connaissance de cause, certainement parmi mes vœux vous auriez trouvé celui de ne pas être sur le grand chemin de Saratoff; mais ce qui est fait est fait; j'espère que vous ne vous en repentez plus; la fatigue et la peine sont oubliées, mais le souvenir de la bonne intention reste toujours. Je ne vous dirai rien sur moi, du moins pas autre chose, que je commence à me reposer morallement et physiquement de la coqueluche de mes enfants, cinq tous différentes de ton, c'était une musique aussi pénible pour les oreilles que déchirante pour le cœur et effrayante pour l'imagination; grâce au Ciel, tout cela s'apaise petit à petit; les quintes ont presque cessé et mes angoisses avec; cependant les enfants toussent encore beaucoup.

Adieu, ma chère amie, donnez un bien tendre baiser au cher mari en le félicitant avec la chère grande et la chère petite имениницы.

Qu'il les voie toujours heureuses et partage leur bonheur: mille tendresses à tous les autres enfants et avec prédilection pour Macha et Nicolas.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Acceptez aussi de ma part, chère et bonne tante, un tendre baiser de félicitation sur votre fête et celle de la petite cousine inconnue; je ne vous parlerai point de mes voeux, car le 17 septembre, comme tous les jours qui le précédent et le suivent, mon coeur ne les varie jamais pour vous, ils sont toujours également sincères et également *heureux*.

D'après ce que mon oncle nous dit dans sa dernière lettre je présume que vous avez passé votre fête à Moscou et par conséquent dépourvu des attributs brillants qui l'embellissaient et la célébraient jadis et qui faisaient retentir les murs du cher château d'Ostafievo. Quant à ma soeur, elle a passé sa fête plus agréablement qu'elle ne pouvait s'y attendre au milieu de notre solitude: le prince Théodore Galitzin a fêté toutes les *Sophie* de Zarsko Sélo par un bal qu'il a donné en leur honneur et qui était fort dansant et par conséquent fort amusant pour les danseurs. A ma grande surprise je m'y suis trouvée aussi; mais ce n'était qu'en faveur de l'épithète de bal *champêtre*; car quant aux *bals* tout court, de longtemps encore je n'y metterai le nez ou plutôt le pied.

Dites je vous prie à mon oncle que depuis mille ans je ne pense plus à le bouder et que pour le lui prouver je lui envoie un long et tendre compliment, accompagné d'un tendre baiser. Veuillez, en en acceptant encore une collection de bien appliqués, en donner quelques uns à la chère petite famille et en conserver plusieurs envoyés par un coeur qui vous porte la plus constante et la plus sincère affection. Catherine Karamzine.

Excusez, je vous prie, mon audace à vous donner la peine de déchiffrer cet indéchiffrable gribouillage.

Приписка С. Н. Карамзиной.

Catherine a tant babillé, ma charmante tante, qu'elle même me presse instamment d'avoir vite fini mes félicitations pour qu'elles puissent vous parvenir par cette poste; c'est avec beaucoup de mauvaise humeur que je vous les adresse, ainsi tous les ans sans prévoir, quand cela finira. Cependant j'ai passé la journée d'hier

plus gaiement que de coutume, comme ma soeur vous en instruit, en sautant de tout mon coeur; je pensais aux beaux jours de mon enfance, à Astafievo, à m. Sokovnine que le jour de Sainte Sophie rappelle vivement. Adieu, je vous embrasse comme je vous aime, et l'impatientant persiffleur aussi. Sophie K.

122.

Царское Село. 5 октября 1823.

Любезнѣйшій князь! Вы были не здоровы. Чѣмъ? Мы ничего не знали до вашего письма. И Тургеневъ, который все знаетъ, не говорилъ намъ о томъ ни слова. У дѣтей нашихъ коклюшъ прошелъ, но еще остается простой кашель. Начинаемъ помышлять о переѣздѣ въ городъ, гдѣ еще надобно кое-что приготовить. Вы вооружаетесь противъ Китайскихъ домиковъ; однако же въ нашихъ нѣтъ замѣтной сырости. Ни моя горячка, ни коклюшъ дѣтей не произошелъ отъ Китая, гдѣ въ прошломъ году мы жили до ноября и были всѣ здоровы. Вы по своей дружбѣ гоните на насъ въ городъ, а сами отправляетесь въ деревню ждать зимы, которая здѣсь уже показывалась, но скрылась. Я видѣлъ въ Гатчинѣ графа Литту и говорилъ ему о покупкѣ Краснаго: онъ не хочетъ. Жаль, что графъ Орловъ отказался. Нынѣ трудно находить покупщиковъ. Принцессу Шарлотту ¹²³⁾, очень любезную, какъ всѣ увѣряютъ, видѣли мы также въ Гатчинѣ и здѣсь у Императрицы Елизаветы. Жуковскій уже воспѣлъ ее ¹²⁴⁾. Теперь всѣ праздники и веселья отложены: Великая Княгиня выкинула. Я все еще усердно пишу; а въ вечеру читаемъ романы, и нерѣдко обливаюсь слезами какъ женщина.

Нынѣшній годъ не благопріятенъ для насъ и въ экономіи: едва ли что получимъ изъ деревень отъ худаго урожая и пожара. Видно мнѣ до смерти жить въ заботахъ и притомъ не искать лучшаго состоянія.

Какова экспедиція французовъ? Я пробѣжалъ нѣмецкую книжку нашего нового министра финансъ о финансахъ: что-то не внятно; а вѣмы ищутъ въ ней будущей судьбы государства Россійскаго! ¹²⁵⁾ Простите, любезнѣйшіе друзья. Цѣлую ручку у милой

княгини, отца съ дѣтьми обнимаю нѣжно! Будьте здоровы. Вашъ Н. Карамзинъ.

123.

С.-Петербургъ. 27 ноября 1823.

Любезнѣйшіе друзья! Наконецъ мы въ городѣ и въ новомъ жилищѣ, на Моховой, въ домѣ Межуева, и расположились изрядно, по своему состоянію, то-есть, смиренно, въ пебольшихъ комнатахъ, какъ должно людямъ, у которыхъ сгорѣла деревня, и которые лишились шести тысячъ рублей доходу. Теперь беру 16 тысячъ рублей изъ ломбарда для печатанія 10 и 11 томовъ Исторіи, хотя, какъ увѣряетъ Сленинъ, и мало покупщиковъ на книги.

Вы, милый князь, спрашиваете, гдѣ вамъ читать о Ермакѣ: въ Сибирской Исторіи Миллера или Фишера и еще въ двухъ или трехъ лѣтописяхъ Сибирскихъ, которая можетъ вамъ доставить Алексѣй Федоровичъ Малиновскій; а болѣе всего въ вашемъ воображеніи. Куда вѣсть бинуло! Но предметъ хорошъ.

Сѣверинъ не можетъ нахвалиться пріятными часами, проведенными имъ съ вами, хотя и безъ политическихъ разговоровъ. Онъ былъ у насъ раза три и всякий разъ находилъ меня окруженнymъ людьми, которые съ нимъ не въ дружбѣ.

Я видѣлъ Батюшкова въ бородѣ и въ самомъ несчастномъ расположеніи духа; говоритъ вздоръ о своей болѣзни и ни о чёмъ другомъ не хочетъ слышать. Не имѣю надежды.

Дѣти наши все еще не совсѣмъ здоровы. Радуемся, что вашему Николенкѣ лучше. Гдѣ искать вѣсти мыслями—въ Остафьевѣ, или въ городѣ?

Готовлюсь читать корректуры и ссориться съ типографіею за медленное печатаніе. Между тѣмъ читаю дѣла о Биронѣ и Волынскомъ, читаю и Ламартина: онъ не возвышается, а падаетъ дарованіемъ.

Обнимаемъ вѣстъ нѣжно, всѣхъ до послѣдняго. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

124.

С.-Петербургъ. 21 января 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Мы рады, что вы спокойно расположились въ своемъ городскомъ домѣ или домикѣ и мысленно были у васъ на новосельѣ. И намъ не худо на Моховой; только смиряемся духомъ, смотря вокругъ себя на хижины, которыхъ легко могутъ и вспыхнуть. Вы даете надежду видѣть васъ въ Петербургѣ: не смѣю звать, но обрадуюсь. Какъ-то идетъ ваша экономія? И наша худо. Одна деревня сгорѣла, а орловская не платить оброка и даже не отвѣчаетъ на мои письма. Мало надежды, чтобы и два тома Исторіи поправили наши финансы: книги не продаются, кроме Полярной Звѣзды¹²⁶⁾. Съ удовольствіемъ слышу, что Крыловъ написалъ 20 новыхъ басенъ и бросилъ перо только отъ усталости.

Болѣзнь Государя, любезнаго нашему сердцу, очень насъ тревожила. Теперь у него только болитъ нога, гдѣ была рожа; но мы совершенно успокоимся единственно тогда, когда увидимъ его на ногахъ.

Просимъ васъ отдать за насъ сто рублей князю Александру Петровичу Оболенскому: не забудьте.

Будьте здоровы, любезнѣйшіе друзья! Обнимаю васъ, милую крестницу и всѣхъ. И такъ, крестницу могу увидѣть? На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

125.

С.-Петербургъ. 8 февраля 1824.

Любезнѣйший князь! Я просилъ Императрицу объ отсрочкѣ платежа. Послалъ справку въ Тверь о состояніи вашего имѣнія. Напишите скорѣе къ губернатору Всеволожскому¹²⁷⁾, чтобы онъ далъ удовлетворительный отвѣтъ. На сей почтѣ писалъ я и къ Сергею Сергеевичу, чтобы онъ способствовалъ вамъ, буде можно въ продажѣ имѣнія для строенія церкви¹²⁸⁾; но отнеситесь непремѣнно къ Витбергу¹²⁹⁾, отъ котораго зависитъ покупка.

Мы, слава Богу, почти совсѣмъ здоровы, и всѣ обнимаемъ нѣжно всѣхъ васъ. Спѣшу. Цѣлую ручку у милой княгини. Вашъ Н. Карамзинъ.

126.

С.-Петербургъ. 18 февраля 1824.

Любезнѣйшій князь! Я сдѣлалъ, что могъ: въ первый разъ просилъ Императрицу; она также дѣлаетъ, что можетъ. Но не имѣю никакого способа содѣйствовать продажѣ имѣнія: единственный способъ есть просить Витберга (или какъ онъ называется); отъ него зависить купить или не купить. Жаль, что вы не подумали объ этомъ прежде, странно, что и мнѣ не пришло въ голову сказать вамъ о томъ. Я писалъ къ Сергею Сергеевичу; но онъ едва ли можетъ что сдѣлать. Вѣрно то, что мы очеинь, очень беспокоимся о вашемъ состояніи, любезнѣйшій другъ! Дай Богъ успеха вашимъ планамъ, къ которымъ не имѣю вѣры паписта. Къ несчастью, развязка приходитъ въ трудное время, то-есть, безденежное, не способное для оборотовъ. Вы поэтъ, а я меланхоликъ, но обрадовался бы сердечно, если бы вы удачною развязкою осмѣяли мою черноту. Въ любви нѣть самолюбія. Между тѣмъ обнимаю васъ нѣжно.

Мы, слава Богу, здоровы, хотя и сижу дома, болѣе еще отъ лѣтъ, нежели отъ простуды. Спокойнѣе ли вы въ разсужденіи здоровья дѣтей? Всѣ мои вмѣстѣ со мною обнимаютъ васъ и всѣхъ вашихъ. Цѣлую ручку у милой княгини. Желаемъ вамъ, чего себѣ желаемъ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

127.

С.-Петербургъ. 25 февраля 1824.

Я говорилъ о покупкѣ вашего тверскаго имѣнія и прибавилъ, что вы отадите дешевле другихъ (разумѣется, нѣсколько дешевле): въ слѣдствіе того дано приказаніе князю А. Н. Голицыну, министру. Напишите немедленно письмо къ князю и предложите ему

эту покупку для строенія церкви, какъ бы ничего не зная и не упоминая обо мнѣ; скажите, гдѣ это имѣніе, сколько душъ и проч. Тургеневъ также будетъ писать къ вамъ завтра. Надобно опасаться оппозиціи Витберга. А вы между тѣмъ не говорите, что у васъ вѣльно купить: во-первыхъ для того, что приказано *единственно* спрятаться, есть ли деньги, удобна ли эта покупка, и проч. Можетъ состояться и не состояться.

Мы, слава Богу, почти здоровы. Обнимаемъ васъ нѣжно. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

128.

С.-Петербургъ. 15 марта 1824.

Любезнѣйшій князь! Я послалъ къ вамъ новые томы моей Исторіи; читайте безъ большой скуки, если хотите и можете!

Бумаги о покупкѣ вашего имѣнія отправлены въ коммиссію. Можно предвидѣть оппозицію со стороны Витберга. Дай Богъ, чтобы благонамѣренныя старанія не остались безполезными!

Вы замышлаетеѣхать въ Одессу для здоровья дѣтей; но какъ думать о чемъ-нибудь прежде устроенія вашихъ обстоятельствъ мрачныхъ? Богъ можетъ сохранить дѣтей и въ Москвѣ, а вашъ первый долгъ спасти ихъ отъ разоренія. Дорога стоять денегъ, и жить въ Одессѣ не дешево. Любезнѣйшій другъ! Ваше состояніе уже не прежнее. Мы будемъ рады, если у васъ останется и половина бывшаго дохода безъ долговъ. Слава Богу, если спасетесь отъ кораблекрушенія съ тридцатью или даже съ двадцатью тысячами дохода, съ честію и независимостію! Такъ я сужу, любя васъ какъ истиннаго брата, мило, умнаго, но не совсѣмъ основательнаго. Думаю, что вамъ надобно продать не только тверское имѣніе, но и Остафьево, и выдернуть полипъ съ корнемъ, то-есть, заплатить всѣ долги до копѣйки: иначе они все пожрутъ. Для души благородной не тяжело отказывать себѣ въ прихотяхъ, когда дѣло идетъ о спасеніи семейства отъ зла ужаснѣйшаго смерти. Надѣюсь, что любезный Сергѣй Сергеевичъ сдѣлаетъ все возможное.

У насъ Катенька лежитъ въ постель пять или шесть дней: у нее и крапивная лихорадка, и опухоль въ ногахъ, и желчъ. Во-

обще я очень грустенъ — и тѣмъ живѣе чувствую горесть Растаниныхъ: какой ударъ! Вѣра можетъ подкрепить мать: отецъ едва ли утѣшится¹³⁰⁾). Нынѣшній высокосный годъ пришелъ къ намъ въ трауръ.

Нѣжно цѣлую руку у милой княгини и нѣжно обнимаю вѣсль, любезнѣйшій князь, со всѣмъ милымъ семействомъ. На вѣки вѣшь Н. Карамзинъ.

129.

С.-Петербургъ. 27 марта 1824.

Любезнѣйшій князь! Спѣшу сказать вамъ только два слова: въ канцеляріи у Императрицы ждутъ отвѣта отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, ждутъ отвѣта отъ Тверскаго губернатора, которому долго ли отвѣтчать? Писали ли вы къ нему? Безъ того здѣсь нечего дѣлать.

Мы, слава Богу, почти здоровы, и нѣжно вѣсль всѣхъ обнимаемъ. Цѣлую ручку у милой книгини и моей крестницы. На вѣки вѣшь Н. Карамзинъ.

130.

С.-Петербургъ. 28 апрѣля 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Не можемъ противиться силѣ вашихъ доказательствъ и не споримъ о поѣздкѣ въ Одессу. Дай Богъ только, чтобы это принесло пользу милымъ дѣтямъ.

У насъ все нѣть здоровья; боленъ Николай уже 10 дней, корью, по маѣнію одного доктора, или какою-то особенною сыпью, по мнѣнію другаго. Всѣ знаки исчезли; но больной плачетъ отъ боли въ ногахъ и рукахъ, худо спить и ничего не Ѣсть. Мы очень беспокоимся.

О вашей отсрочкѣ платежа Императрица, для формы, велѣла спросить у Московскаго опекунскаго совѣта; отсрочено будетъ по тверскому имѣнію, но едва ли и по костромскому.

Остается желать, чтобы комиссія какъ можно скорѣе купила

ваши тверскія деревни, и чтобы вы какъ можно лучше употребили деньги, то-есть, единственно для заплаты долговъ.

Здѣсь гроза падъ цензоромъ Бируковымъ за какую-то богословскую книгу. Преслѣдователи Гладкой и архимандритъ Фотій, какъ слышно. Авторъ есть здѣшній проповѣдникъ католицкій, Гослеръ¹³¹⁾, если не ошибаюсь.

Нѣжно васъ всѣхъ обнимаю, родителей и дѣтей. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

131.

С.-Петербургъ. 5 мая 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Кажется, что у нашего Николая была не корь, а сыпь особенная; послѣ того сильнѣйшая боль въ ногахъ и рукахъ. Теперь ему, слава Богу, лучше, такъ, что мы черезъ нѣсколько дней могли бы думать о Царскомъ Селѣ, если бы дурная погода обратилась въ хорошую: здѣсь дожди и холодъ.

Обрадуюсь, если совершился ваша продажа. Вы, конечно, употребите все до послѣднихъ рублей на заплату долговъ. Надобно будетъ вырвать полить съ корнемъ.

Читалъ я вашу полемику и жалѣлъ, что вы издерживаете остроуміе на такую перестрѣлку. Московская цензура, видно, либеральнѣе здѣшней. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше кончить. Говорю какъ старикъ, съ любовью кътишинѣ¹³²⁾.

Прошу васъ, любезнѣйший князь, отдать за меня Ивану Иванову Тургепеву 500 р. на содержаніе нашихъ людей и на жалованье кормилицамъ. Прилагаю къ нему письмо.

У меня все записано, чѣмъ мы другъ другу должны съ 1821 года на случай разсчета.

Доселѣ продано экземпляровъ 10-го и 11-го тома моей Исторіи около 1800, то-есть, менѣе нежели я думалъ. Нынѣшній годъ не хороши для нашей кассы.

Обнимаю васъ нѣжно и цѣлую милыхъ дѣтей. Будьте здоровы. Вашъ Н. Карамзинъ.

132.

Царское Село. 13 июня 1824.

Любезнѣйшій князь! Раздѣляемъ мысленно ваше одиночество. Дай Богъ пользы для дѣтей! Вы не говорите, какія вѣсти имѣете съ дороги отъ княгини. Ждемъ вѣсти отъ васъ, чтѣ дѣлается съ продажею тверскаго имѣнія: предвидите ли скорый конецъ?

Чтѣ вамъ сказать о положеніи нашего Тургенева? Онъ спокойенъ, безпеченъ, какъ полусвятой; а я былъ огорченъ до глубины сердца и люблю его болѣе, нежели когда-нибудь. Слышно, что ему оставляютъ все жалованье, то-есть, 12000 р., и даютъ новую квартиру: вотъ материальность; но кажется, что его недоброжелатели умѣли повредить ему въ мнѣніи¹³³⁾: видите, какъ я пишу осторожно, хотя и не думаю, чтобы наши письма читались любопытными. Вы заставили меня смыться вашимъ сомнѣніемъ о печати: я напечъилъ ее въ саду и печатаю ею, когда дочери унесутъ мою печать. Знаете ли, что и ваша у меня хранится?

Мы здѣсь сохнемъ: ни капли дождя; слѣдственно, я не веселъ, предвидя, что у васъ будетъ недостатокъ въ сѣнѣ. Это старое, какъ вамъ извѣстно. Впрочемъ дни прекрасные: свѣтло и тепло. Чѣдѣ у васъ дѣлается? Для меня погода интересна не менѣе литературы и политики.

Жуковскій занимается не только грамматикою, но и азбукою, которая есть начало премудрости. Знаете ли, что я часто воображаю его въ французскомъ кафтанѣ, въ парикѣ, съ кошелькомъ, съ лентою черезъ плечо? Это будетъ въ 1862 году, не ранѣе, какъ надѣюсь. Но прошу не сказывать другимъ, безъ всякаго исключенія.

Между тѣмъ обнимаю васъ нѣжно. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Блудовъ все еще ни съ мѣста. Дашковъ живъ. Что скажете о ново-открытомъ обществѣ французскихъ свиней?¹³⁴⁾

Приписка Е. А. Карамзиной.

Vous voulez nous persuader, mon pauvre solitaire, que vous êtes plongé dans la mélancolie depuis le départ de votre femme et

de vos deux enfants; heureusement Hypolite m'a rassuré à ce sujet, en me disant que vous dansiez, comme un perdu ou comme un bienheureux. Plaisanterie à part, je vous plains, mon cher ami, de vous trouver partagé en deux, des sollicitudes d'un côté, des inquiétudes de l'autre. Dieu veuille qu'au moins tous ceux qui sont avec vous, et vous à la tête, vous continuâssiez à vous bien porter et que les absents recouvrent dans les fameuses boues une nouvelle existence et la vigueur qui leur manquait. Quand vous écrivez à votre femme, parlez lui de nous et engagez la, dans des moments de désœuvrement, à nous donner des détails sur son existence et même sur le pays qu'elle habite. Pour moi je me garderai bien de vous parler sur notre manière de vivre, vous en savez autant que nous mêmes; c'est invariablement la même chose depuis huit ans que nous sommes ici. Huit ans! Sentez vous que c'est un énorme laps de temps, quand il s'est écoulé loin d'une partie de nos affections; je ne veux pas continuer, mes yeux remplissent de larmes et mon coeur se serre, la mort n'est autre chose qu'une longue séparation. Adieu, je vous embrasse avec tendresse, hélas, comme je vous embrasserai dans l'autre monde, c'est à dire idéalement, et vous donnerai des baisers réels à vos enfants, mais en mon nom.

133.

Царское Село. 17 августа. 1824.

Любезнѣйшій князь! Деньги мною отъ Тургенева получены и заемное письмо возвращаю.

Здоровье милыхъ дѣтей, конечно, выше всего; но мнѣ грустно думать, что вы ёдете въ край столь несчастный, гдѣ все сожжено солнцемъ и пожрано саранчею, которая до нынѣ движется тамъ въ страшныхъ кучахъ: это должно дѣйствовать и на самый воздухъ. Вы такъ хорошо судите о вашихъ обстоятельствахъ и должностяхъ, что мнѣ нечего прибавить. Не думайте только о службѣ для большою жалованья: вамъ могутъ предложить 2000 или много 3000 р. въ годъ; какая же подмога? Устройтесь такъ, чтобы проживать еще менѣе дохода; тогда будемъ за васъ спокойны. Со-

гласно съ вами думаемъ, что хорошо поручить ваше имѣніе которому-нибудь изъ нашихъ добрыхъ Оболенскихъ.

Поэту Пушкину велѣно жить въ деревнѣ отда его—разумѣется, до времени его исцѣленія отъ горячки и бреда. Онъ не сдержалъ слова, мнѣ имъ даннаго въ тотъ часъ, когда мысль о крѣпости ужасала его воображеніе: не переставалъ вратъ словесно и на бумагѣ, не могъ ужиться даже съ графомъ Воронцовымъ, который совсѣмъ не деспотъ! ¹³⁵⁾

Сонюшка все еще носитъ повязку. Впрочемъ мы, слава Богу, почти совсѣмъ здоровы.

Скоро отправится къ вамъ Тургеневъ на 28 дней. Мнѣ кажется, что я люблю его еще болѣе прежняго. Нѣжно васъ и милыхъ дѣтей обнимаю. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

И Сѣверинъ къ вамъ ѳдетъ.

134.

Царское Село. 20 августа 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Пишу къ вамъ обоимъ, въ надеждѣ, что вы уже вмѣстѣ, въ Москвѣ или въ Остафьевѣ. Дай Богъ, чтобы одесская поѣздка не была безполезною для здоровья дѣтей: желаемъ скорѣе имѣть о томъ извѣстіе. Дѣти всего дороже; но Москва нравится мнѣ для вашего житья-бытъя лучше Одессы, не смотря на то, что не плещется моремъ и не пылаетъ отъ солнца: въ ней какъ-то стоишь и ходишь тверже, все надежнѣе и вѣрнѣе. Одесса съ норовомъ, кромѣ саранчи, которою небо хлещетъ тамъ землю. Впрочемъ я вижу все своими глазами, а не вашими, милый князь. Вы пыдаете холоднымъ огнемъ къ Европѣ, а я на старости люблю азіатскіе халаты: и Жанъ-Жакъ въ 57 лѣтъ нарядился армяниномъ! Для меня на вашемъ мѣстѣ было бы раздолье въ Москвѣ, безъ долговъ, въ уютномъ домикѣ, съ женою и съ дѣтьми, съ немногими пріятелями, съ стихами и прозою, съ италіанской оперою, съ Англійскимъ клубомъ и съ Остафьевымъ для перемѣны.

Знаете ли, что пишетъ графъ Брей изъ Парижа къ академику Кругу? То, что онъ въ Петербургѣ заговѣлся пріятностями общества для людей уже не молодыхъ; что у него обѣдаютъ въ

Парижъ министры, ученые, авторы, а ему грустно по пасъ, петербургскихъ! Правда, вамъ не было бы грустно въ Парижѣ: вамъ не 60 лѣтъ; но премудръ, кто дѣлать высоко и даже украшаетъ воображеніемъ все, что имѣеть! Философствуйте теперь съ нашимъ любезнымъ Тургеневымъ, уже не стѣсняемымъ душпою атмосферою министерскою; но прошу напомнить ему о возвращеніи къ намъ: мы безъ него сиротствуемъ вмѣстѣ съ совѣтомъ и съ комиссіею etc. Ждемъ обѣщанного Лавинья, то-есть, его Наполеоновской панихиды съ ладаномъ¹³⁶⁾. Читали ли вы Шуквиля о возрожденіи Грековъ? Интересно и глупо. А Дона-Алопзо?¹³⁷⁾ Тутъ и Вальтеръ Скоттъ, и Шатобріанъ, и покойница Сталь, а не достаетъ многаго! Слава нашему Крылову: его басни, по милости Орлова¹³⁸⁾, переводятъ всѣ лучшіе стихотворцы Италіи и Франціи, какъ сказываетъ Инвалидъ.

Нѣжно обнимаю васъ и дѣтей. Вамъ Н. Карамзинъ.

135.

Царское Село. 14 октября 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Мы беспокоимся о вашихъ миныхъ дѣтяхъ, особенно о Николеѣкѣ. Ждемъ Тургенева, чтобы узнать, лучше ли имъ; но онъ не ёдетъ. Мы беспокоились и объ васъ, любезнѣйшій князь. Надѣемся, что теперь вы уже совершенно здоровы.

Глубокая осень принесла намъ съ собою простуды; однакожъ не жалуемся. Отъ сильнаго насморка я не ёздилъ въ Гатчину, гдѣ были и картины, и романы въ лицахъ. Живемъ въ уединеніи, которое имѣеть свои прелести. По утру занимаетъ меня Исторія, а въ вечеру романы. Сидимъ семейнымъ кружкомъ, читаемъ вслухъ и плачемъ. Барышни наши увѣряютъ, что такихъ пріятныхъ вечеровъ не можетъ быть въ городѣ. На сей разъ и домики наши довольно теплы. Думаемъ остаться здѣсь до ноября.

Мы, какъ добрые французы, поемъ многая лѣта Карлу X, *au roi à cheval*, по выражению Шатобріана. Начало самое благополучное. Никто не восходилъ на престолъ въ шестьдесятъ-четыре года съ такою пріятностію. Это царствованіе можетъ быть весьма

важно и для Европы¹³⁹). Съ Грековъ также не спускаемъ глазъ. Авось Богъ не предастъ ихъ въ жертву *Австрийскому Наблюдателю* и нашъ Египетскому! Вотъ горизонтъ моей политики: далѣе и ближе ничего не вижу.

Вы обѣщали, но не прислали намъ стиховъ Лавинья на смерть Байрона. Недавно читалъ я въ какой-то статьѣ о славномъ по-коиникѣ, что онъ любилъ пить: это колънуло меня почти въ сердце. Хотя стихотворцы издавна хвалятся пьянствомъ, но я всегда любилъ не вѣрить въ томъ любимымъ моимъ стихотворцамъ, какъ вѣтренымъ клеветникамъ на самихъ себя.

Обнимаю васъ нѣжно. Дай Богъ, чтобы вы были всѣ какъ можно здоровье. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Dans l'instant, mes bons amis, nous venons d'avoir de vos nouvelles par quelqu'un qui vient de nous quitter depuis quelques jours: c'est notre cher mr. Tourguenoff, qui vient de dÃ©barquer depuis une heure et qui est allÃ© voir les Woyeykoff. Je profite donc de son absence pour vous dire quelques mots, et les premiers seront consacrÃ©s Ã exprimer ma douleur sur l'Ã>tat de vos pauvres enfants et surtout du cher Nicolas; que le Ciel entende mes priÃ`res et mes voeux et qu'il vous les conserve! Je suis mÃ©contente du rÃ}sultat que nous a apportÃ© notre *espion privilÃ©giÃ©*, en nous disant que mari et femme n'ont rÃ©uni que le bout des lÃ©vres pour parler d'affaires, et qu'il n'en savait quelque chose qu'en demandant au tiers et au quart. Faites comme vous l'entendez, mes bons amis, mais pourvu que ce soit pour votre mieux et surtout pour le mieux de vos enfants, car un jour vous leur en devrez rendre compte. Mr. Tourguenoff nous a donnÃ© de bonnes nouvelles sur le reste de la famille. Dieu veuille que ce soit toujours ainsi. Pour le moment nous sommes trÃ¨s mÃ©contents du temps; notre petit hiver est parti et ne nous a laissÃ© pour souvenir que de la boue; mais j'espÃ`re que ce n'est pas pour longtemps et que nous recommenceroÃns nos promenades interrompues. Adieu, chers amis, tous les miens vous embrassent, mais je le fais plus tendrement.

136.

С.-Петербургъ. 2 декабря 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Нѣсколько дней я нездоровъ такъ, какъ бывало со мною прежде; но гораздо болѣе беспокоился и еще беспокоюсь о незддоровьѣ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, которую мы любимъ всею душою. Она была въ жестокой простудѣ съ жаромъ и съ кашлемъ. Дней шесть ей лучше. Говорю вамъ о томъ, что меня очень занимало и занимаетъ. У насъ и дома есть еще нездоровыи: Владиміръ. Надѣемся однакожъ, что это не будетъ имѣть важныхъ слѣдствій.

О здѣшнемъ наводненіи вы уже столько слышали, что не хочу говорить обѣ немъ. Погибло 500 человѣкъ и много миллионовъ рублей. Пока еще не думаемъ бѣжать отъ Невы, очень прекрасной и столь ужасной. Столицы наши прошли сквозь огонь и воду: чего еще ожидать? Авось будетъ долгой и широкой промежутокъ: потому что временные бѣдствія государствъ и городовъ такъ же необходимы, какъ болѣзни человѣческія.

Мы провожали васъ, любезнѣйшій князь, мыслями до монастыря, гдѣ друзья наши, Тургеневы, погребли свою мать, и гдѣ лежать ваши дѣдъ и бабка. Эта обитель есть историческая: тамъ волкъ въ кожѣ агнца далъ совѣтъ Грозному не имѣть совѣтниковъ слишкомъ мудрыхъ¹⁴⁰⁾.

Вчера маленький Пушкинъ читалъ намъ наизусть цыпанскую поэмку брата и нечто изъ Овѣгина: живо, остроумно, но не совсѣмъ зреѣло¹⁴¹⁾. Отъ Пушкина къ Байрону: его Донъ-Жуанъ выпалъ у меня изъ рукъ. Что за мерзость! И даже сколько глупостей! Теперь читаю Фушѣ; но точно ли Фушѣ?¹⁴²⁾ Едва ли. Однакожъ любопытно. Всѣхъ васъ обнимаю вѣжно. На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Quoique vous soyez le plus inexact des correspondents et que j'aise fait le voeux téméraire de ne jamais prendre la plume à votre intention, cher et paresseux oncle, je mets de côté mes prétentions

pour vous remercier du fond de mon coeur de vos félicitations, de vos promesses, assurément trompeuses, et surtout de l'aimable intérêt que vous prenez à ma destinée *mondaine*.

Je m'en vais répondre à la question que le bon et distrait mr. Tourgueneff n'a pu résoudre, quoique plus d'une fois elle ait été agitée en sa présence. Si nous sommes tous en vie et en santé, je me lancerai dans le *monde souverain* cet été, mais pas avant, et quant à cet hiver, à l'exception de quelques sorties *intimes ou bien connues*, je continuerai à être *Cendrillon* (comme dit mr. Tourgueneff) et tout en attisant les cendres, je n'en conserverai que mieux le feu et la vivacité des sentiments, que je vous porte. Faites en part à ma chère tante, que je remercie bien des voeux qu'elle fait pour Pauline à propos de moi; tout en me sentant indigne d'une opinion aussi flatteuse, je n'en suis pas moins sensible au sentiment qui l'inspire. Je vous embrasse tous deux de toute la tendresse de mon coeur. C. K.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous remercie, mes bien bons amis, pour vos félicitations et vos voeux, nous n'avons guère passé nos jours de fêtes en plaisir et joie, car nous sommes tristes et inquiets pour la santé de l'Impératrice Elisabeth, malgré qu'elle aille un peu mieux. Je ne sais trop comment placer ici quelques baisers pour vous, tous mes bons amis, bien tendres. Je tâcherai de profiter de l'avis du cher prince Pierre et de réparer mes torts vis-à-vis de mr. Dmitri.

137.

С.-Петербургъ. 30 декабря 1824.

Любезнѣйшіе друзья! Здравствуйте въ концѣ года и въ теченіе наступающаго со всѣми дѣтьми милыми!

Усердно желаемъ вамъ добра, здоровья, спокойствія и бережливости!

Третьяго дни мы довольно поговорили объ васъ съ княгинею А. Ю. Оболенской¹⁴³⁾.

Рѣшились ли вы или еще не рѣшились въ разсужденіи службы,
милый князь?

Непремѣнно найду т-те Gaud... и вручу ей 100 р., если
она въ нуждѣ.

Байроновыхъ разговоровъ здѣсь нѣть въ лавкахъ; мнѣ давалъ
ихъ читать на англійскомъ языкеъ Полетика.

Ждемъ А. И. Тургенева, живую отъ васъ грамоту. Думаемъ,
что онъ уже въ дорогѣ, или будетъ, когда получите это письмо.

Мы, слава Богу, здоровы. Царицѣ нашей лучше.

Здѣсь уже кое-гдѣ танцуютъ, но Нева еще не совсѣмъ по-
койна. Въ нынѣшнюю ночь опять свѣтились фонари на Адмирал-
тействѣ, какъ волчья глаза во мракѣ.

Нѣжно васъ обнимаемъ, любезнѣйшіе друзья. На вѣкъ вашъ
Н. Карамзинъ.

Прописка Е. А. Карамзиной.

Je ne veux pas que cette lettre parte sans vous apporter mes
voeux pour la nouvelle annѣe, mes bons et chers amis; que tout ce
qu'il y a eu de p nible et de triste reste le partage de l'ann e
24, et que tout ce qu'il y a de bonheur sur la terre soit votre
partage pour l'ann e 25, je le d sire du fond de mon coeur, et
pour  tre mod r e dans mes voeux, je vous dirai que r ellement
mes voeux se bornent pour votre bien- tre aux articles suivants:
que votre sant  soit bonne et celle des enfants meilleur, que vos
affaires  conomiques aillent mieux, que votre courage grandisse et
que vous puissiez prendre la r solution  nergique de ne plus figurer
parmi les dispensateurs des gr ces, s'entend d'argent, voil  ou mes
voeux se bornent pour l'ann e 25 pour votre bien- tre r el, et
celui-l  je le demande   Dieu tous les jours; dans ce moment
m me je ne griffone plus que de coutume que pour aller   l' glise
redire la m me pri re et aussi pour demander au Ciel sa b n diction
pour mon Sachka qui aujourd'hui a 9 ans. Adieu, mes bons
et chers amis, que les b n dictions de Dieu soient avec vous et
vos chers enfants que j'embrasse de toute mon  me.

3 d cembre.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Je vous embrasse tous les deux, mon cher oncle et ma chère tante, en vous souhaitant une année bonne et heureuse, et surtout le rétablissement des petits malades auxquels, ainsi qu'aux bien portants, vous voudrez bien distribuer de tendres baisers. C. K.

Приписка С. Н. Карамзиной.

C'est du fond de mon cœur que je forme les mêmes voeux et que je vous embrasse avec toute l'effusion de la plus vive tendresse. Hélas, hélas, cesserons nous jamais de commencer et de finir les années si loin les uns des autres? Sophie K.

138.

С.-Петербургъ. 16 января 1825.

Любезнѣйшіе друзья! Отъ глубины сердца раздѣляемъ вашу горесть. По всему слышанному нами мы ждали этого несчастія: тѣмъ не менѣе оно тронуло наше сердце, исполненное любви не только къ вамъ, но и къ милымъ вашимъ дѣтямъ. Мы сравнялись съ вами потерями, также оплакавъ трехъ: жестокій платежъ за паслажденія родительскія! Не совсѣмъ утѣшаешь и время: что-то отрывается отъ сердца иничѣмъ не замѣняется. Обнимаемъ васъ нѣжно со слезами. Еще есть о чёмъ просить Бога: да сохранитъ онъ милыхъ остальныхъ, и да будетъ эта жертва послѣдняя¹⁴⁴⁾. Намъ еще грустнѣе отъ того, что мы не съ вами въ дни вашей скорби. Надѣемся, что любезный другъ Александръ Ивановичъ, пока онъ въ Москвѣ, будетъ писать къ намъ о вашемъ здоровьѣ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Que vous dire, mes chers et malheureux amis, sur cette dÃ©solante circonstance? Hélas, je ne vous parlerai que du surcroit de ma douleur d'être séparée de vous; dans une occasion si triste j'aurais pleuré avec vous, sans chercher à vous consoler, car dans

ces douleurs il n'y a que la puissance de Dieu qui console encore avec le temps.

Malheureusement cela n'a pas été une surprise pour nous: depuis quelque temps nous ouvrions vos lettres datées de Moscou en tremblant, nous attendant à y trouver la nouvelle affligeante de votre perte; que le Ciel entende notre prière et que ce soit la dernière perte; puisse-t-il vous accorder la grâce de conserver vos autres chers enfants, puisse-t-il vous rendre au plutôt un peu de plutôt et verser un peu de baume sur la place de votre coeur paternel! Dites mille amitiés au cher et bon mr. Tourgueneff; je bénis les circonstances qui l'ont reteuu à Moscou et qu'il se soit trouvé auprès de vous, mes bons amis; je n'ose plus désirer qu'il revienne parmi nous.

139.

С.-Петербургъ. 18 февраля 1825.

Любезнѣйшіе друзья! Мы какъ будто видѣлись съ вами, поговоривъ съ Тургеневымъ!

Теперь скажу только слова два-три о службѣ. Хотите ли непремѣнно вступить въ нее? Сидѣть въ Москвѣ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ надеждѣ сдѣлаться оберъ-прокуроромъ? Или здѣсь служить въ какомъ-нибудь министерствѣ? Или въ Россіи при миссіи, гдѣ жить не очень дорого: въ Дрезденѣ, Стутгартѣ, Франкфуртѣ, Флоренціи, Римѣ, съ изряднымъ, но небольшимъ жалованьемъ? Не отвѣчая за вѣрный успѣхъ, могу просить. Только рѣшитесь. Мнѣніе мое знаете: ваше собственное въ этомъ случаѣ важнѣе. Буду ждать отвѣта яснаго, твердаго. Государь въ самомъ началѣ весны долженъ ѿхать въ Варшаву: вѣроятно, что до лѣта (если буду живъ, и въ Царскомъ Селѣ) не найду удобнаго случая поговорить о вашей службѣ; но желаю гораздо раннѣе знать, на что вы, милый князь, рѣшитесь.

Мы, слава Богу, здоровы. Пьемъ чай съ пріятелями; пишу Шуйского, читаю Сегюра о 1812 годѣ, барона Фена¹⁴⁵⁾, второй томъ поддѣльного Фуше etc. Дошли ли до васъ отъ меня разговоры Байрона? Ждемъ къ себѣ обѣдать Марью Дмитріевну Боба-

рыкину¹⁴⁶). Скажите намъ слово о Николаѣ Евг. Кашкинѣ¹⁴⁷). Всѣ и всѣхъ васъ обнимаемъ нѣжно. Богъ съ вами и съ нами. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

140.

С.-Петербургъ. 6 марта 1825.

Любезнѣйшій князь! Сердечно благодаримъ Бога, что вы испѣляетесь отъ жестокой болѣзни. Всего болѣе вамъ нуженъ теперь покой; берегите себя для милаго семейства и для насъ, друзей вѣрныхъ, душевно къ вамъ привязанныхъ. Не думайте ни о чёмъ, кроме пріятнаго. Жизнь для васъ обновится, и все будетъ свѣжѣе. Провидѣніе хотѣло васъ сохранить не даромъ. Вы должны быть еще счастливы въ здѣшнемъ свѣтѣ, и будете, какъ надѣюсь. Еще разъ: берегите и лелѣйте себя, играйте цвѣтами! Нѣжно, нѣжно васъ обнимаемъ. Цѣлую руку у милой княгини. Дай Богъ, чтобы ея здоровье не потерпѣло отъ такихъ тревогъ. Вашъ Н. Карамзинъ.

Прописка Е. А. Карамзиной.

Au nom du Ciel, qui a été assez miséricordieux pour vous conserver à ceux qui vous chérissent, au nom de ce Dieu de bonté, conservez vous le plus tranquillement possible, mon bien cher et bien aimé frère; vous savez que je vous parle d'expériences, mon mari ayant été malade de la même maladie à Moscou, et ce n'est qu'un parfait repos qui l'a rendu à un parfait rétablissement et à une franche convalescence, laissez vous tout-à-fait aller aux soins de votre excellente femme, vous vous en trouverez bien. Vous l'embrasserez de notre part bien tendrement et vous l'engagerez à se soigner tout en vous soignant. Faites nous donner régulièrement de vos nouvelles à tous, ne serait-ce que par Hélène.

141.

С.-Петербургъ. 13 марта 1825.

Любезнѣйшіе друзья! Съ нетерпѣнiemъ ожидаемъ отъ васъ добной вѣсти о совершенномъ выздоровленіи. Насъ успокаиваютъ

письма другихъ; но желаемъ удостовѣриться въ томъ вашею стро-кою. Какъ въ Москвѣ, такъ и здѣсь дружба и пріязнь изъявляли живѣйшее участіе: это утѣшительно для сердца. Надѣемся, что весна будетъ для васъ, милый князь, и пѣлебна, и пріятна: не посовѣтуютъ ли вамъ медики для разсѣянія куда-нибудь съѣздить? Душевно обрадуемся и всѣмъ семействомъ, и всѣмъ дружескимъ кругомъ, если загляните въ Петербургъ или въ Царское Село, но не въ распутье, а когда здоровье ваше разцвѣтѣтъ вмѣстѣ съ весною. Теперь всего чаще говоримъ объ этомъ. Мы думали и раздумали ѿхать въ Ревель: дѣло шло о моемъ здоровьѣ, которымъ я доволенъ. Хотѣлось бы въ нынѣшній годъ кончить всю истори-ческую работу, а тамъ, куда угодно: въ Ревель, въ Москву etc. Берегите себя, милый князь, для всѣхъ насъ. Оставьте всѣ заботы до будущаго, а теперь наслаждайтесь только любовью семейства и друзей. Сколько удовольствій истинныхъ, сколько пользы можетъ ожидать васъ впереди! Обнимаю васъ нѣжно, всѣхъ до единаго. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Прописка С. Н. Карамзиной.

Enfin nous pouvons exprimer toute la joie, toute la tendresse de nos coeurs; grâce au Ciel nous sommes tranquilles sur une vie si chère, et notre seul chagrin est maintenant de ne pas nous trouver près de vous pour distraire votre convalescence. Quel doux espoir on nous donne ici! L'idée de vous revoir est une récompense des inquiétudes si cruelles que vous nous avez causées, et combien vous serez charmant de nous récompenser ainsi. Nous vous procurerons à notre tour du plaisir; je vous annonce un spectacle de famille, des farces, un prologue de m. Joukoffsky, le tout surprise complète для милаго гостя. Tout cela vous amusera comme par le passé, car vous êtes toujours le même; dans la première lettre de ma tante, qui nous a tant consterné, vous nous avez fait rire au milieu des larmes, avec les truites que vous n'avez pas mangées; nous l'avons deviné, voyez vous; quand je dis *nous*, c'est votre favorite, à qui la gloire en appartient; je lui cède la plume et vous quitte, mon charmant oncle, en vous embrassant

ainsi que ma tante, avec toute l'effusion d'un cœur qui sent plus que jamais combien il vous aime tous les deux. Sophie Karamzine.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Nous venons de recevoir la lettre de ma tante, et avec quelle vive satisfaction nous y avons lu les trois lignes ajoutées par vous, cher et charmant oncle: je me suis bien apperçue cependant que vous n'étiez pas encore tout à fait vous même, puisque vous avez changé, pour la première fois depuis que nous sommes séparés, la formule invariable qui commence ou finit vos lettres ordinairement: en embrassant *vos amis*, vous avez oublié *les enfants*, ce dont j'ai été tout à fait affligée, puisque je suis comprise dans le nombre, moi, qui à la vue de votre écriture n'ai pu m'empêcher d'appliquer dessus un gros baiser. Vous êtes un ingrat, mais vous avez le moyen de me prouver le contraire, de nous dédommager de toutes nos inquiétudes, de tous nos regrets d'avoir été si loin de vous pendant votre maladie, en venant nous réjouir de la vue de votre bonne santé, de votre bonne humeur, que, comme vous le dit ma soeur, nous tâcherons d'entretenir. Si vous rejetez ce moyen, si vous nous refusez le plaisir de vous attendre, le plaisir plus vif encore de vous posséder, le souvenir si doux de votre visite, nous sommes brouillés pour la vie, et votre *soi-disante favorite* ne se pavadera plus de ce titre *usurpé*, puisque jamais il ne me fut conferé par vous.

Ma bonne tante voudra bien recevoir deux tendres baisers, envoyés par un cœur qui vous a voué à tous deux la plus vive, la plus inaltérable affection. Catherine Karamzine.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Nous venons de recevoir votre petit billet, mes chers amis; avec quel bonheur j'ai revu cette chère écriture ou plutôt ces figures hyéroglyphiques. Il faut absolument, une fois le bon chemin établi, que vous veniez faire une douce surprise à vos bons amis de Pétersbourg; cela fera du bien à tous et de toute manière, et j'espère que le cher prince Pierre ne se refusera pas à cette invitation inspirée par la plus tendre amitié. Je me dépêche comme

une malheureuse; mon mari gronde, il craint que l'heure ne passe pour la poste; cependant je veux absolument vous donner une nouvelle, celle que m-r Séverine se marie (je ne le tiens pas de lui, mais c'est sûr) avec une comtesse Moltke, une demoiselle d'honneur, venue avec la Grande Duchesse Hélène. Adieu, je vous embrasse tendrement, ainsi que les chers enfants, desquels on ne nous dit rien.

142.

С.-Петербургъ. 28 марта 1825.

Любезнѣйшіе друзья! Радуемся строками выздоравливающаго, а еще болѣе стихами къ издателямъ Звѣзды. Дай Богъ здоровья совершенного, и какъ можно скорѣе! Весна на дворѣ: желаемъ вмѣстѣ съ нею встрѣтить васъ въ Царскомъ Селѣ, милый князь Катерина Андреевна согласилась наконецъ не думать о Ревель; я же сталъ и поздоровѣе на этой педѣлѣ. Всѣ наши молятся въ церкви, а я молюсь дома и въ сердцѣ, какъ обыкновенно. Встрѣчаемъ праздникъ въ домовой церкви Шереметева. Между тѣмъ нѣжно, нѣжно васъ обнимаю съ милыми дѣтьми. Говорю заранѣе: Христосъ воскресе! Завтрашній день пугаетъ мое воображеніе блестящимъ выѣздомъ: я сталъ такъ лѣнивъ и неподвиженъ! Читаю Memoires de Ségur, Memoires de Genlis — и еще разъ обнимаю васъ, милыхъ! На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

143.

С.-Петербургъ. 27 апрѣля 1825.

Любезнѣйшіе друзья! Давно не имѣемъ отъ васъ писемъ, зная, къ нашему успокоенію, что вы здоровы. Будемъ ждать васъ, милый князь, въ Царскомъ Селѣ; если Богъ дастъ. Но не задержитъ ли васъ Тургеневъ, которыйѣдетъ въ Москву 4 или 5 мая? Правда, не надолго. Онъ смотритъ отъ насъ въ лѣсъ, то-есть, въ Европу; а мы остаемся мыкать азіатское свое горе въ уединеніи. Вы думаете и въ Ревель, куда мы раздумали? Боюсь необходимостиѣхать въ Нижній: это будетъ для меня хуже горячки. Впрочемъ да будетъ воля Божія! Между тѣмъ къ 10 мая желаемъ быть въ

Китайскихъ домикахъ и посылаемъ 3 главы 12-го тома Исторіи въ Варшаву къ ихъ Хозяину; пишу четвертую, иногда съ чувствомъ, и не худо, какъ мнѣ кажется: это лебединая пѣснь. Сомкну ротъ, но заткну и уши или до послѣдней минуты буду слушать только пѣніе графа Хвостова въ праведную себѣ казнь за то, что я не былъ у него съ визитомъ отъ лѣни во все теченіе зимы! У васъ ли Дашковъ? Хотя онъ и не простился съ нами, но мы любимъ его душевно, и безъ самолюбія. Надѣюсь, что А. М. Пушкину¹⁴⁸⁾ лучше. Обнимите за меня Василія Львовича; а мы всѣхъ васъ обнимаемъ нѣжно. На вѣкъ вашъ Н. Карамзинъ.

144.

С.-Петербургъ. 30 ноября 1825.

Любезнѣйший князь! Вы знали искренность нашей любви къ Государю и чувствуете нашу горесть. Слова не отвѣчаютъ сердцу. Онъ уже не захотѣлъ бы къ намъ возвратиться, если бы и могъ, даже и для того, чтобы сдѣлать еще многое, многое для Россіи, какъ ему хотѣлось, по словамъ, слышаннымъ мною передъ его отѣздомъ. 25 лѣтъ мы, невинные и неподлые, жили мирно, не боясь ни тайной канцеляріи, ни Сибири: скажемъ ему спасибо. Могущество Россіи также при немъ не упало. Въ душѣ его было что-то ангельское. Если онъ какъ человѣкъ не былъ лучше всѣхъ насть, то и мы всѣ вмѣстѣ не лучше его. Кто умѣлъ такъ прощать и не мстить за личныя оскорбления? Любя Россію, желаю, чтобы будущіе государи ся уподобились ему въ великодушіи и во многихъ прекрасныхъ свойствахъ. Связь моя съ нимъ кончилась слезами и скорбью, но благодарю за нее Бога. Императрица Марія Федоровна оказываетъ умилительную твердость. 22-е ноября Императрица Елизавета была еще жива и тверда чудесно, не отходя отъ тѣла.

Мы довольно здоровы, кромѣ Андрея, у котораго сдѣлалось было лихорадка: онъ не плакалъ, а рыдалъ о нашемъ Незабвенномъ, такъ что испугалъ насть. Цѣлую руку у милой княгини и нѣжно всѣхъ васъ обнимаю. Вашъ Н. Карамзинъ.

145.

С.-Петербургъ. 31 декабря 1825.

Любезнѣйшіе друзья! Дай Богъ вамъ и намъ хорошаго новаго года! Будьте здоровы и благополучны въ теченіе 1826 года! Обнимаемъ васъ нѣжно, всѣхъ, отъ мала до велика.

Душевная лихорадка моя еще несовсѣмъ прошла, то-есть, экзальтациѣ, произведенная чрезвычайными обстоятельствами.

Чего мы, Карамзины, лишились въ Александре, того уже никто не можетъ возвратить намъ. Вы, милый князь, говорите о привычкѣ моей: я говорю о *свѣтилѣ* души съ душою. Не было во мнѣ ослѣпленія, но было много любви, которую столько люблю! Можно ли читать безъ умиленія, что пишутъ объ Александрѣ умнѣйшіе французы и англичане? Намъ лучше безмолвствовать краснорѣчиво. Отъ русской фабрики меня тошнитъ. Я не напишу ни слова: разъ скажу что-нибудь въ концѣ XII-го тома, или въ обозрѣніи нашей новѣйшей Исторіи — черезъ годъ или два, если буду живъ. Иначе поговорю съ самимъ Александромъ въ поляхъ Елисейскихъ. Мы многаго не договорили съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Сколько горести и беспокойства въ семействахъ. Еще не имѣю точнаго, яснаго понятія объ этомъ и зломъ и безумномъ заговорѣ. Вѣрно то, что общество тайное существовало, и что цѣллю его было наисправороженіе правительства. Отъ важнаго къ не важному: многіе изъ членовъ удостоивали меня своей ненависти, или по крайней мѣрѣ не любили; а я, кажется, не врагъ ни отечеству, ни человѣчеству. Слышно, что раскаяніе пѣкоторыхъ искренно и полно. Бѣдныя матери, жены, дѣти, младенцы! Не имѣя никакого политическаго вліянія; молюся за Россію. Богъ спасъ насъ 14 декабря отъ великой бѣды. Это стоило нашествія французовъ: въ обоихъ случаяхъ вижу блескъ луча какъ бы неземнаго. Опять могу писать свою Исторію: живъ, живъ, курилка! Нѣжно обнимаемъ васъ за предложеніе намъ вашего городскаго и сельскаго жилища. Иногда дѣйствительно думаю о Москвѣ, о Дрезденѣ для воспитанія дѣтей, о берегахъ Рейна; но прежде хотѣ-

лось бы издать дюжинный томъ моей исторической поэмы. Какъ Богъ дастъ: я вѣрю Ему не на шутку, проживъ въ свѣтѣ около шестидесяти лѣтъ не бездушно и не съ повязкою на глазахъ. Впрочемъ здѣсь ли, тамъ ли—не много разницы: могу остататься и въ Петербургѣ.

Безпокоюсь объ Иванѣ Ивановичѣ, давно не имѣя объ немъ извѣстія.

Простите, любезнѣйшіе. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Je vous embrasse de toute la tendresse de mon coeur, mes chers et bons amis, étant de moitié dans tous les voeux que forme mon mari pour vous; j'ai passé de terribles moments, ou plutôt mon coeur dans des angoisses extrêmes tout ce temps en songeant à vous, et continue d'adresser mes prières ferventes à Dieu, pour que vous continuâssiez à être parfaitement tranquilles. Hier nous avons été porter nos hommages aux nouveaux Souverains; vous pouvez penser combien mon coeur a été opresso de l'idée que notre adorable Alexandre ne les entendra plus adressés à lui; quoique j'aime beaucoup l'Impératrice Alexandrine, c'est la bonté et la pureté même, mais ce n'est pas la même chose, il y manque 10 ans d'amour et de douce habitude. Adieu, mes bons amis, embrassez aussi tendrement vos enfants de ma part, comme je vous embrasse. Voyez m-me Rebinine et dites lui que j'attends une lettre d'elle et que je suis inquiète sur elle, n'en ayant pas reçu depuis celle qu'accompagnait un dessin de Barbe.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

C'est avec toute l'effusion d'un coeur, enfin tranquille, que je vous embrasse, mon cher, mon bien aimé oncle, et vous aussi, ma bonne tante, en vous souhaitant à tous deux santé et bien-être pour l'année 26: quand je dis tous deux, j'enveloppe dans le voeux toute la petite famille, à laquelle je vous prie de donner de tendres baisers. С. К.

146.

С.-Петербургъ. 11 генваря 1826.

Любезнѣйшій князь! Пишу къ вамъ, съ г. Погодинымъ¹⁴⁹⁾ и тѣмъ искреннѣе могу сказать, сколько мы обрадовались, что бурнал туча не коснулась до васъ ни краемъ, ни малѣйшимъ движеніемъ воздушнымъ¹⁵⁰⁾. Только ради Бога и дружбы не вступайтесь въ разговорахъ за несчастныхъ преступниковъ, хотя и не равно виновныхъ, но виновныхъ по всемирному и вѣчному правосудію. Главные изъ нихъ, какъ слышно, сами не дерзаютъ оправдываться. Письма Никиты Муравьева къ женѣ и матери трогательны: онъ во всемъ винить свою *слпную гордость*, обрекал себя на казнь законную въ мукахъ совѣсти. Не хочу упоминать о смертоубийцахъ, грабителяхъ, злодѣяхъ гнусныхъ; но и всѣ другіе не преступники ли, безумные или безрасудные, какъ злые лѣти? Можло ли быть тутъ *разныхъ мнѣній*, о которыхъ вы говорите въ послѣднемъ вашемъ письмѣ съ какою-то значительностью особенною? Если мы съ женою ошиблись въ смыслѣ и въ примѣненіи, то все сказанное мною само собою уничтожается; останется только чувство нѣжнѣйшей къ вамъ дружбы, принадлежность нашей сердечной жизни!

Александра нѣть: связь и прелесть для меня изчезли; вижу безъ очковъ, сужу безъ закупа и смиряюсь духомъ болѣе, нежели когда-нибудь. Еще повторяю отъ глубины души: не радуйте извѣтниковъ ни самою безвиннѣйшею нескромностію! У васъ жена и дѣти, близкніе, друзья, умъ, талантъ, состояніе, хорошее имя: есть что беречь. Отвѣта не требую. Увѣдомьте только о здоровьѣ дѣтей милыхъ и своемъ. Цѣлую руку у любезнѣйшей княгини, всѣхъ васъ обнимая нѣжно. Вашъ Н. Карамзинъ.

Приписка Е. А. Карамзиной.

Vous nous dÃ©sirez, cher ami, la santÃ©, comme seul bien, sur lequel on n'a pas deux opinions. moi je vous en souhaite encore un, non moins prÃ©cieux et sans lequel l'autre est inutile, c'est la tranquillitÃ©; le 14 je me portais aussi bien que le pont-neuf; mais qu'avais-je Ã faire de cette santÃ© robuste, quand je craignais Ã

chaque instant pour la vie de mon mari et de mes filles, dont les brigands auraient pu disposer, si la miséricorde de Dieu n'avait confondu leurs projets homicides; que le ciel nous préserve de ces bienfaiteurs de l'humanité qui passent sur le corps de leurs mères, de leurs femmes, pour parvenir je ne sais à quelles chimères! Je vous reitère à tous deux, mes bons amis, la prière de mon mari, c'est d'être discrets et de ne pas attirer sur vous l'attention par quelques imprudences. Nous sommes affligés de la perte de notre auguste Ami, affligés jusqu'au dernier replis du coeur, nous sommes tristes de tout ce qui arrive et de toutes les suites nécessaires. Un temps du calamité et de deuil pour tous les bons Russes!

Nous ne sortons nulle part, nous ne voyons que Жуковский и Блудовъ. Adieu, je vous embrasse de tout mon coeur, ainsi que les chers enfants.

Приписка С. Н. Карамзиной.

C'est ce que nous faisons aussi avec toute l'effusion de nos coeurs, qui commencent enfin à respirer du moins pour vous S. K.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Oui, cher et bon oncle, c'est du fond de mon coeur que je rends tous les jours grâce au Ciel de vous avoir conservé *intact* pour la tranquillité, le bien être de votre famille et de ceux qui, comme nous, ne séparent pas leurs intérêts des vôtres; la sécurité sur votre sort est la seule douceur qui nous est réservée dans ce temps de deuil et de trébulations. Je désire si ardemment de vous voir et de vous exprimer tout ce que je sens pour vous et pour tous les vôtres, que je consentirais à être pour un jour le porteur de cette lettre, qui aura la satisfaction de vous la remettre lui-même.
C. Karamzine.

Христосъ воскресе, любезнѣйшіе друзья! Сердечно пѣлюемъ васъ и милыхъ дѣтей, поздравляя съ свѣтымъ праздникомъ и всего

болѣе желая здоровья послѣднимъ. Мое состояніе странное: мнѣ бываетъ лучше и хуже по днямъ, чтѣ не даетъ умножаться силамъ, и сколько меланхолическихъ минутъ, въ которыхъ говорю себѣ: „Не выѣду изъ Петербурга“. Какъ вы далеки отъ истины, думая, что мнѣ трудно сдвинуться съ мѣста! Съ этого мѣста сорвала меня буря или болѣзнь, и я имѣю неописанную жажду къ разительно-новому, къ другимъ видамъ природы, горамъ, лазури итальянской etc. Никакъ не могъ бы я возвратиться къ своимъ прежнимъ занятіямъ, если бы здѣсь и выздоровѣлъ. Мнѣ не вѣрится, что буду на морѣ etc. Вашихъ дружескихъ предложеній въ разсужденіи нашего имѣнія ни мало не отвергаю, ни услугъ Ивана Иванова и Демида... Тepерь съ нетерпѣніемъ жду отвѣта князя А. П. Оболенского, котораго убѣдительно просилъ быть въ наше отсутствіе господиномъ нашего имѣнія. Если согласится, то Иванъ Ивановъ или Демидъ можетъ быть, по вашему съ княземъ условію, отправленъ въ Макателемы для взысканія оброка всякими мѣрами, убѣжденіями и угрозою не выѣзжать оттуда, пока не заплатятъ оброка. Однимъ словомъ, поговоримъ послѣ. Тepерь я долженъ отдохнуть.

Прописка Е. Н. Карамзиной.

Nous n'avons point encore instruit papa du nouveau coup dont vous a frappé la Providence, chaque émotion étant nuisible dans son état d'extrême faiblesse; mais nous avons pleuré avec vous, cher oncle et chère tante, la perte cruelle que vous avez faite, et c'est du fond de nos coeurs que nous prions le Ciel de vous consoler dans ceux qui vous restent de ceux qui ne sont plus. Je vous embrasse tous deux et toute la petite famille, en vous disant Христосъ воскресе de toute la tendresse de mon coeur. С. К.

Прописка С. Н. Карамзиной.

Et moi aussi, en priant Dieu pour vous. С. К.

Прописка Е. А. Карамзиной.

Христосъ воскресе, mes bons et malheureux amis, combien vos chagrins augmentent la somme des miens, mais je ne me permets

pas autre chose que de prier pour vous et pour nous Celui qui disperse et les maux et les consolations. Qu'Il vous comble de ses bénédictions, au moins pour le futur, et vous donne les forces nécessaires pour supporter les peines présentes.

148.

(1826).

Любезнѣйшіе друзья! Начинаю тѣмъ, что нѣжно васть обнимаютъ. Богу опять угодно было еще оставить меня въ здѣшнемъ свѣтѣ. Хотя все еще слабъ, но кажется, идетъ не внизъ. Дѣйствія внутренности еще не совсѣмъ исправны.

Весьма одобляемъ, что отдаете домъ въ наймы: это умно, превысно. Вы уже, милый князь, не камеръ-юнкеръ. И мы, наенецъ, подобно вамъ, думаемъ нынѣшнимъ лѣтомъ перемѣнить климатъ. И медики, и собственное чувство удостовѣряютъ меня, что здѣсь, еще съ раздраженною, разслабленною грудью, съ кашлемъ хроническимъ ждать осени и зимы для меня неблагоразумно. Мысли стремятся во Флоренцію. Но все еще зависитъ отъ Бога: Онъ одинъ можетъ сдѣлать, чтобы нашелся для меня способъ съ моимъ семействомъ, недостаточнымъ состояніемъ, характеромъ и правилами моими юхать въ чужie краи года на два съ покойнымъ сердцемъ, безъ котораго и флорентійское небо не будетъ пѣлительно.

Теперь столь же нѣжно обнимаю и мою милую крестницу и всѣхъ вашихъ малютокъ, усердно моля Бога, что бы Онъ подкрѣпилъ между ими слабыхъ. На вѣки ваши Н. Карамзинъ¹⁵¹⁾.

Приписка Е. Н. Карамзиной.

Je vous embrasse aussi, cher oncle et chère tante, de toute la tendresse de mon coeur et je vous prie d'en faire autant pour moi à la petite famille, en commençant et en finissant par la charmante pomme de terre, qui jusqu'à ce moment-ci encore fait tort à mon frère dans mon coeur. C. K.

Avant de quitter la Russie maman désirait savoir, si un *rosier de tous les mois* qu'elle poss『dait avant son mariage existe encore

dans vos serres chaudes d'Astafievo? Veuillez le demander à votre jardinier Романъ и le dire à maman qui vous en sera bien reconnaissante. Elle vous embrasse tous deux bien, bien tendrement.

Письма безъ означенія времени написанія.

149.

Mon très cher prince, c'est avec beaucoup de plaisir que j'ai reçu et lu votre paquet poétique. Il y a des choses bien pensées et bien dites. Tâchez de savoir les règles de la poésie française et russe, et vous ferez encore mieux votre affaire. Je vous envoie aussi des vers de ma façon, et je vous embrasse, comme je vous aime. Votre fidèle ami Karamsin.

150.

Любезнѣйшій князь и другъ! Не тревожьтесь иначѣмъ, а всего менѣе мыслю о нашемъ сердцѣ: имѣемъ его только для любви къ вамъ. Завтра, можетъ быть, напишу поболѣе: теперь недосугъ. Обви-
маемъ васъ нѣжно. Мы здоровы. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Вторникъ.

151.

Прошу васъ, любезнѣйшій князь, *втѣрно* разослать эти письма: чтоѣ будетъ добрымъ дѣломъ... для меня одолженiemъ. Еще разъ... обнимаю. Н. Карамзинъ.

Приписка А. И. Тургенева.

И я ваше сіятельство прошу о томъ же; для большей вѣр-
ности одно письмо послалъ я чрезъ Булгакова. Тургеневъ.

4 генваря.

152.

2 de mai (1813 ?).

Notre cher et malheureux fils vit encore, mais il n'a l'air de respirer que pour épuiser toutes les souffrances; il a passé presque deux fois 24 heures sans fermer les yeux et sans pouvoir poser sa tête sur son oreillé; cette nuit-ci il a été plus tranquille, ce repos ne lui a pas redonné des forces. Ma petite Natacha est devenue jaune comme un coin: mais, Dieu merci, sa fièvre est presque passée. Vous voyez, mes chers amis, de quelle manière notre temps passe: cependant, dans tous les cas, nous nous préparons à partir d'ici, s'il plaît à Dieu, dans le courant de ce mois, malheureux ou consolés. Votre lettre nous a donné le premier moment de satisfaction que nous ayons eu depuis deux mois; après l'inquiétude, où nous étions sur votre santé, mon cher ami, vous savoir infiniment mieux n'était pas peu; mais en grâce, point de cachet soit disant vert, car j'ai manqué me trouver mal à la vue de la lettre. Si les Nélédinsky sont encore avec vous, dites leur tout ce que nous sentons d'affection pour eux et quelle part nous prenons au malheur qui leur est arrivé, surtout à m-me Nélédinsky.

Adieu, chers amis, que le Ciel veille sur vous et vous protège. Je donne des baisers au cher enfant inconnu que j'aime déjà beaucoup.

Прописка Н. М. Карамзина.

Обнимаю васъ, милые друзья, и благодарю Бога, что вамъ любезный князь, стало лучше. Не можемъ сказать того о себѣ. Да будетъ воля Божія!

153.

Письмо Е. А. Карамзиной.

Le 3 mars.

Votre lettre nous a atterré, chère amie, au lieu de porter la joie dans notre coeur, et nous attendons le courrier d'aujourd'hui avec une impatience pleine d'angoisse; nous n'avions pas l'idée, non

seulement du danger du cher malade, mais même nous ne le soupçonnions pas indisposé, aucun de nos amis d'ici ne nous ayant soufflé la dessus et ayant reçu une lettre du cher prince Pérre par m-me Novosiltzoff, où il ne se plaignait de rien, et tout cela dans huit jours; il ne nous reste qu'à demander au Ciel la grâce de sa parfaite guérison et de la conservation de votre santé, chère amie, qui dans un moment aussi cruel et à la suite déjà d'un malheur a dû éprouver un terrible échec. Que le bon Dieu entende nos prières et nos voeux et que nous puissions avoir tous les jours des nouvelles meilleures sur le cher convalescent et sur toute la famille! Jusque là mon coeur ne se desserrera pas; embrassez le pour moi et sentez, combien il est cruel pour moi de ne pouvoir être avec vous, surtout dans un moment, où mon coeur est brisé et qu'il lui faudrait la consolation de le soigner.

Приписка Н. М. Карамзина.

Съ надеждою на милость Божию ждемъ извѣстія отъ васть, милая кнагиня, о нашемъ братѣ и другѣ; боимся, чтобы и ваше здоровье не потерпѣло отъ такой ужасной тревоги. Обнимаемъ васъ нѣжно.

Приписка А. И. Тургенева.

Сейчасъ возвратился съ Жуковскимъ съ театрального пепелища. Еще дымится; но все строеніе до основанія сгорѣло. Пристройки уцѣлѣли. Три человѣка пожарной команды сгорѣли, жившіе въ театрѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

- 1) Въ концѣ 1809 года императоръ Александръ I былъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ великою княгинею Екатериной Павловной и сказалъ Карамзину нѣсколько привѣтливыхъ словъ, встрѣтясь съ нимъ на балѣ. Великая княгиня Екатерина Павловна осыпала его ласками и, познакомясь съ нимъ, пригласила къ себѣ въ Тверь; князь Александръ Петровичъ Оболенскій, служившій при ней въ Твери, могъ утвердить великую княгиню въ высокомъ мнѣніи о Карамзинѣ. Въ письмѣ къ брату, отъ 13-го декабря 1810 г., Карамзинъ писалъ: „Недавно былъ я въ Твери, и осыпанъ новыми знаками милости со стороны великой княгини. Она русская женщина: умна и любезна необыкновенно; мы прожили около пяти дней въ Твери, и всякий день были у нея“ (Погодинъ. *Н. М. Карамзинъ*. М. 1866, II, 58, 68). Въ 1810 году графъ де-Местръ писалъ изъ Петербурга въ Италію: „Образъ жизни великой княгини Екатерины Павловны въ Твери по истинѣ изумителенъ. Домъ ея, по вечерамъ, родъ монастыря. Г. Карамзинъ замѣчательный писатель, читаетъ тутъ лекціи русской истории, изученной имъ съ особеннымъ стараніемъ, и лица, которыхъ она, по здѣшнему обычаю, удостоивается приглашенія на свои вечера, не находятъ на нихъ иного развлеченія“ (*Русскій Архивъ* 1871, стр. 0192).
- 2) Въ марта 1811 года посѣтилъ Тверь императоръ Александръ I. И. И. Дмитріевъ, по приказанію государя, предувѣдомилъ Карамзина о желаніи его съ нимъ познакомиться ближе. Великая княгиня Екатерина Павловна звала неотступно, чтобы Карамзинъ спѣшилъ въ Тверь. Карамзинъ отправился въ Тверь съ написанными томами своей *Исторіи Государства Россійскаго* (Погодинъ. *Н. М. Карамзинъ*. М. 1866. II, 78). Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву изъ Твери, отъ 20-го марта 1811 г., Карамзинъ говоритъ: „Читалъ государю свою *Исторію* долѣе двухъ часовъ, послѣ чего говорилъ съ нимъ не мало — и о чёмъ же? о самодержавіи!! Я не имѣлъ счастія быть согласенъ съ нѣкоторыми

его мыслями, но искренно удивлялся его разуму и скромному красноречию" (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитриеву*. С.-Пб. 1866, стр. 140).

3) После Бородинской битвы, въ которой князь П. А. Вяземский участвовалъ, состоя въ Мамоновскомъ полку, онъ вмѣстѣ съ Н. М. Карамзинымъ выѣхалъ изъ Москвы въ Ярославль. Здѣсь уже были жены ихъ; но оставаться въ Ярославль нечего было и думать. Французы ждали и туда. Вслѣдъ за великою княгинею Екатериною Павловной поспѣшно выѣхали многіе ярославцы и пріѣзжіе. Карамзины рѣшились ѿѣхать въ Нижній Новгородъ, чтобы находиться въ близости помѣстья своего въ Арзамасскомъ уѣздѣ, а князь П. А. Вяземский выбралъ для временнаго жительства Вологду. „Выборъ мой палъ на этотъ городъ“ пишетъ князь Вяземскій,—„потому, что въ Вологду ѿѣхалъ нашъ знакомый, знаменитый московскій врачъ и акушеръ (профессоръ Московскаго университета) Рихтеръ. Жена моя была беременна первымъ своимъ ребенкомъ и вскорѣ должна родить. Въ ожиданіи родовъ ея Рихтеръ просиживалъ у насъ цѣлые часы и въ комнатѣ предъ спальней ея писалъ извѣстное свое сочиненіе о медицинѣ въ Россіи“ (*Русскій Архивъ* 1866, стр. 226—227).

4) Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, который съ супругою и дочерью находился тогда тоже въ Вологдѣ. „Въ 1812 году судьба забросила меня въ Вологду“, писалъ князь Вяземскій;—„туда же забросила она и Нелединскаго, который также держался въ Москвѣ до нельзя. Эта изгнанническая жизнь еще болѣе сблизила меня съ нимъ. Разность лѣтъ нашихъ могла бы служить препятствіемъ къ совершенному сближенію. Но родовая пріязнь, обстоятельства, общее бѣдствіе могли достаточно сгладить эту неравноть. Къ тому же въ свойствахъ Нелединскаго было много сочувственнаго молодости, въ моихъ—какое-то особенное сочувствіе съ лѣтами зрѣлыми. Онъ изъ первыхъ одобрилъ мои первые опыты. Стихи мои, которые первоначально таилъ я отъ Карамзина, какъ дѣтскій шалости отъ строгаго наставника, встрѣчали въ Нелединскомъ благосклоннаго слушателя. Въ Вологдѣ, когда онъ занимался пересмотромъ своихъ стихотворческихъ рукописей, онъ иногда требовалъ моего мнѣнія. Третімъ литературнымъ посредникомъ между нами былъ преосвященный Евгеній. Часто собирались мы у него по вечерамъ. Умъ его разносторонній, многія и обширныя свѣдѣнія, рѣдкое добродушіе придавали этимъ бесѣдамъ особенную прелестъ“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземского*. С.-Пб. 1879, II, 382—383).

5) 15-го юна 1813 года Карамзинъ былъ уже въ Москвѣ, а 21-го юна того же года—въ Остafьевѣ. Изъ Москвы Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Я плакалъ дорогою, плакалъ и здѣсь, смотря на разва-

лины; Москвы п'ётъ: остался только уголокъ ея. Не одни дома сгоръли; самая нравственность людей измѣнилось въ худое. Замѣтно ожесточение; видна и дерзость, какой прежде не бывало. Теперь хочется отдохнуть въ Остафьевѣ" (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитриеву*, стр. 174—175).

6) 2-го февраля 1816 года Карамзинъ, вмѣстѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, пріѣхалъ въ Петербургъ для представлениія государю восьми томовъ своей Исторіи Государства Россійскаго. Семейство его оставалось въ Москвѣ. Въ Петербургѣ онъ прожилъ февраль и мартъ 1816 г. и оттуда писалъ къ своей женѣ (см. *Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина*, ч. 1. С.-Пб. 1862, стр. 141—182). 4-го апрѣля того же 1816 года, Карамзинъ увѣдомлялъ брата, что на днѣхъ возвратился въ Москву, и что ему пожалованы чинъ статскаго советника, лента св. Анны и 60 тысячъ р. на печатаніе Исторіи. „Положено печатать въ Петербургѣ, а мнѣ жить лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ: такъ сказалъ государь... Петербургъ славный городъ, но жить въ немъ дорого: не знаю, какъ мы тамъ устроимся“. 25-го мая 1816 г., изъ Царскаго Села, Карамзинъ писалъ Дмитріеву: „Мы пріѣхали благополучно 25 мая въ пятомъ часу вечера и нашли свой домикъ пріятнымъ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитриеву*, стр. 187, 081—082).

7) Графъ Адамъ Петровичъ (1776—1855), бывшій тогда начальникомъ Царскаго Села.

8) Сергѣй Григорьевичъ Ломоносовъ, лицейскій товарищъ Пушкина.

9) Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву Карамзинъ (8-го іюня 1816 г.) писалъ: „Государь призывалъ къ себѣ и говорилъ со мною весьма милостиво о вещахъ обыкновенныхъ“ (стр. 188).

10) Великая княгиня Анна Павловна и супругъ ея Вильгельмъ, принцъ Оранскій, впослѣдствіи король Нидерландскій.

11) Вѣроятно, сенаторъ и попечитель Московскаго учебнаго округа Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ (1767—1828 г.).

12) Иванъ Семеновичъ Набоковъ, московскій пріятель Карамзина.

13) Василій Львовичъ Пушкинъ (1770—1830).

14) Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ (1754—1826).

15) Между 1810 и 1818 годами И. И. Дмитріевымъ были написаны двѣ басни: *Исторія и Бобръ*, *Кабанъ и Горностай*.

16) Генералъ отъ инфантеріи Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ, герой 12-го года, скончался 14-го ноября 1816 года. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Петровнѣ Оболенской. „Сей боевой служака“, пишетъ князь П. А. Вяземскій,—„женившись, сталъ мирный и добрый семьянинъ, совершенно свыкшій съ новымъ бытомъ своимъ. При пробужденіи моихъ воспоминаній о немъ, предо мною рисуется человѣкъ уже довольно пожилой, роста небольшого, сложенія плотнаго, обраще-

нія тихаго и скромнаго; помнится мнѣ, былъ онъ довольно молчаливъ, чтѣ называется серьеzenъ и невозмутимъ. Невозмутимъ былъ онъ, говорять, и въ пылу битвы. Кажется, Михаилъ Орловъ говорилъ мнѣ, что въ какомъ-то жаркомъ сраженіи, посреди самаго разгара, нашелъ онъ его спокойно сидящаго на барабанѣ и дающаго приказанія войскамъ, а пули и ядра такъ кругомъ и сыпались" (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземской*, VII, 490—491).

17) Семенъ Іоаникіевичъ Селивановскій, московскій типографщикъ, у котораго Карамзинъ печаталъ свои сочиненія съ начала восьмидесятыхъ годовъ. 27-го іюня 1816 года Карамзинъ писалъ ему: „Желаю имѣть отъ васъ рѣшительный отзывъ о печатаніи моей Исторіи. Возмите ли вы съ листа за 3000 экземпляровъ по 35 рублей?.. Я еще крѣплюсь и посматриваю на Москву, хотя дворъ ко мнѣ и милостивъ“. Но въ слѣдующемъ письмѣ Карамзинъ пишетъ Селивановскому: „По приказанію государя, Исторія моя должна печататься въ военной типографії“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитреву*, 082—083).

18) Великая княгиня Екатерина Павловна (1788—1819), во второмъ бракѣ за королемъ Вильгельмомъ Виртембергскимъ.

19) Княжна Марія Петровна Вяземская.

20) Графиня Александра Григорьевна Лаваль, рожденная Козицкая.

21) Князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, бывшій впослѣдствіи Московскимъ генералъ - губернаторомъ (1777—1848), въ первомъ бракѣ былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Вяземской, а во второмъ—на Софье Степановнѣ Апраксиной.

22) Князь Андрей Петровичъ Оболенскій (1769—1852).

23) Родіонъ Алексѣевичъ Кошелевъ, членъ государственного совѣта.

24) А. М. Рябининъ, московскій знакомый Карамзина. Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, отъ 5-го февраля 1817, Карамзинъ писалъ: „На сихъ дваяхъ государь оказалъ намъ большую милость. Я осмѣлился черезъ письмо просить его о А. М. Рябининѣ, котораго не вѣдно было опредѣлить ни къ какому мѣсту. Вынесли справку, и государь простили Рябинина... Это тронуло меня до глубины сердца, тѣмъ болѣе, что императоръ очень колебался. Онъ сказалъ графу Капо д'Истріи: „Je voudrais bien faire une chose agréable a mr. Karamsine; mais c'est une affaire fâcheuse: il y a eu une perte considérable d'argent et beaucoup de négligence au moins“. Я въ письмѣ государю сказалъ, что связь моя съ Рябининымъ состоять въ дружбѣ нашихъ женъ“ (стр. 205).

25) Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (1744—1817). Его московскою библіотекой, сгорѣвшою въ 1812 году, пользовался Карамзинъ при писаніи Исторіи Государства Россійскаго. 3-го іюля 1844 г. племянникъ графа Пушкина князь Н. А. Енгалычевъ сообщилъ

Погодину слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: „Въ бытность мою въ Москвѣ до нашествія Французовъ, съ 1804 по 1809 годъ, жилъ я въ домѣ означенного дяди моего родного по матери, и въ это время слушалось мнѣ много разъ слышать о тщательномъ и разборчивомъ его собраніи рукописей и книгъ, относящихся къ русской исторіи. Потеря его библіотеки справедливо возбуждаетъ въ насъ сожалѣніе, но не совсѣмъ вѣрио, что она вся во время нашествія Французовъ сгорѣла. Еще до нашествія Французовъ, въ то время, когда Карамзинъ посвятилъ себя исключительно занятіямъ русской исторіею, онъ выпросилъ у дяди моего семнадцать книгъ. Это мнѣ обстоятельно известно. Не знаю, какія именно были это книги. Помню, что къ этимъ семнадцати книгамъ дядя мой прибавилъ ему еще четыре книги *Записокъ русской исторіи* Крекпина, который занимался составленіемъ сихъ *Записокъ* при Царѣ Великомъ; изъ сихъ послѣднихъ Карамзинъ, помнится, возвратилъ дядѣ моему три книги, а четвертую, равно какъ и первыя семнадцать книгъ, увозилъ съ собою изъ Москвы во время Французовъ, и такимъ образомъ онѣ уцѣльли; и когда, послѣ кончины дяди моего, супруга его графиня Екатерина Алексѣевна требовала ихъ отъ Карамзина, то онъ отвѣталъ, что эти книги должны храниться не въ частныхъ рукахъ, а въ государственномъ книгохранилищѣ, въ каковое, по минованіи въ нихъ надобности, онъ не преминеть ихъ препроводить“ (*Жизнь и труды М. П. Погодина*. С.-Пб. 1893. VII, 311—313).

26) Княжна Прасковья Петровна Вяземская.

27) Михаилъ Федоровичъ Орловъ.

28) Павелъ Никитичъ Каверинъ, при Павлѣ I Московскій поліціймайстеръ, а при Александрѣ I губернаторъ въ Калугѣ. 23-го декабря 1800 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Мнѣ пріятно знать, что ты любишь Каверина; я самъ чистосердечно люблю его; онъ вѣтренъ, но умень и добръ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 122).

29) Степанъ Петровичъ Жихаревъ, впослѣдствіи сенаторъ (р. 1788 † 1860), извѣстный авторъ *Дневника студента и чиновника*. Въ Арзамасѣ носилъ прозваніе *Громобоя*.

30) Асмодей— арзамасское прозвище князя П. А. Вяземского.

31) Жуковскій, къ своимъ друзьямъ пишетъ: „Мещевскій въ Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете въ Петербургѣ! Если вы не собрались о немъ вспомнить отъ разсѣянности, то это срамъ и ребячество!.. На что же намъ толковать о добрѣ, общей пользѣ?.. Посылаю письмо Вяземскаго, чтобы пристыдить и поддѣять вамъ, если можно, жару. Онъ не беспеченъ, когда *надобно* дѣйствовать“. Объ этомъ несчастномъ имѣются свѣдѣнія въ Запискахъ Шишкова, который писалъ императору Александру I: „Цензоръ принесъ ко мнѣ стихи

и спрашивалъ, вело ли я ихъ пропустить. Стихи сіи присланы подъ слѣдующимъ заглавiemъ: *Посланіе къ артельнымъ друзьямъ*. Годъ поставленъ 1817, имя сочинителя означенено *Мещевскій*¹. По толкованію Шишкова, подъ словомъ *артельныя друзья* слѣдуетъ разумѣть *тайное общество*. „Годъ 1817 есть тотъ самый, съ котораго стали наиболѣе печатать и расpusкать книги, явнымъ образомъ возмутительныя противъ вѣры и правительства“. Когда же Шишковъ призвалъ къ себѣ Воеинкова и спросилъ его: „Какъ смѣлъ онъ такіе стихи принять?..“ онъ „отвѣчалъ мнѣ, что не смѣетъ присылаемыхъ къ нему стиховъ не принимать, опасаясь, что его вызовутъ за то на поединокъ... Цензоръ тоже боится, что если не пропустить, то его разругаютъ и прибьютъ“. Въ заключеніе своего письма, Шишковъ восклицаетъ: „Всемилостивѣйшій Государь! Бездѣ, въ сенатѣ, въ совѣтѣ, въ комитетѣ гг. министровъ, въ публикѣ и при самомъ дворѣ духъ сей находить защиту и покровительство“. Въ книгѣ *Избранныя сочиненія изъ Утренней Зари. Труды благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансиона*. М. 1809 (ч. I, стр. 239—263) напечатано весьма удачное стихотвореніе А. Мещевскаго: *Уединеніе*.

32) Флигель-адъютантъ императора Александра I князь Никита Григорьевичъ Волконскій пользовался особыми милостями государя и былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ исполнителей его воли (*Русский Архивъ* 1874, I, 1047, 1050).

33) Сергѣй Михайловичъ Соковнинъ, помѣщикъ Чернскаго уѣзда Тульской губерніи, питомецъ Московскаго университетскаго благороднаго пансиона (Руммель, *Родословный Сборникъ*. С.-Пб. 1883, II, 407).

34) Николай Николаевичъ Новосильцовъ (1762 † 1838) былъ племянникъ графа Александра Сергеевича Строганова и воспитывался въ его домѣ. Страстный англоманъ, Новосильцовъ вмѣстѣ съ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ и графомъ П. А. Строгановымъ, составляли тріумвиратъ, имѣвшій значительное вліяніе на государственные дѣла въ началѣ царствованія Александра I. По смерти М. Н. Муравьевъ Карамзинъ просилъ Новосильцова о покровительствѣ его историческому труду (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитреву*, стр. 093—094).

35) Карамзинъ говоритъ здѣсь о празднествахъ по случаю бракосочетанія великаго князя Николая Павловича съ Прусскою принцессою Александрою Феодоровною.

36) Въ своемъ *Автобіографическомъ введеніи* князь П. А. Вяземскій пишетъ: „По распущеніи Московскаго ополченія оставался я въ Москвѣ въ службѣ, не въ отставкѣ, не въ отставкѣ, а причисленнымъ по прежнему къ межевой канцеляріи или, вѣрнѣе сказать, не отчисленнымъ отъ нея. Наступилъ 1817 годъ. Пріѣхалъ въ Москву генералъ Михаилъ Михайловичъ Бороздинъ, въ свое время блестящій воинъ

на поляхъ сраженій и равно блестящее лицо въ салонахъ обѣихъ столицъ. Въ дѣствѣ моемъ заглядывался я на него и любовался краси-вою и мужественною наружностью и отличающейся оть другихъ изящ-ною и щегольскою осанкою. Онъ былъ одинъ изъ ближайшихъ пріятелей отца моего. По пріѣздѣ въ Москву Бороздинъ отыскалъ меня и очень обласкалъ, какъ сына пріятеля своего. Онъ дружески укорялъ меня въ тунеядствѣ моемъ и говорилъ, что въ молодыхъ лѣтахъ сыну Андрея Ивановича стыдно быть баклуши и быть какимъ-то Митрофа-нушкою, недорослемъ въ обществѣ. Къ тому же времени пріѣхалъ изъ Варшавы и Новосильцовъ, вызываемый государемъ, который тогда со всѣмъ дворомъ имѣлъ пребываніе въ Москвѣ. Бороздинъ былъ пріятелемъ и Новосильцова. Однажды Бороздинъ пригласилъ меня обѣдать съ Новосильцовымъ и передалъ меня ему на руки. Новосильцовъ сла-госклонно принялъ меня: участь моя была рѣшена” (*Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. I, XXXVII—XXXVIII*) 25-го ав-густа 1817 года князь П. А. Вяземскій по Высочайшему указу Все-милостивѣйше пожалованъ въ коллежскіе асессоры, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно ему было находиться при тайномъ совѣтникѣ Новосильцовѣ.

37) Жуковскій былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Въ *Воспоминаніяхъ* ея мы читаемъ: „Я принялась серьезно за уроки русскаго языка; въ учителя мнѣ былъ данъ Василій Андреевичъ Жуковскій, въ то время уже из-вѣстный поэтъ, но человѣкъ онъ былъ слишкомъ поэтичный, чтобы оказаться хорошимъ учителемъ. Вместо того, чтобы корпѣть надъ изученіемъ грамматики, какое-нибудь отдѣльное слово рождало идею, идея заставляла искать поэму, а поэма служила предметомъ для бесѣды; такимъ образомъ, проходили уроки. Поэтому русскій языкъ я постигла плохо, и не смотря на мое страстное желаніе изучить его, онъ оказался на столько труднымъ, что я въ продолженіе многихъ лѣтъ не имѣла духу произносить на немъ цѣльныхъ фразъ“ (*Русская Старина* 1896, октябрь, стр. 32—33).

38) 16-го мая 1818 г. Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Мнѣ грустно, что гг. профессоры Московскаго университета оскорбились моимъ выражениемъ въ запискѣ о Москвѣ, сочиненной мною для императрицы. Я не думалъ ничего худого, сказавъ: „Надобно возстановить универ-ситетъ и физически и нравственно“. Это совсѣмъ не касается нравовъ. Я желалъ только, чтобы университетъ еще болѣе возвысился, болѣе одушевился и сдѣлался полезнѣе. Желаніе мое отчасти исполнилось. Профессоры ободрены награжденіями. Общіе эти пріятели распустили эту записку по Москвѣ къ моему неудовольствію; она была писана со-всѣмъ не для публики“ (стр. 238).

39) Графъ Брей, баварскій посланникъ. 22-го ноября 1817 Карам-

зинъ писалъ къ И. И. Дмитреву: „На сихъ дняхъ отправляется къ вамъ посланникъ баварскій графъ Брей, человѣкъ съ умомъ и здѣшній хлѣбосоль: онъ желаетъ познакомиться съ тобою“ (стр. 225).

40) Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ, сынъ друзей Карамзина Плещеевыхъ, Алексѣя Александровича и Настасіи Ивановны. Плещеевъ славился искусствомъ передразнивать знакомыхъ въ голосѣ, пріемахъ и походкѣ; притомъ онъ былъ отличный актеръ. По сосѣдству деревень, около Бѣлева, Плещеевъ познакомился съ Жуковскимъ, а этотъ представилъ его потомъ въ члены Арзамасса, гдѣ его нарекли *Чернымъ Враномъ* (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитреву*, стр. 042—043).

41) Д. Н. Блудовъ былъ назначенъ въ Лондонъ совѣтникомъ посольства.

42) Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ (1791 † 1865), впослѣдствіи чрезвычайный посланникъ при Баварскомъ дворѣ. „Былъ у меня пріятель“, пишетъ князь П. А. Вяземскій въ своемъ *Автобіографическомъ Введеніи*, — „даже другъ: остались мы друзьями до конца; нынѣ уже нѣть его на свѣтѣ. Онъ жилъ за границею. Императоръ Николай былъ иногда недоволенъ грѣхами языка моего и даваль мнѣ это чувствовать. Пріятель мой зналъ это; между тѣмъ портретъ мой висѣлъ въ кабинетѣ его, который государь долженъ былъ занять въ одну изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ. Какъ тутъ быть? Оставить ли обличительный портретъ какъ онъ есть, или, для большей осторожности, снять его на время со стѣны? Наконецъ, храбро и великодушно рѣшился онъ на первое. Позднѣе говорилъ онъ женѣ моей, что хотѣлъ оказать себя предъ государемъ въ полной обстановкѣ своей, и выгодной и неблагопріятной“. (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, LX).

43) Княгиня Евдокія Ивановна Голицына, урожденная Измайлова, супруга князя Сергія Михайловича Голицына, прозванная *princesse Nocturne*. Пушкинъ написалъ ей посланіе, которое заключаетъ словами:

Вчера Голицыну я видѣлъ
И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

По предположенію князя П. А. Вяземскаго, къ княгинѣ Голицыной относятся слѣдующія слова Пушкина: „Одна дама, впрочемъ очень милая, при мнѣ, открывъ вторую часть (*Исторіи Государства Россійскаго*), прочла въ слухѣ: Владіміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... „Однако! зачѣмъ не но? Однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?“ (*ibid.* V, 58).

При входѣ въ храмъ Святаго Духа Александро-Невскія Лавры богомолецъ на лѣвой сторонѣ увидитъ бѣломраморный памятникъ, освященный иконою Богоматери, и прочтетъ вырѣзанную на немъ слѣдующую надпись: „Цамяти рабѣ Божіей Евдокіи княгини Голицыной, уро-

жденной Измайловой. Родилась 4-го августа 1780 года. Скончалась 18 Генваря 1850 года. Прошу православныхъ Русскихъ и проходящихъ здѣсь помолиться за рабу Божію, дабы услышалъ Господь мои теплые молитвы у престола Всевышняго для сохраненія духа русскаго“.

44) Въ Варшавѣ императоръ Александръ I спросилъ князя П. А. Вяземскаго: прочелъ ли онъ Исторію Карамзина, которая только что вышла въ печати. „На мой отвѣтъ“, пишетъ князь Вяземскій,— „что еще не успѣлъ я прочесть, государь съ видомъ какого-то самодовольства сказалъ мнѣ: „А я прочелъ ее съ начала до конца“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, XXXIX).

45) „До Варшавы“, писалъ князь П. А. Вяземскій,— „зналъ я почти одну Москву: въ Петербургѣ наѣзжалъ я только на короткое время, за границею же не бывалъ. Варшава, тогда блестящая, не только мирная, но и празднующая перерожденіе свое, повѣяла на меня незнакомымъ, новымъ воздухомъ. Я скоро и легко акклиматизировался. Починъ мой въ Варшавѣ былъ самый благопріятный. Въ Новосильцовѣ нашелъ я начальника, котораго лучше и придумать нельзя“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, XXXVIII—XXXIX).

46). См. примѣчаніе 36-е.

47) „Еще до Варшавы государь“. писалъ князь Вяземскій,— „явилъ намъ знакъ благоволенія своего. Дорогою, гдѣ-то въ Царствѣ Польскомъ, обогналъ онъ настъ, узналъ, вѣльъ коляскѣ своей остановиться и вышелъ изъ нея на встрѣчу къ намъ, также вышедшими изъ кареты. Государь былъ бодръ, свѣжъ и тщательно и красиво убранъ и одѣтъ, какъ будто бы выходилъ изъ уборной комнаты своей въ Зимнемъ Дворцѣ. Я ъхалъ больной, чутъ-чуть ли не въ халатѣ, не мытый, не бритый, неряшливый... Не только крѣпко захворалъ я дорогою, но въ Несвижѣ, гдѣ ночевали мы, настъ совершенно обокрали... Но счастію, догналъ настъ И. С. Тимирязевъ и, сжалась надъ бѣдствіемъ нашимъ, ссудилъ настъ двумя тысячами рублей“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, XXXIX—XLI).

48) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ былъ уже отчасти знакомъ съ *Исторіем Государства Россійскаго*. Еще въ 1810 году, у сестры своей великой княгини Екатерины Павловны, онъ слушалъ чтеніе Карамзинъмъ его Исторіи. „Мнѣ рассказывали“, писалъ графъ де-Местръ изъ Петербурга въ Италію,— „что елъ братъ, великий князь Константинъ Павловичъ здѣсь говорилъ смѣясь, что онъ изъ русской исторіи только и знаетъ, что онъ узналъ въ этотъ вечеръ“ (*Русскій Архивъ* 1871, стр. 0192).

49) Государь, приѣхавшій изъ Москвы для открытия первого польскаго сейма, былъ ко мнѣ отмѣнно внимателенъ и милостивъ. Онъ даже удостоилъ жену и меня своимъ августейшимъ посѣщеніемъ...

(*Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского*, I, XXXVIII—XXXIX). 8-го апреля 1818 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитриеву: „Варшавскія новости сильно дѣйствуютъ на умы молодые... Князь Петръ открылъ свое государственное служеніе переводомъ государевой рѣчи, съ поправками Новосильцова“. Рѣчь государя была польскому сейму 15-го—27-го марта 1818. Переводъ этотъ былъ напечатанъ сперва въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 26), а потомъ явился и въ другихъ русскихъ журналахъ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитриеву*, стр. 236, 098—099). Въ другомъ письмѣ, отъ 29-го апреля 1818 г., Карамзинъ пишетъ И. И. Дмитриеву: „Варшавскія рѣчи сильно отзывались въ молодыхъ сердцахъ: спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ; начинаютъ и писать въ *Сынъ Отечества*, въ рѣчи Уварова“ (стр. 236—237).

50) Петръ Ивановичъ Полетика назначенъ чрезвычайнымъ посланикомъ и полномочнымъ министромъ при Сѣверо-Американскихъ штатахъ. Онъ родился въ 1778 † 1849 г. Служа по дипломатической части, онъ занималъ различные должности при Стокгольмской, Неаполитанской, Мадридской и Лондонской миссіяхъ. Во время Наполеоновскихъ войнъ Полетика сопровождалъ русскую армію, состоя при Барклаѣ-де-Толли, затѣмъ принималъ участіе въ Ахенскомъ и Веронскомъ конгрессахъ. Полетика хотя не занимался русскою литературою, но находился въ близкихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Карамзина и былъ избранъ въ члены Арзамаса, получивъ прозвище *Очарованного человека*.

51) См. примѣчаніе 49-е.

52) Всльдъ за переводомъ рѣчи государевой, князю П. А. Вяземскому былъ порученъ переводъ на русскій языкъ польской хартіи и дополнительныхъ къ ней уставовъ образовательныхъ. „Спустя нѣсколько времени“, свидѣтельствуетъ князь Вяземскій,—„поручено было Новосильцову государемъ составить проектъ конституціи для Россіи. Подъ его руководствомъ занялся этимъ дѣломъ бывшій при немъ французскій юристъ Deschamps; переложеніе французской редакціи на русскую было возложено на меня“ (*Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского*, II, 86—87).

53) 11-го сентября 1818 Карамзинъ писалъ И. И. Дмитриеву: „Мнѣ гадки лакеи и низкіе честолюбы и низкіе корыстолюбы. Дворъ не возвысить меня. Люблю только любить государя. Къ нему не лѣзу и не полѣзу. Не требую ни конституціи, ни представителей, но по чувствамъ останусь республиканцемъ, и притомъ вѣрнымъ подданнымъ царя Русскаго: вотъ противорѣчіе, но только мнимое“ (стр. 248—249).

54) См. *Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского*, IX, 51—61.

55) 29-го мая 1818 года императоръ Александръ I, проѣзжая черезъ городъ Донковъ (Рязанской губерніи), утвердилъ новый уставъ и штатъ Россійской академіи. 5-го декабря того же года Академія праздновала торжественнымъ собраніемъ день своего учрежденія Екатериной и возобновленія Александромъ. Карамзинъ произнесъ рѣчь, написанную имъ по случаю избранія его въ действительные члены Россійской академіи (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитриеву*, стр. 0112—0113).

56) Профессоръ Московскаго университета и редакторъ *Вѣстника Европы* Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій (1775—1842) былъ противникомъ Карамзина.

57) Въ *Украинскомъ Вѣстнике* 1818 года (ч. X, стр. 139) было напечатано: „Университетъ Московскій нынѣ въ развалинахъ. Надобно возстановить его. Онъ со времени Елизаветы Петровны для Россіи полезнѣе С.-Петербургской Академіи Наукъ. Мы всѣ учились въ немъ если не наукамъ, то по крайней мѣрѣ русской грамотѣ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитриеву*, стр. 0102). Ср. прим. 38-е.

58) Это стихотвореніе напечатано въ *Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 157—160.

59) Въ своей *Исповѣди* князь П. А. Вяземскій пишетъ: „Былъ я соучастникомъ и подписчикомъ въ запискѣ, поданной государю по предварительному на то его соизволенію, отъ имени графа Воронцова, князя Меншикова и другихъ, въ которой всеподданнѣйше просили мы его о позволеніи приступить теоретически и практически къ разсмотрѣнію и рѣшенію важнаго государственного вопроса обѣ освобожденіи крестьянъ. Государь, говоря послѣ съ Карамзиномъ о томъ, что желаніе освобожденія крестьянъ раздѣлено многими благомыслящими помѣщиками, назвалъ ему въ числѣ другихъ и меня. Тутъ Карамзинъ и узналъ о поданной нами бумагѣ и участіи моемъ въ ней“ (*ibid.*, стр. 88).

60) Неаполитанскій аббать Галіані (1726—1786) написалъ нѣсколько сочиненій по части политической экономіи, жилъ долго въ Парижѣ, гдѣ сблизился съ энциклопедистами. Онъ былъ врагъ гражданской свободы и независимой печати (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитриеву*, стр. 0115).

61) Карамзинъ въ письмѣ своемъ къ И. И. Дмитріеву отъ 27-го января 1817 пишетъ: „Мы болѣе пожели когда-нибудь мыслить о возвращеніи въ нашу добрую, хотя и азіатскую Москву, какъ говорить князь Петръ“ (стр. 256).

62) Въ своей *Исповѣди* князь П. А. Вяземскій свидѣтельствуетъ: „Въ приѣздъ мой въ Петербургъ, въ лѣто (?) 1819 года, имѣлъ я счастіе быть у государя въ кабинетѣ его, на Каменномъ островѣ. Велѣніе мнѣ было пріѣхать въ 4 часа послѣ обѣда, за письмомъ И. Н. Новосильцову. Государь говорилъ со мною болѣе получаса. Сначала онъ

разспрашивалъ меня о Краковѣ, изъяснялъ и оправдывалъ свои виды въ разсужденіи Польши, національности, которую хотѣлъ сохранить въ ней, говоря, что мѣры, принятые императрицею Екатериною, были бы теперь несогласны съ духомъ времени; отъ политического образованія, даннаго Польшѣ, перешелъ государь къ преобразованію политическому, которое готовитъ Россіи; сказалъ, что знаетъ участіе мое въ редакціи проекта русской конституціі, что доволенъ нашимъ трудомъ, что привезетъ съ собою доставленныя бумаги въ Варшаву и сообщитъ критическія свои замѣчанія Новосильцову, что надѣется привести это дѣло къ желаемому окончанію, что на эту пору одинъ недостатокъ въ деньгахъ, потребныхъ для подобнаго государственного оборота, замедляетъ приведеніе въ дѣйствіе мысль, для него священную; что онъ знаетъ, сколько преобразованіе сіе встрѣтитъ затрудненій, препятствій, противорѣчій въ людяхъ, коихъ предубѣжденія, легкомыслѣе приписываютъ симъ политическимъ правиламъ многія бѣдственныя событія современныя, когда, при безпристрастнѣйшемъ изслѣдованіи, люди сіи легко могли бы убѣдиться, что сіи беспорядки проис текаютъ отъ причинъ совершенно постороннихъ. Предоставляю судить, какими сѣменами должны были подобныя слова оплодотворить сердце, уже раскрытое къ политическимъ надеждамъ, которыхъ съ того времени освятились для меня самою державною властію" (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 87—88).

63) Николай Ивановичъ Тургеневъ. „Онъ страшный либералистъ, но добрый, хотя иногда и косо смотритъ на меня, потому что я отъявилъ себя не либералистомъ“, писалъ о немъ Карамзинъ И. И. Дмитреву 28-го ноября 1818 г. (стр. 253).

64) Извѣстный Александръ Скарлатовичъ Стурдза (1791—1854), служа въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Ѳздилъ на Ахенскій конгрессъ. Свою запискою о современному состояніи Германіи, тогда же напечатанную, онъ внушилъ германскимъ правительствамъ мысль о преобразованіи университетовъ, но за то и возбудилъ къ себѣ ненависть университетской молодежи, отъ кинжала которой едва спасся бѣгствомъ въ Россію (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитреву*, стр. 0120).

65) Здѣсь разумѣется стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго, подъ заглавіемъ *Былъ* (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, IV, 6—7).

66) Баронъ Гурго былъ три года при Наполеонѣ на островѣ св. Елены; по возвращеніи оттуда, въ 1818 году, издалъ онъ, со словъ Наполеона, книжку о Ватерлооскомъ сраженіи, за которую подвергся преслѣдованію (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитреву*, стр. 0121).

67) Прадѣть, возвѣденный Наполеономъ въ званіе барона и въ санъ

епископа Пуатье, впослѣдствіи архіепископъ, а въ 1812 г. посолъ въ Варшавѣ, написалъ множество сочиненій, относящихся къ политикѣ и исторіи его времени (*ibid.*, стр. 0122).

68) 31-го марта 1819 Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріему: „Конечу зарѣзанъ въ Мангеймѣ студентомъ, за его немодный образъ мыслей. Что-то будетъ съ Стурдзою?“ (стр. 259).

69) Черезъ сорокъ лѣтъ, то-есть, въ 1860 году, князь П. А. Вяземскій писалъ:

Послушать, вѣкъ нашъ—вѣкъ свободы,
А въ сущность глубже загляни:
Свободныхъ мыслей коноводы
Восточнымъ деспотамъ сродни.

У нихъ два вѣса, два мѣрила,
Двойкій взглядъ, двойкій судъ:
Себѣ дается власть и сила,
Своихъ на верхъ, другихъ подъ спудъ.

У нихъ на все есть лозунгъ строгій;
Подъ либеральнымъ ихъ клеймомъ
Не смѣй идти своей дорогой,
Не смѣй ты жить своимъ умомъ.

Когда кого они прославятъ,
Предъ тѣмъ колѣна преклони.
Кого они оналой давятъ,
Въ того и ты за нихъ лягни.

Свобода, правда, сахаръ сладкій,
Но отъ плантаторовъ бѣда:
Куда какъ тяжки ихъ порядки
Рабамъ свободного труда.

Свобода—превращеніемъ роли
На ихъ условномъ языкѣ—
Есть отреченіе личной воли,
Чтобъ быть винтомъ въ паровикѣ,

Быть попугаемъ однозвучнымъ,
Который, весь оторопѣвъ,
Твердитъ съ усердiemъ докучнымъ
Ему насвистанный напѣвъ.

Скажу съ сознаниемъ печальнымъ:
Не вижу разницы большой
Между холопствомъ либеральнымъ
И всякой барщиной другой.

70) Лазарь Карно (р. 1753 † 1823). Ему между прочимъ принадлежитъ: *Mémoire adressé au roi en juillet 1814*.

71) Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ (1781 † 1827), зять графа Николая Семеновича Мордвинова и другъ Сперанского.

72) Записка о дѣлѣ жены титулярнаго совѣтника Субочевой, по первому мужу Огаревой, по отцѣ Щепотевой (*Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина*, ч. I. С.-Пб. 1862, стр. 230—235).

73) Генералъ Гавріиль Эдувиль (Hédouville) былъ французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ съ 1801 по 1804 годъ; умеръ въ 1825 г. Сколько известно, онъ не занимался литературой. Братъ же его Николай (род. 1767 † 1846) известенъ во французской литературѣ трагедией *Jeanne Darc*; но она была издана въ Парижѣ, въ 1829 году.

74) Графъ Евграфъ Федотовичъ Комаровскій, авторъ известныхъ *Записокъ*, напечатанныхъ въ *Русскомъ Архивѣ*.

75) Батонди, старый Италіанецъ, жившій въ домѣ князя Андрея Ивановича Вяземскаго; онъ ходилъ въ красной шапочки и забавлялъ домашнихъ своими шутками. Умеръ въ 1812 году, въ Остафьевѣ.

76) Письмо это помѣчено: „Дарское Село, 13 октября 1819 года“, а 17-го октября здѣсь же Карамзинъ была написана знаменитая записка, подъ заглавиемъ: *Мнѣніе Русскаго Гражданина* (см. *Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина*, ч. I, стр. 3—8).

77) Князь П. А. Вяземскій, въ своей *Исповѣди*, писалъ: „Политическая события, омрачившія горизонтъ Европы, набросили косвенно тѣнь и на мой ограниченный горизонтъ. Государь пріѣхалъ въ Варшаву; открылъ второй сеймъ. Онъ уже не былъ празднествомъ для Польши, ни торжествомъ для государя. Разными мѣрами, неразсчетливою государственную пользою внушенными, привели польскіе умы въ нѣкоторое раздраженіе, поселили недовѣрчивость къ государю. Поляками управлять легко, а особенно же Русскому царю. Они чувствуютъ свое безсиліе. Съ Поляками должно имѣть мягкость въ приемахъ и твердость въ исполненіи“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 88—89).

78) Байковъ былъ главнымъ чиновникомъ въ канцеляріи Новосильцова въ Варшавѣ. Байковъ, по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, былъ лицо известное въ Варшавѣ. „Въ началѣ столѣтія причисленъ онъ былъ къ неудавшемуся посольству графа Головкина въ Китай. Передъ тѣмъ состоялъ онъ на службѣ при посольствѣ графа Маркова

въ Парижѣ. Мицкевичъ, въ сатирической драмѣ, нарисовалъ его портретъ. По моему убѣжденію, Байковъ много вредилъ Новосильцову. Онъ былъ человѣкъ способный, особенно смѣтливый, вообще умный, очень занимательный и забавный въ разговорѣ. Нельзя назвать его добрымъ человѣкомъ, но нельзя назвать и злымъ... Онъ не былъ ни любимъ, ни уважаемъ въ варшавскомъ обществѣ, ни въ польскомъ, ни въ русскомъ кругу. Новосильцовъ любилъ его, то-есть, онъ забавлялъ Новосильцова. Байковъ былъ самъ натуры довольно беззаботной, тучной и лѣнивой, даже сосливой. Онъ нерѣдко засыпалъ на людяхъ, въ салонахъ и въ театрѣ, гдѣ иногда, съ просонья, обращался на сцену къ актерамъ и особенно къ актрисамъ съ шуткою, не всегда приличною... Подобное обращеніе не могло нравиться тогдашнему аристократическому варшавскому обществу. Поляки считали Байкова недостаточно благовоспитаннымъ и отъ него уклонялись... Въ числѣ забавныхъ слабостей Байкова была и та, что онъ сбивался на мѣстоименіяхъ. Новосильцовъ онъ на языкѣ его всегда сходилъ на мы. *Мы дѣлаемъ, мы рѣшили, нашъ поваръ, мы даемъ балъ и т. д.*" (*ibid.* VIII, 353—356).

79) 28-го августа 1819 года президентъ Российской академіи А. С. Шишковъ обратился съ слѣдующею жалобою къ министру народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну: „Въ прошедшыхъ засѣданіяхъ Российской Императорской академіи читана была напечатанная въ журналѣ *Сына Отечества*, подъ названіемъ критики на изданную отъ ней грамматику, обидная для академія брань. Академія нашлась принужденною поручить мнѣ бывшія по сему случаю сужденія ея препроводить къ вашему сіятельству, яко члену оной и министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, для свѣдѣнія, вѣ какомъ при таковыхъ обстоятельствахъ находится она положеніи, и при томъ донести, что если и впредь журналисты, и всякий, кто захочетъ, будутъ вѣ правѣ о издаваемыхъ юю книгахъ возвѣщать публикѣ съ своими ни разсудкомъ, ни пристойностію не обузданными толками, то ей не останется ничего другаго, какъ или таковыя происшествія съ нею для свѣдѣнія публики записывать и помѣщать вѣ своихъ изданіяхъ, или не издавать ничего, дабы не подвергаться стыду быть передъ цѣлымъ свѣтомъ отъ всякаго, кто захочетъ бранить ее, и молчать. Прилагаю при семъ бывшія по сему обстоятельству сужденія ея“. На этомъ письмѣ министръ народнаго просвѣщенія положилъ резолюцію: *Предложить на разсужденіе Главнаго Училища Правленія*. На основаніи этого *разсужденія* князь А. Н. Голицынъ отвѣтилъ Шишкову слѣдующее: „По отношенію вашего превосходительства, отъ 28 августа сего года, съ приложеніемъ записки о бывшихъ въ Императорской Российской академіи сужденіяхъ и изъявленномъ юю неудовольствію касательно напечатанной вѣ журналѣ *Сынъ Отечества* оскорбительной критики на вновь изданную академіею Российской Грам-

матику, не преминулъ и обстоятельство сie предложить на разсуждение Главнаго Правленія Училищъ. Заключеніе онаго, съ которымъ и я не могу не согласиться, состояло въ томъ, что дѣланіе примѣчаній на вскую издаваемую въ свѣтъ книгу, а тѣмъ паче на Грамматику, пикакими узаконеніями не воспрещается, а потому не можетъ вообще никому быть возбранено; и въ случаѣ неосновательности таковыхъ примѣчаній критикъ подвергается самъ стыду предъ публикою и удобному на нихъ опроверженію тѣмъ же способомъ, какимъ и его примѣчанія доведены до всеобщаго свѣдѣнія; но что касается до оскорбительныхъ для Академіи выражений и отзывовъ, каковыми наполнены тѣ замѣчанія издателемъ *Сына Отечества*, то какъ сie противно уставу о цензурѣ, я приказалъ учинить чрезъ кого слѣдуетъ надлежащей выговоръ цензору, дозволившему напечатать тѣ замѣчанія, и поставилъ несомнѣнность сего поступка на видъ и автору, который осмѣялся употреблять столь неприличные отзывы на счетъ Академіи, а притомъ предписалъ цензурѣ, чтобы впредь никакихъ подобно сему оскорбительныхъ отзывовъ ни на чей счетъ въ печать не было издаваемо".

80) 8-го января 1820 года, Россійская академія праздновала день своего возобновленія императоромъ Александромъ I, на которомъ Карамзинъ прочелъ нѣкоторая мѣста изъ не изданнаго IX-го тома его Исторіи. По окончаніи чтенія, Шишковъ вручилъ Карамзину отъ лица Россійской академіи большую золотую медаль за „многотрудный подвигъ его въ сочиненіи Россійской Исторіи“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитриеву*, стр. 0129--0130).

5-го мая 1867 г., митрополитъ Филаретъ писалъ графу Ф. П. Литке: „Примите благодарность мою за удобство разматривать достойный памятникъ благородной душѣ, подъ названіемъ: *Торжественное Собрание Императорской Академіи Наукъ, въ память столѣтней годовщины рождения Н. М. Карамзина*. При семъ вспомнился мнѣ между прочимъ за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ бывшій день, когда я узналъ Николая Михайловича. Въ Собраниі Россійской академіи онъ читалъ изъ своей Исторіи царствованіе Иоанна Грознаго. Читающій и чтеніе были привлекательны: по читаемое страшно. Мне думалось тогда, не довольно ли исполнила свою обязанность исторія, если бы хорошо освѣтила лучшую часть царствованія Грознаго, а другую болѣе бы покрыла тѣнью, нежели многими мрачными рѣзкими чертами, которыхъ тяжело видѣть положенными на имя Россійскаго царя. Хорошо видами добра привлекать людей къ добру: но полезно ли обнажать и умножать виды зла, чтобы къ нимъ привыкли“ (*Чтенія въ Императорскомъ Моск.-вско. Обществѣ Истории и Древностей Россійскихъ*, 1880, IV, 12).

81) Секретарь императрицы Маріи Федоровны дѣйствительный

статскій совѣтникъ Михаилъ Ивановичъ Полетика († 5 дек. 1824, въ С.-Петербургѣ), подъ псевдонимомъ L. H. de Jacob, въ 1818 году, въ Галле, напечаталъ сочиненіе подъ слѣдующимъ заглавиемъ: *Essai philosophique sur l'homme, ses principes aux rapports et sa destinée, fondé sur l'expérience et la raison, suivie d'observations sur le Beau.*

82) 20-го февраля 1820 г. Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Знаешь ли о новомъ парижскомъ злодѣйствѣ? Фанатикъ-бонартистъ зарѣзалъ герцога Берри при выходѣ изъ оперы, и пресѣкъ колѣно Людовика XIV для трона. Каковъ вѣкъ!“ (стр. 283).

83) 1-го апрѣля 1820 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „У насъ главная новость, что объявлены Сенату разводъ великаго князя Константина Павловича съ Анною Федоровною и прибавленіе къ наследственному Павлову акту, по коему дѣти великихъ князей, женившихся не на принцессахъ, лишаются права на корону. Догадываются, что великій князь Константинъ женится на полькѣ. Румянцовъмъ кто-то сказалъ, будто я писалъ этотъ манифестъ: и знать не знаю; даже и не читалъ его до сей минуты“ (стр. 285).

84) Въ это время Испанцы требовали возстановленія конституції 1812 года, и Ріого началъ возстаніе противъ Фердинанда VII, который вынужденъ былъ согласиться на это требованіе 8-го марта 1820 года (стр. 0131).

85) 20-го сентября 1820 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Знаешь ли, что Кривцовъ женится на Вадковской; что онъ ѻздилъ въ Варшаву къ государю и выпросилъ у него: 1) аренду въ 12 тыс. р.; 2) сто тысячъ въ заемъ безъ залога; 3) вензель фрейлинской для своей невѣсты; 4) мѣсто губернаторское на выборѣ; 5) домъ для жития въ Царскомъ Селѣ; 6) не помню, что? Кривцовъ уже вышелъ изъ полку либералистовъ. Вчера онъ былъ у насъ, и щастливъ какъ влюбленный женихъ“ (стр. 293).

86) Императоръ Александръ I былъ въ это время на конгрессѣ, начавшемся въ Троппау и переведенномъ потомъ въ Лейбахъ. „Съ Троппавскаго конгресса“,—свидѣтельствуетъ князь П. А. Вяземскій,—„рѣшительно начинается новая эра въ умѣ императора Александра и въ политикѣ Европы. Онъ отрекся отъ прежнихъ своихъ мыслей; разумѣется, примѣръ его обратилъ многихъ. Я (хотя это мѣстоименіе тутъ и очень неумѣстно) остался такимъ образомъ приверженцемъ мнѣнія уже не торжествующаго, а опального“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 91).

87) 20-го сентября 1820 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Вѣкъ конституцій напоминаетъ Тамерлановъ: вездѣ солдаты въ ружьѣ“ (стр. 293).

88) Въ *Сынѣ Отечества* 1821 года (№ 2) князь П. А. Вяземскій

напечаталъ свое *Посланіе къ М. Т. Каченовскому*, въ которомъ, между прочимъ, сказано:

Насъ учить Карамзинъ презрѣнию клеветѣ.
На вызовъ крикуновъ, со степени изящной
Сходилъ ли онъ въ ряды, гдѣ битвой рукопашной
Предъ праздною толпой, какъ жадные бойцы,
Свой унижаютъ санъ прекраснаго жреца?

(*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 219—223).

89) См. примѣчаніе 55-е.

90) См. *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, III, 164—169.

91) Pierre Bignon, дипломатъ (род. 1771 † 1841).

92) *Варшавскій юстъ* такъ и остался въ Москвѣ. 24-го мая 1821 года, Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву, изъ Царскаго Села: „Князь-поэтъ съ нами“ (стр. 307). Въ своемъ *Автобіографическомъ Введеніи* князь Вяземскій пишетъ: „Въ проѣздѣ государя чрезъ Варшаву, великій князь Константинъ Павловичъ жаловался его величеству на меня. Я тогда былъ въ Россіи. По приказанію государя, Новосильцовъ написалъ мнѣ, что его величество, увѣдомившись, что я держусь принциповъ, несогласныхъ съ видами правительства, и разглашаю ихъ, находить нужнымъ воспретить мнѣ возвращеніе къ мѣсту служенія моего въ Варшавѣ“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, XVIII). Къ этому князь Вяземскій добавляетъ: „Впрочемъ, скажу заранѣе, что тутъ было много моей вины, то-есть, недосмотрительности, неосторожности, а еще болѣе виноваты были въ томъ постороннія вліянія и неблагопріятныя обстоятельства. Государь не могъ поступить иначе: онъ долженъ былъ вызвать меня изъ Варшавы, но въ то же время велѣль онъ сказать мнѣ чрезъ Карамзина, что всякая другая служба остается для меня вполнѣ открытою“ (*ibid.* I, XXXVI — XXXVII). Какъ бы то ни было, но 4-го іюня 1821 года, князь П. А. Вяземскій уволенъ отъ службы и вмѣстѣ отъ дѣлъ канцеляріи тайного совѣтника Новосильцова.

93) Николай Александровичъ Загряжскій, въ службѣ съ 1754 г., дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-шенкъ (р. 1743 г.). Былъ женатъ на графинѣ Наталіи Кириловнѣ Разумовской.

94) Князь Александръ Ипсиланти, вождь греческаго восстанія.

95) „Мой отецъ“, писалъ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, — „любившій и понимавшій поэзію въ устахъ самого народа, всегда недовѣрчиво и враждебно относился къ письменной народной поэзіи, обработываемой и выпускаемой въ свѣтъ литературными людьми“ (*Собрание сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. С.-Пб. 1893, стр. 529—530).

96) „Въ Варшавѣ“, писалъ князь П. А. Вяземскій,— „былъ я въ пріязненныхъ отношеніяхъ и съ либералами и съ консерваторами, съ старыми Поляками, не покидавшими кунтуша, и молодежью, подчинившуюся модѣ и лозунгу изъ Парижа; былъ я близокъ и съ сановниками и съ средними общественными слоями ученыхъ, художниковъ и актеровъ. Богъ свидѣтель, что я популярности не заискивалъ и никакими уступками ей не миролилъ. Но популярность сама вышла ко мнѣ на встрѣчу и осталась мнѣ вѣрна, даже по выѣздѣ моемъ изъ Варшавы“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземского*, II, IX). „Я былъ любимъ Поляками“,— писалъ князь Вяземскій въ своей *Исповѣди*,— „и въ числѣ немногихъ Русскихъ былъ приимаемъ въ ихъ дома на пріятельской ногѣ. Но ласки отличнѣйшихъ изъ нихъ покупалъ я не потворствомъ, не отриновеніемъ національной гордости. Напротивъ, въ запросахъ, гдѣ отдалялась Русская польза отъ Польской, я всегда крѣпко стоялъ за первую и вынесъ не одинъ жаркій споръ по предмету возстановленія старой Польши и отсѣченія отъ Россіи областей, запечатлѣнныхъ за нами кровью нашихъ отцовъ“ (*ibid.*, стр. 89).

97) Сенаторъ Алексѣй Ульяновичъ Болотниковъ. 4-го мая 1820 года, Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Я полюбилъ А. У. Болотникова за его дѣльный голосъ, и съ искреннимъ удовольствіемъ у него обѣдалъ“ (стр. 289).

98) Никита Михайловичъ Муравьевъ—будущій декабристъ.

99) *Ізвѣстіе о жизни и стихотвореніяхъ Ивана Ивановича Дмитріева* напечатано въ первомъ томѣ *Полного собранія сочиненій князя П. А. Вяземского*, стр. 112—166. Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву (2-го января 1822 г.): „Милый князь Петръ пишетъ умно, но фразами не легкими и не ясными; умнѣе всѣхъ нашихъ писателей. Дай Богъ, чтобы онъ нашелъ истинное наслажденіе въ сильномъ дѣйствіи мысли и слова, переставъ излишно рыцарствовать за либерализмъ! Теперь читаю твою біографію“ (стр. 322).

100) Еще въ 1821 году, князь П. А. Вяземскій сдѣлалъ воззваніе объ изданіи стихотвореній В. М. Пушкина: „Первые опыты его принадлежать эпохѣ преобразованія, введенаго въ нашъ языкъ твореніями Карамзина и Дмитріева, которыхъ освободили его отъ тяжкихъ оковъ, на него паложенныхъ неудачными послѣдователями Ломоносова, Петрова и Державина, и отъ сухой принужденности и черстваго однообразія, приданыхъ ему слишкомъ удачными подражателями Сумарокова“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземского*, I, 71—72). Въ 1822 году, въ Петербургѣ, вышла въ свѣтъ книжка подъ заглавіемъ: *Стихотворенія Василія Пушкина*, напечатанная въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія и украшенная гравированнымъ портретомъ автора, работы С. Галактіонова. Въ этотъ сборникъ стихотвореній

В. Л. Пушкина не вошли стихи его, пытые въ честь ея съяльства, княгини Натальи Петровны Голицыной, въ селѣ Ильинскомъ. Стихи эти отпечатаны на отдѣльномъ листкѣ, въ 1819 году, въ Московской университетской типографіи и прощущены 18-го іюля того же года цензоромъ адъюнктомъ словесныхъ наукъ, надворнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Петромъ Побѣдоносцевымъ. Княгиня Н. Н. Голицына упоминается въ печатаемыхъ письмахъ Карамзина (см. стр. 24). Шлемянникъ В. Л. Пушкина писалъ князю П. А. Вяземскому (изъ Кишинева 2-го января 1822): „Желаю счастія дядѣ. Скоро ли выйдутъ его творенія? Всѣ они вмѣстѣ не стоятъ Буянова“ (*Сочиненія А. С. Пушкина. С.-Пб., 1887, VII, 28*)

101) Замѣтка о Сочиненіяхъ Жуковскаго и Батюшкова напечатана при статьѣ о Батюшковѣ въ книгѣ Грече: *Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы*. С.-Пб. 1822.

102) Павелъ Александровичъ Катенинъ (1792 † 1853), извѣстный писатель.

103) Авторъ *Обозрѣнія Корничей книги въ Историческомъ видѣ*.

104) Вѣроятно, Изреченіе Мельхиседека (*Сочиненія К. Н. Батюшкова*, I, 298).

105) Князь Петръ Александровичъ Оболенскій, „родоначальникъ многочисленнаго потомства Оболенскихъ“. См. о немъ въ „Московскомъ семействѣ старого быта“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, VII, 485—499).

106) 16-го іюня 1822 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Мы беспокоимся о князѣ Петре Андреевичѣ: слышимъ, что онъ не спитъ ночи, и что нервы его очень разстроены. Намекни мнѣ о немъ. Я люблю его какъ брата, хотя и непослушного“ (стр. 331).

107) То-есть, *Кавказскаго Шляпника*, о которомъ князь П. А. Вяземскій, въ томъ же 1822 году, писалъ между прочимъ слѣдующее: „Кстати, о строгихъ толкователяхъ замѣтимъ, что, можетъ быть, они поморщатся и отъ нового произведенія поэта пылкаго и кипящаго жизнію... Авторъ ея, и въ разныхъ опытахъ еще отроческаго дарованія, уже поражалъ насъ силою и мастерствомъ своего языка стихотворнаго; впослѣдствіи подвигался онъ быстро отъ усовершенствованія къ усовершенствованію, и нынѣ является намъ степень зрѣлости совершенной“ (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, 77—78). 25-го сентября 1822 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Въ поэмѣ либерала Пушкина слогъ живописенъ: я недоволенъ только любовнымъ похожденіемъ. Талантъ дѣйствительно прекрасный: жаль, что нѣть у устройства и мира въ душѣ, а въ головѣ ни малѣйшаго благоразумія“ (стр. 337).

108) Друзья видѣлись тогда въ послѣдній разъ. Дмитріевъ этимъ свиданіемъ остался не совсѣмъ доволенъ. „Дворъ, изрѣдка и слегка

Исторія, городскія вѣсти были единственнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ, и сердце мое ни однажды не было опрошено его сердцемъ" (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитреву*, стр. 0150).

109) Письмо это напечатано въ *Полномъ собрании сочинений князя П. А. Вяземского*, IX, 65—69.

110) Въ *Отечественные Записки* 1822 года.

111) Князь Заюнчекъ, намѣстникъ Царства Польскаго, по отзыву князя П. А. Вяземскаго, „былъ храбрый генералъ, лишился ноги въ сраженіи, ходилъ на костыляхъ, былъ человѣкъ честный. Онъ не имѣлъ ни партіи, ни клевретовъ, ни трубачей за себя; мало имѣлъ даже и связей въ Варшавскомъ аристократическомъ обществѣ" (*Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского*, VIII, 108).

112) Напечатаны въ *Полномъ собрании сочинений князя П. А. Вяземского*, III, 262—263, 146—149.

113) Вѣроятно, Карамзинъ разумѣлъ статью: *О двухъ статтяхъ, напечатанныхъ въ Вѣстнике Европы* (См. *Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского*, I, 84—95).

114) Московскій пожаръ былъ 13-го января 1823 года, въ день рождения императрицы Елизаветы Алексѣевны, во время бала у князя Д. В. Голицына, въ генераль-губернаторскомъ домѣ, который и сдѣлался жертвою пламени (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитреву*, стр. 0154).

115) 19-го января 1823 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „На сихъ дняхъ, было блестящее собраніе въ Россійской Академіи: читали кое-что, а я о Димитріѣ и Годуновѣ. 2 сцены Шаховскаго очень изрядны; а переводъ Жуковскаго изъ Вирgilія мнѣ полюбился своею живостію. За то доброй Соколовъ душилъ публику своимъ Ливіемъ и гусями Капитолія за новость! Говорятъ, что графъ Аракчеевъ плакалъ; но крайней мѣрѣ многіе плакали, но не отъ гусей" (стр. 345).

116) *Подражаніе Исаи 136-му* (*Сѣверные Цвѣты* 1826, стр. 10).

117) 14-го декабря 1822 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Государь написалъ изъ Вероны, что онъ записалъ свои примѣчанія на 10-й томъ моей Исторіи" (стр. 243).

118) Сенаторъ Николай Ивановичъ Огаревъ былъ женатъ на Елизаветѣ Сергеевнѣ Новосильцовой, племянницѣ Николая Николаевича.

119) Большого Карамзина посѣтилъ князь П. А. Вяземскій, и изъ Царскаго Села, 15-го июня 1823 года, писалъ И. И. Дмитріеву: „Свидѣтельствую вамъ мое душевное почтеніе. Н. М. сегодня въ первый разъ выѣзжаетъ въ каретѣ прогуляться. Слава Богу! онъ, кажется, совершенно выzdоравливаетъ" (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 354).

120) Полковникъ Петръ Александровичъ Кологривовъ былъ же-

нать на вдовѣ княгинѣ Прасковѣ Юрьевнѣ Гагариной, рожденной княжнѣ Трубецкой, и приходился вотчимомъ княгини Вѣры Федоровны Вяземской.

121) Въ это пребываніе императора Александра I въ Москвѣ совершилось важное государственное событие. 27-го августа 1823 года императоръ вручилъ архіепископу Филарету, для храненія въ Успенскомъ соборѣ, актъ отреченія цесаревича Константина Павловича. Сей государственный актъ былъ сложенъ въ ковчегъ за государственную печатью и съ собственноручною надписью государя: *Хранить въ Успенскомъ соборѣ, съ государственными актами, до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины, открыть Московскому епархиальному архіерею и Московскому генерал-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другого дѣйствія* (Жизнь и Труды М. Н. Погодина. I, 240).

122) Родная сестра Карамзина, Екатерина Михайловна, была въ замужествѣ за казанскимъ помѣщикомъ Чебоксарского уѣзда, С. А. Кушниковымъ. Сергѣй Сергѣевичъ былъ сынъ ихъ и, стало быть, племянникъ Карамзина.

123) Великая княгиня Елена Павловна, до замужества принцесса Шарлотта, дочь Виртембергского принца Павла, была тогда невѣстою великаго князя Михаила Павловича.

124)

Ангелъ и пѣвецъ.

Кто ты, ангелъ свѣтлоокій,
Съ лучезарною звѣздой?
Изъ какой страны далекой
Прилетѣлъ на сѣверъ мой? и пр.

(Сочиненія В. А. Жуковскаго. С.-Пб., 1885, II, 403—406).

125) Графа Егора Францовича Канкрина.

126) *Полярная Звѣзда* издавалась А. Л. Бестужевымъ и К. Ф. Рыльевымъ.

127) Николай Сергѣевичъ, извѣстный впослѣдствіи авторъ *Путешествія чрезъ Южную Россію, Крымъ и Одессу, съ Константинополь, Малую Азію, Сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ* (въ двухъ томахъ. М. 1839).

128) Христа Спасителя, въ Москвѣ.

129) Строитель сего храма.

130) 1-го марта 1824 года скончалась въ дѣвицахъ дочь графа Ф. В. Ростопчина, графиня Елизавета Федоровна.

131) Госнеръ, католической патеръ, вызванный изъ за-границы, проповѣдывалъ въ Петербургѣ, въ римско-католической церкви св. Екатерины. Ему принадлежать толкованія на Новый Завѣтъ, которыя

были переведены на русский язык и пропущены цензоромъ Александромъ Степановичемъ Бируковымъ.

132) Въ 1824 году, въ Москвѣ, князь И. А Вяземскій издалъ на свой счетъ *Бахчисарайскій фонтанъ* Пушкина и, по просьбѣ автора, написалъ предисловіе къ этой поэмѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборской стороны или съ Васильевскаго острова* (*Полное собраніе сочиненій князя И. А. Вяземскаго*, I, 167—173). Пушкинъ остался чрезвычайно доволенъ этимъ предисловіемъ; но *Разговоромъ* остался недоволенъ М. А. Дмитріевъ и выступилъ въ *Вѣстникѣ Европы* противъ князя Вяземскаго. Завязалась полемика (*Жизнь и Труды М. И. Шогодина*. I, 250—252).

133) 20-го мая 1824 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Ты уже вѣрно знаешь о перемѣнѣ въ министерствѣ духовномъ и просвѣщенія. А. С. Шишковъ на мѣстѣ князя (А. Н. Голицына)“; а до того времени А. И. Тургеневъ былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 372, 0163).

134) Общество это такъ названо въ официальной бумагѣ С.-Петербургскаго военнаго генераль-губернатора графа М. А. Милорадовича. Членами этого Общества были Французы и только одинъ Русскій: с.-петербургскій мѣщанинъ Сидоровъ, молодой человѣкъ дурного поведенія (*Русская Старина* 1881, январь, стр. 183—186).

135) Пушкинъ былъ сосланъ въ родительское село Михайловское, Исковской губерніи, Опочецкаго уѣзда, вслѣдствіе столкновеній съ графомъ М. С. Воронцовымъ

136) Пушкинъ писалъ князю И. А. Вяземскому: „Ты, кажется, любишь Казимира (Делавинъ), а я такъ нѣть. Конечно, онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гёте... Далеко кулику до орла“ (*Сочиненія А. С. Пушкина*. С.-Пб. 1887, VII, 129).

137) *Don Alonso ou l'Espagne, histoire contemporaine* (1824, 4 vol. in 8⁰), par M. de Salvandy.

138) Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ издалъ въ Французскомъ переводѣ Лемонте басни Крылова.

139) Еще будучи наследникомъ французскаго престола, Карлъ X питалъ страстную ненависть ко всему, что напоминало о революціи и о Наполеонѣ. Вступивъ же на престолъ, онъ сталъ употреблять всѣ усиленія, чтобы „въ союзѣ съ церковью и дворянствомъ“, уничтожать всѣ либеральныя учрежденія, и самъ палъ жертвою юльской революціи.

140) Дѣдъ князя И. А. Вяземскаго князь Иванъ Андреевичъ и бабка княгиня Марія Сергѣевна, рожденная княжна Долгорукова, погребены въ Николаевскомъ Пѣсношскомъ монастырѣ (Московской епархіи, Дмитріевскаго уѣзда, въ соборной св. Николая Чудотворца церкви). Правнукъ князя Ивана Андреевича, князь Ив. И. Вяземскій, такъ хা-

рактеризуетъ своего прадѣда: „Это былъ человѣкъ супортуальный, съ оттѣнкомъ Русскаго приказнаго человѣка XVII столѣтія и Нѣмецкаго бюрократа при дворѣ императрицы Анны, такимъ онъ остался въ отношеніяхъ къ сыну до конца жизни“ (*Архивъ князя Вяземскаго*. С.-Пб. 1881, стр. III, XXII). *Волкъ въ коже аиця*, есть Вассианъ Топорковъ, епископъ Коломенскій, о которомъ Карамзинъ въ своей *Исторія Государства Россійскаго* повѣствуетъ: „Важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего такъ называемаго *Кирилловскаю пѣзда* (1553) было Иоанпово свиданіе въ монастырѣ Шѣсношскомъ съ бывшимъ Коломенскимъ епископомъ Вассианомъ, который пользовался нѣкогда особенною милостью великаго князя Василія, но въ боярское правленіе лишился епархіи за свое лукавство и жестокосердіе. Маститая старость не смягчила въ немъ души: склоняясь къ могилѣ, онъ еще питалъ мірскія страсти въ груди, злобу, ненависть къ боярамъ. Иоаннъ желалъ лично узнать человѣка, заслужившаго довѣренность его родителя; говорить съ нимъ о временахъ Василія и требовалъ у него совѣта, какъ лучше править государствомъ. Вассианъ отвѣтствовалъ ему на ухо: „Если хочешь быть истиннымъ самодержцемъ, то не имѣй совѣтниковъ мудреѣ себя; держись правила, что ты долженъ учить, а не учиться — повелѣвать, а не слушаться. Тогда будешь твердъ на царствѣ и грозою вельможъ. Совѣтникъ мудрѣйший государя неминуемо овладеетъ имъ“. Сіи ядовитыя слова проникли во глубину Иоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ Вассианову руку, онъ съ живостію сказалъ: *самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!*.. Нѣтъ, государь! могли бы мы возразить ему: нѣтъ! совѣтъ, тебѣ данный, внущенъ духомъ лжи, а не истины. Царь долженъ не властвовать только, но властвовать благодѣтельно: его мудрость, какъ человѣческая, имѣеть нужду въ способахъ другихъ людей, и тѣмъ превосходнѣе въ глазахъ народа, чѣмъ мудреѣ совѣтники имъ выбираемые. Монархъ, опасаясь умнѣихъ, впадетъ въ руки хитрыхъ, которые, въ угодность ему, притворятся даже глупцами; не плѣння въ пемъ разума, плѣнятъ страсть, и поведутъ его къ своей цѣли. Цари должны опасаться не мудрыхъ, а коварныхъ или безсмысленныхъ совѣтниковъ“ (Карамзинъ, VIII, 213 — 215).

Мать Тургеневыхъ Екатерина Семеновна, рожденная Качалова (Руммель, *Родословный Сборникъ*. С.-Пб. 1887, II, 550).

141) Младшій братъ писателя, Левъ Сергеевичъ.

142) Фуше, герцогъ Отрантскій, былъ министромъ полиціи при Наполеонѣ. Въ 1821 г. появились подъ его именемъ *Mémoires de Fouché*, но онѣ признаны подложными; впрочемъ, свѣдѣнія въ нихъ сообщаемыя, заимствованы изъ офиціальныхъ источниковъ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитреву*, стр. 0166).

143) Княгиня Агриппина Юрьевна, дочь писателя Юрія Алексан-

дровича Нелединского-Мелецкого, супруга князя Александра Петровича и мать князя Дмитрия Александровича Оболенского, автора *Хроники недавней старины*.

144) 21 января 1825 года Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Мы теперь грустны отъ горести нашихъ Вяземскихъ, которые погребли своего Николенку. Вместо насть плакаль съ ними любезный Тургеневъ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 389).

145) Баронъ Фень (le baron Agathon-Jean Fain), личный секретарь Наполеона (род. въ 1778 г. 11-го января), авторъ *Manuscrit de 1814, trouvé dans les voitures impériales prises à Waterloo, contenant l'histoire des derniers six mois du règne de Napoléon*. Paris 1823—1825.

146) Съ семействомъ Боборыкиныхъ Карамзинъ былъ въ давнихъ сношенияхъ. Въ 1819 году онъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Если нашъ С. С. Купниковъ присутствуетъ въ 7-мъ департаментѣ, то сдѣлай одолженіе, скажи ему, что я убѣдительно прошу его о дѣлѣ малолѣтнихъ Боборыкиныхъ; они правы: слѣдственно, онъ можетъ оказать имъ благодѣяніе правосудіемъ“ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 253).

147) Бригадиръ, впослѣдствіи сенаторъ, Николай Евгеньевичъ Кашкинъ, пріятель Карамзинскаго семейства, гостепріимный и всюду вѣзжий москвичъ (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 0128). Изъ Остафьевъ, 29 мая 1827 года, князь П. А. Вяземскій писалъ П. Д. Киселеву: „Съ лица Москвы стираются всѣ родимыя пятна, которыя служили ей характеристическими клеймами и давали значительность ея физіономіи. Вотъ и Кашкинъ, который долго пребывалъ у насъ родимымъ пятномъ бригадирства, измѣнившись послѣ въ бородавку сенаторства, уже стерся съ лица Москвы. Скоро Москва будетъ круглая, илоская, хоть шаромъ покати по ней, такъ ни за что не задѣнешь“ (*Русская Старина* 1896, декабрь, стр. 630).

148) Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ былъ извѣстенъ „остроумiemъ, парадоксами и оригинальностью понятій и сужденій, которыя онъ выражалъ ровно, оригинально, энергически и эксцентрически“ (*Русский Архивъ*, 1866, № 6, стр. 862).

149) См. *Жизнь и Труды М. Н. Погодина*, I, 329 -- 332. Такимъ образомъ, черезъ Карамзина, съ 1825 года завязались у князя П. А. Вяземскаго сношения съ М. Н. Погодинымъ, которыя тянулись непрерывно черезъ всю ихъ жизнь. Драгоценнѣйшія письма Погодина, а равно и друга его С. П. Шевырева къ князю Вяземскому, хранятся въ Остафьевскомъ архивѣ и представляютъ важнѣйший источникъ исторіи Россіи XIX столѣтія. Князь Вяземскій пережилъ своихъ друзей. Въ 1864 году, на чужбинѣ, сошелъ въ могилу Шевыревъ, а за нимъ, въ 1875 году, въ своемъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ, Погодинъ...

И князю Вяземскому пришлось совершить словесную поминку по послѣднемъ:

...На голось родины всѣ чувства въ немъ звучали;
Онъ родину любилъ и въ мертвыхъ, и въ живыхъ;
Съ любовью провѣрялъ народный скрижали,
Не гордо мудрствуя, а вслушиваясь въ нихъ...

Въ вопросахъ дня, въ шуму житейскихъ треволненій,
Горячимъ быль и онъ участникомъ въ борьбѣ,
Но не заискивалъ чужихъ страстей и мнѣній;
Онъ ошибаться могъ, но вѣренъ быль себѣ.

Онъ современникъ быль плеяды лучезарной,
Созвѣзды свѣтлаго онъ самъ звѣздою быль.
Почтимъ же памятью глубоко-благодарной
Почившаго въ семье родныхъ ему могилѣ.

150) „19 ноября 1825 года“, свидѣтельствуетъ князь И. А. Вяземскій,— „отозвалось грозно въ смутахъ 14 декабря. Сей день, бѣдственный для Россіи, и эпоха кроваво имъ ознаменованная, были страшнымъ судомъ для дѣлъ, мнѣній и помышленій настоящихъ и давно прошедшихъ. Мое имя не вписалось въ его роковыя скрижали. Сколь ни прискорбно мнѣ было, какъ Русскому и человѣку, торжество невинности моей, купленное цѣною бѣдствія многихъ согражданъ, и въ числѣ ихъ пѣкоторыхъ моихъ пріятелей, павшихъ жертвами сей эпохи, но по крайней мѣрѣ я могъ, когда отвращалъ вниманіе отъ участія близкихъ, поздравить себя съ личнымъ очищеніемъ своимъ, совершеннымъ самыми событиями. Мнѣ казалось, что я, въ глазахъ правительства отъявленный крамольникъ, бывшій въ пріятельской связи съ пѣкоторыми изъ обвиненныхъ и оказавшійся совершенно чуждымъ соумышленія съ ними, выигралъ рѣшительно мою тяжбу. Скажу безъ униженія и безъ гордости: имя мое, характеръ мой, способности мои могли придать пѣкоторую цѣну моему завербованію въ ряды недовольныхъ, и отсутствіе мое между ними не могло быть дѣломъ случайнымъ, или отъ меня независимымъ. Но, по странному противорѣчію, предубѣжденіе противъ меня не ослабло и при очевидности истины мнѣ извѣстно слѣдующее заключеніе обо мнѣ: отсутствіе имени его въ этомъ дѣлѣ доказываетъ только, что онъ былъ умнѣе и осторожнѣе другихъ. Благодарю за высокое мнѣніе о моемъ умѣ, но не хочу на него промѣнять сердце и честь... Нѣть, знающіе меня скажутъ, что ни умъ мой, ни сердце мое не свойства разсчетливаго и промышленнаго; если я быль бы хотя и сокрытымъ дѣйствующимъ лицомъ въ бѣдственному предпріятіи, то

вѣрно быль бы на лицо въ сотовариществѣ несчастія... Въ мнѣніяхъ своихъ бывалъ я неумѣренъ и заносчивъ за себя, но вездѣ, гдѣ только имѣлъ случай, старался всегда умѣрять невоздержность другихъ" (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 96—98).

151) 22-го мая 1826 года, въ 5 $\frac{1}{2}$ часовъ послѣ обѣда, въ Таврическомъ дворцѣ, въ Петербургѣ, скончался Н. М. Карамзинъ. Въ своей *Старой записной книжкѣ*, подъ 6-го августа 1826 года, князь П. А. Вяземскій отмѣтилъ: „Я писалъ сегодня Жуковскому: „Чувство, которое имѣли къ Карамзину живому, остается теперь безъ употребленія. Не къ кому изъ земныхъ приложить его. Любимъ, уважаемъ иныхъ, но все нѣтъ той полноты чувства. Онъ былъ какимъ-то животворнымъ, лучезарнымъ средоточіемъ круга нашего, всего отечества. Смерть Наполеона въ современной исторіи, смерть Байрона въ мірѣ поэзіи, смерть Карамзина въ русскомъ быту оставили по себѣ бездну пустоты, которую вамъ завалить уже не придется. Странное сличеніе, но для меня истинное и не изысканное! При каждой изъ трехъ смертей у меня какъ будто что-то отпало отъ нравственного бытія и какъ-то пустѣѣ стало въ жизни" (*Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, IX, 89—90).

ИЗЪ БУМАГЪ П. Я. ЧААДАЕВА.

ПИСЬМА КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Бумаги П. Я. Чаадаева хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ, куда переданы М. И. Жихаревымъ. Профессоръ А. И. Кирпичниковъ, при разсмотрѣніи этой коллекціи, нашелъ въ ней нѣсколько писемъ князя Петра Андреевича Вяземскаго, адресованныхъ къ П. Я. Чаадаеву или къ другимъ лицамъ, находившимся въ сношеніяхъ съ послѣднимъ. Письма эти обязательно доставлены А. И. Кирпичниковымъ для помѣщенія на страницахъ *Старины и Новизны*.

1.

Князь П. А. Вяземский княгинь Н. Д. Шаховской.

Saint-Petersbourg. Le 2 juillet 1832.

Chère princesse! J'ai vu hier m-r Pinski attaché au ministère de la justice qui m'a dit que votre affaire allait parfaitement bien, que le ministre avait donné un предложение en date du 24 de ce mois, c'est-à-dire du mois passé, qui devait réaliser et même aller au delà de toutes vos espérances. Je suis bien heureux d'avoir quelque chose de bon à vous communiquer. N'avez-vous pas eu con-

science de quitter Petersbourg sans me dire gare? Il me reste à désirer que quelque nouveau procès vous ramène à Petersbourg, vous y garde longtemps à condition cependant de le gagner à la fin. Si c'est pour échapper à nos comptes que vous avez voulu vous esquiver, vous n'y parviendrez pas, car voici votre reçu que j'ai l'honneur de vous remettre en règle. Vous saurez sûrement où se trouve pour le moment notre cousine Sverbéeff; ayez la complaisance de lui faire parvenir cette lettre. Dites, je vous prie bien, nos amitiés à Tchadayeff. Je serai véritablement affligé s'il avait pu donner une fausse interprétation aux coups de crayon dont j'ai sali son intéressant et spirituel manuscrit. J'ai mis quelques idées en opposition aux siennes, et plutôt pour Tourguéneff que pour lui, car je croyais que ce manuscrit appartenait au premier. Mais je n'ai jamais pu concevoir l'abrusurde prétention de réfuter par quelques mots jettés au hasard et dictés par l'impression du moment des opinions et des croyances mûries sous l'influence du temps et de la réflexion et qui en tout cas, ne fussent-elles pas partagées par moi, auraient toujours eu à mes yeux l'intérêt et le caractère sacré d'une conviction profonde, exprimée avec chaleur et talent¹). Pardon de vous mêler dans cette controverse, mais je tenais à éclaircir la question et j'aime à vous avoir pour arbitre et médiateur.

Joukoffski et Tourguénef se sont embarqués le 18. M-me Soldaer est partie pour Reval.

Adieu, chère princesse! N'oubliez pas que vous avez un commissaire à Saint-Pétersbourg, toujours désireux et prêt à remplir vos ordres. Mille hommages respectueux et dévoués. Wiasemski.

Supposant cependant que vous pouvez être à la campagne, je ne joins point ici la lettre pour m-me Sverbéeff.

2.

Князь П. А. Вяземский П. Я. Чадаеву.

Saint-Petersbourg. Le 22 decembre 1833.

Voici, mon cher Tchadayeff, un livre que Tourguénef vient de m'envoyer pour vous. Quant aux extraits de ses lettres pour ce qui

vous concerne, prenez un peu patience. Les lettres se trouvent pour le moment chez son neveu Tatarinof que j'ai chargé de cette besogne qui n'est pas facile, comme bien vous penser. Vous connaissez l'écriture et la bigarrure épistolaire de notre ami. On a de la peine à le déchiffrer et de la peine à le suivre ou à l'attraper, tant il se jette d'un objet à l'autre et s'entortille de citations. Néanmoins la difficulté sera vaincue, et vous aurez les extraits que vous désirez avoir.

J'ai été bien aise de recevoir quelques lignes de vous et me suis empressé de remplir vos ordres en parlant à qui de droit en faveur de m-r Lachtine, mais depuis je l'ai perdu de vue et ne sais trop s'il a trouvé à se placer comme il en avait l'intention. Si le succès n'a pas répondu à son attente et qu'il soit encore ici, écrivez lui de venir me voir. Nous verrons ce qu'il y aura à faire. Et vous, quand nous arriverez-vous? Je ne sais trop que vous dire sur mon compte. La matinée attachée à la glèbe du département, la moitié ou le milieu de la journée, c'est-à-dire les heures du diner, ordinairement en famille et la soirée qui empiète fort avant sur la nuit, consacrée aux corvées des salons, et dans tout cela à peine le temps de feuilleter quelque nouvel ouvrage et de suivre les journaux. Jamais le temps ni la liberté d'esprit nécessaire pour réfléchir à tête reposée et le cœur frais et dispos, voilà mon existence, cher Tchadayeff, si c'en est une:

Таковъ, Фелица, я развратенъ,
Но на меня весь срѣтъ похожъ.

J'espère venir l'été me détendre un peu, me rafraîchir et me retrouver au milieu de vous. En attendant, mes souvenirs affectueux à tous nos amis communs. Dites, je vous prie, à m-me Bravoura que je vais lui écrire un de ces jours. Ma femme et m-me Karamzine vous remercient à avoir pensé à elles et me chargent de tout plein de choses pour vous. Adieu Votre tout dévoué Wiasemsky.

3.

Князь П. В. Вяземский неизвестному.

25-го февраля (1845?)

Правда ли, что вы сегодня отправляетесь въ Москву? Но надѣюсь, съ тѣмъ чтобы скоро къ намъ возвратиться. Жалѣю, что не успѣю повидаться съ вами, и что въ краткое пребываніе ваше здѣсь, не удалось мнѣ показать вамъ на дѣлѣ все мое искреннее желаніе и всю мою готовность быть вамъ на что-нибудьгоднымъ и полезнымъ. Сдѣлайте одолженіе, передайте съ поклономъ моимъ прилагаемое у сего письмо Е. А. Свербѣвой. Скажите княгинѣ Шаховской, что буду отвѣтывать ей съ сыномъ и дружески напомните обо мнѣ П. Я. Чаадаеву. Вы обѣщали мнѣ стихи. Съ истиннымъ почтеніемъ совершенно вамъ преданный Вяземскій.

4.

Князь П. А. Вяземский П. Я. Чаадаеву.

С.-Петербургъ. 6-го января 1847.

Не стану оправдываться передъ вами, любезнѣйшій Петръ Яковлевичъ, хотя имѣю много дѣльныхъ и законныхъ оправданій въ свою пользу. Лучше прибѣгну просто къ вашему великодушию со смиреніемъ и довѣрчивостью. Прошу одного: не приписывать долгаго молчанія моего невниманію или непризнательности за обязательную вашу обо мнѣ память. Еще одно объясненіе. Арфиста вашего я не видалъ и не слыхалъ о немъ, а Кавелина не могъ опредѣлить къ себѣ по причинамъ, которыя изложилъ я въ письмѣ къ брату его. Написать о немъ князю Щербатову я охотно готовъ; но ожидаю, чтобы мнѣ положительно сказали: чего просить, то есть, какого мѣста? Очень желалъ бы я пріѣхать къ вамъ и погостить у васъ, посмотреть на умственное движеніе ваше, послушать вашихъ споровъ: здѣсь всего этого нѣть. Но за то у васъ недостатокъ въ практической жизни. Вы очень умны въ Москвѣ, но у васъ мало наличныхъ и ходячихъ мыслей въ обращеніи. Вы

капиталисты, но ваши миллионы все въ кредитныхъ бумагахъ на дальние сроки и въ акціяхъ, которыхъ выручка отложена на неопределённое время, такъ что на свои нужды и на насущныя нужды ближнихъ нѣтъ у васъ карманныхъ денегъ. А у иного въ Москвѣ все богатство въ древнихъ медаляхъ. Для охотниковъ и знатоковъ онъ имѣютъ большую и неизмѣнную цѣну, но подите съ пами на рынокъ,—вы не купите на нихъ и осьмушки хлѣба, а еще того смотри, что схватить васъ полиція, какъ дѣлателей фальшивой монеты. Здѣсь крайность другая. Все размѣнено на мелочь, и каждый гриненникъ долженъ тотчасъ окупиться. У насъ возбудила общее вниманіе книга Гоголя²⁾). То-то у васъ будутъ толки о ней. Она очень замѣчательна по новому направленію, которое привято умомъ его. Замѣчательна и особенно хороша она и потому, что онъ ею разрываетъ съ своимъ прошедшимъ, а еще болѣе съ прошедшимъ и отвѣтственностью, которую наложили на него и неловкіе подражатели, и безусловные поклонники. Мнѣ очень хочется написать о ней. Но не знаю, удастся ли³⁾). Со вступленія моего въ новую должность, мои дни совершенно обезглавлены, то-есть, безъ утра, которое мнѣ уже не принадлежитъ. Къ тому же лѣнъ, какое-то охлажденіе къ умственной производительности недостатокъ сочувствія и соревнованія въ окружающемъ меня мірѣ, все это склоняетъ меня къ бездѣйствію. Со смертью Пушкина, съ отсутствіемъ Жуковскаго мои литературныя отпошенія почти совершенно пре-сѣчены. Съ однимъ Тютчевымъ⁴⁾) есть еще кое-что общее, но примеръ его вовсе не возбудительный. Онъ еще болѣе моего пребываетъ въ бездѣйствіи и любуется, и красуется въ своей пассивной и отрицательной силѣ. Кстати о немъ, скажу вамъ, что онъ ждеть вашего портрета. Надѣюсь, что и меня не забудете. Знаю, что вы часто видитесь съ Е. Н. Орловою. Напомните ей обѣ насъ и о вашей къ ней сердечной привязанности. Повторяя вамъ мои извиненія и умоляя васъ не считать меня неблагодарнымъ, заключаю письмо мое увѣренiemъ въ моей старой и неизмѣнной преданности, которой вѣрьте на письмѣ и безъ письма. Вяземскій.

5.

Князь П. А. Вяземский П. Я. Чадаеву.

Saint-Petersbourg. 11 février 1848.

S'ai remis dans la même journée et à quelques heures de distance vos deux lettres à qui de droit, de façon que ma négociation a été rompue avant même que les préliminaires eussent eu le temps d'être pris en considération. Le tout est donc, comme celle de la chambre des députés, *enterrée*, à la différence près que celle-ci l'a été dans le plus profond secret, car hors A. K. et moi personne n'en a eu connaissance.

Il y a fort peu de temps que j'ai reçu par la petite poste une lettre qui au premier abord m'a causé une agréable surprise. J'ai reconnu votre écriture sur l'enveloppe et naturellement j'ai du penser que vous étiez arrivé à Petersbourg. Mon illusion n'a pas été de longue durée. En decachetant votre lettre, j'ai vu qu'elle était datée de Moscou et qui mieux est du 10 aout. Vous m'y recommandez un français, ancien officier au service du pacha d'Egypte. Je m'attendais d'un jour à l'autre à avoir l'explication de l'enigme. Mais jusqu'à ce jour le porteur de votre lettre n'a pas paru, et je n'en ai point entendu parler. A défaut de votre ex-egyptien, dont je fais mon deuil avec beaucoup de résignation, envoyez moi donc votre lettre en question au sujet de Gogol. Quant à elle, je suis très curieux et très intéressé à la connaître et ne veux nullement qu'elle passe inaperçue. Je vous engage beaucoup à l'écrire à Gogol. Quoique vous lui disiez, votre opinion sur son dernier ouvrage aura infiniment de prix à ses yeux, j'en suis intimement convaincu. Votre portrait a été confié à Serge Poltoratzki au moment de son départ pour Paris. Il devait le faire litographier et avait l'intention de vous écrire à ce sujet. Il doit être en correspondance avec Boulgakoff. Adressez-vous à lui pour savoir ce qui en est. Je suis enchanté d'avoir eu l'occasion de me rappeler à votre bon souvenir et de vous écrire. Ne m'en voulez pas, si je le fais rarement. Nous avons ici tant à écrire que la vue de l'encier nous donne le mal de mer. D'ailleurs je suis souvent indisposé, me voici à ma

troisième ou quatrième grippe depuis le commencement de l'hiver. Dites je vous prie à la princesse Natalie Schakowski, que j'ai fait tout ce que j'ai pu en faveur de son protégé, auquel on a promis une place à Kiew. Présentez-lui mes affectueux homages, ainsi qu'à m-me Sverbéeff.

Recevez, je vous prie, l'assurance de mon amitié la plus dévouée. Wiasemsky.

ПРИМѢЧАНИЯ.

1) Говорится объ извѣстныхъ „Философскихъ письмахъ“ П. Я. Чаадаева, написанныхъ имъ около 1830—1831 годовъ. Рукопись этихъ писемъ уже была въ рукахъ А. С. Пушкина въ юль 1831 года (Сочиненія Пушкина. Издание литературного фонда, т. VII, стр. 275). Въ русской печати появилось только первое письмо, помѣщенное въ Телескопѣ 1836 г., т. XXXIV, № 15 (сентябрь). Цѣлкомъ письма напечатаны въ „Oeuvres choisies de Pierre Tchadaef“. Paris. 1862.

2) Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. С.-Пб. 1847. Появились въ свѣтѣ въ самомъ началѣ этого года.

3) Мысль князя П. А. Вяземскаго написать о книгѣ Гоголя была имъ осуществлена въ статьѣ: „Языковъ и Гоголь“, помѣщенной въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1847 года (П. собрание сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. II, стр. 304—334).

4) Федоръ Ивановичъ Тютчевъ, извѣстный поэтъ.

П И СЬ М А
БРАТЬЕВЪ ОРЛОВЫХЪ
къ
ГРАФУ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ РУМЯНЦОВУ
(1764 — 1778).

Послѣ графа Дмитрія Андреевича Толстого, бывшаго ministra внутреннихъ дѣлъ и президента Императорской Академіи наукъ, осталось нѣсколько рукописныхъ сборниковъ, содержащихъ въ себѣ значительное количество еще нигдѣ не напечатанныхъ подлинныхъ писемъ нашихъ государственныхъ дѣятелей осьмнадцатаго вѣка. Въ составъ этихъ сборниковъ вошли письма, извлеченные графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ изъ бумагъ, доставшихся ему, вмѣстѣ съ пріобрѣтеннымъ отъ наследниковъ графа Сергія Петровича Румянцова имѣніемъ, селомъ Дивовыемъ, Рязанской губерніи. Благодаря баронессѣ Софѣ Михайловнѣ Энгельгардтъ, дочери Михаила Никифоровича Каткова, сынѣ и наследникѣ графа Дмитрія Андреевича, графъ Глѣбъ Дмитріевичъ Толстой, предоставилъ драгоцѣнныне сборники своего покойнаго родителя въ распоряженіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III.

О достоинствѣ историческаго матеріала въ сборникахъ графа Толстого можно судить по взятымъ оттуда, на первый разъ, письмамъ знаменитыхъ сподвижниковъ Великой Екатерины, пя-

терыхъ братьевъ Орловыхъ, къ графу Петру Александровичу Румянцову.

Корреспонденты графа Румянцова, братья Орловы, принадлежали къ такъ-называемому среднему русскому дворянству. Судьба выдвинула ихъ въ первые ряды, на первыя мѣста государственной дѣятельности, какъ будто бы для того именно, чтобы въ лицѣ ихъ показать, на увѣдѣніе всѣмъ, лучшіе образцы благороднаго великорусскаго племени. Дѣйствительно, что-то сказочное представляли изъ себя всѣ пять братьевъ Орловыхъ: колоссальный ростъ, красота, невѣроятная физическая сила, беззавѣтная отвага на самыя рѣшительныя предпріятія, а при этомъ, неисчерпаемое благодушіе, мягкое сердечіе, обходительность, веселонравіе и самая нѣжная любовь къ людямъ, безъ различія ихъ общественнаго положенія. Все это вмѣстѣ очаровывало и радовало современниковъ и, можно думать, положило свой отпечатокъ одушевленія и предпріимчивой дѣятельности на первыя годы Екатерининскаго царствованія, покамѣсть Орловы имѣли первенствующее значеніе при дворѣ Екатерины. Достаточно указать на созваніе депутатовъ отъ всѣхъ сословій государства для обсужденія проекта новаго уложенія и на опросъ ихъ мнѣній о нуждахъ и недостаткахъ земли, а также на первую Турецкую войну. Если принять, что первое дѣйствіе, то-есть, созваніе и опросъ депутатовъ, придало особенный блескъ Екатерининскому правленію, то можно ли отрицать, что второе дѣйствіе, Турецкая война, съ ея героическими подвигами, утвердило Екатерину на русскомъ престолѣ и привлекло къ ней русскія сердца. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, личное воздѣйствіе братьевъ Орловыхъ на Екатерину несомнѣнно. Она сама свидѣтельствуетъ, напримѣръ, о графѣ Григоріи Григорьевичѣ Орловѣ, что это былъ „знатный господинъ, сочувствующій дѣламъ великимъ и прекраснымъ“¹⁾; что онъ „былъ геній, силенъ, храбръ, рѣшимъ, но кротокъ, какъ агнецъ“; что были „два дѣла его славныя: восшествіе и прекращеніе чумы“²⁾; и еще: „Я имѣла въ Орловѣ друга... и никогда не забуду его благодѣяній“³⁾. Или о графѣ

¹⁾ Сборникъ Русск. Истор. Общества, X, 393.

²⁾ Дневникъ Храповицкаго, изд. подъ редакціей Николая Барсукова, 9 и 82.

³⁾ Русская Старина 1872 г., V, 139.

Алексѣй Григорьевичъ Орловъ: „Ему одолжена я частію блеска моего царствованія, ибо онъ присовѣтовалъ послать флотъ въ Архипелагъ“¹⁾). Обо всѣхъ же Орловыхъ вообще Екатерина писала, въ 1769 году, Вольтеру: „Ихъ пять братьевъ, и трудно указать, который изъ нихъ имѣеть болѣе достоинствъ“²⁾). А въ разговорѣ съ французскимъ посломъ Брѣтелемъ, въ 1763 году: „Орловы я обязана тѣмъ, что я есмь. Они исполнены честности и отваги, и я увѣрена, что они не продадутъ меня“³⁾). Наконецъ, въ дипломѣ на графское достоинство, данномъ всѣмъ пятерымъ братьямъ, прописано, по собственноручному начертанію императрицы, слѣдующее: „Они (то-есть, Орловы) были первые изъ тѣхъ вѣрныхъ сыновъ российскихъ, которые сю имперію отъ страннаго и не-сноснаго ига и православную греческаго исповѣданія церковь отъ раззоренія и приближавшагося ей всеконечнаго паденія возведеніемъ на всероссійскій императорскій престолъ свободили, которое преславное дѣло и подлинно ихъ прозорливостію, разумомъ, смѣлостію и мудростію къ пользѣ и благополучію отечества и къ радости и удовольствію натуральныхъ союзниковъ сея имперіи, къ безсмертной ихъ славѣ, дѣйствительно и благополучно къ совершенству приведено“⁴⁾.

Такъ высоко цѣнила императрица Екатерина братьевъ Орловыхъ. Румянцову тѣмъ полезнѣе было дружить съ ними, что самъ онъ никогда не пользовался болѣшимъ расположениемъ и довѣріемъ Екатерины. Извѣстенъ ея отзывъ о Румянцовѣ: „Онъ имѣеть воинскія достоинства, но двоякъ, и храбръ умомъ, а не сердцемъ“⁵⁾.

Передъ нами подлинныя письма братьевъ Орловыхъ къ графу П. А. Румянцову, расположенные въ хронологическомъ порядкѣ. Всѣхъ писемъ сто, изъ нихъ: графа Ивана Григорьевича Орлова—42 письма (№№ 4, 10—12, 15, 18, 19—21, 24—27, 29, 32—

¹⁾ Записки Грибовскаго. Изд. 2-е. М., 1864, стр. 40.

²⁾ Сборникъ Русск. Истор. Общества, X, 392.

³⁾ La Cour de Russie. Изд. 3-е. Берлинъ, 1860, стр. 228.

⁴⁾ Дипломъ на графское достоинство графа Владимира Григорьевича Орлова, сообщенный мнѣ въ спискѣ покойнымъ княземъ Павломъ Петровичемъ Вяземскимъ (см. Жизнеописаніе князя Григория Григорьевича Орлова, напечатанное мною въ Русскомъ Архивѣ 1873 года, въ февральской книжкѣ, столб. 31 и 32).

⁵⁾ Дневникъ Храповицкаго, изд. подъ редакціей Николая Барсукова, стр. 73.

36, 40, 44, 46—48, 54, 55, 58, 60, 62, 65, 69, 70, 72, 74, 80, 84, 85, 89, 90—92, 98); *графа Григория Григорьевича Орлова*—45 писемъ (№№ 1, 2, 5, 9, 13, 14, 16, 22, 23, 30, 31, 37, 41, 43, 45, 50—53, 56, 57, 59, 61, 63, 64, 66—68, 71, 73, 77, 78, 81—83, 86—88, 93—97, 99, 100); *графа Алексея Григорьевича Орлова*—3 письма (№№ 3, 6, 7); *графа Федора Григорьевича Орлова*—1 письмо (№ 8); *графа Владимира Григорьевича Орлова*—9 писемъ (№№ 17, 28, 38, 39, 42, 49, 75, 76, 79).

По времени написанія, письма распредѣляются по годамъ въ такімъ порядкѣ: 1764 года — 1 письмо; 1765 года — 7 писемъ; 1766 года—3 письма; 1767 года—5 писемъ; 1768 года—2 письма; 1769 года — 18 писемъ; 1770 года — 36 писемъ; 1771 года — 24 письма; 1778 года—1 письмо. Когда написаны остальные три письма (№№ 7, 96, 97), не имѣющихъ даты, опредѣлить затруднительно, по отсутствію въ нихъ какихъ-либо указывающихъ признаковъ.

Такимъ образомъ, въ издаваемой нынѣ коллекціи заключаются письма преимущественно двухъ старшихъ братьевъ Орловыхъ, графовъ Ивана и Григория Григорьевичей,—ближайшихъ друзей Румянцева, и относятся главнымъ образомъ къ тремъ годамъ прошлаго столѣтія: 1769, 1770 и 1771, когда у насъ побѣдоносно гремѣла первая Турецкая война, когда въ самомъ воздухѣ носилась идея освобожденія Грековъ и прочихъ единовѣрцевъ отъ ига мусульманскаго. Орловы были увлечены этой идеей и отдались ей во всю ширь своей богатырской натуры. Это всѣ знали, и отсюда понятенъ вдохновенный стихъ современаго поэта:

Гряди, гряди, о рокъ! И Орлею рукою (то-есть, рукою
Орловыхъ)
Возстань, Палеологъ, поверженный луной.

Въ заключеніе сообщимъ краткія біографическія свѣдѣнія о корреспондентахъ Румянцева, братьяхъ Орловыхъ.

Графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ родился 3-го сентября 1733 года, умеръ 18-го ноября 1791 года. Былъ женатъ на Елизаветѣ Федоровнѣ Ртищевой; потомства не оставилъ. По восшествіи на престолъ Екатерины, произведенъ въ капитаны Преображенскаго

полка; въ этомъ чинѣ и умеръ, постоянно отказываясь отъ всякихъ повышений и отличий. Для братьевъ Орловыхъ, рано лишившихся отца, Иванъ Григорьевичъ былъ, по лѣтописному выражению, „въ отца мѣсто“. Младшій братъ, графъ Владимира Григорьевичъ, называлъ его въ письмахъ „папинькой-сударушкомъ“, а въ концѣ приписывалъ: „я и хозяйка (то-есть, жена) цѣлуемъ ваши ручки“. Покойный князь А. С. Меншиковъ разсказывалъ со словъ людей старыхъ, что даже графъ Григорій Григорьевичъ, будучи во всей силѣ своего слуга, не позволялъ себѣ садиться въ присутствіи старшаго брата, Ивана Григорьевича, пока тотъ не прикажетъ. Изъ помѣщаемыхъ ниже писемъ графа Ивана Григорьевича къ Румянцову самъ читатель увидить, что онъ былъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ и пользовался большимъ довѣріемъ императрицы.

Графъ (съ 4-го октября 1772 г. князь) Григорій Григорьевичъ Орловъ родился 6-го октября 1734 г., умеръ въ ночь на 13-е апреля 1783 года. Съ июня 1777 года, былъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ Екатеринѣ Николаевнѣ Зиновьевой; всѣ дѣти ихъ рождались мертвыми. Исключительное положеніе Григорья Григорьевича стало колебаться, подъ давленіемъ придворныхъ козней, еще въ сентябрѣ 1771 года, по отъѣздѣ его въ Москву для прекращенія чумы, то-есть, именно въ то самое время, когда онъ оказывалъ наибольшую услугу отечеству. Но, по слову Пушкина,

Кто жизнью свою
Играль предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ...
Тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!

Въ 1772 году, со времени отѣзда Григорья Григорьевича на конгрессъ въ Фокшаны, охлажденіе къ нему императрицы усилилось. А въ мартѣ 1774 года, стало уже очевиднымъ, что въ сердцѣ Екатерины мѣсто Орлова занялъ Потемкинъ. Послѣ того всѣ братья Орловы, одинъ за другимъ, удалились отъ службы. (Подробности о Григоріи Григорьевичѣ Орловѣ см. въ Жизнеописаніи Орлова, напечатанномъ мною въ Русскомъ Архивѣ 1873 года).

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, родился въ

1737 году, умеръ 24-го декабря 1807 года. Былъ женатъ на Евдокії Николаевнѣ Лопухиной. Имѣлъ единственную dochь Анну Алексѣевну. Кромѣ того, у него былъ побочныи сынъ Александръ Алексѣевичъ Чесменскій. Въ день восшествія Екатерины на престолъ, 29-го іюня 1762 года, Алексѣй Григорьевичъ былъ пожалованъ въ секундъ-маиоры Преображенскаго полка; до того времени онъ находился въ отставкѣ (подробности о графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ см. въ книгѣ С. Ушакова: Жизнь графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго. С.-Пб., 1811).

Графъ Федоръ Григорьевичъ Орловъ родился 8-го февраля 1741 года, умеръ 17-го мая 1796 года. Женатъ не былъ. Имѣлъ воспитанниковъ, носившихъ его фамилію. При восшествіи на престолъ Екатерины, онъ былъ поручикомъ семеновскаго полка; въ коронацію пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ 1764 году, имѣя 23 года отъ роду, былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 4-го департамента сепата. Въ 1770 году, состоя дѣйствительнымъ каммергеромъ, отправился въ Морею, въ эскадру адмирала Спиридова. Въ день торжественнаго празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ генералъ-аншефа.

Графъ Владими́ръ Григорьевичъ Орловъ родился 8-го іюля 1743 г., умеръ 28-го февраля 1831 года. Съ 24-го августа 1768 года, находился въ бракѣ съ Елизаветой Ивановной Штакельбергъ. У нихъ было два сына: Александръ, скончавшійся 19-ти лѣтъ, въ 1787 году, и Григорій, скончавшій въ 1826 году безъ потомства; да три дочери: Софья, супруга графа Никиты Петровича Панина, Екатерина, супруга Дмитрія Александровича Новосильцова и Наталья, супруга Петра Львовича Давыдова. Графъ Владими́ръ Григорьевичъ Орловъ, 24-хъ лѣтъ отъ роду, былъ назначенъ директоромъ академіи наукъ и занималъ эту должность до 9-го декабря 1774 года, когда былъ „уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ съ чиномъ генералъ-поручика“ (Подробности о графѣ Владими́ре Григорьевичѣ Орловѣ см. въ книгѣ его внука по женской линіи, графа Владимира Петровича Орлова-Давыдова: Біографический очеркъ графа В. Г. Орлова. С.-Пб., 1878, въ двухъ томахъ).

Александъръ Барсуковъ.

*1.

Сіятелнѣйшій граffъ, государь мой, Петръ Александровичъ. Хотя ваше сіятелство персонально меня знать не изволите, однажды, я нѣсколко, какъ по слухамъ, такъ и дѣламъ, о вашемъ сіятелствѣ знаю¹⁾). При семъ посылаю писмо отъ всемилостивѣйшей моей государыни къ вашему сіятелству²⁾), въ которомъ, я чаю, довольно изъяснены причины и обстоятельства тогдашихъ времена, и что принудило ея величество, ваше сіятелство смѣнить, которое (такъ!) я главной, такъ какъ и всѣ, почитаю причиной отсутствіе вашего отъ отечества. Узнавши бѣ мой характеръ, не стали дивиться, что я такъ просто и чистосердечно пишу. Ежели вамъ оное удивителнѣйшее покажется, простить меня прошу въ ономъ. Мое свойство, не прежде осуждать людей въ ихъ поступкахъ, какъ представляя себя на ихъ мѣсто. Я не спорю, что огорчительно вамъ показалось, но и противъ того спорить не можно, что по тогдашимъ обстоятельствамъ, дѣло было необходимо нужное, чтобы вы смѣнены были. Кончая сіе, препоручаю себя въ вашего сіятелства милость и желаю, чтобы я могъ вамъ персонально объяснить причину тогдашихъ обстоятельствъ. Вашему сіятелству покорный слуга граffъ Григорій Орловъ.

1764 года, января 15 дня.

*2.

Милостивой государь мой, граffъ Петръ Александровичъ. Принеся благодарность за всѣ вашего сіятелства въ бытность нашу вмѣстѣ милости и дружбу, прошу о продолженіи оныхъ также и въ отсутствіе вашего сіятелства³⁾). При семъ имѣю честь сообщить повелѣніе ея императорскаго величества объ отпуску въ командѣ вашего сіятелства находящаго господина полковника Хвостова⁴⁾ въ домъ его, за крайними нуждами, на шесть мѣсяціевъ. Вашего

Примѣчаніе. Письма, при нумерѣ коихъ поставлена звѣздочка (*), отъ начала до конца написаны рукою корреспондента; въ письмахъ, не имѣющихъ этого знака, собственноручно написано только то, что обозначено курсивомъ.

сіятелства, милостиваго моего графа и государя, пелицемърный слуга и покорный графъ Григорій Орловъ.

1765 года, 17 февраля.

3.

Сіятелнѣйшій графъ, государь мой, Петръ Александровичъ. Ничего болше сказать не могу, какъ толко, что я предъ вами не правъ, что такъ долго къ вамъ не писалъ, въ чемъ надѣюсь на ваше великодушіе, что мнѣ оное упустите. Пишете, ваше сіятелство, въ писмѣ своемъ и отдаете мнѣ, что я былъ представителемъ въ производствѣ въ офицера сына вашего ⁵⁾, чего я на свой щетъ никогда взять не могу. А оное произошло безъ всякой на это просбы, и сама государыня, вспомнивъ ваше сіятелство, изволила указать, чтобъ быть сыну вашему офицеромъ. Съ моей же стороны, я чаю, ваше сіятелство увѣрены, что я никогда и ни въ какомъ случаѣ всегда вашему сіятелству служить не отрекусь и труда своего для онаго не пожалѣю и прошу васъ навсегда содержать меня (въ) вашей дружбѣ. *Если и буду вашего сіятелства, государя моего, покорный и вѣрный слуга графъ Алексѣй Орловъ.*

1765 года, месяца июля 10-го дня. Санкт-Петербургъ.

*4.

Сіятельный графъ, мой милостивой государь. Пущенное ваше писмо, отъ 17 маія, я имѣлъ честь получить 20 числа сего мѣсяца, въ городѣ Дмитревскѣ ⁶⁾, за которое мою благодарность приношу. Ваше сіятелство думали, что я наслаждаюсь пріятностью деревенской жизни, что я и самъ прежде вамъ сказывалъ и упоминалъ. Толко все напротивъ по сіе время было, и я больше въ дорогахъ былъ, и осмотрѣлъ весь край здѣшняго мѣста до Астрахани ⁷⁾; а въ Кизляръ и далѣе слѣдоватъ не дозволили обстоятельства тамошнія, въ разсужденіи разѣзжающей партіи воровской Кубанцами (такъ!). А теперь возвращаюсь домой, и думаю, что теперь, до зимы, селскою жизнью утѣшаться буду. Изъясняете въ писмѣ своемъ, что вы много труда имѣете по вѣренному посту ⁸⁾.

Такъ я инаково и не думалъ, что оно нѣсколко лѣтъ во упущеніи было, и конечно болше труда стоитъ привести испорченное и развращенное въ порядокъ, чѣмъ новое что нибудь завесть. И такъ, милостивой государь, гдѣ болше труда и препятствій человѣку, а онъ онаго достигнетъ, тѣмъ ему болше хвалы и славы остается. Я уповаю, что вы скоро достигнете то, чего вы желаете, и послѣ спокоенія можете быть. Себя жъ препоручая въ вашу дружбу и любовь неотмѣнную, имѣю честь называться вашего сіятелства, милостиваго государя моего, покорнымъ слугою графъ Иванъ Орловъ.

Саратовъ. 22 іюля 1765 года.

*5.

Сіятелнѣйшій графъ, милостивой государь мой, Петръ Александровичъ. За писмо вашего сіятелства принося мою чувствителную благодарность, прошу и впредь о неоставленіи оныхъ того, который съ искреннимъ почтеніемъ и величемърою вѣрностю вашему сіятелству покорный слуга. Я уповаю, пынѣшию зимию имѣть удовольствіе видѣть моего милостиваго графа въ Петербургѣ. Желая при томъ всякаго благополучія вашему сіятелству, такъ какъ и прося о непремѣнной вашей ко мнѣ милости и дружбѣ, которую видѣлъ себѣ, за честь щитаю и навсегда, какъ называется, такъ и быть, совершенно покорнымъ слугою графъ Григорій Орловъ.

1765 года, сентября 21 дня.

*6.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. За дружескія вашего сіятелства ко мнѣ писма приношу мою нижайшую благодарность. Прошу и впередъ, ежели у васъ сколько нибудь будетъ празднаго времени, чтобъ на оное нѣсколко удѣлять, чтобъ мнѣ быть свѣдому о томъ, кто меня жалуетъ, любитъ, а я искренно почитаю. Что жъ, ваше сіятелство, описываете степи, въ которыхъ селятся такъ дурными жилищами, этому я очень вѣрю и ясно понимаю изъ примѣру, что славны бубны за горами, а къ намъ (придутъ), какъ лукошки. Братъ Иванъ Григорьевичъ, вашему

сіятелству кланяется. А онъ живетъ теперь въ деревнѣ Симбирской⁹⁾), слава Богу, здоровъ. Я у него тамъ былъ въ деревнѣ, и изъ Астрахани онъ уже воротился. Такъ я хочу вашему сіятелству сказать, чтобы вы своею поѣздкой не хвастовали, что вы объѣздили слишкомъ двѣ тысячи верстъ. Я и на двадцать девять у ней былъ отпущенъ, да объѣздили въ это время болше трехъ тысячи верстъ, съ тою толко разницею, что вы єздили болше по пустымъ и по дикимъ мѣстамъ, а я єздила по жилымъ и по прекраснымъ мѣстамъ. Такъ я имѣль утѣшеніе, а вы—тягость и огорченіе, чтò и изъ писма вашего видно. Что жъ принадлежитъ до дѣлъ вашего сіятелства здѣсь, то могу увѣрить честью, со удоволствіемъ станемъ стараться, чтобы вашему сіятелству, по справедливымъ вашимъ требованія(мъ), испросить милость. И такъ, предая себя навсегда въ непремѣнну вашу дружбу и любовь, остаюсь, вашего сіятелства, милостиваго государя, покорный и вѣрный слуга графъ Алексѣй Орловъ.

1765 года, сентября 23 дня. С. Петербургъ.

*7.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Прошу меня пожаловать, простить въ томъ, что я такъ долго къ вамъ не писалъ, и не сочтите мнѣ, чтобъ я онаго не хотѣлъ, а напротивъ, л великое удоволствіе имѣю и писменно съ вами разговаривать. При семъ посылаю къ вашему сіятелству доношеніе, по которому покорно прошу въ справедливости его не оставить и защитить его отъ гоненія неправеднаго. И такъ, желая вамъ, моему милостивому графу, здоровья, веселья и всякаго благополучія, остаюсь, вашего сіятельства, государя моего, покорный и вѣрный слуга графъ Алексѣй Орловъ.

(Безъ даты.)

8.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой, Петръ Александровичъ! Приказаніе вашего сіятельства получивъ, старался я оное, какъ наискорѣе, исполнить; только причиною той медленности

каморкантора, которая и по сie время ничего не отвѣтствовала. Однако, я къ скорому онаго дѣла рѣшенію побуждать ее не престаю¹⁰⁾). Прошу меня извинить, что я по сie время на благопріятное ваше письмо не отвѣтствовалъ. Въ прочемъ имѣю честь увѣрить васъ, что я со всегдашнею мою искренностю и почтеніемъ къ вамъ пребуду. Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, вѣрный и покорный слуга *графъ Федоръ Орловъ*.

Изъ Санктпетербурга, 1765 года, октября „ “ дня.

9.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александрович! Письмо отъ вашего сіятельства я получилъ, въ которомъ изволите писать, дабы я донесъ государынѣ: какъ она укажетъ о прїездѣ вашего сіятельства въ Петербургъ. О чёмъ мною и докладывано, и въ разсужденіи предписанныхъ вами причинъ, которая вамъ исполнить должно, указать соизволила, отписать къ вашему сіятельству, чтобы вы въ Петербургъ тогда изволили быть, когда ваше сіятельство почитаемое вами нужное исправленіе исполните, только бъ оно было нынѣшнею зимию, а не позже. А я съ радостію васъ, государя моего милостиваго, увидѣть уповаю. Такъ же, чаю, что и братъ Иванъ къ опому времени въ Петербургъ будетъ, который имѣеть щастіе, такъ какъ и я, ласкаю себя, быть любимымъ вами и носить милость вашего сіятельства, милостиваго моего государя, также и съ совершеннымъ почтеніемъ быть навсегда покорнымъ и вѣрнымъ слугою, безъ шутокъ, по вправду. *Графъ Григорій Орловъ*.

P. S. Что жъ лежитъ до дѣлъ по пороховымъ заводамъ, то я онаго дожидаюсь до прибытия вашего сіятельства сюда, такъ какъ и того, чтобъ имѣть удоволстіе съ моимъ милостивымъ и любезнымъ графомъ быть нѣсколько время вмѣстѣ.

Санктпетербургъ. 1765 года, декабря 5 дня.

*10.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александрович. Ея величество, по прїездѣ моемъ, изволила меня спрашивать о

болезни вашей и скоро ль вы къ намъ, въ Царское село, будете. Я на оное донесь, что вы собирались со мною ъхать, только опять вамъ въ ономъ болезнь помѣшала, и если получите облегченіе, то вы обѣщали къ намъ въ понедѣльникъ пріѣхать. На что государыня о болезни изволила оказать сожалѣніе свое ¹¹⁾). Я жъ вамъ, милостивой графъ, желаю скораго облегченія и чѣмъ скорѣе, тѣмъ милѣе для меня бѣ было, чтобы я могъ васъ здѣсь видѣть. И я уповаю, чтобы и вы здѣсь, на волномъ воздухѣ, скорѣе бѣ могли отъ своей болезни свободиться. Брата Григорья здѣсь нѣть, а ъехалъ въ Гатчину вчера; а севодни, уповаю, опять сюда будеть. Заключа, есмь вашего сіятелства покорный и вѣрный слуга графъ Иванъ Орловъ.

17 $\frac{6}{V}$ 66.

* 11.

Милостивой государь мой, графъ Пётръ Александровичъ. Изъ писма вашего усмотрѣль, что вашему сіятелству есть свободнѣе отъ болезни. Сердечно тому радуюсь и желаю скораго выздоровленія. Упоминаете вы о планѣ вашемъ, данномъ мнѣ. Такъ на оное доношу, что по се время обстоятельства другія причиняли медлителность въ ономъ, а уповаю, что чрезъ три дни къ концу приведено будетъ. Брать Григорій приказалъ ваше сіятелство благодарить за приписаніе ваше въ моемъ писмѣ и извинить себя, что онъ не пишетъ для того, что государыня изволитъ выходъ имѣть, стрѣлять валть-шнеповъ, и онъ долженъ ъхать при ея величествѣ. Заключа сіе, есмь, милостивой государь, вашего сіятелства покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

17 $\frac{11}{V}$ 66. Изъ Сарского села.

12.

Сіательнѣйшій графъ, милостивый государь мой. Поздравляю ваше сіятелство съ выздоровленіемъ и желаю вамъ постоянного въ томъ продолженія. Ея величество изволила быть третьяго дни въ Гатчинѣ, а вчера прибыть опять въ Царское село, гдѣ до будущаго

воскресенія пробыть намѣрена. Если ваше сіятельство, посовѣтовавъ прежде съ вашимъ здоровьемъ, изволите сюды прїѣхать, то все-милостивѣйшій государынѣ сіе благоугодно будетъ. При семъ со всегдашимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ пребываю, милостивый го-сударь мой, вашего сіятельства, покорнымъ слугою *графъ Иванъ Орловъ*.

Царское село. 1766 года, мая 17 дня.

P. S. Братъ графъ Владіміръ Григорьевичъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и желаетъ ваше сіятельство въ здоровіи здѣсь видѣть.

*13.

Сіятелнѣйшій графъ, милостивой государь мой Петръ Александровичъ. Знаю вашего сіятелства къ намъ ко всѣмъ милость, почему и заключаю, что обѣ состояніи здоровья нашего, въ кото-ромъ мы, слава Богу, все находимся благополучно, вѣдать не про-тивно. Донеся обѣ ономъ, прошу о продолженіи вашего сіятелства къ намъ быть милостиву, такъ какъ мы и опыты вашего друже-скаго обхожденія всегда имѣли удоволствіе видѣть. Вручитель сего писма просилъ меня, дабы я вашего сіятелства просилъ обѣ да-ци ему клочка однаго земли пустой и никому не принадлежащей. Если заблагоразсудить оное изволите сдѣлать ему такую милость, которая никому обидою служить не будетъ, то я прошу обѣ ономъ, такъ какъ и о томъ, чтобъ вѣрить, что съ непремѣннымъ почтеніемъ вашего сіятелства, милостиваго моего государя, такъ какъ и все мои братья, навсегда былъ, есть и буду покорный слуга графъ Григорій Орловъ.

Москва. 1767 года, февраля 23 дня.

*14.

Сіятелнѣйшій графъ, милостивой государь мой Петръ Александровичъ. Письмо вашего сіятелства, милостиваго моего госу-дarya и графа, мною вчerasь получено и приложенной конвертъ поднесенъ, въ силу повелѣнія вашего, ея императорскому величе-

ству. Правду сказать, я очень-этому вѣрю, что вашему сіятелству скучно, видя нечувствительность тѣхъ людей, которыми вы управляете, также недовольное понятіе къ приступленію, дабы изыскать способы о поправленіи своихъ недостатковъ и о приведеніи себя и всѣхъ къ истинному благополучію. Да какъ же быть! Скажу пословицу: Не толко-та че(р)нцовъ, что на Симоновѣ, есть они и въ другихъ мѣстахъ¹²⁾. Съ одной стороны, смотря на неудовольствія вашего сіятелства, жалѣю о беспокойствѣ вашемъ; съ другой же стороны, радуюсь, что вы въ этомъ мѣстѣ на сей случай находитесь, и почитаю то совершенно доброжелателствомъ Промысла о благосостояніи ввѣренной вамъ провинціи¹³⁾ и нашего отечества, потому что если, соображая ваши достоинства, которыми несомнѣнно всѣ могущія быть препятствія въ произведеніи къ общему благу сего дѣла исчезнутъ. Одаренный отъ ест(ест)ва проницаніемъ, неусыпенъ въ трудахъ, остороженъ благоразуміемъ и исполненъ любовію къ отечеству и ко всему человѣческому роду, мой милостивой графъ не упустить случая, конечно, показать то, что я выше сказалъ, и доказать услугу свою отечеству и государю своими благоразумными наставлениями и представленіями объ общемъ благѣ. Вотъ мои сантименты. Къ чему это клонится, что вы въ странѣ конфузной? Это, сударь, къ тому, чтобы вы себя сдѣлили, употребя свои дарованія и знанія, вѣчно бессмертнымъ быть. Это гораздо болѣе, нежели тысяча сто убить людей. Брать Иванъ, а вашего сіятельства вѣрной слуга, (какъ) разстались мы съ нимъ, одно только писмо писалъ къ намъ. Мы черезъ пять деньѣ йдемъ въ Тверь¹⁴⁾, и слава Богу, всѣ здоровы. Братья мои и я себя поручаемъ въ неотмѣнную милость вашего сіятелства, навсегда пребудемъ покорными слугами. Графъ Григорій Орловъ.

(Даты нѣтъ).

15.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Нѣсколько продлившемуся моему на писма вашего сіятельства отвѣту были причиной нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ я умалчиваю. Покорно благодарствую, во-первыхъ, вашему сіятельству, за bla-

гопріятныя ваши ко мнѣ, любовію, благосклонностію и дружбою преисполненныя писма, и желаю вамъ совершеннаго здравія и совершеннаго искорененія всѣхъ тѣхъ причинъ, кои здоровью вашему наносять вредъ и препятствіе. Копію съ писма тамошняго, къ мнѣ вами присланную, не представлялъ я ея императорскому величеству, да и почелъ то за пенужное. Въ разговорахъ упомянулъ я вѣкогда о вашемъ сюда прїѣздѣ. Всемилостивѣйшая государыня изволила на то отозваться, что ея величеству угодно будетъ, если вы тамо останетесь до тѣхъ поръ, покамѣстъ за нужно разсудите ваше по порученнымъ вамъ дѣламъ тамо присутствіе. Какъ бы я радъ былъ, если бы мнѣ у васъ въ гостяхъ побывать и дружескими вашими разговорами пасладиться и воспользоваться удалися. Но теперь мнѣ сего моего желанія исполнить невозможно, по депутатскому моему званію¹⁶⁾. Виллима Романовича¹⁶⁾ здѣсь, въ Москвѣ, вѣтъ. Писалъ я къ нему о порученномъ мнѣ отъ вашего сіятельства дѣлѣ; однако, отвѣта по си поры отъ него еще не получилъ. Что мнѣ отъ васъ было прислано, то поднести ея величеству имѣлъ щастіе. О почтахъ, вами упоминаемыхъ, навѣдывался я у Сергія Матвѣевича¹⁷⁾. Онъ еще не готовы, а какъ скоро будутъ, немедленно овь ихъ хотѣлъ къ вамъ переслать. Присланному депутату, привезшему отъ васъ писмо, по вашему его мнѣ препорученію, сколько и въ чёмъ могу, служить не премину. Братъ, графъ Алексѣй Григорьевич, еще не совсѣмъ выздоровѣлъ; однако ему, противъ прежняго, слава Богу, гораздо легче. А братъ, графъ Владимира Григорьевичъ, былъ въ Саратовѣ и въ Астрахани и уже оттуда возвратился¹⁸⁾. Всѣ братья мои вамъ кланяются и свидѣтельствуютъ свое почтеніе, которое и я всегда къ вамъ, и въ сердцѣ моемъ имѣя, и внѣшно изъявляя, есмь, милостивый государь мой, вашего сіятельства, покорнымъ и вѣрнымъ слугою графъ Иванъ Орловъ.

Отъ графини Прасковыи Александровны¹⁹⁾ я еще записки вашей не получилъ, а какъ получу, то, конечно, мое стараніе приложу, чтобъ моему милостивому графу услужить тѣмъ, чего онъ желаетъ.

Москва. 1767 года, августа 13 дня.

16.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Вру-
читель сего письма присланъ былъ ко мнѣ отъ вашего сіятельства
и находился у меня съ полтора года. Покорно благодарствую за
дружбу, въ присылкѣ его ко мнѣ вами оказанную. Теперь от-
правляется онъ обратно въ домъ свой и желаетъ получить милость
отъ вашего сіятельства, по моему къ вамъ обѣ немъ предста-
тельству. Если просьба его будетъ сходствовать съ вашимъ посту-
пить на опую благоволенiemъ и разсмотрѣнiemъ, то вы обяжете
совершениемъ оныя не только просителя, но и того одолжите, ко-
торый съ всегдашнимъ къ вамъ почтенiemъ и усердiemъ пребудетъ
въкъ свой, милостивый государь мой, вашего сіятельства, покор-
нымъ слугою *графъ Григорий Орловъ*.

Москва. 1767 года, ноября 9 дня.

17.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Ваше
сіятельство не ошибаетесь, считая, что я ваше повелѣніе съ удо-
вольствиемъ исполню. Тотъ человѣкъ, о которомъ вы ко мнѣ пи-
шете, мнѣ совсѣмъ незнакомъ. Я по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ,
постараюсь спознать его. Въ прочемъ съ истиннымъ почтенiemъ
пребуду, вашего сіятельства, покорный слуга *графъ Володимиръ Орловъ*.

Въ Москвѣ. Ноября 13 дня 1767 году.

*18.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. По-
слѣднєе ваше писмо, отъ 3-го іюля, я имѣлъ честь получить, по
которому, на другой же день, я ея величеству докладывалъ, на
что изволила сказать, что, по вашимъ присланнымъ извѣстіямъ рѣ-
шеніе сдѣлано, и къ вамъ обратно два курьера посланы. Что жъ
до распоряженій вашихъ, которыя вы сдѣлали, то мнѣ приказано
отписать, что ея величество очень доволна оными, и съ похвалою

отзываешься изволила въ публикѣ²⁰). Также и измѣненій курьеръ, я думаю, что не замедлится отправленіемъ. Я удивляюсь, мой милостивой графъ, что мои къ вамъ писма пе доходятъ. Я уже третьей къ вамъ пишу. Сначала я къ вамъ пе писалъ. Это правда. Обстоятельства оному виною были. Нынѣ же потщуся мою вину за- служить и чаще съ вами говорить стану черезъ писма. Братъ, Григорій Григорьевичъ, благодаритъ васъ. Приписаніе въ моемъ писмѣ къ нему послано. А Володимеръ самъ хотѣлъ къ вамъ писать и благодарить за поздравленіе его съ невѣстою²¹). А я имѣю честь вамъ мою невѣстку будущую рекомендовать и прошу ее любить такъ, какъ вы настѣ любите. Заключа сіе, съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и усердіемъ имѣю честь называться, вашего сіятелства, милостиваго государя моего, покорнымъ и вѣрнымъ слугою графъ Иванъ Орловъ.

Изъ Санктъ-Петербургра. 1768 года, іюля 21 дня.

*19.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. По запискѣ вашей, о малороссійскихъ деревняхъ, я получилъ рѣшеніе: государыня соизволила сказать, что оныхъ деревень никому не отдать; а къ вамъ указано мнѣ отписать, чтобы ваше сіятелство, вмѣсто оныхъ, изволили пріискать купить себѣ, и, пріискавши, прошу ко мнѣ отписать, то и деньги къ вамъ будутъ присланы²²). Я жалѣю сердечно, мой милостивой графъ, что я не могъ по желанію вашему и по запискѣ оной вамъ исходатайствовать: время мнѣ коротко. За тѣмъ, окончавъ сіе, называюсь вашего сіятелства покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

Изъ Петергофа. 1768 года, іюля 27 дня.

*20.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Два писма ваши, одно наполненное утвіостями и поздравленіемъ новаго года, второе, о принесеніи ея величеству благодарности вашей за пожалованіе вамъ столовыхъ денегъ. Отвѣтствуя на пер-

вое, что я вамъ желаю, моему милостивому графу, отъ истиннаго моего сердца, всякаго блага и чтобъ вы нынѣшній годъ въ своемъ здоровьѣ лучше были, чѣмъ прошедшій, и также въ своихъ предпріятіяхъ безпрѣкновенно успѣхи имѣли. На второе, я, по приказанію вашему, ея императорскому величеству принесъ именемъ вашимъ благодареніе, и государыня со удоволствіемъ изволила принять и сказала, что это ея милости не такъ велики въ разсужденіи заслугъ вашихъ, какъ къ ей, такъ и къ отечеству. Спрашиваете вы меня, какъ я вамъ присовѣтую, быть ли сюда, илиѣхать къ назначенному вамъ мѣсту ²³⁾? Я объ ономъ государынѣ докладывалъ, то она изволила сказать, что вамъ дано на разсужденіе, прїѣхать ли сюда, или остаться вамъ тамъ, когда нужды васъ требуютъ. Я хотя прежде и писалъ къ вамъ, чтобъ вы прїѣхали, однако, увида изъ вашего писма, что обстоятельства не дозволяютъ, такъ я думаю, лучше єзду оставить, а гдѣ нужды есть, туда иѣхать. Да и время, я уповаю, не дозволить къ намъ прїѣхать. Слышалъ я, что вы опять нездоровы были. Очень сердечно сожалѣю. Я думаю, мой милостивой графъ, что къ вамъ писано, чтобъ вы свои мысли прислали сюда о военныхъ операцияхъ и какъ вамъ кажется распоряженія сдѣланныя. Такъ если будете объ ономъ писать, то прошу и мнѣ копію сообщить. Заключа, остаюсь съ истиннымъ моимъ почтеніемъ, вашего сіятелства, моего милостиваго государя, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

Братья и невѣстка ²⁴⁾ свидѣтельствуютъ вашему сіятелству свое нижайшес почтеніе и благодарятъ за напоминаніе ваше объ нихъ; а братъ Алексѣй и Федоръ пишутъ ко мнѣ, чтобъ я къ вашему сіятелству отписалъ ихъ истинное усердіе. А они теперь въ Венеціи живутъ ²⁵⁾. И Алексѣй ко всему, о мальчикахъ еще осмѣливается вамъ папомнить.

1769 года, января 11 дня.

* 21.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Въ надеждѣ вашей ко мнѣ любви и дружбы, осмѣливаюсь вамъ

препоручить въ вашу милость моего свойственника господина портчика Штакелберга ²⁶), котораго прошу содержать и быть ему покровителемъ. Онъ человѣкъ молодой еще; такъ если что и сдѣлаетъ проступокъ, то васъ прошу, такъ какъ моего благодѣтеля, его въ ономъ воздержать и не давать ему, по молодости его, испортиться, въ чемъ и надежею на вашу ко мнѣ дружбу. И, заключа, съ истиннымъ моимъ почтеніемъ, имѣю честь называться, вашего сіятельства, милостиваго государя, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

1769 года, апрѣля 17 дня. Санктпетербургъ.

22.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ! Сего вручинтель, бывшій въ штатѣ графа Петра Семеновича Салтыкова ²⁷) и оттуда въ дивизію вашего сіятельства выпущенный, капитанъ Янцыревъ, упустиль въ надлежащее время у васъ явиться. Недосуги его состояли въ свойственныхъ лѣтамъ его слабостяхъ, слѣдовательно, не такія, коихъ бы отставить было не можно. Но, вѣдая, что ваше сіятельство, по природному вамъ проницанію каждого подчиненнаго, въ разсужденіи его качествъ, съ пользою употреблять умѣете, осмѣливаюсь васъ всепокорно просить, чтобы, не приводя въ уныніе строгимъ взысканіемъ молодого сего человѣка, и предавши забвенію прошедшее, принять его въ вашу милость. А чтобъ онъ загладилъ свою погрѣшность, не изволите ли его употребить по удалымъ его свойствамъ къ какому нибудь и удалому дѣлу. Прости мнѣ, ваше сіятельство, что васъ обезпокоиваю такою бездѣлкою. Благонадежность на вашу дружбу — сей смѣлости побужденіемъ. Въ прочемъ позвольте мнѣ васъ увѣритъ, что съ искреннимъ къ вамъ почтеніемъ всегда есмь и непремѣнно пребуду, вашего сіятельства, милостиваго государя моего графа, всепокорный слуга графъ Григорій Орловъ.

Июня „ “ дня 1769 года.

23.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александрович! Штата моего генеральсъ-адъютантъ Николай Шарыгинъ²⁸), желая продолжать свою службу подъ командою вашего сиятельства въ малороссійской коллегіи членомъ, просилъ меня о препорученіи его къ вамъ въ милость. И такъ, ежели онъ вамъ угоденъ, и вы никого еще на сie мѣсто назначить не изволили, то всепокорно васъ прошу, сдѣлать его участникомъ вашей милости и имъ наполнить упалое въ коллегіи вашей мѣсто. Я же уповаю, что ваше сиятельство имъ будете довольны. Не прогнѣвайтесь на меня, мой милостивый графъ, что скучаю вамъ мою просбою. Любовь и дружба ваша ко мнѣ, къ сему меня ободряютъ. При семъ позволте и мнѣ васъувѣрить, что съ искреннимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и непремѣнною преданностію всегда есмь и непреложно пребуду, вашего сиятельства, милостиваго моего графа, всепокорный слуга *графъ Григорій Орловъ*.

Июня „ дня 1769 года.

24.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александрович. Болѣе уже мѣсяца прошло, какъ я отъ вашего сиятельства никакого писма не получилъ; о чёмъ сердечно сожалѣю. Однакожъ, надѣясь на милость и благосклонность вашу ко мнѣ, навѣрное полагаю, что вы не лишите меня впредь сего удовольствія, чтобъ и въ такой отдаленности и въ толикихъ трудахъ, какие вамъ вынѣ предстоять, не разговаривать съ вами и не наслаждаться бесѣдою истиннаго друга, вѣрнаго сына отечества, благоразумнаго и прозорливаго полководца, которыя качества я въ васъ почитаю много. Желаю ото всего сердца, чтобъ оными украшенныя особы въ Россіи никогда не оскудѣвали. Препоручаю себя довольно дозванной вашей ко мнѣ дружеской любви и есмь навсегда, милостивый государь мой, вашего сиятельства, покорнымъ слугою *графъ Иванъ Орловъ*.

Санктпетербургъ. 1769 года, іюля 24 дня.

NB. Сейчасъ я получилъ писмо, мой милостивой графъ, отъ васъ, которое меня много обрадовало, видя, что вы въ добромъ здравии находитесь и помните о истинномъ своемъ слугѣ. Я признаюсь предъ вами, что я виноватъ, что такъ долю къ вамъ не писалъ. Истинно оному разныя причины препятствовали. Но запискѣ вашей я стараніе мое прилагалъ, и мнѣ на то сказано, чтобы я къ вамъ отписалъ, что де такую бездѣлицу стыдно вамъ подарить, и что вы конечно получите такой гостинецъ, которой съ достоинствомъ вашимъ сходенъ будетъ. Вотъ, вселогезной мой другъ, тебѣ извѣстіе. Я знаю напередъ, что вы скажете, что вы обѣщаніемъ и обнадеживаніемъ давно себя питаете, однако, еще не получили ничего. Такъ, милостивой графъ, это правду вы говорите, толко теперь васъ увѣрить могу, что оному много обстоятельствъ и время мышало.

25.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Не хотя случая пропустить, чтобы къ моему милостивому графу не писать и не спросить о его здоровье и состояніѣ,—я знаю, что онъ теперь дѣлами и трудностями озабоченъ,—однако, надѣюсь, простить мнѣ, что я его сими строками беспокою, въ разсужденіи, что моя любовь и чистосердечная дружба къ тому меня побуждаютъ. Я уже давно отъ васъ писемъ не получалъ, о чёмъ сердечно соожалѣю. Извѣстія отъ васъ полученные, что господинъ Берхъ²⁹⁾ надъ непріятелемъ поискъ дѣлалъ и столкъ въ добычу скота получилъ, вамъ пріятны. Каждый день почти ея величество изволить говорить о вашихъ хорошихъ распоряженіяхъ и оказываетъ свое удоволствіе къ тому. Я, такъ какъ истинной вашъ слуга, въ томъ беру участіе и радуюсь Дай Боже, чтобъ ваши предпріятія всегда съ успѣхомъ были. Заключа сіе, съ величественнымъ почитаніемъ называюсь, вашего сіятелства, милостиваго государя, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

1769 года, августа 5 дня. Изъ Санктпетербурга.

*26.

Милостивой государь мой, графъ Цетръ Александровичъ. Узнавъ вчерасть, что вашему сиятелству отъ ея величества вѣльно ѿхать въ первую армію и ею командовать ³⁰), съ чѣмъ васть, вселюбезнаго друга, и поздравляю. Дай Боже, чтобъ вы, по своему усердію и ревности къ ползѣ общей, имѣли счастливые успѣхи. Я знаю, что вамъ будетъ много труда, да гдѣ болше затрудненіевъ встрѣчается, и человѣкъ ихъ преодолѣваетъ, тѣмъ ему славы болше приносится. О свойственникѣ своемъ Штакелбергѣ прошу ваше сиятелство его не оставить, и если не трудно, милостивой графъ, будетъ, то взять его съ собою въ первую армію, чѣмъ меня много обяжете. Я жъ заключа, съ моимъ нелицемѣрнымъ высокопочитаніемъ лазываюсь, вашего сиятелства, милостиваго государя моего, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

1769 года, августа 18 дня.

*27.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Писмо съ господиномъ Штакелбергомъ писанное, я имѣлъ честь получить, изъ котораго увидѣлъ, что ваше сиятелство находитесь въ вожделѣнномъ здоровьѣ, которое меня много порадовало. По прежнимъ вашимъ писмамъ я уже исполненіе сдѣлалъ. Въ банкъ процентныя деньги заплатилъ. По запискѣ вашей о хуторѣ и дворахъ, я мое стараніе приложу, и уповаю, что въ ономъ успѣю, чтобъ по желанію моего милостиваго графа исполнить. Вы шутите и говорите въ писмѣ своемъ, что вы съ докуками ко мнѣ всегда приходите, то вѣрьте мнѣ, милостивой графъ, что это менѣ много очень утѣшаетъ, чтобъ я могъ только услугу оказывать моему все-любезному другу, и я щитаю оное себѣ за удоволстіе всѣ его приказаніи исполнять. За оказанныя милости къ господину Штакелбергу я приношу мою благодарность и впредь прошу его не оставить. Я бѣ болше писаль, да знаю, что сколь много теперь хлопотъ и дѣлъ моему графу. И чтобъ его не утрудить читаніемъ моего писма, закончу тѣмъ, что я есмь навсегда съ истиннымъ

моимъ усердіемъ и любовію называюсь, вашего сіятельства, милостиваго государя, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

1769 года, сентября 4 дня.

28.

Милостивый государь мой, Петръ Александровичъ. Радуюсь, что вы довольны поведеніемъ шурина моего, какъ то изъ письма вашего къ брату Ивану Григорьевичу я видѣлъ. Конечно, главною причиною оному ваше сіятельство. Благодарю за ваше попеченіе и прошу благоразумнымъ вашимъ окомъ и впредь его управлять. Пока его онымъ удостоите, потуда не сомнѣваюсь о его добромъ поведеніи. Ваше сіятельство просиль я и прежде о неоставленіи его въ прямыхъ нуждахъ, и теперь мою просьбу повторяю, съ тѣмъ, однако, чтобы вы по пріязни ко мнѣ и сестрѣ его, не дозволили ему ненужныхъ расходовъ. Одолжите меня, ваше сіятельство, и хозяйку мою, возмите его съ собою въ другую армію. Поздравляю съ довѣренностю государескою. Дай Богъ, чтобъ успѣхи соотвѣтствовали желаніямъ и ожиданію публики. Ласка ваша ободряетъ меня препоручить и другихъ двухъ шурьевъ въ ваше милостивое покровительство и призрѣніе. Степану Паручку³¹⁾ доходитъ уже другой годъ, что я ему, по приказу вашему по десяти рублей даю. Угодпо ли, чтобъ я продолжалъ сіе далѣе. Вашео сіятельства покорный слуга графъ Володиміръ Орловъ.

Петербургъ. 4 сентября 1769 года.

(Приписка жены графа Владимира Григорьевича Орлова, графини Елизаветы Ивановны, рожденной Штакельбергъ):

Благодарю вашему сіятельству, что ни одного письма не приходитъ отъ васъ къ графу Ивану Григорьевичу, что бы вы обо мнѣ не вспомнили, а особенно за милостивое покровительство брата моего. Прошу о всемъ томъ, о чемъ просилъ графъ Владимира Григорьевичъ. Продолжайте одолжать уже одолженную, и будьте уверены, что я благодарна буду. Услужница ваша графиня Лизавета Орлова.

29.

Милостивый государь мой, графъ Цетръ Александровичъ. Благопріятныя ваше сіятельства ко мнѣ письма, отъ 18 и 22 сентября, мною получены, со приложениемъ въ одномъ изъ нихъ на всевысочайшее имя. Знаки дружбы, благосклонности и довѣрности вашей ко мнѣ я почитаю залогомъ такимъ, который сохранить нерушимымъ я себѣ на вѣкъ за великую честь ставить буду. Любезный другъ! Устроить войско многочисленное стдить истинно великихъ трудовъ. Но тѣмъ большая чрезъ то пріобрѣтается слава, если при произведеніи сего намѣренія въ дѣйство, встрѣтятся не-пріятвия намъ околичности, коихъ кромѣ великаго и твердаго духа преодолѣть не можно. Судьба знаменитымъ начинаніямъ часто, если не всегда, ставитъ толико въ пути препонъ, что рѣдко кто и осмѣливается шествовать онымъ. Но тотъ, кто видить ихъ и чувствуетъ, однако борется и не изнемогаетъ, получаетъ наконецъ за всѣ претерпѣнныя беспокойства награжденіе, душу его внутреннимъ веселіемъ успокаивающе. Знаю, милостивый мой графъ, что чувствованія ваши такими размышеніями наполнены, но уста мои сіе отъ избытка сердца глаголютъ. Почитайте все мною здѣсь сказанное за восторгъ, который всегда меня восхищаетъ въ то время, когда я о своемъ отечествѣ и о тѣхъ, кои пользѣ и славѣ онаго споспѣшствую, помышляю. Да и кто съ холоднымъ духомъ, пришедшіи въ чувство, о семъ говорить можетъ? Богомъ вѣнчанная глава наша, матерь наша, какіе труды, какіе подъемлетъ для насъ подвиги! Мы же всякъ по силѣ своей, по возможности, по дарованіямъ, памъ отъ Бога даннымъ, вспомоществовать ей, споспѣшствовать не будемъ? Не таковы россійскіе сынове. Принесутъ все свое и себя въ потребное время на жертву, или паче, попрутъ и поженутъ врага своего, и не исправится. Всемилостивѣйшей государыни нашей письмо при семъ прилагаю. О обязательствѣ, вами упоминаемомъ, впредь буду имѣть честь писать къ вамъ. И есмь со всегдашимъ почтеніемъ и усердiemъ моимъ къ вамъ, милостивый государь мой, вашего сіятельства, покорнымъ и вѣрнымъ слугою *графъ Иванъ Орловъ*.

Санктпетербургъ. 1769 года, октября 6 дня.

*30.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. За особливое удоволствіе себѣ почитаю, при случаѣ просбы моей о подателѣ сего, господинѣ порутчикѣ Беличѣ³²⁾, чтобы его содержать изволили въ своей милости, свидѣтельствовать при томъ и то совершенное почтеніе, которымъ я къ вашему сіятелству, милостивому моему государю, исполненъ. Можетъ быть, что сіе донестъ имѣю чрезъ писмо,—изустно вашему сіятелству донести щастіе (буду) имѣть будущую кампанію, ежели угодно будетъ Богу, находясь въ командѣ вашего сіятелства, дабы сбылись тѣ разговоры, ежели припомнить изволите, которые въ Гатчинѣ говаривали³³⁾. Поруча себя и всѣхъ моихъ командъ людей³⁴⁾ въ непремѣнную милость вашего сіятелства, которые подъ вами щастіе служить имѣютъ, чего и я усердно желаю. Вашего сіятелства, милостиваго государя моего, покорный слуга графъ Григорій Орловъ.

1769 года, октября 15 дня.

*31.

Вспомни, мой милостивой графъ, какъ ты хотѣлъ меня волонтеромъ при себѣ имѣть, когда мы енаво въ ронѣ леживали. А ты небось и не вспомнишь о слугѣ своемъ. При усерднѣйшемъ желаніи, pardieux, батюшкѣ, даромъ что ты меня къ себѣ не зовешь, а я, ежели случай будетъ, не упущу быть. Пропу Санть Марку³⁵⁾ отъ меня поклониться. Я радуюсь сердечно, что имѣль удоволствіе свѣдать обѣ здоровье моего милостиваго графа, что оно въ добромъ состояніи. Препоруча себя въ неотмѣнную вашего сіятелства, милостиваго моего государя, милость, и остаюсь съ истиннымъ желаніемъ волонтеръ вашего сіятелства и покорнѣйшій слуга графъ Григорій Орловъ.

(Безъ даты).

32.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Всепріятнѣйшее ваше писмо я получилъ, также положенпой пакетъ на имя ея величества, которой я тотчасъ и вручилъ. Пишете, мой милостивой графъ, чтобы я постарался обѣ отпускѣ Николая Ивановича Салтыкова ³⁶⁾). Такъ я вамъ скажу, что доволно было одного представлениія милостиваго моего графа, по которому все-милостивѣйшая государыня приказала тотчасъ, по желанію его, уволить. Вчерашній день мнѣ государыня изволила сказывать, что какъ она доволна вашими всѣми распоряженіями, которыя ваше сіятелство изволили сдѣлать въ армїи, и думаю, что вы получите апробацію на всѣ ваши представленія. Окончивъ сie, съ непремѣннымъ монъ навсегда почиталіемъ называюсь, вашего сіятелства, милостиваго государя моего, покорный слуга графа *Иванъ Орловъ*.

1769 года, октября 26 дня.

*33.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Я имѣлъ честь два писма получить, писанныя отъ вашего сіятелства, первое, отъ 13, а второе, отъ 23 прошедшаго (мѣсяца), изъ которыхъ усмотрѣль, что мой милостивой графъ здоровъ, только находится въ великихъ заботахъ, что инакова и быть не можетъ, въ разсужденіи того, что вы нашли дѣла въ великой разстройкѣ. Такъ оное должно привести въ порядокъ; а другое и то, чтобы можно будущую кампанію съ успѣхомъ противъ непріятеля дѣйствовать. Съ послѣднимъ писмомъ вашимъ я получилъ и мнѣніе ваше о пред-будущей кампаніи, и когда господинъ генералъ-порутчикъ Элмпть ³⁷⁾ сюда пріѣдетъ и привезетъ опое, то вѣрьте, мой милостивой другъ, что если увижу или услышу такое, которое несогласно съ вашими желаніями, то конечно не пропущу случаевъ стараться доставить вамъ справедливость, въ чемъ уповаю и достигнуть. Я уже къ вамъ неоднократно писалъ, что разнесшіеся слухи о вашемъ пред-мѣстникѣ ³⁸⁾ несправедливы есть, такъ и нынѣ оное подтверждаю и увѣряю честію и дружбою мою къ вамъ, что если (бы) опасное

было дѣло, которое приносило вамъ прискорбіе, то бѣ конечно я старался здѣсь оное отвратить, а послѣ бѣ вамъ обѣ ономъ даль знать. А то у насъ въ городѣ много очень вымышленныхъ и лживыхъ вѣстей бываетъ, которая не только на яву были бѣ, но и во спѣ не увидятся. Прости меня, что коротко къ вамъ пишу. Причина тому болезнь моя правою рукою. Я ее простудилъ съ педѣлю. Заключа сіе, съ истиннымъ моимъ почитаніемъ называюсь, вашего сіятельства, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

Изъ Санктпетербурга. 1769 года, ноября 26 дня.

P. S. Сію минуту, уже окончено было мое писмо, какъ я получилъ ваше писаніе, отъ 31 октября. Сожалѣю, мой милостивой графъ, что до такого состоянія почтепіе военное доведено. Я и братъ Григорій въ тоже время говорили, что господинъ Элмпть нехорошо сдѣлалъ. И намъ сказывали, что курьеръ Ржевской сперва былъ у васъ, и вы его видѣли. Такъ я и подумалъ, что оное было сдѣлано съ позволенія вашего, а вы хотѣли сдѣлать предмѣстнику вашему снисхожденіе онымъ. Что жъ до трудностей вашихъ при надлежитъ, то я вамъ скажу, гдѣ больше ихъ, и кто ихъ преодолѣеть, тому больше хвалы и чести. Такъ, мой милостивой графъ въ ономъ находится теперь случаѣ и не сомнѣваюсь, что провидѣніе его ведетъ на верхъ славы, однако, трудными дорогами. Я вамъ и прежде говорилъ, что какъ услышимъ отъ Элмпта его предложенія, и конечно не допустимъ то сдѣлать, что служить къ особенной выгодѣ, а не къ общѣй. Вѣрьте мнѣ въ ономъ, что буду стараться предостеречь, елико силъ и возможности есть, и не уповаю, чтобы на корпусы раздѣлено было.

* 34.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. По слѣднєе ваше писанное писмо, чрезъ господина Бухолца ³⁹), я имѣль честь получить, въ которомъ говорите о пріѣздѣ вашемъ въ Цетербургъ, что вы къ ея величеству писали и просили, кому соизволить приказать въ отсутствіи вашемъ дѣла поручить. Такъ на оное скажу, что государыня сама къ вамъ хотѣла обѣ ономъ

писать, и уповаю, что соизволеніе государское не иначе можетъ быть, какъ вашъ отъѣздъ отданъ вамъ на волю, что вы, будучи на мѣстѣ, можете лучше разсмотрѣть, болѣе ли нужды настоитъ вамъ къ памъѣхать или тамъ оставаться; и если побѣдете, такъ, кажется, что дѣлъ иному некому поручить, какъ старшему генералу. Господинъ баронъ Элмпѣтъ пріѣхалъ сюда дней съ пять, и ея величество, читавъ ваши мнѣнія о будущей кампаніи, изволила со мною говорить объ ономъ съ великою вамъ похвалою, сказавъ, что они написаны очень хорошо. Планъ будущей кампаніи еще не сдѣланъ, а вчера въ совѣтѣ⁴⁰⁾ начали только объ ономъ говорить, и думаю, что второй арміи осаждать достанется Бендери⁴¹⁾; вамъ съ своею—смотретьъ на движенія турецкой арміи, чтобы она не могла подавать помощи Бендерамъ и не мѣшала бѣ осаждающимъ. Это еще не положеніе, а разговоръ только. Мы случилось съ государынею разговаривать, и между тѣмъ упомянуть о продажѣ вашихъ деревень, что соизволила указать къ вамъ отписать, чтобы вы деревень не продавали, и что она никогда не допустить командующаго генерала до того, чтобы онъ имѣль нужду въ чемъ нибудь, а конечно наградить и снабдить его достаточно. Вотъ, мой милостивой графъ, вѣсти. Братья мои, тѣ, которые въ Италіи, также и здѣшніе, свидѣтельствуютъ свое истинное почитаніе, тоже и невѣстка моя, и благодарятъ, что вы обѣ нихъ помните. Извините меня, мой милостивой другъ, что сіе писмо черное^{*)} къ вамъ посылаю. Истинно время не достало переписать. А я называюсь по смерть, вашего сіятелства, покорный и вѣриный слуга графъ Иванъ Орловъ.

1769 года, декабря 2 дня. Изъ Свѣтѣ-Петербурга.

*35.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Пріятнѣйшее ваше писмо, безъ подписанія числа, я имѣль честь получить черезъ господина Хотянцова⁴²⁾, изъ котораго усмотрѣлъ, что мой милостивой графъ въ добромъ здоровье находится. Гово-

^{*)} То-есть, съ помарками.

рите вы, что съ двумя курьерами отъ меня писемъ не получали. Такъ, это правда, и я признаюсь передъ вами, что виноватъ; хотя оно было въ такое время, что я озабоченъ былъ дѣлами, однако, могъ бы время изыскать написать. Надѣюсь на ваше великодушіе, что вы меня простите въ ономъ, а я буду стараться приступокъ мой заслужить. Поздравляю васъ съ побѣдами вашими. Желаю, чтобы все текло по благоусмотрѣнію и намѣренію вашему. И дай Боже, чтобы намъ отъ васъ всегда получать такія пріятпяя вѣсти. Господинъ Элмитъ здѣсь никакихъ проектовъ не подавалъ о раздѣленіи арміи на малые корпусы; да и думаю, не подастъ, да хотя бъ и подалъ, такъ не уповаю, чтобы по нихъ могло сдѣлаться. Къ вамъ уже послалъ рескриптъ, изъ котораго увидите вы, какія намѣренія положены о будущей кампаніи. Государыня, читавъ ваши мысли, присланныя о операціяхъ впередь-будущихъ, съ великою похвалою объ нихъ изволила отзываться, говоря, что сколь они доказываютъ ваше знаніе, какъ въ военномъ, такъ и въ политическихъ видахъ. Заключа сіе, съ истиннымъ моимъ на вѣкъ почитаніемъ называюсь, вашего сіятелства, покорнымъ слугою графъ Иванъ Орловъ.

1769 года, декабря 10 дня. Изъ Свкѣтъ-Петербурга.

* 36.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Имѣю честь поздравить моего вселюбезнѣйшаго друга съ наступающимъ новымъ годомъ и желаю вамъ, чтобы благословилъ Всевышній въ вашихъ намѣреніяхъ и даль бы успѣхи, какъ къ общей ползѣ, такъ и къ вашей утѣхѣ. Два курьера отъ васъ къ намъ пріѣхали, только я съ ними писемъ не получалъ. Видно, что мой милостивой графъ озабоченъ дѣлами. Братья мои, какъ отсутствующіе, такъ и здѣсь находящіеся, слава Богу, здоровы. Графиня Елизавета Ивановна приказала мнѣ благодарить васъ за неоставленія ея братьевъ, которыхъ ваше сіятелство имѣ дѣлаете. Она очень чувствуетъ вами оказанныя имъ милости. Окончавъ сіе, называюсь, вашего сіятелства, милостиваго государя моего, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

1769 года, декабря 15 дня. Изъ Свкѣтъ-Петербурга.

37.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александрович! Вручитель сего, князь Стратиновичъ, отправляется въ армію, къ вашему сіательству, почему всепокорно васъ прошу покровительствомъ своимъ его не оставить, коего сдѣлаться достойнымъ, уповаю, что онъ всѣхъ своихъ силъ употребить не преминетъ. Препоручая себя въ благосклонность и дружбу милостиваго моего графа, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ, вашего сіательства, всепокорный слуга *графъ Григорій Орловъ*.

Декабря „ “ дня 1769 года.

38.

Милостивый государь мой, Петръ Александрович. Посылаю къ вашему сіательству гостинецъ. Желаю, чтобъ оный вамъ былъ пріятенъ. Въ скоромъ времени перешлю другую карту Польши и Молдавы, которая на сихъ дняхъ издается отъ академіи. Препоручаю въ милость вашего сіательства трехъ братьевъ Штакелберговъ. Сколько мнѣ известно, то поведеніе ихъ изрядно; и ежели они имѣютъ какія способности, то надѣюсь отъ васъ, что подадите имъ случаевъ, оныя въ дѣйство произвестъ. Не оставте, ваше сіательство, вашимъ наставленіемъ, какъ въ томъ, что до поведенія, такъ и въ томъ, что до ремесла ихъ касается. Въ надеждѣ дружбы къ моей семье, утружаю васъ сею прозбою, чемъ меня обяжите. Ежели большихъ двухъ братьевъ желаніе будетъ повидаться съ нами, то не можно ли вашему сіательству случай къ тому имъ найти, и сю мілость имъ и мнѣ сдѣлать? Желаю вашему сіательству щастливыхъ успѣховъ и пребуду съ почтеніемъ. *Покорный слуга графъ Володиміръ Орловъ*.

Въ Санктъ-Петербургѣ. Декабря „ “ дня 1769 года ⁴³⁾.

39.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александрович. Благодарю вашему сіательству за присланіе моего шурина. Ежели

впредь и большому можно удобно отлучиться будетъ, то и за того вамъ благодарностю обязанъ буду. А я его еще совсѣмъ не знаю. Посылаю къ вашему сіятельству новую карту. Ежели въ пей будуть недостатки, то ваше сіятельство оные исправить приказать можете, что я и академія со удовольствіемъ будемъ видѣть. Ежели угодно будетъ впредь нѣсколько карть имѣть, прошу мнѣ оное отписать, а я постараюсь вамъ ихъ доставить. Въ прочемъ пребуду съ почтеніемъ, *вашего сіятельства покорный слуга графъ Володимиръ Орловъ*

Въ Санктпетербургѣ. Генваря 4-го дня 1770 году.

40.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ. И послѣднее писанное писмо, отъ 8-го генваря, я имѣлъ честь получить, за которое мою благодарность приношу, и при семъ посылаю къ вамъ обязательство, взятое мною изъ банковой конторы. Я процентныхъ денегъ заплатилъ шесть сотъ тридцать четыре рубли, девяносто восемь копеекъ; а срокъ будетъ 1771 года, генваря 20 дня. А что, милостивый государь, къ вамъ давно не писалъ, тому были мои недосуги причиною. Братья мои Алексѣй и Федоръ свидѣтельствуютъ вамъ свое истинное почтеніе и благодарятъ, что вы, милостивой графъ, и ихъ помните. Заключа сіе, называюсь, вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорный слуга: *графъ Иванъ Орловъ*.

Поздравлю тебя, вселюбезнаю моего друга, со днемъ прошедшими твоихъ именинъ и желаю что(бъ) будущія твоя вамъ достичнуть по желанію вашему.

21 генваря 1770 года. Санкт-Петербургъ.

* 41.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Въ разныя времена, отъ разныхъ чисель, имѣлъ я щастіе получить пріятѣйшія вашего сіятельства писма, изъ которыхъ въ одномъ писать изволите о бракованной артилериі и о дѣланіи монеты, при

чемъ приложенъ быль и проектъ отъ одного антрепренера, на который, я уповаю, князь Вяземскій вашему сіятелству отвѣтомъ служить будеть⁴⁴⁾). Во второмъ, изволили писать, дабы я приложенную при письмѣ посылку, то-есть, уборъ молдавскихъ дамъ, ея императорскому величеству поднесъ, что мною и учинено. И государыня указать изволила, вашему сіятелству, чрезъ меня, свое удоволствіе засвидѣтельствовать, которое повелѣніе симъ и исполняю. Въ третьемъ и въ послѣднемъ, писать изволите о Григоріи Александровичѣ Потемкинѣ⁴⁵⁾, въ которомъ я и самъ, какъ его пріятель, участіе принялъ, и радуюсь при томъ, что онъ вашего сіятелства заслужилъ своимъ поступкомъ милость. И уповаю, что, по повелѣнію вашего сіятелства учинено будетъ. Что жъ лежитъ до того, что вы писать изволите, будто бы прописанныя въ моемъ къ вамъ письмѣ качества ваши не суть велики и какъ я ихъ воображаю, позволь мнѣ во ономъ усомниться, и уповаю, что и тѣмъ, мой милостивой графъ, покажетъ колль моя надежда на васъ не обманчива, которая разными причинами побуждаемы бываютъ въ васъ того не видѣть, что я вижу, и оправдываетъ мое то почтеніе къ вашему сіятелству, съ которымъ я всегда вамъ, милостивой государь мой, пребуду покорный слуга графъ Григорій Орловъ.

1770 года, февраля 2 дня.

P. S. Отъ братьевъ извѣстій мы никакихъ не получали, которые бѣ были достойны вашего сіятелства свѣдѣнія. Развѣ только, что они, слава Богу, здоровы. Повторя мою просбѹ о продолженіи вашей ко мнѣ милости и дружбы, которая, я уповаю, въ нынѣшихъ обстоятельствахъ можетъ быть не токмо мнѣ, но и отечеству нашему полезна. Что жъ лежитъ до меня, то извольте быть уверены, что я вашему сіятелству всѣмъ сердцемъ и душою по повелѣніямъ вашимъ служить не отрекуся, поелику моихъ силъ достаточно.

42.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ. По позволенію графа Захара Григорьевича⁴⁶⁾, удержалъ я здѣсь недѣли двѣ-три вручителя сего писма, за что, я надѣюсь, не про-

гнѣвается. Препоручаю ихъ всѣхъ троихъ въ милость вашего сіятельства, и всякую имъ милость, по справедливости оказанную, сочту себѣ одолженіемъ. Ежели бъ который изъ нихъ вель себя несогласно съ моимъ желаніемъ, въ такомъ случаѣ, прошу вашего сіятельства ихъ исправлять. Поздравляю васъ отъ искренняго моего сердца со всѣми знатными выигрышами, на сихъ недѣляхъ происшедшими. Дай Богъ, онаго впредь и болѣе. Съ истиннымъ почтениемъ есмь, вашего сіятельства, покорный слуга графъ Володимиръ Орловъ.

4 февраля 1770 года.

Хозяйка моя проситъ ваше сіятельство, въ разсужденіи дружбы вашей къ ней, не оставить милостивымъ покровителемъ братцевъ ее.

* 43.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Писмо вашего сіятельства съ послѣднимъ курьеромъ я имѣлъ честь получить токмо теперь. Не упомню, отъ которого числа оное было, а примѣто то, что въ тожъ время и рапортъ отъ господина генералъ-поручика Штофельна⁴⁷⁾ ко двору вашимъ сіятельствомъ отправленъ, которымъ доносится, что онъ отступилъ отъ Браилова, за невозможностію взять оный. Я согласенъ съ милостивымъ моимъ графомъ, что сіе происшествіе въ публикѣ можетъ быть принято странно, а особливо сожженіе деревень⁴⁸⁾; однакожъ, не будучи извѣстенъ о причинахъ сего поступка, и судить точно невозможно: хороши оный или дуренъ былъ. Если смѣю совѣтъ мой вашему сіятельству подать, — причиной которой дерзости есть безпредѣльная моя къ милостивому моему графу преданность, — который состоить въ томъ, что если когда нибудь случится куда сдѣлать опытъ, подобно какъ на Браиловъ, то бъ писать объ ономъ сюда въ такихъ терминахъ, напримѣръ: командировано туда то, для свѣдѣнія точнаго о силахъ непріятелскихъ и поиску надъ оными. Дабы чрезъ то здѣсь, у насъ, не увѣрились, что намъ все возможно, и послѣ, какъ не удастся, что и нынѣ съ Браиловымъ случилось, не толковали бъ во вредъ. Хотя я самъ и совершенно увѣренъ,

ни время, ни сила нимало не сходствуютъ съ тѣмъ, что быть можно недоволнымъ, что сія крѣпость къ вамъ въ руки не до-сталась. Вотъ мысль чистосердечная моему милостивому графу отъ слуги его вѣрнаго. Если жъ оная покажется вздорною, то прошу ее за таковую и почесть. Пишете, ваше сіятелство, въ писмѣ, что боитесь, чтобъ мнѣ не наскучить частыми вашими писмами. Исключая то, что я оными всегда, сверхъ пріятностей, и полезно ползуюсь, должностнымъ себя нахожу всегда оныя приматъ съ благодарностю и признаніемъ, хотя бъ и не отъ такого они писаны были, къ кото-рому, безъ всякихъ причинъ постороннихъ, но къ собственной его персонѣ привязанъ, по естественной во мнѣ склонности. Постъ валить есть таковой важности, что я, по любви моей къ отечеству, не токмо вашими, которыя мнѣ дѣлаютъ утѣшениа, но и отъ та-кого, который бы наносилъ скучу писмами, недоволенъ никогда не буду; ибо, можетъ быть, по положенію моему, что нибудь мнѣ въ ползу случиться сдѣлать. Комисаріатское правленіе понужено будетъ сдѣлать то, что они могутъ, ибо я уже, въ силу вашего сіятелства писма, кой о чемъ въ сердцѣ получа, говориль съ кѣмъ за нужное почель говорить объ ономъ. Отъ братьевъ моихъ заморскихъ⁴⁹⁾ еще никакого извѣстія, достойнаго донесенія вашему сіятелству, не имѣю. Прощай, мой милостивой графъ. Будь ко мнѣ милостивъ, а я стану стараться вашей милости себя достойнымъ сдѣлать. Покорный слуга вашего сіятельства, милостиваго моего государя, графъ Григорій Орловъ.

1770 года февраля 10 дня.

44.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Писма ваши я получилъ, и первое мое стараніе было исполнить ваши приказанія о князѣ Щербатовѣ⁵⁰⁾, и я съ граffомъ Чернышо-вымъ⁵¹⁾ говориль. Онъ мнѣ сказалъ, что по желанію вашему сдѣ-ляется, и господина Владыкина⁵²⁾ къ вамъ не посылаютъ, а оста-пется князь Щербатовъ. Во второмъ писмѣ говорите о родствен-никеъ своемъ господинѣ Кутузовѣ⁵³⁾. Такъ вѣрьте мнѣ, милости-вой графъ, что я себѣ за щастіе почту, если могу оное испол-

нить по желанію вашему. А что я замѣшканъ къ вамъ моими писмами, тому причиною были мои гемороидические припадки, отъ которыхъ я и по се время не освободился. Заключа сіе, съ истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ называюсь, вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорный слуга *графъ Иванъ Орловъ*.

18 февраля 1770 году. Санктъ-Петербургъ.

45.

Милостивый государь, графъ Петръ Александрович! Вручи-
тель письма сего господинъ Чоглоковъ⁵⁴⁾ просилъ меня, чтобъ я
его вашему сіятельству представилъ, сказывая при томъ, что не
имѣеть счастія быть знакомъ вашему сіятельству. На которую
просбу его, Чоглокова, согласясь, чрезъ сіе его вамъ рекомендую.
Я радъ буду, ежели онъ вашего сіятельства благоволеніе къ себѣ
заслужитъ. Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, по-
корный слуга *графъ Григорій Орловъ*.

Марта 2 дня 1770 года.

46.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александрович. Оберъ-
крикъ-коммисара Свицкого⁵⁵⁾, находящагося въ командѣ вашего
сіятельства, честное и добре поведеніе бывши мнѣ довольно знаемо,
имѣю честь потому рекомендовать его милости вашего сіятельства.
Если онъ по сему удостоится оной и снисхожденія вашего, будетъ
мнѣ одолженіемъ вашего сіятельства. Между тѣмъ, какъ и всегда,
съ особливымъ почтеніемъ пребываю, вашего сіятельства, *мило-
стиваго государя моего, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ*.

Въ Петербургѣ. 6 марта 1770 года.

* 47.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александрович. Два
письма отъ вашего сіятельства я имѣлъ честь получить. Первое,
отъ 10 января писанное, съ господиномъ ассесоромъ Селецкимъ,

марта 8 получилъ; а второе, отъ 25 февраля,—вчерашній день. По первому я стараться буду, чтобы дѣти господина Селецкаго ⁵⁶⁾ приняты были бы, сыновья въ кадетскій корпусъ, а дочь его—въ Новодѣвичій ⁵⁷⁾ монастырь, гдѣ, уповаю, и успѣю, по желанію вашему. А на второе отвѣтствую, что мой милостивой графъ говорить, что дѣлаетъ поиски надъ непріятелемъ въ зимнее время и что нѣкоторые могутъ говорить, что оное изнурително для людей. Это правда, что не безъ завистниковъ вашей славы. Также много людей и такихъ, которые, не разумѣя настоящаго дѣла, а единственно хотя только что поговорить, болтаютъ. Однако, я васъ увѣряю мою честью, что вашими распоряженіями ея величество очень доволна и я уповаю, что вы сами можете оную правду дозвѣтъ изъ писемъ ея къ вамъ. Также и тѣ люди, которые судять благоразумно и безъ пристрастія, всѣ единогласно похваляютъ васъ и желають, чтобы вы навсегда нашихъ враговъ такъ поражали и впредь, какъ нынѣ. Вотъ, мой милостивой другъ, что я зналъ, то вамъ и сказалъ. Братья мои, Алексѣй и Федоръ, пишутъ ко мнѣ, въ моемъ писмѣ, и благодарятъ васъ, что вы обѣ нихъ помните. Брать Федоръ изъ Порт-Могоча ⁵⁸⁾ всею эскадрою пошелъ, 21 генваря, въ море; а Алексѣй, я думаю, также уже уѣхалъ изъ Пизы. Мы послѣднее писмо отъ него получили, писанное отъ 5 февраля, въ которомъ сказывается, что и онъ скоро на приславшыя къ нему суда сядеть и отправится къ дѣлу. Такъ, мой милостивой графъ, я считаю уже ихъ теперь, что они съ непріятелемъ видѣлись. И братъ Алексѣй говоритъ, что онъ имѣеть хорошую надежду, что его дѣла пойдутъ съ успѣхомъ. Венецианцы, нашъ корабль посланной въ ихъ гавань Корфу, привяли дружелюбно, а онъ туда пришелъ еще генваря 3 дня. Такъ и въ нихъ надежду хорошую имѣемъ. Заключа сіе, называюсь, нашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

1770 года, марта 11 дня. Изъ Сankt-Петербурга.

48.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Хотя довольно я наслышался отъ князь Василья Володимеровича Долгорукова ⁵⁹), что онъ отмѣнныя милости вашего сіятельства къ себѣ чувствуетъ, однакожъ, по случаю теперешняго его отправленія въ первую армію, въ команду вашего сіятельства, я за долгъ почелъ просить васъ, моего благодѣтеля и милостиваго графа, не лишить его и въ теперешнемъ случаѣ той прежней вашей милости, что сочту за особливой знакъ дружбы вашей собственно ко мнѣ, ибо я его себѣ истиннымъ пріятелемъ почитаю. Прекратя сіе, съ непоколебимымъ моимъ почитаніемъ называюсь, вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга *графъ Иванъ Орловъ*.

13 марта 1770 году. Санктъ-Петербургъ

49.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Ежели еще не пріѣхалъ адъюнктъ Крафтъ ⁶⁰), то, надѣюсь, будетъ въ вашу сторону. Онъ назначенъ отъ меня и академіи дѣлать наблюденія для совершенства географіи, что ея величеству угодно. Помянутый адъюнктъ человѣкъ искусный и поведенія добраго, сколько мнѣ известно. Препоручаю его въ вашу милость и покровительство, такъ какъ любителю наукъ, поспѣшествующему онymъ, гдѣ только случай дойдетъ; и прошу въ недостаткахъ и надобностяхъ его не оставить. Хозяйка и я препоручаемъ трехъ братьевъ Штакелберговъ въ продолжительную вашу милость и благодаримъ искренно за оказанныя къ пимъ всѣ ваши благодѣянія. Мы и братья мои принимаемъ въ разсужденіи ихъ, за собственныя свои. Я слышалъ, что ваше сіятельство намѣрены были давать молодому Штакелбергу изъ семисотъ рублей, которые вы брату Ивану Григорьевичу должны. Прошу сего не дѣлать безъ моей на то просбы, ибо онъ денегъ на прожитокъ довольно имѣсть. Желаю вашему сіятельству всякаго благополучія и щастливыхъ успѣховъ въ наступающую кампанію. Флотъ нашъ изъ Магону, подъ предводи-

тельствомъ Спиридова, на которомъ и братъ мой Федоръ находится, благополучно вышелъ, тому уже недѣль шесть или еще и болѣе. Братъ мой Алексѣй также, по всей вѣроятности, пошелъ изъ Ливорны на корабляхъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, они оба здоровы. Матросы и войска на корабляхъ жадно желаютъ повидаться съ непріятелемъ. Когда объявленъ былъ походъ, то находящіеся матросы и солдаты вышли чрезъ великую мочь изъ гошпиталей и не хотѣли тамъ оставаться; и на тѣхъ корабляхъ, которые къ брату Алексѣю пришли въ Ливорно, выздоровѣли почти всѣ на дорогѣ. Съ истиннымъ почтеніемъ есмь, вашего сіятельства, покорный слуга графъ Володиміръ Орловъ.

Въ Санктпетербургѣ. Марта 19 дня 1770 года.

50.

Милостивой государь, графъ Петръ Александровичъ! Господинъ секундъ-маіоръ Петръ Мельгуновъ⁶¹⁾ уволенъ отъ вашего сіятельства, на нѣкоторое время, въ домъ свой; по какъ ему, для нѣкоторыхъ обстоятельствъ, къ положенному сроку къ командѣ явиться никакъ не можно, то всепокорно вѣсть прошу, просрочку сію въ вину ему не поставить, ибо пе самъ онъ тому причиною, но нужда удерживаетъ его здѣсь на нѣкоторое время. Не сумнѣваюсь, я чтобъ мой милостивый графъ благосклонно не принялъ просбы того, который всегда съ искреннимъ и нелицемѣрнымъ почтеніемъ и преданностію есть, вашего сіятельства, милостиваго государя моего графа, всепокорный слуга графъ Іригорій Орловъ.

Марта „ “ дня 1770 года.

*51.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Писмо вашего сіятельства, дружески шутливое, имѣль я удоволствіе получить, и правда сказать, что мой милостивой графъ, пустился: далъ волю своимъ воображеніямъ. А понеже писать изволите о нѣкоторыхъ господахъ во ономъ писмѣ, совсѣмъ мнѣ незнакомыхъ, какъ напримѣръ, о Демосфенѣ, Рышильѣ, Мазаренѣ, Невтонѣ, Пла-

тонъ, Ахилесъ, Геркулесъ, и вотъ-те Мать Пресвятая-ста, что всѣхъ ихъ и не припомнишь, а скажу однимъ словомъ, и прочихъ, вамъ со всѣми ихъ качествами извѣстныхъ, а мнѣ сіи господа вимало не знакомы, не токмо по ихъ свойствамъ, но чуть-чуть имена вспомню. Того для, прошу милостиваго моего графа, меня съ сими господами познакомить и рекомендовать имъ, что человѣкъ добрый и, думаю, это и ваше сіятелство, можетъ быть, обо мнѣ оное думать изволите. А болѣе, чтобы они во мнѣ найтить не падѣялись, болѣе этой требуемой мною отъ васъ рекомендациіи. Будеть мнѣ приносить удоволствіе, ежели ваше сіятелство обо мнѣ то думать изволите, что я выше обѣ себѣ сказалъ, то-есть, что я уповаю, и мнѣ быть кажется, что я человѣкъ доброй. Я знаю, что мой графъ скажетъ, читавши оное самохвалство: Тыфу, какая бѣда! Орловъ, знатъ-ма съ ума сошелъ, что онъ за вздоръ пишетъ! Да полно, вѣдь не далеко ему и итить, я скажу. Благо, не спрячусь. Ежели сойтить порядочно, такъ не ушибешься; а какъ, по нещастію, иной соскочить, я не вѣрю, что вѣдь есть въ свѣтѣ люди, которые столь естествомъ одарены свыше, что никакого спутника имъ ненадобно, дабы па чердакъ выбиться. Но то не тѣ чрезвычайные выродки для удивленія нашу братью простяковъ, и для почтенія неудобопонятныхъ ихъ замысловъ, въ тѣсной нашей головушкѣ вмѣститься не могущихъ. И они-то, умы великие, говорять про васъ, а не про вась: это люди ординарные или, лучше сказать, рядовые. А я имъ изъ пѣсни богоодичной, совралъ батюшка, изъ возгласу, а можетъ и то не такъ, сказалъ: Изрядно преблагоразумныхъ и превосходныхъ качествъ людей и прочая, и прочая, Господу помолимся⁶²⁾.

Съ симъ препровождаю моего пріятеля, господина Баура⁶³⁾, который, конечно, себѣ почтеть за честь заслужить вашего сіятелства къ себѣ благоволеніе. Качества сего моего пріятеля такого рода, поелику оныя мнѣ извѣстны, что я себѣ за большое удоволствіе почту имѣть моихъ пріятелей таковыхъ качествъ. А понеже я человѣкъ добрый, того для, и онъ добрый-же, ибо я въ немъ чистосердечіе и откровенность нѣсколько успѣлъ примѣтить. Милостивый мой графъ сдѣлаетъ мнѣ милость, если къ нему будетъ милостивъ, и этой милостью подтвердитъ ко мнѣ свою милость, обѣ

которой и впередъ прошу покорно вашего сиятелства, опять таки милостиваго моего государя, покорный слуга Григорій Орловъ.
 (Безъ даты).

*52.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Писмо послѣднее, отъ вашего сиятелства писанное, отъ 14 прошедшаго мѣсяца, мною получено. Признаюсь, мой милостивой графъ, что меня очень обрадовало, видя апробацію вашего сиятелства въ разсужденіи господина Баура, и желаю сердечно, чтобъ онъ во всемъ себя сдѣлалъ достойнымъ милости вашей и довѣренности. Я съ братьями здѣшними, слава Богу, здоровъ, и заморскіе также здоровы, отъ которыхъ получили извѣстіе ва послѣдней почтѣ: отъ Федора, изъ Магона писанное 17 генваря, въ которомъ онъ пишетъ, что 21 того же мѣсяца онъ выступить съ флотомъ къ непріятелскимъ водамъ; а за Алексѣемъ послали они отъ себя 3 судна военныхъ въ Ливорну⁶⁴⁾. И уповаю, что на будущей почтѣ получимъ извѣстіе, что и онъ уже поѣхалъ. Гдѣ ихъ операдіи начнутся, точно вашему сиятелству знать дать не могу. Господинъ Елфинстонъ⁶⁵⁾ еще изъ Англіи не вышелъ, а уповаю, что скоро также въ подлежащій ему путь отправится. Поздравляю ваше сиятелство съ знатпою побѣдою, полученною надъ врагомъ имени Христова, и прошу и впредь имъ такъ же по щепоткѣ давать приказывать, дабы сбылась пословица, что ущимки и урывки, а все къ животу. Господарь⁶⁶⁾ присланной, по слухамъ, у себя не лѣвой хадарой носъ сморкаеть⁶⁷⁾. Прощай графъ, голубчикъ. Дай Боже, вамъ всякаго благополучія, и чтобъ мнѣ имѣть щастіе сказать вамъ то, что теперь пишу, что я иелицемърной и вѣрной покорной слуга, Графъ Григорій Орловъ.

(Даты неѣтъ).

*53.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Принося мою благодарность за полученное мною вчерашній день вашего сиятелства писмо, прошу и впредь пребыть въ тѣхъ мнѣ

лестныхъ сентиментахъ въ разсуждениі меня, которыми во ономъ писмѣ изъясняться изволите. Я жъ, съ моей стороны, достойнымъ вашего сіятелства милости стараться стану себя учинить и впредь. Приложение на имя ея императорскаго величества мною поднесено, и ежели я могу что нибудь помочь Ивану Васильевичу⁶⁸⁾, сверхъ вашего сіятелства къ нему милости, по собственному моему почтенію къ его достоинствамъ, себѣ за удоволствіе сочту, и тѣмъ паче, что оное и угодность вамъ учинитъ. Теперь за долгъ мой почитаю, на вопросъ вашего сіятелства учинить отвѣтъ, какимъ образомъ здѣсь у насъ приняты поступки съ непріятелскими землями, не въ разсуждениіи меча, но въ разсуждениіи огня⁶⁹⁾? Если бъ и не былъ обѣ ономъ я отъ вашего сіятелства вопрошенъ, то и тогда бъ за долгъ мой почель вашему сіятелству сообщить обѣ ономъ. У насъ, также какъ и во всемъ свѣтѣ, о евенементахъ судится, сколько головъ, столько и умовъ, и для того оставляю описывать, кто и какъ думаютъ обѣ ономъ. А скажу только главное мое примѣчаніе о главной и нужнѣйшей части людей, которые бѣ думали хорошо о дѣйствіяхъ вашихъ или и пашихъ. Сіи то люди, получа частныя извѣстія о всемъ происшедшемъ, изъ рапорта генерала Штофелна, приложеннаго при вашемъ, не помню, въ оригиналѣ или въ концѣ, которой былъ писанъ такого рода писма, какъ будто бы варочно, чтобы показать поступокъ зженія и разоренія земель, только одно имѣвъ въ виду, чтобы сжечь и разорить. Я много имѣлъ труда, еще имѣю, показать причины, чтѣ и когда въ дѣйствіяхъ военныхъ оное необходимо бываетъ; однакожъ, мнѣ въ ономъ мало подаются вѣры. И такъ, ежели смытъ вашъ вѣрной слуга дать вамъ совѣтъ, въ разсужденіи донесеній подобныхъ случаевъ впредь ко двору, такъ не лучше ль бы было сперва показать нужду и причины, побудившія исполнить таковое предпріятіе, а потомъ и поставить въ-рядъ выгоды, которая симъ исполненiemъ послѣдуютъ. Вотъ, милостивой мой графъ, чистосердечные мысли слуги вашего. Я признаюсь долженъ не обинуясь, что зимняя нынѣшняя экспедиція есть такого существа, которая многія выгоды въ вышнюю кампанію намъ доставить, и, можетъ быть, оныя равны будутъ тѣмъ, когда бы и генералную баталію выиграли въ будущую кампанію, ежели не болѣе, щитая выигрышъ

времени ко оному въ прибавокъ. Вотъ, голубчикъ графъ, мои мысли, къ которымъ, однакожъ, трудно уговорить другихъ людей, которые вооружились противъ токмо отъ одной ошибки или нѣкотораго неудоволствія, полученнаго чрезъ расположение донесеній не такимъ образомъ, какъ бы я желалъ, чтобъ оное было. Однакожъ, все сіе не должно быть препятствіемъ въ дѣйствіяхъ полезныхъ для службы, хотя бъ и впредь подобныя непріятныя происшествія случиться могли. У насъ здѣсь очень боятся, дабы равной участіи Браилову и Журжеву, не сдѣлался подверженъ и Бакурешть. Сверхъ сего, здѣсь еще думаютъ и то, что будто жилища христіянскія съ церквями безъ причины преданы пламени. Прощай, мой милостивой графъ. Вѣрь, что я вѣрной и покорной слуга вашего сіятелства и буду преданный рабъ во исполненіе тѣхъ повелѣній, которыя въ ползу службы моего отечества требуются. Прошу господину Боуру отъ меня поклониться. Еще прошу, ежели это правда, сказывали мнѣ и читалъ я въ книгѣ, что будто въ Молдавіи есть родъ масла или сала или, лучше сказать, жирной матеріи, которая на травѣ по горамъ садится ⁷⁰). Ежели можно нѣсколко оной добиться, то бъ повелѣть прислать мнѣ. Также еще сказываютъ, будто около Бакурешта прошлаго года родилось по травѣ и на землѣ ладану много ⁷¹). Коли это правда, такъ кусочекъ такого прошу, съ описаніемъ гдѣ, въ какое время и въ какомъ мѣстѣ оное находилось. Прости меня, что сими бездѣлками вашему сіятелству наношу заботу. Однакожъ, я дѣлаю по пословицѣ, мѣшная дѣло съ бездѣльемъ, чтобъ съ ума не сойти. Прощай, мой милостивой графъ, котораго я вѣрной и нелицемѣрной слуга, все-покорнейший также. Послѣднее обычайное, а первыя два качества слуги вашего означаютъ истинное чувство сердечное. Графъ Григорій Орловъ.

(Безъ даты).

54.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Бру-
чителя сего вашему сіятелству поручика Ануцака, отправленного
въ вашу армію, имѣю честь симъ рекомендовать въ вашу милость.

Пребываю въ прочемъ, *вашего сиятелства, милостиваго государя моего, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.*

Если, паче чаянія, онъ нѣсколко дней и просрочитъ, то покорно прошу на немъ не взыскать. На ваше постыднее писмо я буду отвѣтствовать при первомъ слушань, а теперь мнѣ, милостивой графъ, недосугъ.

Отъ 14 апрѣля 1770 года. Санктъ-Петербургъ.

55.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Пріятное писмо, писанное отъ 25 марта, я имѣлъ честь получить 10 апрѣля, и при семъ приношу благодарность. Что же вы озабочены и обеспокоены, тому иначе и быть нельзя. Я, предвидя оное еще все напередъ, и говорилъ, что вамъ труда много очень будетъ. Да тѣмъ только утѣшаюсь, гдѣ болѣе трудность, тѣмъ моему любезному другу будетъ болѣе похвалы. И тутъ покажите свѣту, что вы вездѣ и во всякое время найдетесь и, изыскавъ способъ, поправиться и привести себя въ состояніе. Я и прежде съ вами обѣ ономъ говорилъ и всегда согласенъ былъ съ вашими мыслями, а нынѣ и болѣе, что уже черезъ опытъ доказывается, что нехорошо учрежденіе новое военныхъ штатовъ⁷²), а надо бѣ необходимо его передѣлать будетъ. Я удивляюсь, что къ вамъ по сіе время еще все не дошло. Въ началѣ февраля, я обѣ опомъ говорилъ, и мнѣ сказано было въ отвѣтъ, что конечно въ исходѣ февраля будетъ все доставлено, какъ амуниція, такъ и рекрутъ. Однакожъ, вижу противное тому изъ писма вашего: не только въ февралѣ, но и въ исходѣ марта еще не пришло. Недавно видѣлъ я пріѣхавшаго генераль крикѣсъ-комисара Глѣбова⁷³) и говорилъ ему о амунишнихъ вещахъ, на что мнѣ сказалъ, что все уже къ вамъ доставлено. Такжѣ графа Чернышова при мнѣ государыня спрашивала, и онъ отвѣтствовалъ, что все вы получите въ апрѣлѣ, а что замѣшгалось доставкою, тому причина,— нынѣ рано разлитіе водъ. Вотъ, мой милостивой графъ, ихъ приносимое оправданіе. Государыня очень печется и желаетъ васъ снабдить всѣмъ нужнымъ, да къ нещастію нашему, кому оное исполнять поручается, такъ

тѣ люди не очень прилежны и своихъ должностей не исправляютъ. Отъ братьевъ моихъ подлиннаго извѣстія нѣть, а постороннія, которыя извѣстія есть, съ оныхъ посылаю копію. Такжে изъ другихъ мѣстъ пишутъ подобное сему. Я за точную правду не могу выдать, а, соображаясь съ ихъ письмомъ прежнимъ и намѣреніемъ, такжъ оное на истину походитъ извѣстіе. Дай Боже, чтобъ правда была это. Прощай, мой милостивой графъ, и впърь мнъ, что я всегда съ непоколебимою мою преданностію называюсь, вашего сіятельства, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

22 апрѣля 1770 году. Санктъ-Петербургъ.

56.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ! Господинъ бригадиръ Черторыжской⁷⁴⁾ имѣеть счастіе служить подъ предводительствомъ вашего сіятельства настоящую кампанію волонтеромъ; а какъ мнѣ онъ знакомъ близъ двадцати лѣтъ и сверхъ того пріятель, паче жъ всего, что продолжалъ до сего времени службу свою съ похвалою, то пріемлю смѣлость препоручить его въ покровительство и милость вашего сіятельства, въ твердой вадежѣ, что и онъ усердіемъ своимъ и ревностнымъ исполненіемъ своей должности достойнымъ себя оныхъ сдѣлать не преминетъ и тѣмъ оправдаетъ мое о немъ прошеніе, которое окончавъ, остаюсь съ истиннымъ и неподкупнымъ почтеніемъ и преданностію, вашаго сіятельства, милостиваго государя моего графа, всепокорный слуга графъ Григорій Орловъ.

Апрѣля „ дна 1770 года.

57.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ! Штата моего генеральсъ-адъютантъ господинъ Мельгуновъ⁷⁵⁾, по высочайшему соизволенію ея императорскаго величества, уволенъ служить въ первой арміи волонтеромъ, почему смѣю его препоручить въ покровительство вашего сіятельства и покорнѣйше просить, чтобы онъ не былъ оставленъ милостивыми вашими наставленіями,

дабы могъ достигнуть того предмета, для котораго туда посылается. Да и не думаю, чтобъ онъ упустилъ сей полезный и драгоценный случай къ пріобрѣтенію знанія въ военномъ искусствѣ, подъ толь благоразумнымъ предводительствомъ. Простите, мой милостивый графъ, причиненное, можетъ быть, беспокойствіе просбою сею—тому, который съ истиннымъ и нелицемѣрнымъ почтеніемъ и преданностію всегда есть и быть не престанетъ вашего сіятельства, милостиваго государя моего графа, всепокорный слуга *графъ Григорій Орловъ*.

Апрѣля „ “ дня, 1770 года.

*58.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Пріятное ваше писмо, писанное отъ 15 апрѣля, я имѣлъ честь получить въ надлежащее время, въ которомъ объясняете состояніе свое и говорите о покупкѣ Владиславовыхъ деревень ⁷⁶). Также и приложили при томъ записку о другихъ маєтностяхъ. Такъ о первомъ скажу, что здѣсь всевозможныя старанія прилагаются, чтобъ довести къ вамъ рекрутъ, также и доставить все вамъ надобное; а что не такъ хорошо было распоряжено, такъ оное отъ скорости и живности (такъ!) разума людей тѣхъ произошло, которые тѣмъ распредѣляютъ; а впредь, я уповаю, они уже будутъ поболѣше объ ономъ прилагать свои старанія. Что же до Владиславовыхъ деревень принадлежитъ, такъ вы въ своей догадкѣ, конечно, не ошибились. А по запискѣ вашей приложенной, мы, конечно, съ братомъ Григорьевъ, стараться станемъ по желанію вашему исполнить, и за щастіе бѣ сочли, если могли бѣ; мой милостивой другъ, онымъ тебѣ услужить. Отъ брата Федора, тому уже три мѣсѣца какъ не имѣемъ извѣстія, съ тѣхъ поръ, какъ онъ пошелъ изъ Порт-Магона; а изъ другихъ мѣсть пишутъ иувѣряютъ, что наши въ Мореѣ высадку сдѣлали. Прилагаю при семъ писмо отъ князя Голицына ⁷⁷), изъ Вѣны присланное, и, какъ кажется, что вѣроятія въ семъ довольно. Дай Боже, чтобъ мы отъ нихъ сіе услышали подтвержденіе. Прощай, мой милостивой графъ, и вѣрь, что я съ

непремѣннымъ къ вамъ почтеніемъ называюсь, вашего сіятелства покорный и вѣрный слуга графъ Иванъ Орловъ.

1770 года, маія 1 дня.

*59.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Іюня отъ 5 дня пущенное писмо ко мнѣ вашимъ сіятелствомъ, мною сей день получено, которымъ испрашивается, дабы мною учинена была помошь въ исходатайствованіи резолюціи на вашего сіятелства представленія, что уже, конечно, я уповаю, ваше сіятелство получить изволили. Щитая уже такъ, какъ я сказалъ, за излишнее почитаю повторять. Что жъ лежитъ съ моей стороны, то я вашему сіятелству доволно, такъ какъ вѣрной слуга, мою мысль писалъ, сколько я зналъ или могъ. Скажу теперь, милостивой мой графъ, копчите общее глумленіе или разговоры. Не осердись, голубчикъ. Я почитаю всякія штуки въ сторону, толко одну усердность имѣю за предметъ, что я смыю вамъ рѣчи публичныя, которой⁷⁸⁾ все состояніе нашихъ обѣихъ армій неизвѣстно, и слѣдовательно, могутъ судить, не зная обстоятельствъ, и несправедливо. А говорить, что вы и графъ Панинъ⁷⁹⁾, будто, другъ на друга глядите: тотъ па того, а другой на другого. Не имѣя непріятеля передъ собою, въ запуски отстороняетесь, попозже приступить къ дѣйствіямъ: авось либо удастся обоимъ и безъ того обойтиться. Вотъ, милостивой мой графъ, разсужденія дерзкой городской публики, испорченной прошлогодними излишними кампаніями, всѣ почти за ничто турковъ почитать привыкшими. Я же уповаю, что графъ Петръ Александровичъ, конечно, по обстоятельствамъ, ежели чуть возможность представится, возвеличится паче, и тѣмъ превознесется, восторжествуя, какъ надъ тайными, такъ и явными его непріятелями. Да посрамятся и возвратятся. И да восклику хвалу Богу Іаковлю и азъ рабъ Божій и слуга вашъ, купно со вѣрными сыпи отечества: Тебе Бога хвалимъ! А потомъ рцемъ хвалу и всему христолюбивому воинству, а паче и паки милостивому моему государю графу Петру Александровичу, котораго я слуга вѣрной былъ и буду, графъ Григорій Орловъ.

1770 года, іюня 16 дня.

60.

Милостивой государь, графъ Петръ Александровичъ. Покорнѣйше благодарствуя вашему сіятелству за ваше благосклонное и столь радостное извѣстіе, содержащее писмо, отъ 20 числа сего мѣсяца. Вы сами, милостивой государь, ясно усмотрите изъ отправляемаго съ симъ курьеромъ имянаго рескрипта, съ сколь отличнымъ удоволствіемъ извѣстилась всемилостивѣйшая наша государыня объ одержанной вами побѣдѣ⁸⁰⁾). Моя искрення о семъ происшествіи радость соединяетъ въ себѣ совершенно сугубое мое участіе въ дѣлахъ вашего сіятелства, ибо сія ваша побѣда надъ непріятелемъ, сколь полезна вообще для нашего отечества, столь особливо служить и къ славѣ вашего сіятелства, которой распространеніе не можно усерднѣе желать, по дружбѣ и довѣренности, коими вы меня удостоиваете. На семъ основаніи, примите мое поздравленіе съ благополучнымъ началомъ вашихъ военныхъ дѣйствъ, равно какъ и желаніе мое имѣть частые случаи оныхъ вамъ повторять. Исправно получа въ свое время писмо вашего сіятелства, отъ 14 числа, доволствуюсь я при семъ случаѣ и за оное принести покорнѣйшую благодарность, пребывая съ совершеннойшимъ почтениемъ, милостивой государь, вашего сіятелства, *покорнѣйший слуга графъ Иванъ Орловъ*.

Въ С.-Петербургѣ. 30 іюня 1770 года.

* 61.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Съ крайнимъ удоволствіемъ и обрадованіемъ получили увѣдомленіе отъ вашего сіятелства объ разсыпаніи и прогнаніи двоекратно непріятеля, ибо всѣ на оное, какъ на весьма важныя слѣдствія ведущія за собою дѣйствы взираютъ. Я ни малаго сомнѣнія не полагаю и увѣренъ безъ сомнѣнія, что милостивой мой графъ вездѣ свѣтилникъ тѣхъ дарованій душевныхъ, которыя въ немъ мною и всѣми его знающими почитаемъ, предъ свѣтомъ сіе поставилъ, и поставилъ вверху горы, да узрять тѣ, кои до случаю не видали онаго и удивятся и да чутъ съ благоговѣніемъ, также какъ и я, зпаки

проницанія и прочія качества моего милостиваго графа. Съ симъ и имѣю честь ваше сіятелство поздравить наиусерднѣйше, отъ искренности моего сердца. Объ моей къ вашему сіятелству бытности я точно время назначить не въ состояніи, но когда мой экипажъ прибудетъ, которому я самъ велѣль уже слѣдоватъ изъ Киева во армію вами предводимую, то если въ чемъ нужда ему случится, прошу васъ помошю ему сдѣлать мнѣ милость. Отъ брата Федора получилъ Маруцій⁸¹⁾ извѣстіе, которое сообщилъ ко двору, что крѣпость Наваринъ⁸²⁾ и портъ нашими уже взяты и гарнизонъ турецкій той крѣпости учиненъ военнопленнымъ и разведенъ по разнымъ мѣстамъ. Отъ брата Алексѣя никакого извѣстія еще direktно не имѣемъ, а какъ скоро получимъ, то вашему сіятелству не премину сообщить. Даруй Господи, да во вредъ всѣмъ завистникамъ вашего сіятелства и въ ползу нашего любезнаго отечества, слышать намъ и впередъ слѣдствія подобныя бѣжащаго непріятеля Креста Господня и нашего, какъ прахъ отъ лица вѣтра, котораго да разсыпетъ и развѣтъ премудрость моего милостиваго графа, который и котораго я есмь, былъ и буду сущій въ молчаніи почитатель, ибо неудобно есть пѣсни соткati, а ежели угодно будетъ, то даждь мнѣ силу да воспою во славу достойно. Вашего сіятелства, милостиваго моего государя, покорный слуга графъ Григорій Орловъ.

Петергофъ. 1770 года, іюля 2 дня.

* 62.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Я имѣлъ честь получить писмо ваше, присланное съ господиномъ Каульбарсомъ⁸³⁾, по которому все уже исполнено, и я уповаю, что вы онымъ доволны будете, съ чѣмъ васъ и поздравляю. Побѣда, которую вы одержали надъ непріятелемъ⁸⁴⁾, здѣсь всѣхъ восхитила, гдѣ видно моего милостиваго графа въ ономъ ремеслѣ искусство. Я, вѣрнѣйший вашъ слуга, имѣлъ сугубое удоволствіе, слыша отъ всѣхъ восхищанія и похвалу, вамъ справедливо отдаваемую. Я клянусь, что всѣ почти единогласно кричали: вотъ маневръ совершенный былъ сдѣланъ. Тѣмъ болше оная побѣда превозносится, что это еще первый разъ, что россіяне сами атако-

вали. Прощай, мой милостивой графъ. Вы недоволно удивили онымъ своихъ согражданъ, но и вся Европа будетъ смотрѣть завидущими глазами на оное. Вы больше увидите объ ономъ изъ собственнаго писма, что ея величество къ вамъ писала. Вашего сіятелства покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

1770 года, іюля 24 дня.

*63.

Сіятелнѣйшій графъ, милостивой государь мой, Петръ Александровичъ. Вручитель сего просилъ меня объ рекомендаціи вашему сіятелству. Я сколько объ немъ слышаль, сказываютъ, человѣкъ изрядной, а мнѣ онъ рекомендованъ отъ графа Мозейна, малтийскаго кавалера, которой съ братомъ Алексѣемъ сюда пріѣхалъ. Я, препоручая его въ милость вашего сіятелства, препоручаю и себя, и сейчасъ єду въ Гатчину съ горячимъ желаніемъ имѣть щастіе моего милостиваго графа видѣть у себя въ деревенишкѣ, не славою одѣянаго фелтмаршала⁸⁵), по искуснаго деревенскаго жителя и чистосердечнаго друга, ежели я себя ласкать сею лестною надеждою смѣю. Вашего сіятелства, милостиваго моего государя, покорный слуга графъ Григорій Орловъ.

(Даты нѣтъ).

64.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ! Долгъ благодарнаго человѣка требуетъ, чтобы я вашему сіятелству тѣмъ мое писмо зачелъ, ибо сіе свойство должно предтечи всякому другому. Я ежечасно опытами удостовѣряюсь о вашей ко мнѣ милости, по попеченіямъ тѣмъ, которыя при многотрудномъ и заботливомъ вашемъ состояніи, къ командѣ моей имѣть изволите. Прошу быть, милостивой государь мой, увѣрену, что я съ наичувствителнымъ признаніемъ благодарность мою навсегда сохраню во мнѣ, и впредь неоставленіемъ меня одолжать прошу покорно. Я жъ взаимно, что до меня принадлежитъ, сколько моей силы будетъ, волю вашего сіятелства ко исполненію приводить стараться буду. Прости

меня, милостивый мой графъ, что я смѣлость чрезъ сie пріемлю, вамъ нѣчто сказать о обстоятельствахъ намъ извѣстныхъ непріятелей нашихъ, ихъ о гадательномъ состояніи будущихъ дѣлъ воинскихъ. Я знаю совершенно недостатки моего знанія во всѣхъ дѣлахъ военныхъ и что они суть равны моему усердію къ общему благу, и сie послѣднее одно только можетъ извинять меня въ ономъ предпріятіи, подкѣрѣпляемо будучи вашей ко мнѣ милостію, которою вы мнѣ должны не по достоиствамъ моимъ, но за едино нелицемърное почтеніе вашихъ талантовъ и искреннюю мою къ вамъ преданность. Сколько ни есть съ разныхъ сторонъ извѣстій о состояніи силы Порты и о устройствѣ, въ каковомъ нынѣ ея дѣла, какъ внутреннія, такъ и военные находятся, суть единогласны, что они почти способовъ не предвидять, какимъ образомъ расхлебать ту кашу, которую заварили. Все ихъ состояніе описывается паибѣственнѣйшимъ, горькимъ и отчаяннымъ безповоротно. Изъ чего и слѣдуетъ, ежели опое все истинно, то остается намъ только быть увѣреннымъ въ пропитаніи нашихъ войскъ на будущую кампанію въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можетъ быть его трудно достать. Надежда моя въ такомъ случаѣ па тебя, мой милостивой графъ. Ты тотъ, отъ котораго я уповаю и надѣюсь, судя по обстоятельствамъ, сдѣлаешь симъ доставленіемъ прокормленія услугу отечеству, можетъ быть такую, какую никто въ Европѣ себѣ не воображаетъ. Славу себѣ, а радость намъ доставишь полную, ибо я почитаю побить турковъ, какъ они нынѣ есть, — я говорю, чтò говорятъ, — есть дѣло не великой важности; но утвердиться тамъ, гдѣ возможности не считаются, чрезъ то привести въ движеніе по разнымъ мѣстамъ натянутыя пружины, доставить ободреніе страждущимъ подъ игомъ громады вѣроломныхъ варваръ единозаконнымъ нашимъ, и можетъ быть, ежели угодно будетъ Богу, разрушить сей колосъ совѣтъ, котораго вся Европа многіе вѣки содрагалася, — будетъ дѣло моего любезнаго графа. Признаться долженъ, завидую твоему состоянію. Но при томъ и то скажу, что и радуюсь тому, ибо по чести могу васъ увѣрить, что я отъ вашихъ способностей всего ожидаю. Флотъ напѣть въ Гибралтаръ пришелъ; нѣсколько изъ онаго уже и прошло. Братъ Федоръ ему поѣхалъ въ стрѣчу. Алексѣй еще въ Пизѣ. Надежда съ той стороны есть также хорошая, что Богъ дастъ. Голуб-

чикъ графъ, что лежитъ до лошадей, то извольте приказать купить, сколько потребно будетъ, а хотя будутъ излишнія, то изойдутъ. По моему мнѣнію, лучше отъ лишку понестъ убытокъ маленькой въ издержкахъ, нежели отъ бережливости. Иногда дѣйствіемъ такимъ остановка послѣдуетъ, каковыхъ и ничѣмъ воротить не можно будетъ. Пишутъ еще изъ Царяграда, что татаре находятся, какъ буджацкіе, такъ и крымскіе въ такомъ состояніи, будто что прислали къ султану съ представленіемъ, ежели онъ ихъ нынѣ защищать сильно не будетъ, то они искать должны подвергнуться подъ покровительство ея императорскаго величества. Ежели сие существительно, то бѣ было очень хорошо, ласкою или угрозами дать имъ какимъ нибудь способомъ почувствовать къ скорѣйшей рѣшиности приступить. Я думаю, что взятие Бендеръ, ежели бѣ оное скоро учинилось⁸⁶), было бы самою главною причиною, чтобы ихъ заставило рѣшиться. Сие все писахъ, заключу вамъ, милостивому моему государю, тѣмъ, что я съ нелицемъ моимъ почтеніемъ всегда моему милостивому графу съ неограниченюю преданностю пребуду покорнымъ слугою и вѣрнымъ навсегда графу Григорій Орловъ.

Истинной и усердной слуга кланяется моему всемилостивому другу и поздравляетъ съ наступающими праздниками и желаетъ ему всякаго блага.

(Безъ даты).

65.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Всепріятнѣйшія ваши два письма я получилъ. Въ первомъ писано о деревняхъ, которыя вы желаете въ добавокъ. Такъ мой милостивый графъ, конечно, получить по оной запискѣ. Я и прежде еще вашего писма остановилъ указъ, въ разсужденіи онаго, чтобы отъ васъ обстоятельно быть увѣдомлену, о чёмъ уже къ вамъ отъ меня было и писано. Вы, конечно, будьте увѣрены, что вы имѣете вѣрнаго слугу своего такого, который всегда за правило себѣ поставилъ, чтобы въ чёмъ его возможность есть, не упускать случаевъ въ ползу вашу исполнять. Во второмъ (письмѣ) говорите, что вы готовитесь къ подвигамъ зимней кампаніи. Такъ, правда, что много заботъ вамъ, да послѣ онаго много и утѣшнія получите, если все

такъ исполнится, какъ вамъ желается. А я какъ истинной вашъ другъ, отъ сердца моего желаю, даувѣнчаетъ ваши труды Всевышній въ ползу отечества и въ прославленіе моего милостиваго графа имени. Прощай, вселюбезный другъ, а я съ тѣмъ же почтеніемъ называюсь, вашего сиятельства покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

При семъ прилагаю къ вамъ писмо отъ Сергея Матвеевича Козмина.

10 октября 1770 года. Санктъ-Петербургъ.

* 66.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Принося мою благодарность за писмо, отъ 24 прошедшаго (мѣсяца), приношу и за милостивое призрѣніе къ моему экипажу⁸⁷⁾. Вправду собирался безпритворно имѣть щастіе быть очевиднымъ свидѣтелемъ всѣхъ дѣлъ великихъ вашего сиятельства, но противнымъ для меня случаемъ онаго лишился, къ крайнему и невозвратному моему сожалѣнію. Не славы жаждущая была сего причина, но жадность научиться, ежели бъ я нашелъ въ себѣ опытами способность (къ) тѣмъ подвигамъ, каковыми мой милостивой графъ и великой полководецъ показалъ себя на позорищѣ свѣта. Надежда на вашу милость и дружбу была побужденіемъ сего моего желанія, которыя бъ мнѣ безъ сомнѣнія доставили способъ, испытавъ себя предъ прозорливостію вашею, подали бъ причину сдѣлать мнѣ самому о себѣ заключеніе изреченіемъ вашимъ: долженъ ли бы я упражняться впередъ слѣдовать, хоть слабымъ быть подражателемъ высокихъ вашихъ качествъ, или отложить попеченіе Сего то я драгоцѣннаго случая и лишился, по моему нечастію, который бы долженъ рѣшить жребій мой въ разсужденіи моей карьеры: либо подтвержденіемъ моего самолюбія и склонности, или отверженіемъ мечты о самомъ себѣ. Изъ вышепомѣщенныхъ моихъ размышленій и причинъ, на которыхъ порывистое желаніе моего сердца быть при вашемъ сиятельствѣ было основано, ясно видѣть изволите, что я лишенъ, волею брата моего⁸⁸⁾, того, что никто мнѣ возвратить не можетъ. Вотъ сколь трудно, бывъ и въ таковомъ мѣстѣ, какъ я, употреблять, кажется, неоспоримые опыты для познанія самого

себя, которые другомъ, съ лучшими самыми намѣреніями, у меня отъяты безвозвратно. Что жъ ваше сіятелство говорить изволите, нѣтъ ли въ душѣ моей сокровенныхъ причинъ къ ревнованію славы, я столько еще ослѣпленія въ моихъ качествахъ не имѣю, чтобы могъ мечтать себя оной достойнымъ. Но ревность есть служить отечеству, если бъ угодно было то судьбѣ и милостивому моему графу преподать мнѣ способы ко оному тому, котораго я и все мои сограждане благодарностю и почтеніемъ расположены быть должны. Я есть, а за другихъ не отвѣчаю, вашего сіятелства, милостиваго моего государя, покорный слуга графъ Григорій Орловъ.

1770 года, октября 10. Петербургъ.

*67.

Сіятелнѣйшій графъ, милостивой государь мой, Петръ Александровичъ. Писмо вашего сіятелства чрезъ Григорія Александровича Потемкина я имѣлъ щастіе получить ⁸⁹⁾. Съ великою охотою стараться долженъ, сколько силь моихъ есть, по писму оному, согласно съ волею вашего сіятелства, исполнить. Я уповаю, мнѣ помнится, что квартиры зимовья оставлены избрать на волю моего милостиваго графа, въ таковомъ намѣреніи и мысляхъ, дабы какъ ваше сіятелство, бывый на мѣстѣ, лучше заочныхъ о выгодахъ и невозможностяхъ судить можете, имѣя естествомъ данные превосходные таланты, а временемъ и прилежностю подтвержденные и опытами. Что жъ, мнѣ помнится, государыня писомъ къ вашему сіятелству свою волю изясняетъ, и то, я уповаю, въ такомъ намѣреніи, дабы только дать знать желанія чрезъ то свои; а не съ тѣмъ, чтобы подвергнуть источенію и къ изнуренію, колѣ паче опасности, побѣдительная Россіи войски. И такъ, останется сказать токмо единое, по мнѣнію моему, въ разсужденіи зимнихъ квартиръ, согласно писму вашего сіятелства, отъ 9 сентября ко мнѣ писанному, что лучше соберечь отъ золъ предстоящихъ и бѣдствій армію вамъ ввѣренную, нежели подвергнуть гибели предвидимой, хотя бъ нѣсколько и разнствовало ея положеніе съ желаніями здѣшними. Согласно, уповаю, на сихъ правилахъ, ваше сіятелство и отвѣтъ получить изволите отъ ея императорскаго величе-

ства. Въ заключеніе сего прошу о неотмѣнной вашего сіятелства, милостиваго моего государя, ко мнѣ милости, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ покорный слуга графъ Григорій Орловъ.

1770 года, октября 10 дня.

*68.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Писмо, отъ 27 прошаго (мѣсяца), мною получено чрезъ господина полковника Кличку⁹⁰), въ которомъ писать изволите, что ваше сіятелство лишились удоволствія меня при себѣ видѣть. Правда, что лишились видѣть слугу вашего вѣрнаго и почитателя, но при томъ, можетъ быть, и тягостнаго вопрошателя пути по стезямъ вашимъ безсильно стремящаго послѣдователя. И можетъ быть, чтобы случилось то точно, что въ притчѣ сказано священнаго писанія: ови сѣмена падоша при пути, и птицы позобаша; ови на землю безплодну и каменія, и не даша плода. Изъ сихъ двухъ земель (то есть, почвъ), можетъ быть, быль бы и я. Не смѣю ласкать себя, чтобы могъ быть вмѣщенъ въ числѣ таковой пивы, которая хотя бы сѣмена возвратила дѣлателю. Изъ сего и слѣдуетъ, что вы лишились только того, чтобы сдѣлать мнѣ добро, а я лишился добра, для меня ничѣмъ уже не возвратимаго. Чаять видѣть васъ, милостивой мой государь, у насъ, никакого повода не имѣю, ибо посты вашъ въ такихъ обстоятельствахъ находится имѣть, что я онаго уповать не смѣю и не уразумѣваю возможность. Да только что говорить невозможно для часъ, а для моего милостиваго графа все елико суть возможно. Ибо уже опытами мы доказаны, что и несбыточное, не тоюмъ нечаемое, сотворилъ еси. Господина Баура, увида здѣсь, уповаю дружескими ему совѣтами, сколько моихъ силъ есть, помочь. Но отчаеваюсь, ежели наставленія ваши не въ состояніи были воздѣйствовать, чтобы мои помогли⁹¹). Ибо кто есть велий, яко графъ нашъ, ты еси графъ творай чудеса единъ. Качества разсудка приписывать угодно мнѣ вашему сіятелству было, можетъ быть единственно по свойственной ко мнѣ милости, а не по существу истины, ибо холодность принимать дѣла я считаю нѣкоторымъ недостаткомъ въ себѣ, а можетъ быть и недоволеннымъ

проницаніемъ чувствовать силу и важность оныхъ. Что жъ я о братѣ не писалъ къ вамъ, въ томъ виннымъ себя признаваю. Но извѣняюсь токмо тѣмъ, чтобъ ваше сіятелство симъ извѣстіемъ не обезпокоить и не занять время на чтеніе, которое столь драгоцѣнно для услугъ моего любезнаго отечества. Ибо я себѣ представлялъ, что ваше сіятелство и безъ меня увѣдомлены будете. Въ разсужденіяхъ о господинѣ Боурѣ, времени отдаете причину не столь великаго жара, который вы прежде имѣли. Позволте мнѣ поискать другой. Мнѣ быть оная кажется въ единствѣ, ибо вы теперь однѣ токмо. Я знаю, что вы скажете на это, что тѣфу, какой это враль! могъ бы онъ про себя думать, а то онъ мнѣ и говорить еще! Право-ста онт не глупъ, изволь посмотрѣть, онъ догадался. Нѣтъ, голубчикъ графъ, не приписывай это смыслу. А вѣдь иногда и дуракъ, болтавъ, болтавъ въ жизнь свою, да что нибудь такъ болтопутъ случится, какъ доброй сопѣ, что въ руку дасть. Собирать лавры и отирать пота токи отъ подвиговъ текущіе,—не моя судьба. Знатно, я хотя и отираю, да Галанскимъ платочкомъ, чтобъ лицико мое не оцарапать. Вмѣсто поля,—по паркету, а вмѣсто боя, хотя и въ стрункѣ и въ шеренгѣ, но однакоже, въ та(н)дахъ, аль въ шармицелѣ⁹²), въ жедепомѣ⁹³). Вотъ вашего стуки упражненіе, точащее потъ изъ него. А мы вѣсь славя по стогнамъ града и на торжищахъ, прославившихся во свѣтѣ позорища, невыѣстимыхъ вмѣщаемъ на позорищѣ театра, гдѣ только за нами и дѣла, какъ появится ваше имя, такъ руки обобъемъ съ радости, а на насъ никто и не взглянетъ. Да чтожъ дѣлать: въ чужую часть не ворогушей⁹⁴) часть. Прощай, голубчикъ, будь ко мнѣ милостивъ, какъ и былъ. А обо мнѣ вѣрь, мой милостивой графъ, что я съ нелицемѣрнымъ почтеніемъ всегда, вашего сіятелства, милостиваго моего государя, покорный и вѣрный слуга графъ Григорій Орловъ.

1770 года, октября 11.

*69.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Я имѣль честь получить ваше послѣднее писмо, въ которомъ было

писано о покупкѣ деревень Владиславовыхъ, что онъ дѣлаетъ великия затрудненія, и чтобъ вы лучше денгами получили, и о написаніи указа (о) пожалованныхъ вамъ другихъ деревень. То, что лежитъ до покупки, такъ теперь дожидаются отвѣта изъ Украины, и если тамъ не окончено и сдѣлаетъ продавецъ новыя требованія, то ему откажется, и вы получите денгами. А о другихъ деревняхъ уже указъ написанъ и ко исполненію отосланъ, и я къ вамъ копію съ онаго перешлю скоро. При семъ прилагаю писмо отъ графа Захара Григорьевича къ вамъ, въ которомъ, я думаю, писано о князѣ Васильѣ Володимировичѣ Долгорукомъ, чтобъ ваше сіятелство его отпустили. При чёмъ и я оную просбу объ ономъ прилагаю и прошу, чтобъ онъ поскорѣе былъ уволенъ. Его обстоятельства домашнія въ превеликомъ замѣшательствѣ, и если онъ промедлитъ и нескоро сюда пріѣдетъ, то великое ему разореніе можетъ быть. А я надѣюсь, что мой милостивой графъ, мсій въ ономъ просбѣ не отринетъ и сдѣлаетъ ему скорѣе уволненіе. А я съ непремѣннымъ моимъ почтепіемъ называюсь, вашего сіятелства, милостиваго государя моего, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

1770 года, ноября 6 дня.

70.

Милостивой государь, графъ Петръ Александровичъ. Я приношу вашему сіятелству покорную благодарность за писмо, отъ 3 числа сего мѣсяца. Требуемый вами мой совѣтъ, касателно представленія всемилостивѣйшей государынѣ палатки турецкой, будетъ состоять въ томъ, что удобнѣе, кажется, поднести оную ея величеству по окончаніи войны, слѣдователно, со всякою къ тому времени безопаснотю отъ сокровенія въ ней язвы, противъ которой и ваше сіятельство находите всѣ предосторожности столь пужными. А впрочемъ, та палатка будетъ, конечно, и тогда принята съ равнымъ благоволеніемъ. Всегда пребуду я съ совершенѣйшею преданностю, милостивой государь, вашего сіятелства, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

Въ С.-Петербургѣ. 20 ноября 1770 года.

*71.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Писмо вашего сиятелства, изъ лагеря при Фальчѣ, отъ 3 текущаго (мѣсяца), я имѣлъ честь получить. Хотя прочія вѣсти, съ симъ же курьеромъ привезенныя, и не такого существа, которыя бѣ могли быть радостны, однакоже, какъ же быть? Вслѣдствіе вашимъ сиятелствомъ предпринятыхъ мѣръ и состоянія нашего непріятеля, я подалъ мысль мою въ совѣтъ, которая по тогдашнему времени и опробована была, но какъ нынѣ по сему примѣру, не перемѣнится ль существо сего проекта, точно знать не въ состояніи. Здѣсь санкцію случай Браиловской къ намъ недружелюбiemъ расположенныхъ людей произвель, для нась невыгодную, не столько въ разсужденіи потери людей, сколько въ разсужденіи того, что врагъ нашъ онымъ случаемъ не лишился причины возгордиться. Также и къ будущей кампаніи, не останется ль ему симъ способомъ, ежели въ теченіи времени миръ не послѣдуетъ, дѣлать намъ затрудненія и беспокойства. Въ разсужденіи сего послѣдняго, вашему сиятелству, какъ человѣку глубокаго знанія и проницанія, болше знать можно, нежели мнѣ, здѣсь. И ежели вы изволите найтти, что препятствія въ дѣйствіяхъ нашихъ, согласно предложеному мною проекту, оставленіемъ на сей сторонѣ крѣпости непріятелской, и беспокойства увеличены будутъ, то, мнѣ кажется, не худо бѣ было, еслибъ мой милостивой графъ предпріялъ такія мѣры, которыя бѣ сей случай Браиловской замѣнить въ состояніи былъ. Я не знаю, довольно ль имѣете на сie способу и время. Сколь же нужно или ненужно непріятеля не терпѣть на сей сторонѣ Дуная, сообразуясь покою и выгодамъ въ квартерахъ, также и будущаго лѣта, сами ваше сиятелство болѣе меня объ ономъ извѣстны. Дѣйствіе въ сторону Крыма, ежели поведено будетъ сильно, тогда можетъ нась отвлечь нѣсколко отъ дѣйствій въ сторону вашу; ежели же слабо, то оное недоволно будетъ нась обнадежить обѣ желаемыхъ успѣхахъ. Все сие мое размышеніе тѣмъ дерзновенѣе представляю, чѣмъ болѣе я увѣренъ, что представляю его мужу опытами искусившемуся и добросовѣстными трудами усугубившему, и всѣ свои дѣйствія на истинной любви и вѣрности, какъ достой-

наго сына отечества, основывающаго. Вотъ, голубчикъ графъ, исполняю вашего сиятелства желаніе сообщеніемъ вамъ моихъ мыслей. Исполняю вкупѣ и долгъ моей къ вамъ обязанности съ должностю по мѣрѣ моего смысла и разумѣнія служить отечеству. Я уже виненъ быть не могу, ежели его мало или такого онъ рода, что полезенъ быть не можетъ. Заключа сіе, донесу только то, что обыкновенно и пелицемѣрно обыкъ доносить и чувствовать, а именно, что я есть и буду вашего сиятелства, милостиваго моего государя, покорный слуга графъ Григорій Орловъ.

1770 года, 20 ноября.

72.

Милостивой государь, графъ Цетръ Александровичъ. Намѣряемая вашимъ сіятельствомъ присылка молдавскаго гостинца, будетъ, конечно, пріятна ея императорскому величеству и примется въ прямомъ видѣ, то-есть, за желаніе ваше и тѣмъ ея величеству угодить. Я при семъ возвращаю обращикъ той матеріи, которая намъ лучшею показалась. А не худо будетъ, если и обѣихъ оныхъ матерій пришлете.

Я теперь завидую моему милостивому графу, что онъ живеть такъ, какъ султанъ, между красавицами, какъ турчанками, такъ и гречанками, которые только и желають, чтобы ему понравиться и угодить. Вотъ воздаяніе послѣ подъемлемыхъ вами трудовъ. Теперь остается мнѣ васъ поздравить съ полученными подъ предводителствомъ вашимъ зимними побѣдами, такъ же и припомнить о томъ, что вы мнѣ обѣщали прислать прекрасныхъ дѣвочекъ турчанокъ, которыхъ я ожидаю; а мнѣ вѣрить, что я съ истиннымъ къ вамъ почтевіемъ называюсь, милостивой государь, вашего сіятельства, покорнейший слуга графъ Иванъ Орловъ.

Въ С.-Петербургѣ. 4 декабря 1770 года.

73.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Извѣстія о успѣхахъ вашего сіятельства въ дѣйствахъ военныхъ часъ

отъ часа и день ото дня, подаютъ довольно опытовъ дѣлать заключеніе о превосходныхъ вашего сіятелства качествахъ въ ремеслѣ военному, съ чѣмъ васъ, милостиваго государя моего, позравляю. Въ предшедшемъ сему писмѣ моемъ, включено было и мнѣніе мое о будущихъ операціяхъ. Если что изъ онаго недостаточно или странно, то пропу моего милостиваго графа, въ разсужденіи малаго моего знанія и искусства, извинить меня. Я теперь далѣе не распространяюсь съ вашимъ сіятелствомъ моими разсужденіями въ пространствѣ всѣхъ обстоятельствъ, по причинѣ той, что ожидаю на вышеупомянутое отвѣта. Знаю, сколько ваше сіятелство берете участія въ дѣлахъ вѣдомыхъ братомъ моимъ. Но, къ крайнему соожалѣнію, мы находимся въ такомъ безъизвѣстіи объ оныхъ, что вашему сіятелству ничего довести не въ состояніи. Принося мою благодарность за писмо, полученное чрезъ господина Лунина ⁹⁵⁾, доношу я о томъ, что не нахожу себя въ состояніи, согласно воли вашего сіятелства, доставить господину Лунину орденъ святаго Георгія, а если угодно вашему сіятелству оное будетъ, то вы сами скорѣе можете то исполнить способомъ безпосредственнаго вашего представленія къ ея императорскому величеству. Заключая сіе, имѣю удоволствіе сказать вашему сіятелству, что я чту того, котораго всякъ безпристрѣтной и доброжелательной Россіи человѣкъ почитать долженъ. Вашего сіятелства, милостиваго государя моего, покорный слуга *графъ Григорій Орловъ*.

Въ С.-Петербургѣ. 4 декабря 1770 года.

74.

Милостивой государь, графъ Петръ Александровичъ. Разпяя вашего сіятелства благосклонныя писма я съ благодарностію получилъ, и по послѣднему изъ опыхъ, касателпо излишней строгости карантинныхъ учрежденій, пресъченiemъ съ арміею вашего сіятелства нужнаго сообщенія и подвозовъ изъ нашихъ границъ, не преминулъ я, гдѣ надлежало, сдѣлать пристойныя примѣчанія. Въ Берлинѣ сдѣланъ эстампъ ⁹⁶⁾ славной вашего сіятелства побѣды надъ визиремъ, и между присланными оттуда, одинъ особливо къ вамъ адресованъ, которой при семъ найдти изволите. Отсрочка долгу

вашего сіятелства въ банкѣ сдѣлана, и я, давъ вмѣсто васъ новую закладную, старую и налрнную при семъ къ вамъ посылаю. *А процентныя денни я на годъ заплатилъ. Сожалѣю, что назначенные турчанки померли. Я надѣюсь, что ваше сіятелство на упамъя мъста сыщете, потому что уповаю, что ихъ у васъ очень доволно, съ избыткомъ.* Заключа сіе, называюсь, вашего сіятелства, покорный и вѣрный слуга графъ Иванъ Орловъ.

Въ С.-Петербургѣ. 20 генваря 1771 года.

75.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ. За всѣ милости вашего сіятельства, брату моей хозяйки показанныя⁹⁷), я и она благодаримъ нижайше, также и за то, что обѣщали имъ выдать по моей просбѣ деньги; а мнѣ гдѣ прикажете, тамъ я и заплачу, на что и дожидаюсь отъ васъ повелѣнія. Хозяйка моя благодаритъ за всѣ ваши приписки, и свидѣтельствуетъ сама свое почтеніе вашему сіятельству. Вашего сіятельства покорный слуга графъ Володимиръ Орловъ.

Въ С.-Петербургѣ. Генваря 25 дня 1771 года.

76.

Милостивый государь мой графъ Петръ Александровичъ. За нѣсколько недѣль писалъ я къ вамъ и просилъ о неоставленіи того письма вручителя, котораго я препоручилъ совсѣмъ въ милость вашу, съ тѣмъ, если онъ будетъ вести себя не добродѣйочно, то вы его въ ономъ милостию исправлять будете и поможете ему быть хорошимъ офицеромъ. Ласкаю себя, что вы ему сію милость не откажете изъ любви ко мнѣ и хозяйкѣ моей, также и изъ дружбы къ брату Ивану Григорьевичу. Со удовольствиемъ увѣдомляю ваше сіятелство, что сколько мнѣ известно, то, какъ государыня, такъ и всѣ другіе, вашими распоряженіями довольны. Дай Богъ, сего и впередъ. Я сего желаю и не сумнѣваюсь, что вы всѣ благоразумныя старанія къ достижению онаго употребите. Пребуду съ

искреннимъ почтеніемъ, *вашего сіятельства покорный слуга графъ Володимиръ Орловъ.*

(Безъ даты ⁹⁸).

77.

Милостивый государь, графъ Петръ Александрович! Артилерійской офицеръ господинъ Леванидовъ ⁹⁹), служившій въ армії, подъ предводительствомъ вашего сіятельства состоящей, отправляется нынѣ обратно въ оную. А, какъ слышно, что ваше сіятельство изволите отзываться, что онъ служилъ изрядно, и ежели сіе въ самомъ дѣлѣ такъ находится, и вы признаете его достойнымъ къ полученію награжденія, то не изволите ли увѣдомить, какое онъ воздаяніе за отмѣнное свое усердіе заслуживаетъ, дабы увѣдавъ ваше намѣреніе, смогъ я по оному дѣлать исполненіе, тѣмъ наипаче, что совершило увѣренъ, коль справедливой разборъ изволите наблюдать въ удостоеніи къ награжденіямъ. Препоручая себя наконецъ въ милость вашего сіятельства, съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ всегда есмь, вашего сіятельства, милостиваго моего графа, всепокорный слуга *графъ Григорій Орловъ*.

Генваря „ дна 1771 года.

Симъ письмомъ тружу ваше сіятельство по поводу просбы подателя, ибо онъ мнѣ сказывалъ, что вашему сіятельству благоподно было ему показать милость и съ тѣмъ онъ отправленъ.

78.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александрович! Бывшій въ конной гвардіи ротмистромъ, а нынѣ въ армейскіе полки выпущенной полковникомъ, господинъ Чертовъ ¹⁰⁰) оказывалъ всегда отмѣнную охоту и ревность къ службѣ, такъ что я во все время бытности его въ полку былъ имъ доволенъ, и сіе причиною, что и нынѣ за долгъ себѣ считаю препоручить его въ милость вашего сіятельства и уповаю, что онъ усерднымъ исполненіемъ своей должности постарается заслужить ваше благоволеніе и оправдать одобрение того, которой съ истиннымъ почтеніемъ и

преданностю есть вашего сіятельства, милостиваго моего графа, всепокорный слуга *графъ Григорій Орловъ*.

Генваря „ “ дня 1771 года.

79.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Поздравляю ваше сіятельство съ прошедшими праздниками. Дай Богъ вамъ сей новый годъ столько же щастливъ въ вашихъ дѣлахъ быть, какъ и прошедшій. Посланъ отъ меня капитанъ Исленьевъ¹⁰¹⁾ въ вашу сторону. Онъ вручить вашему сіятельству письмо отъ меня. Прошу его во всѣхъ его нуждахъ не оставить, чѣмъ меня одолжите. Я просилъ ваше сіятельство выдать шестьсотъ рублей братьямъ моей хозяйки, только отвѣту никакого еще не имѣю. Вашего сіятельства покорный слуга *графъ Володимиръ Орловъ*.

Въ С.-Петербургѣ. Генваря „ “ дня 1771 года.

Отъ Штакелберга молодого суподаль, что онъ произведенъ въ маиоры. Я и хозяйка благодаримъ ваше сіятельство, за милость вашу къ нему.

*80.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Я имѣлъ честь, пущенное отъ васъ, 13 прошедшего мѣсяца, письмо ваше получить, при которомъ и вѣрющее приложено было о перепискѣ въ банкѣ вашихъ заемныхъ денегъ. Я уже прежде онаго исполнилъ и закладную къ вамъ послалъ и деньги процентныя заплатилъ. Благодарствую за сообщенія ваши о братѣ Алексѣѣ, что Кегай обѣ немъ говорилъ¹⁰²⁾. Прощай, мой милостивой графъ, и вѣрь, что я на вѣки вашъ преданный слуга графъ Иванъ Орловъ.

NB. Благодарность мою приношу за Стакельберга да прошу и о турчанкахъ моей просбы не позабыть.

1 февраля 1771 года.

*81.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Проходя въ молчаніи и не отвѣтствуя на два вашего сіятелства писма, мною полученыя, также и сообщенное расположение мыслей моего милостиваго графа ко двору до удобнаго времени, единственнымъ побужденiemъ имъ жадность безпредѣлную повторить сколь часто можно, что я съ истиннымъ моимъ почитаю чисто-сердечнымъ щитаю себѣ таковое поченіе въ достоинство, воздавать достойное достойному. Вашему сіятелству, милостивому моему государю, всегда покорной и вѣрной слуга графъ Григорій Орловъ.

1771 года, февраля 16 дня.

P. S. Скорбно мнѣ и скорбно быть должно и всѣмъ любящимъ себя и отечество, явленное въ писмѣ вашего сіятелства ослабленіе драгоцѣннаго для насъ здравія тѣлеснаго. Я еслибы могъ, удѣлилъ бы своего на промѣнъ качеству хотя единой малой части душевнаго вашего сіятелства, которымъ Богу угодно было снабдить моего милостиваго графа. Однакожъ, вѣдая, сколько онъ скучъ на этотъ удѣлъ, мою просбою не беспокою. А для ползы общѣй, такъ какъ я нынѣ упражняюсь въ химіи, которая есть часть науки и медицинской, осмѣлюсь дать совѣтъ, для подкрепленія тѣлеснаго, и уповаю, въ воздаяніе получить отъ вашего сіятелства душевной: извольте менѣе кушать и пищу не гораздо тяжелую, и менѣе напитковъ приматъ. Вотъ нового доктора рецептъ, графа Орлова, сочененный въ библіотекѣ его, въ которой онъ часто б.....¹⁰³⁾, но не читаетъ.

*82.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Отправляющіеся княжества Волошскаго депутаты¹⁰⁴⁾ нынѣ въ свое отечество, подъ покровительство милостиваго моего графа, требовали отъ меня, дабы я, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ отечество поручилъ въ вашего сіятелства, милостиваго моего государя, милость. Я тѣмъ охотнѣе на оное ихъ требованіе согласился, чѣмъ

болѣе увѣренъ о добrotворныхъ вашего сіятелства качествахъ, въ которыя я ихъ поручаю, такъ какъ и себя вашему сіятелству, милостивому моему государю, и остаюсь съ совершеннымъ почтѣніемъ, милостиваго моего государя, покорный и вѣрный слуга графъ Григорій Орловъ.

1771 года, февраля 20 дня. Санктъ-Петербургъ.

83.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александрович! Отправленный въ армію, подъ повелѣніями вашего сіятелства состоящую, армейскій поручикъ Александръ Турчаниновъ, офицеръ, кажется, исправный и, надѣюсь, что стараться будетъ отправлять должностъ свою съ прилежностію. Почему всепокорно васъ прошу принять его въ свое покровительство, котораго сдѣлаться достойнымъ опь усердіемъ своимъ къ службѣ потщится. Ваше сіятельство изволите великодушно извинить, что обезпокоиваетъ васъ тотъ, который съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію всегда есть, вашего сіятелства, милостиваго моего графа, всепокорный слуга графъ Григорій Орловъ.

Февраля „ “ дня 1771 года.

84.

Милостивой государь, графъ Петръ Александрович. Лейбъ-гвардіи преображенскаго полку капитаны-поручики, господинъ Розенбергъ¹⁰⁵⁾ и князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ¹⁰⁶⁾, отправляются теперь, въ качествѣ волонтеровъ, въ армію, предводителствующимъ вашимъ сіятелствомъ. Они оба были уже употреблены въ Левантѣ, подъ командою брата моего, и тамъ достаточно себя отличили. Я прошу, ваше сіятельство, принять ихъ въ ваше покровительство, а мнѣ вѣрить, что всегда пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего сіятелства, графъ Иванъ Орловъ.

Въ С.-Петербургѣ. 11 марта 1771 года.

85.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. За вѣсъ мною отъ васъ полученныхыя писма, я мою благодарность вамъ сказываю. Что жъ, мой милостивой графъ, я не писалъ такъ къ вамъ давно, тому разныя причины препятствовали, и если ихъ вѣсъ описать, такъ много займетъ у васъ время для чтенія, то я оставляю для того, что моему милостивому другу и такъ множество хлопотъ и безъ онаго. Брать, Алексѣй Григорьевичъ, прїѣзжалъ къ намъ и пробылъ здѣсь три недѣли и опять поѣхалъ отсюда, 25 марта, къ своей командѣ и просилъ меня, чтобы я къ вамъ, яко хадатай за него, испросилъ прощенія, что онъ не писалъ самъ къ вамъ. Божусь, что ему почти не было часу досужнаго. Я его увѣрилъ, падясь на вашу любовь и дружбу ко мнѣ, что ваше сіятельство на немъ онаго не взыщите. Я слышалъ, что вы желаете имѣть сына своего въ своемъ штатѣ. И мнѣ обѣ ономъ говорили, только я, не зная точно ли ваше желаніе во ономъ, не могъ къ оному приступить. И если мой милостивой графъ дастъ мнѣ знать, то сіе тотчасъ исполнено будетъ. Я вамъ, какъ истинной и нелицемѣрной другъ, скажу, что ваши сыновья¹⁰⁷⁾ поведеніемъ своимъ заставляютъ себя почитать и дѣлаютъ чрезъ то себѣ честь и вамъ почтеніе, что вы ихъ воспитали такъ хорошо. Случилось мнѣ разговаривать съ государынею и дошла рѣчь до дѣтей вашихъ, то ея величество изволила отзваться, похваливъ ихъ хорошія качества и поступки. Между прочимъ, изволила сказать, чтобы ей угодно было, чтобы молодые графы при васъ были и подъ смотрѣніемъ вашимъ научались военному ремеслу, и что ей известно, что въ нихъ желаніе, охота и способность есть къ тому. То я за нужное счелъ вамъ обѣ ономъ сообщить. Князь Василій Долгоруковъ¹⁰⁸⁾ отсюда отправляется къ вамъ, то за оказанныя ваши къ нему милости я васъ, моего милостиваго друга, благодарю и принимаю онаго такъ равно, какъ бы мнѣ сдѣланы были. И вынѣ пропшу его принять въ свое покровителство. А я надѣюсь, что онъ своимъ исканіемъ и поведеніемъ ихъ заслужитъ у вашего сіятельства. Я же съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ имью честь

называться, вашего сиятельства, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

НВ. Петръ Алексѣевичъ Еропкинъ¹⁰⁹) остался, за нужными со-
ими здѣсь дѣлами, на нѣкоторое время; такъ надѣявши на вашу ко-
мпью милость, я ему обѣщалъ, что онаю на немъ вы не взыщите,
и буду писать къ вамъ обѣ немъ, и увѣрилъ его въ ономъ.

(Безъ даты).

86.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ! Кон-
ной гвардіи господинъ ротмистръ Абалдуевъ отправляется, по волѣ
ея величества, въ армію, подъ повелѣніями вашего сиятельства со-
стоящую, волонтеромъ. А какъ онъ, находясь въ моей командѣ,
продолжалъ службу свою добропорядочно, то за долгъ себѣ вмѣняю
препоручить его въ покровительство милостиваго моего графа, и
не сумнѣваюсь, чтобъ и онъ усердіемъ своимъ не постарался сдѣ-
лать себя милости вашей достойнымъ и тѣмъ оправдать рекомен-
дацію того, который съ истиннымъ почтеніемъ и совершенію
преданностію всегда есть, вашего сиятельства, милостиваго моего
графа, всепокорный слуга графъ Григорій Орловъ.

Апрѣля „ “ дня 1771 года.

*87.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. По
просбѣ Павла Сергеевича Потемкина, уволенъ онъ служить во-
лонтеромъ въ первую армію, подъ командою вашего сиятельства, ко-
тораго симъ препровождая, препоручаю его въ вашего сиятельства
милость, прося быть къ нему милостиву и употреблять по вашего
сиятельства благоугодности. Поручая и себя также, съ нелицемъ-
нымъ почтеніемъ пребуду, вашего сиятельства, милостиваго моего
государя, покорный слуга графъ Григорій Орловъ.

1771 года, маія 7 дня.

*88.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Принося мою покорную благодарность за братьевъ и за ласковыя вашего сиятелства ко мнѣ писма, отъ разныхъ чисель, прощу и впредь объ оныхъ, по достоянію моему. Въ разсужденіи части политической, объ которой меня спрашивать изволили, и я по истинѣ донесъ, что не знаю. Но, моему милостивому графу угодно было усомниться; однакожъ, я и теперь скажу, что ей-ей не знаю и, какъ сообразить могу, такъ часть политическая зависитъ отъ участіи военныхъ дѣйствій. Вотъ, голубчикъ графъ, мое понятіе о дѣлахъ государственныхъ. А можетъ быть, я и ошибаюсь. Ея императорское величество сама намѣренія была вашему сиятелству отвѣтствовать на тотъ вопросъ, который вы мнѣ учинить изволили. Изволила ли исполнить или нѣть, точно донести не могу. Братъ Иванъ болѣвъ; Володимеръ ѳдетъ; отъ Алексѣя еще извѣстія не имѣемъ; Федоръ прїѣхалъ въ Ливорну и дожидается его прибытія. Въ прощемъ въ той сторонѣ, слава Богу, идетъ все изрядно: напередь не выдаются и назади не остаются, по пословицѣ, изъ сказки. Прости меня, пожалуй, что я вашего сиятелства описаніемъ состоянія своей фамиліи беспокою, но, зная вашу къ намъ милость, смѣло уповаю, что вы меня во ономъ не обвините. Князю Гикѣ¹¹²⁾ отвѣтствовать я буду съ симъ же курьеромъ. Сожалѣю сердцемъ, что онъ такъ беспокоенъ. Я графу Никитѣ Ивановичу¹¹³⁾ говорилъ. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ къ вашему сиятелству отвѣтъ писалъ, и къ нему особливо.

Имѣю честь поздравить моего милостиваго графа со всѣми тѣми успѣхами, которыя во время теченія весны нынѣшней надѣ врагомъ отечества нашего получили, а паче еще съ распоряженіемъ сихъ экспедицій, которыя столь благоразумно къ ползѣ устроены. Даруй Господи, чтобы и впредь я вѣсь, какъ защитника нашего отечества и вождя къ храбрымъ и искуснымъ подвигамъ сыновъ его, всегда наиусерднѣйше съ сими успѣхами поздравлять могъ. Прощай графъ, голубчикъ. Вѣрной вашего сиятелства, милостиваго моего государя, покорной слуги графъ Григорій Орловъ.

1771 года, маія 25 днѧ.

89.

Милостивой государь, графъ Шетръ Александровичъ. За писмо вашего сиятелства, отъ 21 числа прошедшаго мѣсяца, приношу покорную благодарность. Молчанію моему предъ вами причиною болѣзнь, сдѣлавшаяся изъ бездѣлицы довольно странною и опасною. Теперь, выздоравливая отъ оной, разскажу я вашему сиятелству свои смѣхъ и горе. Давно уже, и не помню точно при какомъ случаѣ, помяль я яйцо. Около него появилась твердость и опухоль. Сперва я ону пренебрегалъ. Потомъ весма долго лѣстились лѣкарь вылѣчить меня одними припарками. Но, наконецъ, увидя тщетность своихъ лѣкарствъ, приговорили меня къ операциѣ, которую и дѣйствително сдѣлали 5 числа сего мѣсяца. Нашли около яйца водяной пузырь и, разрѣзавъ оной, выпустили воду, а по сію пору гноять еще остатки того пузыря. Совсѣмъ тѣмъ, я началъ уже ходить по горницѣ, и надѣюсь, чрезъ короткое время, совсѣмъ быть здоровымъ.

Усердно поздравляю ваше сиятелство съ важною и удачливою экспедиціею къ Исаакчѣ¹¹⁴⁾, которою прославя вновь оружіе всемилостивѣйшей нашей государыни, подали вы и новый опытъ предпримчиваго вашего духа. Сообщенныя мнѣ, по обыкновенной вашей довѣренности, заботы вашего сиятелства, сколь въ существѣ прискорбны, столь и умножаютъ славу вашего искусства, ибо одни рѣдкія дарованія, таковыя какъ ваши, сиятелнѣйшій графъ, могутъ достать на преодолѣвіе подобныхъ препонъ и затрудненій. Въ разсужденіи предпочтительнаго произведенія на одномъ мѣстѣ жившихъ генераловъ, предъ понесшими при арміи всѣ тягости военныхъ, не могу и я иначе, какъ ваше же, мнѣнія быть¹¹⁵⁾. Совѣтъ мой вообще будетъ тотъ, чтобы ваше сиятелство изволилъ обо всемъ прямо и необиновенно ко двору представлять. Сей способъ удачливѣе всѣхъ и скорѣйшій успѣхъ вамъ доставлять будетъ. Я пребываю навсегда съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивой государь, вашего сиятелства покорный слуга *графъ Иванъ Орловъ*.

Въ С.-Петербургѣ. 26 мая 1771 года.

90.

Милостивой государь, графъ Петръ Александровичъ. Почтенѣйшія писма вашего сіятелства, отъ 20 маія, 13 и 20 іюня, исправно до меня дошли, и приношу за оныя нижайшую благодарность. Арапъ и двое турковъ, отъ князя Платона Степановича¹¹⁶⁾ сюда присланы. Я имѣлъ честь представить ихъ всемилостивѣйшей государынѣ, и щитаю, что ея величество изволила уже въ своихъ къ вашему сіятелству писмахъ объ нихъ упоминать. Лошади также приведены и розданы, по вашему назначенію. Моя захворала и оставлена въ Москвѣ, но скоро ко мнѣ приведена будетъ. Весьма благодарствую за нее вашему сіятелству. Усердно поздравляю васъ, милостивой государь, съ важнымъ успѣхомъ нового предпріятія господина Вейсмана на Тулчу¹¹⁷⁾). Сія экспедиція сама собою достойна навсегда прославить, какъ превосходное искусство распорядителя, такъ и отличную ревность къ службѣ исполнителя. Скоро буду я имѣть удовольствіе поздравить ваше сіятелство съ выпускомъ въ штатъ вашего графа Михайла Петровича, *также и обѣ отправленіи графа Николая Петровича къ Салдерну*¹¹⁸⁾). Ваше сіятелство жалуетесь въ своихъ писмахъ на частые свои припадки. Не можетъ никто болѣе меня о томъ соболѣзвовать и желать скораго поправленія въ вашемъ здоровьѣ, по той совершенной преданности и почтенію, съ коими я навсегда пребываю, милостивой государь, вашего сіятелства, покорной слуга графъ Иванъ Орловъ.

Въ С.-Петербургѣ. 14 іюля 1771 года.

*91.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Поздравляю васъ съ побѣдами второй арміи и съ завладѣніемъ почти всего Крыма. Теперь желателно очень, чтобъ Богъ далъ намъ скорѣе благополучной миръ и насладиться тишиною, и чтобъ могъ я моего милостиваго графа персонально видѣть и наслаждаться его бесѣдою. Графъ Михайло Петровичъ выпущенъ къ вамъ въ штатъ и єдетъ сегодня. Я вашему сіятелству чистосердечно скажу, что онъ своими здѣсь поведеніями у всѣхъ выигралъ любовь и заслу-

живаетъ себѣ честь. Охота его къ военной службѣ чрезмѣрная, и какъ я получилъ отъ васъ приказаніе обѣ немъ, что вы его берете къ себѣ, то онъ столь былъ много обрадованъ, что я и описать не въ состояніи. Графа же Николая Петровича конечно отправлю къ Салдерну. Я уже докладывалъ ея величеству, на что мнѣ сказано, что оное будетъ исполнено. Заключа сіе, называюсь, вашего сіятелства, моего милостиваго государя, покорный слуга графъ Иванъ Орловъ.

1771 года, іюля 19 дня.

92.

Милостивой государь, графъ Петръ Александровичъ. Вручи-
тель сего піемонтской графъ Рабазоме¹¹⁹⁾, принять въ нашу службу
и отправляется волонтеромъ въ армію вашего сіятелства. Свѣдавъ,
что я ношу милости ваши, просилъ онъ у меня рекомендацио къ
вашему сіятелству. Но, какъ я самъ его не знаю, то оставляя
спознаніе его качествъ собственному вашему проницанію, препо-
ручаю его единственно на семъ основаніи въ милостивое вашего
сіятелства списхожденіе, и наипаче пользуюсь симъ случаемъ увѣ-
рить васъ, что всегда пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ, ми-
лостивой государь, вашего сіятелства, покорный слуга *графъ Иванъ
Орловъ*.

Въ С.-Петербургѣ. 21 іюля 1771 года.

93.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Къ
вашему сіятелству отправляется генераль-маіора графа Тотлебена
сынъ¹²⁰⁾, о которомъ прошу, дабы ваше сіятелство содержать его
изволили въ милости. Мнѣ, сколько случай подалъ знать его, то,
кажется, что онъ имѣетъ хорошия достоинства. И я, рекомендуя
его, съ моимъ истиннымъ почитаніемъ пребуду, милостивой госу-
дарь мой, вашего сіятелства, покорный вернѣйшій слуга *графъ
Григорій Орловъ*.

Іюля 30 дня 1771 году. Санктъ-Петербургъ

94.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александрович! Отправляющійся къ вашему сіательству въ армію господинъ генералъ-маіоръ Петръ Иванович Мелисино¹²¹⁾ принужденъ былъ, въ разсужденіи приключившайся ему болѣзни и принятаго на себя дѣланія монетныхъ денегъ, противу воли своей, долѣе нежели на длежало, здѣсь промедлить. Почему васъ, милостиваго моего графа, прошу сіе его отсутствіе въ вину ему не ставить, но припять его въ прежнее ваше покровителство и милость также, поелику обстоятельства дозволять, оказывать ему ваше вспоможеніе въ предпріятомъ имъ дѣлѣ. Въ прочемъ препоручая и себя въ вашу милость, остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію, вашего сіательства, милостиваго государя моего графа, покорный слуга графъ Григорій Орловъ.

Іюля „ дна 1771 года.

*95.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александрович. Возвращается мой пріятель а вашего сіателства почитатель господинъ Потемкинъ, его превосходителство Григорій Александрович¹²²⁾, съ полнымъ жаромъ и похвалною ревностію имѣть щастіе служить отечеству подъ толь знатнымъ руководствомъ, каково вашего сіателства. Сей человѣкъ, имѣя качества вникнуть въ значеніе службы и охоту, а чтобъ онъ могъ получить славу и ползу, состоить теперь отъ воли вашей, дабы ему подать случай подтвердить то опытами, что онъ въ преданныхъ ему отъ вашего сіателства наставленій получитъ. О чёмъ прошу покорно вашего сіателства, милостиваго моего государя, покорный слуга графъ Григорій Орловъ.

(Безъ даты).

*96.

Милостивой государь мой, графъ Петръ Александрович. Писмо отъ вашего сіателства получилъ и приложенной пакетъ къ

ея величеству врученъ мною, которымъ, сколько мнѣ известно, государыня очень доволна. Что жъ лежитъ до милостивыхъ изъясне-ній вашего сіятельства ко мнѣ, прошу бытьувѣрену, что я, конечно, стараться буду себѣ въ честь сохранить ваши обо мнѣ мысли, которые для меня очень лестны, такъ какъ и тому вѣрить прошу, что я есмь, былъ и буду впредь вамъ, милостивому моему государю, съ нелицемърнымъ почтеніемъ истиннымъ и покорнымъ слугою, графъ Григорій Орловъ.

(Безъ даты).

* 97.

Милостивой государь мой, графъ Цетръ Александровичъ. Ея императорскос величество указать соизволила, опредѣлить въ кавалергардской корпусъ господина порутчика Ладожскаго полка Анисима Ушакова, дивизіи вашего сіятельства. О которой воли ея величества чрезъ сіе сообща, съ моимъ почтеніемъ пребуду вашему сіятельству, милостивому моему государю, навсегда покорнымъ слу-гою графъ Григорій Орловъ.

(Безъ даты).

98.

Милостивой государь, графъ Цетръ Александровичъ. Съ осо-бливою благодарностю получилъ я два писма вашего сіятельства, на кои теперь отвѣтствую. Откровенное описание обстоятельствъ арміи и заботъ вашего сіятельства,—прискорбно и трогаетъ чувствитель-ность, выше израженія. Бодрствуйте, милостивой государь, изъ отлич-ной вашей любви къ отечеству, противъ толь сильныхъ неудобствъ для онаго, и укрѣпи, Боже, здоровье и душевныя силы вашего сіятельства. Имѣль я случай достаточно здѣсь спознать рвеніе къ службѣ графа Михайлы Петровича, и не удивляюсь потому, что онъ такъ скоро употребился въ ближайшую противъ непріятеля службу. Я не престану вездѣ препровождать мою любовію и по-ченіемъ сего достойнаго сына вашего сіятельства. На сихъ дняхъ получили мы изъ разныхъ мѣстъ извѣстія, будто контрь-адмиралъ

Арфъ¹²³⁾, вымана изъ Дарданелъ турецкой флотъ, въ числѣ 56 болшихъ и малыхъ судовъ, загналъ оной въ портъ Мудронъ, острова Лемноса, куда прибылъ, въ соединеніе къ Арфу, адмиралъ Спиридовъ¹²⁴⁾; атаковалъ турковъ, заставилъ албанцевъ взять батарею ихъ, на берегу сдѣланную, и наконецъ, сожегъ всѣ суда, кроме 4-хъ каравелъ, кои достались намъ цѣлыми. Сего недовольно, пишутъ еще въ разныхъ писмахъ изъ Землина, по полученнымъ изъ Царяграда, будто братъ мой, графъ Алексѣй Григорьевич, атаковалъ сухимъ путемъ передовую дарданельскую крѣпость съ европейской стороны; овладѣлъ оною и взялъ сто пушекъ; а турки, возмутясь, оставили сами другую крѣпость, напротивъ сей лежащую¹²⁵⁾, и изрубили предводителя своего Молдаванжи-пашу¹²⁶⁾. Означиваются и числа сихъ происшествій. Первое, полагаютъ, 24 іюня, по нашему счисленью, а второе — 13/24 іюля. Многаго не достаетъ къ вѣроятности толь великихъ успѣховъ. Время и прямая известія изъ флота выведутъ насъ скоро изъ недоумѣнія. Все сіе сообщено, чаятельно, вашему сіятельству изъ совѣта, но я поставилъ себѣ за должность и въ моемъ писмѣ не умолчать, пребывая съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ, милостивой государь, вашего сіятельства, покорный слуга *графъ Иванъ Орловъ*.

Въ С.-Петербургѣ. 15 сентября 1771 года.

99.

Милостивый государь мой, графъ Петръ Александровичъ. Обыкши чтить долгомъ первымъ усердіе къ отечеству, на семъ правилъ основываясь, приступаю къ дерзости предложить вашему искусству и просвѣщенію мои мысли, можетъ быть и неосновательныя, зная ваше великодушіе, что вы мнѣ въ таковомъ случаѣ простите, въ возмездіе моему усердію. Хотя сперва и показывалось, что къ миру склонность была въ нашихъ непріятеляхъ, нынѣ же оное замолкло. Того для, уповать можно, что случится противное, и должно готовиться къ продолженію войны. Я писать стану вслѣдствіе сего мои мысли, выпустя причины, по краткости времени, дабы курьера къ вамему сіятельству ѻдуцаго не задер-

жать. Мои мысли суть слѣдующія о продолженіи войны двуобразныя есть: продолжать будущую кампанію оборонительно на сей сторонѣ Дуная, съ тѣмъ, чтобы во все теченіе времени готовиться на 772 годъ, съ болѣшею силою и все что къ оному потребно, какъ со стороны сухаго пути, такъ и морей Чернаго и Архипелага. На семъ основаніи, я уповаю, тверже и лучше вѣсть войну съ нашимъ непріятелемъ, и время вамъ подастъ способъ все къ сему придумать. 2-е, pour faire coup de main на ту сторону будущій годъ, дабы тѣмъ принудить непріятеля сдѣлать такой миръ, которой отечству нашему полезенъ былъ бы, а ея императорскаго величества оружію славенъ. Обыкши и сокровенныя свои мысли предлагать предъ просвѣщенное проницаніе вашего сіятельства, не скрываю теперь сихъ моихъ мыслей предложеніе, но паче почитаю сіе вамъ дать знать за нужно, weil mein gnädiger Graf das Werkzeug von dem Glücke meines Faterlandes sein wird¹²⁷). Завтра я ѿду въ деревню, гдѣ стараться стану сіи два способа къ продолженію войны представить съ околичностями и слѣдствіями, каковыя изъ одного и другого выйти могутъ, также причины предложить для коихъ однимъ или другимъ образомъ лучше имѣть въ виду начертаніе военныхъ дѣйствій. Не имѣя довольно надежды, ни на знаніе, ни на способность свою, утверждать не могу за хорошія сіи мои мысли. Имѣю только то упованіе, что мой милостивый графъ мнѣ отдастъ ту справедливость, что все сіе происходитъ отъ безпредѣльной любви и охоты къ службѣ моего отечства и чаю, что, ваше сіятельство, мнѣ, въ уваженіе сего, простить изволите, такъ какъ чаю и о томъ, что меня всегда считать изволите и впредь будете между вѣрными и покорными слугами. Вашего сіятельства, милостиваго моего государя, покорный слуга *графъ Григорій Орловъ.*

(Безъ даты¹²⁸).

100.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой, графъ Петръ Александрович! Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, почтенѣйшее писаніе, отъ 7 числа сего февраля, я имѣлъ честь

получить 15 дня. И при томъ для высочайшаго ея императорскаго величества стола двѣ дикия козы, которыя, по устройствѣ, на высочайшій столѣ подаваны, и оказались угодны. И ея императорское величество всемилостивѣйше соизволила указать, за онъя ваше сіятельство благодарить, что симъ и донести вашему сіятельству честь имѣю. Принося при томъ за особливое вашего сіятельства ко мнѣ благосклонное писаніе чувствительную благодарность, и желаю вашему сіятельству сей наступившій новый годъ при всякихъ благополучіяхъ и во всецѣломъ здравіи препроводить, и впредь идущихъ лѣтъ равнымъ образомъ достигнуть. Препоручая себя навсегда въ милостивое вашего сіятельства благоволеніе, желаю честь имѣть быть съ совершенѣйшимъ моимъ и должнымъ высоко-почитаніемъ и съ истинною преданностю, вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга *Григорій Орловъ*.

Февраля 17 дня 1778 года.

ПРИМѢЧАНИЯ.

1) Это письмо графа Г. Г. Орлова требуетъ нѣкотораго объясненія. Графъ П. А. Румянцовъ, въ 1762 году, вслѣдъ за взятиемъ Кольберга (за что Петръ III пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго), былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей, собранною императоромъ для отторженія отъ Даніи его наследственнаго достоянія, Голштиніи. 27-го іюня того года Петръ III объявилъ о своемъ намѣреніи лично прибыть къ арміи, а на другой день, 28-го іюня, совершился извѣстный переворотъ: на престолъ вступила Екатерина. Въ тотъ же день Петру Ивановичу Панину повелѣно было принять „корпусъ, состоящій подъ командою генерала Румянцова, въ свою полную команду, съ которымъ (то-есть, съ корпусомъ) немедленно возвратиться въ Россію“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., VII, 102). Графъ Румянцовъ находился въ то время въ Данцигѣ и, должно быть, весьма рѣзко выражалъ недовольство подареніемъ Екатерины. Не даромъ же такой близкій къ нему человѣкъ, какъ Завадовскій, впослѣдствіи, по поводу одной размолвки Румянцова съ государыней (1776 г.), высказывалъ опасеніе (въ письмѣ къ своему другу, графу Семену Романовичу Воронцову), какъ бы онъ, Румянцовъ, не „затѣялъ что-нибудь похожее на *жизнь Данцигскую*“, при чемъ прибавилъ: „Что станешь дѣлать съ человѣкомъ скрытымъ и до безконечности своенравнымъ и упрямымъ?“ (Архивъ кн. Воронцова, XII, 8). Какъ бы то ни было, Румянцовъ, 20-го іюля 1762 года, просилъ воцарившуюся императрицу „о позволеніи ему жить въ деревнѣ или ѻхать къ дѣлительнымъ водамъ“ (рукописный сборникъ графа Д. А. Толстого, ^{У(казы) Р(умянцову)}_А), на что 5-го августа и воспослѣдовало соизволеніе Екатерины. Но затѣмъ, когда въ слѣдующемъ 1763 году графъ Румянцовъ подалъ прошеніе о полной отставкѣ, его стали всячески удерживать, и „онъ былъ призванъ въ Россію съ

разными *увѣреніями*¹. Къ числу этихъ „увѣреній“ принадлежитъ, между прочимъ, и настоящее письмо Орлова.

2) Упоминаемое письмо императрицы перепечатано въ Сборникѣ Русск. Историч. Общества (VII, 102, подъ строкою), изъ смирдинского изданія сочиненій императрицы Екатерины (III, 185—187).

3) Въ Запискахъ Порошина, подъ 21-мъ числомъ декабря 1764 года, отмѣчено: „Откланялся графъ Румянцовъ сегодня совсѣмъ уже“. Онъ отправился къ мѣсту своего новаго назначенія, на постъ малороссийскаго генераль-губернатора и президента Малороссийской коллегіи, учрежденной въ Глуховѣ.

4) Александръ Семеновичъ Хвостовъ, впослѣдствіи нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ и известный стихотворецъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ графомъ Д. И. Хвостовымъ.

5) Это старшій сынъ Румянцова—графъ Михаилъ Петровичъ. Слѣдующій, графъ Николай Петровичъ, произведенъ въ прапорщики лишь въ 1770 году.

6) Дмитріевскъ, Дмитріевскъ—прежнее название нынѣшняго города Камышина, Саратовской губерніи.

7) Императрица Екатерина, вслѣдъ за воцареніемъ, предположила пожаловать братьямъ Орловымъ, въ замѣнѣ ихъ верховыхъ вотчинъ, имѣнія въ нынѣшихъ губерніяхъ Симбирской и Саратовской. Графу Ивану Григорьевичу Орлову, какъ старшему брату, предоставлено было самолично выбрать эти имѣнія. Именно для этого онъ и предпринялъ упоминаемый въ настоящемъ письмѣ объездъ Поволжскаго края.

8) Сама Екатерина сознавала трудность возложеннаго на графа Румянцова порученія управлять Малороссіею, „по множеству беспорядковъ въ ней, требовавшихъ исправленія“. Въ наставлѣніи, данномъ Екатериной Румянцову, между прочимъ, сказано: „Воображаемъ мы себѣ трудъ тотъ, котораго вамъ стоить будетъ исполненіе должности вашей... Не всегда силою вѣренной вамъ власти, но болѣе многообразными ласковости и снисхожденія средствами дѣйствовать и оными, смотря по дѣлу, по времени и по человѣку, искусно изворачиваться должно. И для того, можно сказать, что въ таковыхъ случаяхъ надобно имѣть и волчьи зубы, и лисій хвостъ“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., VII, 382).

9) Эта симбирская деревня, въ которой жилъ графъ И. Г. Орловъ, и которую посѣтила императрица Екатерина 3-го іюня 1767 года, въ свое волжское путешествіе, называлась селомъ Головкінымъ и находилась на луговой сторонѣ Волги, въ 45 верстахъ отъ Симбира (Сборникъ истор. и геогр. материаловъ по Симб. губерніи на 1868 г., стр. 146).

10) Съ 1764 года графъ Федоръ Григорьевичъ Орловъ занималъ должность оберъ-прокурора сената.

11) Въ апрѣлѣ 1766 года графъ Румянцовъ, гостившій тогда въ Петербургѣ, былъ еще здоровъ. Прикомандированный къ канцеляріи Румянцова и прибывшій съ нимъ въ Петербургъ, юный Безбородко (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и канцлеръ), писалъ, отъ 18-го апрѣля 1766 года, въ Малороссію къ своему отцу: „Его сіятельство (графъ И. А. Румянцовъ), въ 12 день сего мѣсяца, поѣхалъ съ Александромъ Ильичемъ Бибиковымъ въ Гатчину, деревню графа Григорья Григорьевича (Орлова), въ 45 верстахъ отъ С.-Петербурга, гдѣ и самъ его сіятельство (графъ Орловъ) теперь находится. О возвращеніи ихъ еще не слышно, а усовѣтѣнно завтра всѣ будутъ“ (*Н. И. Григоровичъ. Канцлеръ князь А. А. Безбородко. I, С.-Пб. 1872, стр. 235*).

12) Другими словами: Чернецы не въ одномъ Симоновѣ (московскій Симоновъ монастырь).

13) То-есть, Малороссії.

14) Братья Орловы, выѣхавъ въ свитѣ императрицы изъ Москвы 28-го апрѣля 1767 года, прибыли въ Тверь, для волжскаго путешествія ея величества, 29-го апрѣля. Этимъ опредѣляется время написанія настоящаго письма, именно 23-го апрѣля 1767 года.

15) Графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ былъ Вяземскимъ дворянскимъ депутатомъ въ Екатерининской комиссіи объ уложеніи (1767—1768 гг.). При избраніи въ маршалы комиссіи онъ получилъ наибольшее число голосовъ (278 противъ 150-ти неизбирательныхъ); потомъ Волоколамскій депутатъ—графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ; за нимъ—Костромской депутатъ Александръ Ильичъ Бибиковъ. Екатерина утвердила послѣдняго, написавъ на докладѣ, что графъ Орловъ „просилъ о увольненіи, а графъ Чернышовъ обязанъ многими дѣлами“ (*Сборн. Русск. Ист. Общ., IV, 55*).

16) Можетъ быть, это графъ Виллимъ Романовичъ Брюсъ, братъ графа Александра Романовича Брюса, сынъ котораго, графъ Яковъ Александровичъ, былъ женатъ на сестрѣ Румянцова.

17) Сергій Матвѣевичъ Козьминъ. 20-го марта 1764 года, онъ, состоя въ должности артиллеріи военнаго совѣтника, опредѣленъ къ принятію членовъ, подаваемыхъ на высочайшее имя, съ производствомъ въ действительные статскіе совѣтники (*Сборникъ Русск. Ист. Общ. VII, 360, подъ строкою*).

18) Графъ Владимиrъ Григорьевичъ Орловъ, состоявшій, вмѣстѣ съ братомъ графомъ Григорiemъ, въ свитѣ императрицы во время путешествія ея по Волгѣ (1767 г.), 7-го іюня отѣхлился отъ царскаго иоѣзда и продолжалъ путешествіе самостоятельно. Онъ возвратился въ Москву 13-го іюля.

19) Графиня Прасковья Александровна, сестра графа Петра Александровича Румянцова, была за графомъ Яковомъ Александрови-

чемъ Брюсомъ, который потомъ былъ главнокомандующимъ въ обѣихъ столицахъ.

20) Объ этихъ распоряженіяхъ касательно прекращенія неистовствъ гайдамаковъ, какъ въ Нольшѣ, такъ и въ пограничныхъ мѣстахъ турецкихъ, подробно объяснено въ реляціи графа Румянцова, отъ 3-го іюля 1768 года (Архивъ Военно-походн. канцеляріи графа П. А. Румянцова-Задунайскаго. Ч. I, стр. 24).

21) Въ то время графъ Владимира Григорьевич Орловъ былъ женатъ фрейлины Елизаветы Ивановны Штакельбергъ, состоявшей при императрицѣ Екатеринѣ во время ея путешествія по Волгѣ.

22) По этому предмету графъ Румянцовъ отвѣчалъ прямо на имя императрицы, какъ это видно изъ слѣдующаго ея письма къ нему, отъ 4-го сентября 1768 года: „Графъ Петръ Александрович! Вы пишете ко мнѣ, что графъ Моисей Владиславичъ продаетъ свои малороссійскія маєтности, чего ради, поторгуйте ихъ у него и о цѣнѣ ихъ меня уведомите, приложа при томъ ваше обѣ нихъ мнѣніе“ (рукописный сборникъ графа Д. А. Толстаго. У. Р. А.). Упоминаемый въ письмѣ императрицы графъ Моисей Ивановичъ Владиславичъ-Рагузинскій — родной племянникъ знаменитаго Саввы Лукича.

23) Въ совѣтѣ, учрежденномъ при высочайшемъ дворѣ по случаю войны съ Турцией, во второмъ по счету засѣданіи его, состоявшемся 6-го ноября 1768 года, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ объявилъ волю императрицы о назначеніи главнокомандующими дѣйствующихъ армій: первой—генераль-аншефа князя Александра Мих. Голицына, а второй—графа П. А. Румянцова.

24) Жена графа Владимира Григорьевича Орлова, графиня Елизавета Ивановна, рожденная Штакельбергъ.

25) Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, для окончательного поправленія отъ перенесенной имъ опасной болѣзни, отправился, еще въ іюнь 1768 года, въ чужie края къ минеральнымъ водамъ. Ему сопутствовалъ братъ его графъ Федоръ Григорьевичъ. „Чтобы не подать повода къ безполезнымъ замѣчаніямъ о ихъ путешествіи“, они отправились подъ именемъ *господъ Острововыхъ*, по имени подмосковнаго села Острова, принадлежавшаго графу Алексѣю Григорьевичу (Русск. Арх. 1876, II, 270). Братья Орловы провели зиму 1768 года въ Пизѣ, потомъ проживали въ другихъ городахъ Италии, между прочимъ и въ Венеции.

26) Братъ жены графа Владимира Григорьевича Орлова.

27) Фельдмаршаль графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ съ 1763 до 1772 года былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

28) Генераль-адъютантъ премьеръ-майорскаго чина Николай Ша-

рыгинъ, состоявшій въ 1769 году при графѣ Григоріи Григорьевичѣ Орловѣ, началъ службу въ 1745 году (Списокъ Воинскому департаменту на 1769 годъ).

29) Генералъ-поручикъ (Магнусъ) Максимъ Васильевичъ Берхъ, командовалъ въ арміи Румянцова корпусомъ, дѣйствовавшимъ въ Крыму.

30) 13-го августа 1769 года графъ З. Г. Чернышевъ объявилъ въ совѣтъ высочайшую волю, чтобы графъ Румянцовъ былъ главнокомандующимъ первой дѣйствующей арміи. На мѣсто же графа Румянцова главнокомандующимъ второй арміи назначенъ былъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, начавшій свое боевое поприще еще подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха, съ которымъ дѣйствовалъ въ Крыму въ 1736 году.

31) Графъ Владимира Григорьевича Орловъ съ октября 1766 года состоялъ директоромъ Академіи наукъ. Упоминаемый въ письмѣ его Степанъ Паручекъ, вѣроятно, былъ стипендіатомъ графа Румянцова. Послѣдній, въ письмѣ къ графу Владимиру Григорьевичу, отъ 3-го октября 1767 года, говоритъ о другомъ Паручкѣ, Федорѣ (вѣроятно, братъ вышеупомянутаго Степана Паручка), находившемся въ академіи „для словесныхъ наукъ“. Румянцовъ поручалъ Орлову выдавать Федору Паручку по 120 рублей въ годъ (Біографіческій очеркъ графа В. Г. Орлова. С.-Пб. 1878, т. I, стр. 178).

32) Ефимъ Бѣличъ въ 1768 году прибыль изъ Черногоріи въ Петербургъ, по присылкѣ извѣстнаго самозванца Степана Малаго; произведенъ въ поручики и въ декабрѣ того же года отправленъ, вмѣстѣ съ своимъ дядей, гусарскимъ полковникомъ Яковомъ Эзdemировичемъ, въ Черногорію съ политическими порученіями. „Оба они“, писала императрица Екатерина къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, отъ 29-го января 1769 года, — „родомъ изъ черногорскаго дворянства и предъявляютъ быть тамъ не безъ знати и кредита“ (Сборникъ Русск. Истор. Общ., I, стр. 3).

33) Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ домогался поступить волонтеромъ въ дѣйствующую армію, подъ начальствомъ графа Румянцова. Сравн. это письмо съ помѣщеною подъ № 31-мъ запискою Орлова.

34) Здѣсь идетъ рѣчь о командахъ артиллерійскихъ, которыя графъ Г. Г. Орловъ, какъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, отправилъ въ Киевъ, для дальнѣйшаго слѣдованія къ дѣйствующей арміи.

35) Генералъ-маіоръ Сенъ-Маркъ упоминается въ реляціи главнокомандующаго второй арміи графа П. И. Панина, отъ 28-го октября 1770 года (Архивъ Государств. Совѣта, I, 70).

36) Николай Ивановичъ Салтыковъ (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь и фельдмаршалъ) сражался подъ знаменами Румянцова и въ Семилѣтнюю войну. Потомъ онъ былъ воспитателемъ великихъ князей Александра и Константина Навловичей.

37) Генералъ-поручикъ баронъ (впослѣдствіи графъ) Иванъ Карповичъ Эльмпѣтъ командовалъ корпусомъ въ арміи графа Румянцова. У Эльмпѣта вышли неудовольствія съ Румянцовомъ изъ-за молдавской экспедиціи. „Намѣренію моему“, писалъ Румянцовъ въ реляції, отъ 3-го февраля 1770 года,—„нанесъ первѣе трудности генералъ-поручикъ баронъ Элмпѣтъ, котораго молдавская экспедиція, а паче поспѣшный оттуда изворотъ, была одно и сущее изнуреніе войску“ (Чтенія 1865, II, отд. 2, стр. 8).

38) Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, предмѣстникъ графа Румянцова по командованію первою арміею. Румянцовъ былъ женатъ на его родной сестрѣ, княжнѣ Екатеринѣ Михайловнѣ.

39) Можетъ быть, это тотъ самый Леопольдъ Бухольцъ, который 26-го марта 1791 года, за Вторую Турецкую войну былъ пожалованъ изъ генералъ-майоровъ въ генералъ-поручики (Н. И. Григоровичъ Канцлеръ князь А. А. Безбородко, II, 534).

40) 1-го декабря 1769 года, въ присутствіи императрицы, читано было въ совѣтѣ мнѣніе графа Румянцова о будущей (въ 1770 г.) кампаніи, которое въ главныхъ пунктахъ и апробовано (Архивъ Государств. Совѣта, I, 38).

41) Второю дѣйствующею арміею съ 13-го августа 1769 года командовалъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ.

42) Подпоручикъ л.-гв. Измайловскаго полка Сергѣй Александровичъ Хотянцовъ служилъ волонтеромъ въ дѣйствующей арміи графа Румянцова, по представленію коего онъ былъ пожалованъ 22-го сентября 1770 года орденомъ св. Георгія 4 степени.

43) Письмо это уже было напечатано съ отпуска, сохранившагося въ бумагахъ графа Владимира Григорьевича Орлова (Біографический очеркъ его. С.-Пб. 1878. Т. I, 180). Разница отпуска противъ подлинника незначительна. Тамъ дата выставлена гадательно, и кромѣ того, есть одно лишнее слово—„въ Петербургѣ“, въ концѣ письма, въ томъ мѣстѣ, где говорится о предполагаемомъ свиданіи съ двумя братьями Штакельбергами.

44) Въ совѣтѣ, 1-го февраля 1770 года, генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій читалъ заготовленное имъ письмо къ графу Румянцову о передѣлкѣ мѣдныхъ пушекъ въ деньги, по проекту барона Гартенберга (Архивъ Государств. Совѣта, II, 311).

45) Въ то время Шотемкинъ, состоявшій уже въ чинѣ генералъ-майора, съ отличиемъ сражался подъ знаменами Румянцова.

46) Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, вице-президентъ, а съ 1773 года президентъ Военной коллегіи.

47) Генералъ-поручикъ Христофоръ Федоровичъ фонъ-Штофельнъ, состоя въ арміи графа Румянцова, начальствовалъ въ Молдавіи. Онъ

умеръ 30-го мая 1770 года, сраженный моровою язвою. Румянцовъ, донося объ его смерти императрицѣ, писалъ: „Сie приключение смущаетъ меня несказанно, какъ потеря благоразумнаго полководца, который изъ наивеличайшаго усердія къ службѣ пожертвовалъ собою“ (Чтенія 1865 г., II, стр. 82). Мѣсяца за три до смерти Штофельнъ вынужденъ былъ отступить отъ Браилова, ибо не имѣлъ осадныхъ орудій. По пути отступленія онъ выжегъ всѣ селенія. Это привело въ негодованіе Екатерину. Въ *секретномъ* письмѣ къ Румянцову, отъ 5-го марта 1770 года, императрица писала: „Графъ Петръ Александровичъ. Письмо ваше, отъ 22-го февраля, я вчера вечеру получила. Упражненія господина Штофельна въ выжиганіи города за городомъ и деревень сотнями, признаюсь, что мнѣ весьма неурѣтны. Мнѣ кажется, что безъ крайности на такое варварство поступать не должно. Когда же безъ нужды то дѣлается, то становится подобно тѣмъ дѣламъ, кои у насъ изстари бывали на Волгѣ и на Сурѣ. Я вѣдаю, что вы такъ, какъ и я, не находите удовольствіе въ подобныхъ происшествіяхъ. Пожалуй, умите Штофельна! Истребленіе всѣхъ тамошнихъ мѣстъ, ни ему лавръ не панесетъ, ни намъ барыша, наипаче, если то суть христіянскія жилища“ (рукописный сборникъ графа Д. А. Толстого *У. Р.* *А*). Графъ Румянцовъ всячески защищалъ Штофельна предъ императрицей. „Трудно соблюдать“, писалъ онъ,— „мѣры благости противъ такого непріятеля, котораго поступки есть одна лютость и безчеловѣчие... Примѣры варварства турокъ столько ожесточаютъ наши войска, что выходятъ сіи изъ всякой противъ нихъ пощады“ (Чтенія 1865 г., II, стр. 34).

49) То-есть, пребывавшихъ за-моремъ графовъ Алексѣя и Федора Григорьевичей Орловыхъ.

50) Генералъ-маіоръ князь Федоръ Федоровичъ Щербатовъ. Онъ началъ службу въ 1740 году. Въ 1771 году, апрѣля 12-го, получилъ за отличіе орденъ св. Георгія 3-й степени.

51) Графъ Захарь Григорьевичъ, бывшій въ то время вице-президентомъ Военной коллегіи.

52) Генералъ-маіоръ Андреянъ Владыкинъ. Въ службѣ съ 1734 года; съ 1768 года оберъ-штеръ-кригсъ-комисарь; съ 1769 года состоялъ при дѣйствующей арміи (Списокъ Воинскому департаменту на 1769 годъ).

53) Именно въ 1770 году въ армію Румянцева перешелъ, въ чинѣ капитана, Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ (знаменитый вноскладствіи графъ Голенищевъ-Кутузовъ князь Смоленскій) и поступилъ подъ непосредственное начальство генералъ-квартирмейстера Баура. Но о немъ ли идетъ рѣчь въ письмѣ графа И. Г. Орлова и въ какомъ родствѣ состоялъ Кутузовъ съ Румянцевымъ, не знаю. Въ арміи Румянцева былъ

еще другой Кутузовъ, секундъ-маиоръ Петръ Юдичъ, который 1-го ноября 1770 года былъ пожалованъ за отличие орденомъ св. Георгія 4-й степени.

54) Вѣроятно, это старшій сынъ оберъ-церемоніймейстера Николая Наумовича Чоглокова и Мары Симоновны (рожденной графини Генріковой, двоюродной сестры императрицы Елизаветы Петровны), Наумъ Николаевичъ Чоглоковъ, который именно въ 1770 году, состоя въ чинѣ подполковника, слѣдовалъ на Кавказъ для поступленія волонтеромъ къ извѣстному графу Тотлебену. Весьма естественно, что по пути Чоглоковъ пожелалъ представиться Румянцову, для чего и за пасся рекомендательнымъ письмомъ отъ графа Григорія Григорьевича Орлова. Объ Наумѣ Никол. Чоглоковѣ и объ его братьяхъ см. Сборникъ Русск. Истор. Общества, X, стр. 441 (подъ строкою).

55) Оберштеръ-кригсъ-коммисарь Петръ Сергеевичъ Свињинъ 27-го іюня 1772 года произведенъ въ бригадиры, а 12-го апрѣля 1773 года—въ генералъ-маиоры (Списокъ Воинскому департаменту на 1773 годъ).

56) Селецкій, Иванъ Яковлевичъ, управлялъ однимъ изъ имѣній графа Румянцова, а братъ его, Лаврентій Яковлевичъ, въ 1786 году былъ малороссійскимъ почтъ-директоромъ.

57) Воскресенскій Новодѣвичій монастырь, въ Шетербургѣ, нынѣ Смольный монастырь.

58) Порт-Магонъ, главный городъ на островѣ Миноркѣ, въ Испаніи. Это портъ и крѣпость.

59) Генералъ-маиоръ князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ, старшій братъ героя Чесменского боя, князя Юрія Владимірова Долгорукова. Былъ дежурнымъ генераломъ арміи Румянцова.

60) Адъюнктъ Крафтъ былъ командированъ Академіею наукъ для географическихъ изслѣдований въ Молдавію и Валахію. Позже, именно въ январѣ 1771 года, графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, въ письмѣ къ Румянцову, припоминалъ между прочимъ слѣдующее: „Я одного ученаго, Крафта, къ вамъ посыпалъ; однако онъ, испужавшись, воротился изъ Хотина“ (Біографический очеркъ графа В. Г. Орлова. Т. I. С.-Шб. 1878, стр. 243).

61) Состоявшій въ арміи графа Румянцова секундъ-маиоръ Петръ Мельгуновъ, вѣроятно, сынъ извѣстнаго Алексея Петровича Мельгунова, генералъ губернатора Ярославскаго и Вологодскаго.

62) Настоящее письмо Григорія Григорьевича Орлова есть отвѣтъ на шутливое посланіе Румянцова, которое, къ сожалѣнію, не сохранилось. Безъ этого посланія, самое письмо представляется весьма страннѣмъ, мѣстами—даже непонятнымъ.

63) Федоръ Вилимовичъ Бауэръ, впослѣдствіи инженеръ-генералъ,

лишь въ 1769 году принять былъ въ русскую службу, съ чиномъ генералъ-майора. Въ арміи Румянцова онъ занялъ должность генераль-квартирмейстера. Составленныя имъ карты нашихъ военныхъ дѣйствій въ Турецкую войну драгоцѣнны по своей точности и искусной отдачѣ.

64) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, въ письмѣ къ вице-канцлеру князю А. М. Голицыну, изъ Пизы, отъ 8-го февраля 1770 года, писалъ: „Ваше сіятельство, о прибытіи двухъ нашихъ кораблей и одного фрегата въ Ливурнъ конечно извѣстны и о всѣхъ обстоятельствахъ касательно до сей морской экспедиціи... Люди, слава Богу, на корабляхъ здоровы; но всѣ почти, въ пути семъ дальнемъ, болѣзни имѣли“ (Русск. Архивъ 1876, II, стр. 281).

65) Англійскій уроженецъ Джонъ Эльфинстоунъ былъ принятъ въ русскую службу, съ чиномъ контроль-адмирала, въ 1769 году. Въ томъ же году, 9-го октября, онъ вышелъ изъ Кронштадта съ порученою ему эскадрою въ Средиземное море. Сильные вѣтры и штормы весьма препятствовали плаванію. Почти всѣ корабли и суда эскадры были повреждены. Эльфинстонъ вынужденъ былъ укрыться въ Портсмутѣ, откуда выступилъ въ дальнѣйшій путь лишь 2-го апрѣля 1770 года. Вскорѣ послѣ Чесменского боя Эльфинстонъ оставилъ службу, вслѣдствіе неудовольствій съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ.

66) Валахскій господарь Григорій Гика, князь Священной Римской имперіи, 18-го октября 1769 года взялъ военно-илѣннымъ въ своей столицѣ Букарештѣ подполковникомъ Назаромъ Каразиномъ (родомъ болгаринъ), отцомъ достопамятнаго Василья Назарьевича Каразина.

67) Извѣстная пословица: „не лѣвой ногой сморкается“. У Орлова, вместо ноги — хадара. Въ словарѣ Даля находится слово ходырка, которое, по его объясненію, есть „шуточное — нога“: четыре ходырки — двѣ растопырки.

68) Полковникъ Астраханскаго полка Иванъ Васильевичъ Гудовичъ (впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ) 25-го февраля 1770 года былъ представленъ за отличие къ бригадирскому чину.

69) Графъ Румянцовъ, въ письмѣ, отъ „ферваля 1770 года (Чтенија 1865 г., II, стр. 22), просилъ графа Григорія Григорьевича Орлова отвѣтить въ дружескую конфиденцію, какъ „наши вынѣшнія побѣды пріемлются не въ разсужденіи меча, но въ разсужденіи огня“ (см. выше, примѣч. 47). Очевидно, настоящее письмо Орлова есть отвѣтъ на упомянутый запросъ Румянцова, а потому было написано, примѣрно, въ февралѣ или марта 1770 года.

70) Вѣроятно, это нефть, горное или земляное масло. Извѣстно, что Молдавія изобилуетъ минеральными горами.

71) Ладанъ земляной — корень растенія мяунъ, valeriana.

72) Въ первый же годъ воцаренія Екатерини (1762) при высок-

чайшемъ дворѣ учреждена была военная комиссія для разсмотрѣнія военныхъ штатовъ. Коммиссія, согласно данной инструкціи, „прежде нежели приступить къ начатію повелѣннаго дѣла, сочинила примѣрный штатъ одному пѣхотному и одному конному полку“. Сочиненные комиссіею новые штаты были утверждены императрицею въ 1763 г. и затѣмъ, черезъ Военную коллегію, разосланы „по командамъ, для переформированія полковъ въ сіи новые штаты“ (1-е Полн. Собраніе Закон. Росс. Имп. Т. XLIII, часть I. Книга штатовъ, отдѣленіе 1, стр. 1—10).

73) Александръ Ивановичъ Глѣбовъ занималъ должность генераль-кригсъ-коммиссара съ 1760 года. Онъ былъ женатъ на племянницѣ императрицы Елизаветы Петровны, вдовѣ оберъ-церемоніймейстера Мары Симоновны Чоглоковой (рожд. графинѣ Гендриковой). Кроме этого обстоятельства, возвышенію Глѣбова весьма способствовали „знаемость и короткое обхожденіе, еще въ молодости, съ графомъ Петромъ Шуваловымъ, въ рукахъ котораго онъ совершенно находился и напоился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для ихъ самихъ“ (слова Екатерины II. См. Чтенія 1858 г., кн. I, стр. 101). Глѣбовъ пріобрѣлъ расположение и великаго князя Петра Федоровича, который по вступленію на престолъ, 25-го декабря 1761 года, назначилъ его генераль-прокуроромъ на мѣсто князя Якова Петровича Шаховскаго. Императрица Екатерина въ 1764 году вынуждена была уволить Глѣбова отъ должности генераль-прокурора, но сохранила за нимъ мѣсто генераль-кригсъ-коммиссара. Глѣбовъ умеръ въ 1790 году.

74) Существовали Чарторижскіе, принадлежавшіе къ побочной вѣтви князей Чарторижскихъ. Изъ представителей этой побочной вѣтви извѣстенъ бывшій флигель-адъютантъ императора Петра III, Михаилъ Чарторижскій, первый мужъ Софии Степановны Чарторижской (рожденной Ушаковой), матери *Семена Великаго...* (Д. О. Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. С.-Пб. 1882, стр. 68).

75) Въ Спискѣ Воинскому департаменту на 1770 годъ показанъ Петръ Мельгуновъ въ числѣ генераль-адъютантовъ преміеръ-маиорскаго чина, состоявшихъ при генераль-фельдцейхмейстерѣ графѣ Г. Г. Орловѣ (см. выше, примѣч. 61).

76) То-есть, деревень грава Моисея Владиславича Рагузинскаго (см. выше, примѣч. 22).

77) Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣнѣ съ 28-го мая 1761 по 9-е апрѣля 1792 года. Умеръ въ Парижѣ 19-го сентября 1793 года. Онъ обезсмертіль свое имя учрежденіемъ въ Москвѣ извѣстной Голицынской больницы.

78) То-есть, публикѣ.

- 79) Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ.
- 80) Побѣда сія одержана въ окрестностяхъ мѣстечка Рябая Могила, въ Молдавіи 17-го іюня 1770 года.
- 81) Маркизъ Маруцци, уроженецъ острова Корфу, русскій повѣренный въ дѣлахъ при Венеціанской республикѣ съ 1768 по 20-е апрѣля 1783 года.
- 82) Крѣпость Наваринъ была взята 10-го апрѣля 1770 года бригадиромъ Иваномъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ, дѣдомъ Пушкина.
- 83) Полковникъ Карль Ивановичъ фонъ-Каульбарсъ въ службѣ вступилъ въ 1743 году; съ 1763 года значится генеральсь-адъютантомъ преміеръ-майорскаго чина при графѣ Петре Александровичѣ Румянцовѣ; съ 22-го сентября 1778 года—генераль-майоръ (Списокъ Воинскому департаменту на 1778 годъ). 19-го іюля 1770 года, онъ привезъ императрицѣ извѣстіе о побѣдѣ при Ларгѣ. По свидѣтельству современника Лѣсницкаго, Каульбарсъ „почитался домашнимъ у Румянцова“ (рукописный сборникъ графа Д. А. Толстого У. Р. А.).
- 84). Побѣда близъ рѣки Ларгѣ, въ Молдавіи, одержанная 7-го іюля 1770 года.
- 85) Румянцовъ возведенъ, за Кагулъ, въ достоинство фельдмаршала 2-го августа 1770 года. Этимъ опредѣляется приблизительно время написанія настоящаго письма.
- 86) Бендери взяты графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ 16-го сентября 1770 года. Реляція о семъ читана въ совѣтѣ 4-го октября того же года.
- 87) То-есть, къ артиллерійскимъ командамъ (см. выше, примѣч. 34).
- 88) Старшаго брата, графа Ивана Григорьевича.
- 89) Привезенное Потемкинымъ письмо къ Орлову помѣчено 8-мъ числомъ сентября 1770 года. Оно напечатано въ Чтеніяхъ за 1865 годъ (II, отд. 2, стр. 111).
- 90) Служившій въ арміи Румянцова полковникъ Францъ Николаевичъ Кличка 22-го сентября 1770 года былъ пожалованъ за отличие орденомъ св. Георгія 4-й степени, а 30-го іюля 1773 г.—тѣмъ же орденомъ 3-й степени.
- 91) Какъ ни старался графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ установить добрыя отношенія между Румянцовымъ и своимъ пріятелемъ Бауеромъ, дѣло это не удавалось. Дошло наконецъ до того, что Румянцовъ, въ письмѣ къ графу Ивану Григорьевичу Орлову отъ 5-го января 1772 года, вынужденъ былъ написать слѣдующее: „Я свои дѣйствія поставлялъ въ немалую дѣну, а только теперь узналъ, что они не чрезвычайны. Г. Бауръ, какъ я слышу, предъ одними приписывается щастію, а другимъ за дѣла своего предположенія онъя представляеть.

Я желалъ бы, чтобъ только онъ одинъ былъ сего мнѣнія... Г. Боуръ на щастіи и фортунѣ, какъ на возникахъ,ѣздитъ и по дорогамъ тѣмъ только, гдѣ польза его собенная приносить ему вѣвъ выгоды, и гдѣ онъ, такъ сказать, ничего не ронилъ и не роняетъ. Скажу я тебѣ въ дружескую конфиденцію: сей г. Боуръ, при побужденіяхъ моихъ къ дѣлу, разъ мнѣ письменно отвѣтствовалъ, что онъ будетъ *старатся исполнить, хотя онъ отнюдь не того мнѣнія, какъ въ С.-Петербургѣ полагаютъ, чтобы покупать все то ильною крови, что тамъ же доставать можно и даромъ!* Правило сіе чуть не присвоилъ ли онъ всю свою службу" (Журналъ партикулярныхъ писемъ графа П. А. Румянцова 1772 году. Изъ собранія Г. Ф. Штендмана).

92) Das Scharmützel = схватка, стычка, сшибка.

93) Jeu de paume = игра въ мячъ.

94) Ворогуша = лихоманка, лихорадка.

95) Въ Спискахъ георгіевскихъ кавалеровъ показано, что 19-го августа 1773 года, капитанъ-поручику Петру Михайловичу Лунину пожалованъ за отличіе орденъ св. Георгія 4-й степени.

96) Эта картинка, гравированная на мѣди Ходовецкимъ, съ изображеніемъ побѣды Румянцова при Кагулѣ (*Ровинскій*. Подробный Словарь Русскихъ гравированныхъ портретовъ. С.-Пб. 1889, столб. 1614, № 21).

97) Графъ Румянцовъ, въ письмѣ къ графу В. Г. Орлову, отъ 7-го января 1771 года, писалъ: „Я съ симъ курьеромъ представилъ къ всемилостивѣйшей государынѣ мое прощеніе о пожалованіи знаковъ военнаго ордена братцу графини вашей, Василью Ивановичу“. Въ Спискахъ георгіевскихъ кавалеровъ показано, что 8-го марта 1771 года пожалованъ за отличіе орденомъ св. Георгія 4-й степени секундъ-маіоръ Василій Штакельбергъ.

98) Письмо это уже напечатано, тоже безъ даты и безъ всякой разницы противъ нашего подлинника, по сохранившемуся въ бумагахъ графа В. Г. Орлова *отпуску* (Біографический очеркъ графа В. Г. Орлова, I, С.-Пб. 1878, стр. 180).

99) Въ Спискахъ георгіевскихъ кавалеровъ показано, что 26-го ноября 1775 года пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й степени подполковникъ Андрей Яковлевич Леванидовъ. А во 2-ю Гурецкую войну Румянцовъ, въ реляціи отъ 10-го апрѣля 1789 года, рекомендовалъ артиллерійскаго генераль-маіора Леванидова.

100) Иванъ Васильевичъ Чертовъ 26-го декабря 1761 года былъ произведенъ изъ вахмистровъ конной гвардіи въ подпоручики. 30-го июля 1774 года, уже въ чинѣ полковника, онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

101) Капитанъ Иванъ Ивановичъ Исленьевъ былъ командированъ

Академіей наукъ въ дѣйствующую армію, „дѣлать астрономическія наблюденія для совершенства географіи“.

102) Румянцовъ, въ письмѣ къ графу Ивану Григорьевичу Орлову отъ 13-го января 1771 года, писалъ: „Я имѣлъ надобность одного штабъ-офицера посыпать за Дунай, къ верховному новому визирю. Онъ, возвратясь оттуда, между прочими извѣстіями, принесъ мнѣ сіе наиродостнѣйшее, что его сultанской Кигай Измаилъ, изъ первыхъ чиновъ Порты и знаменитую довѣренность носящій, который къ новому нынѣшнему визирю отъ султана, по нашему сказать, дядькою опредѣленъ, — вопрошалъ наилюбопытнѣе: Не имѣетъ ли братій или родни какойой здѣсь, въ арміи, графъ Алексѣй Григорьевич Орловъ, командающій флотомъ въ Архипелагѣ? И увѣдавъ, что братъ его, вы и другіе, находитесь въ С.-Петербургѣ, а одинъ съ нимъ на флотѣ, продолжалъ изъясняться съ восхищеніемъ, что онъ во вѣки не забудетъ великодушного благодѣянія, которое оказалъ для него братецъ вашъ, и за щастіе сочтеть, ежели можетъ имѣть случай чѣмъ ему отслужить. Поступокъ для него благотворительной отъ братца вашего произошелъ слѣдующимъ образомъ: Дочь свою сей Кигай изъ Мисира отправилъ водою въ Царьградъ, ѿхавъ самъ туда сухимъ путемъ. Корабль, на которомъ она плыла съ своими служанками, достался въ пленъ нашему флоту. Графъ Алексѣй Григорьевич, получа сю плѣнницу семнадцатилѣтнюю, не только не допустилъ ея никому изъ военныхъ людей видѣть, но и самъ отъ того уклонился и, подаря ей бриллантовой перстень, отпустилъ на томъ же кораблѣ со всѣмъ ей принадлежащимъ къ отцу въ Царьградъ. Сие великодушное добродѣяніе воспalaляетъ къ благодарности помянутаго Кигаю. Возрадуйся, любезной графъ, симъ извѣстіемъ, внимая, сколь поступки человѣколюбивые возвышаютъ имя братца вашего, прославленное съ другой стороны геройскими подвигами“ (Журналъ цартикулярныхъ писемъ графа П. А. Румянцева въ 1771 году. Изъ собранія Г. О. Штендмана).

103) Уголь письма съ словомъ, примѣрно, въ шесть-семь буквъ оторванъ. Осталась только первая буква б.

104) 21-го іюня 1770 года совѣтъ разсуждалъ о находящихся въ Петербургѣ молдавскихъ и валашскихъ депутатахъ, чтобы ихъ не отпускать и сдѣлать о нихъ какое-либо опредѣленіе, по чтобъ между тѣмъ дать имъ займообразно, на ихъ содержаніе, 5000 рублей.

105) Андрей Григорьевич Розенбергъ въ 1768 году, въ чинѣ секундъ-маіора, отправленъ былъ императрицею въ Италію къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову. Онъ участвовалъ въ Чесменскомъ боѣ. Впослѣдствіи Розенбергъ былъ корпуснымъ командиромъ русскихъ войскъ въ Италии, подъ главнымъ начальствомъ Суворова. Умеръ въ 1814 году.

106) Князь Петръ Петрович Долгоруковъ, двоюродный племянникъ героя Чесменского боя, князя Юрия Владимировича Долгорукова. По открытии войны съ Турцией онъ отправился въ Морею, гдѣ, подъ начальствомъ графа Алексія Григорьевича Орлова, командовалъ такъ называемымъ спартанскимъ легіономъ. Въ концѣ царствованія Екатерины, князь П. И. Долгоруковъ былъ московскимъ губернаторомъ, а при императорѣ Павлѣ—начальникомъ Тульского оружейного завода.

107) У графа Петра Александровича Румянцева было три сына: графъ Михаилъ Петровичъ, впослѣдствіи оберъ-шенкъ высочайшаго двора, умеръ холостымъ, въ 1806 году; графъ Николай Петровичъ (р. 1751 † 1826), впослѣдствіи государственный канцлеръ, и графъ Сергій Петровичъ, родившійся въ 1755, умеръ въ 1838 году.

108) Князь Василій Владимирович Долгоруковъ (см. выше, примѣчаніе 59), слѣдовавшій съ настоящимъ письмомъ графа Ивана Григорьевича Орлова, гдѣ-то былъ задержанъ по случаю чумы и явился къ арміи лишь во второй половинѣ іюня, какъ это видно изъ отвѣтнаго письма Румянцева отъ 20-го іюня 1771 года. Въ этомъ письмѣ Румянцевъ, по поводу выраженнаго императрицею желанія, чтобы *всі* сыновья его были при немъ, писалъ слѣдующее: „Объ опредѣленіи въ свой штатъ моего сына я не смѣль прежде просить, но если ваше сіятельство можете мнѣ въ томъ сдѣлать милость, то сіе ему благодѣяніе восприму я за собственное мнѣ. Но чтобъ другихъ своихъ дѣтей имѣть мнѣ при себѣ, въ настоящихъ ихъ лѣтахъ (см. выше, прим. 107), на то я рѣшился не могу, по разсужденію, что науку и способность есть имъ случай пріобрѣтать въ тѣхъ мѣстахъ болѣе, нежели здѣсь. Мы довольно видимъ примѣровъ, яко не отъ того люди дѣлаются искусными въ военномъ ремеслѣ, что въ самомъ юношествѣ вышли въ полевую службу. Надобно изострить свой талантъ прежде ученіемъ, а потомъ пуститься на практику“ (Шартикулярныя письма графа П. А. Румянцева 1771 году. Изъ собранія Г. О. Штендмана).

109) Петръ Алексѣевичъ Еропкинъ—весьма дальний родственникъ генералъ-аншефа Петра Дмитріевича Еропкина, при которомъ онъ состоялъ генераль-адъютантомъ съ 1762 до 1770 года, когда былъ переведенъ секундъ-маіоромъ въ кирасирскій наслѣдниковъ полкъ (изъ собранія родословныхъ Юрикова дома, принадлежащаго В. В. Руммелю).

110) Ротмистръ конной гвардіи Александръ Абалдуевъ недолго оставался въ арміи Румянцева. Въ 1772 году онъ перешелъ въ армію Александра Ильича Бибикова и участвовалъ въ войнѣ съ польскими конфедератами. 14-го іюля того же года Абалдуевъ былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

111) Павелъ Сергеевичъ Шотемкинъ (съ 1794 года графъ), вну́чательный братъ князя Таврическаго. Въ бытность генераль-губернаторомъ

Саратовского и Кавказского намѣстничества, привелъ въ русское подданство (1783 г.) Карталинію и Кахетію. Любилъ заниматься литературой. Его сочиненія—трагедія Магометъ, Исторія о Пугачевѣ, Описание Кавказскихъ народовъ и проч. Умеръ въ Москвѣ, 29-го марта 1796 года, въ чинѣ генералъ-аншефа.

112) О князѣ Гикѣ см. выше, примѣч. 66. Румянцовъ писалъ графу Никитѣ Ив. Шанину 29-го августа 1771 года: „Усугубляю мою просьбу обѣ избавленіи меня отъ такого человѣка, котораго долженъ я всегда подозрѣвать поведеніе, не имѣя отъ его бытности никакой пользы“.

113) Графъ Никита Ивановичъ Шанинъ съ 1763 года управлялъ Коллегіей иностранныхъ дѣлъ.

114) Городъ Исакчи (укрѣпленный замокъ на правой сторонѣ Дуная, на самомъ берегу) былъ взятъ 16-го апрѣля 1771 года генералъ-майоромъ фонъ-Вейсманомъ, при чемъ было сожжено огромное количество лодокъ, а также мостъ, построенный турками.

115) Румянцовъ, въ письмѣ къ графу Ивану Григорьевичу Орлову отъ 21-го апрѣля 1771 года, писалъ между прочимъ слѣдующее: „Я не могу спокойнымъ духомъ смотрѣть на чувствительность многихъ генераловъ, которые понесли отъ начала нынѣшнюю войну, но произведеніемъ быть досталось только тѣмъ, что спокойно сидѣли. Таковыхъ сюда прислали: Дерфельдена и фонъ-Ессена. Я не съ тѣмъ говорю, чтобы сихъ послѣднихъ тронуть достоинства, но только хочу сказать, есть ли ободреніе носить голову свою, когда равное право имѣютъ въ войнѣ и въ границахъ служащіе къ производству? Но я уже положилъ терпѣть и молчать“ (Журналъ партикулярныхъ писемъ графа П. А. Румянцова 1771 году. Изъ собранія Г. Ф. Штендмана).

116) Генералъ-аншефъ князь Платонъ Степановичъ Мещерскій въ Прусскую войну былъ „дежурнымъ при графѣ П. А. Румянцовѣ“ (рукописный сборникъ графа Д. А. Толстого $\frac{У. Р.}{А.}$). За тѣмъ, въ бытность Румянцова генералъ-губернаторомъ Малороссіи и президентомъ Малороссійской коллегіи, князь Мещерскій былъ членомъ означенной коллегіи и „усерднѣйшимъ помощникомъ Румянцова въ его хозяйствѣ“ по малороссійскимъ имѣніямъ (статья А. М. Лазаревскаго о Румянцовѣ, въ Кіевской Старинѣ 1896 г., декабрь, стр. 382). Потомъ князь Мещерскій былъ намѣстникомъ Казанскимъ, Симбирскимъ, Чензенскимъ и Вятскимъ. Оставилъ службу въ 1792 году. Императоръ Павелъ, немедленно по вступленіи на престолъ, назначилъ князя Мещерскаго, уже 83-хъ-лѣтнаго старца, генералъ-губернаторомъ въ Казань и пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго. Князь Платонъ Степановичъ умеръ въ декабрѣ 1799 года.

117) При взятіі форта Тульчи особенно отличился генералъ-маіоръ баронъ Отто Ивановичъ Вейсманъ фонъ-Вейсенштейнъ. Онъ первый спустился въ крѣпостной ровъ, черезъ амбразуру взошелъ на батарею и овладѣлъ ею.

118) Баронъ Сальдернъ, русскій посланникъ въ Варшавѣ съ февраля 1771 по сентябрь 1772 года. Румянцовъ, въ письмѣ къ графу Ивану Григорьевичу Орлову отъ 20-го іюня 1771 г., писалъ: „Я бы желалъ, мой милостивый графъ, чтобъ средній мой сынъ, Николай, доставленъ былъ въ Варшаву къ г. Сальдерну, который и самъ отзывался въ своемъ на то хотѣніи. Надѣяться можно на свойства сего министра, что молодой человѣкъ при немъ найдетъ свою пользу со стороны прощенія и образа жизни, ибо его умѣренность удалить, безъ сомнѣнія, можетъ и всѣхъ ему вѣренныхъ отъ роскоши, которыми наиболѣе портятся люди молодые“ (Журналъ партикулярныхъ писемъ графа Румянцова 1771 году). Изъ собранія Г. Ф. Штендмана).

119) Королевско-сардинской службы подполковникъ графъ Рабас-соми, поступившій волонтеромъ въ армію Румянцова, 14-го іюля 1772 года былъ пожалованъ за отличие орденомъ св. Георгія 4-й степени.

120) Сынъ извѣстнаго авантюриста графа Готлиба-Курта-Генриха Тотлебена.

121) Генералъ-маіоръ Петръ Ивановичъ Мелиссино, сынъ лѣкаря, выѣхавшаго при Петре Великомъ изъ Венециі. Съ 1782 года онъ былъ директоромъ Артиллерійскаго и инженернаго кадетскаго корпуса. Старшій братъ его, Иванъ Ивановичъ Мелиссино съ 1771 года до смерти своей былъ кураторомъ Московскаго университета.

122) Потемкинъ былъ уволенъ Румянцовымъ изъ арміи въ отпускъ, въ Петербургъ, въ началѣ сентября 1770 года, а въ началѣ слѣдующаго выѣхалъ изъ Петербурга обратно къ арміи. Этимъ опредѣляется приблизительно время написанія настоящаго письма.

123) Контръ-адмиралъ Арфъ, датчанинъ, принятый въ русскую службу въ 1770 году. Ему поручена была эскадра, состоявшая изъ трехъ кораблей и нѣсколькихъ транспортныхъ судовъ.

124) Герой Чесменского боя, адмиралъ Григорій Андреевичъ Спиридовъ, родился въ 1713 году, умеръ въ Москвѣ въ 1790 году.

125) 5-го сентября 1771 года въ совѣтѣ было читано полученное вице-канцлеромъ письмо изъ Вѣны, отъ полномочнаго ministra князя Голицына, о дошедшихъ и туда изъ Землина извѣстіяхъ, что флотъ нашъ завладѣлъ двумя крѣпостями въ Дарданеллахъ (Архивъ Государств. Совѣта, I, стр. 376).

126) Верховный визирь Молдаванжи, который 19-го апрѣля 1769 года былъ разбитъ подъ Хотиномъ и обращенъ въ бѣгство генералъ-аншефомъ княземъ А. М. Голицынымъ.

127) Переводъ: Ибо мой милостивый государь графъ имѣеть быть орудіемъ благополучія моего отечества.

128) Это письмо писано въ 1771 году, послѣ 6-го ноября, когда графъ Григорій Григорьевич Орловъ выѣхалъ изъ Москвы, по прекращеніи въ ней чумы.

Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ.

(По МАТЕРИАЛАМЪ ОСТАФЬЕВСКАГО АРХИВА).

Владиславъ Александровичъ Озеровъ скончался 5-го сентября 1816 года, послѣ тяжкой и долговременной болѣзни, сопровождавшейся даже помраченiemъ ума. Причину его помѣшательства современники видѣли, съ одной стороны, въ обидахъ, нанесенныхъ ему на служебномъ поприщѣ, а съ другой—въ непріятностяхъ, которыя онъ потерпѣлъ при постановкѣ на сцену своей послѣдней трагедіи „Поликсена“. Эта піеса, которую авторъ считалъ лучшимъ своимъ произведеніемъ, была въ первый разъ исполнена на петербургскомъ театрѣ 14-го мая 1809 года, и хотя имѣла меныше успѣха, чѣмъ „Эдипъ въ Аѳинахъ“, „Фингаль“ и „Димитрій Донской“, все же была принята публикой довольно благосклонно; чѣмъ не менѣе, ее сняли съ репертуара послѣ первого же представленія, какъ не обѣщавшую доходовъ театру, и авторъ ея былъ лишенъ слѣдовавшаго ему вознагражденія. Молва приписывала это распоряженіе интригамъ служившаго при театрѣ князя А. А. Шаховскаго, и по смерти Озерова въ журналахъ того времени дѣвались намеки на это обстоятельство. Такъ, въ „Сынѣ Отечества“ 1816 года (ч. 33, № 45, стр. 267) появилась слѣдующая эпиграмма:

Угасъ нашъ Озеровъ, лучь славы россіанъ,
Умолкъ пѣвецъ Фингала, Поликсены!
Рыдайте, невскія камены,
Ликуй, Аристофанъ!

Подъ именемъ Аристофана тутъ, очевидно, разумѣлся авторъ комедій Шаховской. Лицеистъ Пушкинъ, уже знакомый въ то время съ кружкомъ враждебнаго Шаховскому Арзамаса, также воспользовался случаемъ пустить стрѣлу сатиры въ заподозрѣннаго въ интригахъ комика. Въ своемъ посланіи къ Жуковскому, написанномъ въ началѣ 1817 года, онъ обращался къ поэтамъ, „друзьямъ истины“, со слѣдующими словами:

Смотрите: пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взыываетъ, други, месть!

Въ послѣдніе годы жизни Озеровъ не давалъ согласія на перепечатку даже тѣхъ изъ своихъ трагедій, которая имѣли вполнѣ блестящій успѣхъ, „Поликсена“ же оставалась вовсе не изданною. Но со смертью автора этотъ запретъ потерялъ силу, и издатели поспѣшили удовлетворить требованіямъ публики: въ самый годъ кончины поэта предприняты были два изданія его произведеній, и къ обоимъ (оконченнымъ уже въ 1817 году) была приложена статья о жизни и сочиненіяхъ Озерова, написанная княземъ П. А. Вяземскимъ.

Статья эта была первымъ опытомъ молодого автора въ критико-біографическомъ родѣ, въ которомъ онъ прославился впослѣдствіи. Писать объ Озеровѣ было ему не легко: князь не зналъ его лично, и потому въ біографической части статьи онъ принужденъ былъ довольствоваться чужими сообщеніями. Изъ писемъ Вяземского, относящихся ко второй половинѣ 1816 года, видно, какъ онъ былъ озабоченъ собираниемъ матеріаловъ для своего труда. 27-го сентября онъ писалъ Александру Ивановичу Тургеневу: „Пришли новое изданіе Озерова, а я тебѣ деньги вышлю. Оно мнѣ нужно: я хочу писать о немъ... Дай себѣ трудъ отыскать первую трагедію Озерова, которой я имени не упомню. Она, кажется, была представлена разъ одинъ въ пользу Яковлева. Блудовъ вѣрно знаетъ. Также спроси у него: пѣтъ ли еще чего-нибудь Озеровова, мало известнаго? Онъ перевелъ героиду Элоизы—Колардо. Гдѣ она? Что она? Ради Бога, господа, помогите мнѣ. Озеровъ стойте, чтобы обѣ немъ похлопотать: грѣшно забвеніе, въ ко-

торое ввергли мы его. Все, что отыскать можешь печатного или письменного Озерова, пришли мнѣ“. Дмитрій Николаевичъ Блудовъ приходился съ родни Озерову, и Тургеневъ дѣйствительно обратился къ нему за содѣйствиемъ. Блудовъ оказалъ его съ радостью; но Вяземскій, не смотря на получение материаловъ, все еще чувствовалъ себя недостаточно подготовленнымъ для исполненія задуманного труда. 16-го октября онъ писалъ Тургеневу: „Благодарю Кассандру (арзамасское прозвище Блудова) за пророческую ея радость. Я теперь и жалѣю, что объявилъ желаніе свое писать объ Озеровѣ. Помню пословицу: собака лежить на сѣнѣ. Самъ ничего хорошаго не сдѣлаю, а другихъ отведу“. Немного позже Вяземскій писалъ и самому Блудову: „Возвращаю вамъ, любезнѣйшій Дмитрій Николаевичъ, „Смерть Олега“, которую я списалъ съ вашего позволенія. „Смерть Олега“ не предсказывала бессмертія Озерову, хотя и видны въ ней нѣкоторыя поэтическія замашки. Въ переводѣ героиды найдешь болѣе признаковъ грядущаго Озерова. Ее возвращу вамъ немедленно. Постороннія занятія не позволили мнѣ идти скорыми шагами къ цѣли, мнѣ вами предположенной. Надѣюсь теперь быть поворотливѣе. Ожидая отвѣта вашего на мои распросы и присылки нужныхъ материаловъ“¹⁾). Оказалось однако, что въ жизни Озерова было немало печальныхъ обстоятельствъ, оглашеніе которыхъ, по крайней мѣрѣ въ то время, представлялось неудобнымъ: поэтому біографической отдѣль въ статьѣ Вяземскаго вышелъ очень невеликъ, и главное мѣсто отведено въ ней оцѣнкѣ произведеній покойнаго трагика.

Князь Вяземскій говорить о литературной дѣятельности Озерова съ большимъ увлеченіемъ. Онъ провозглашаетъ его преобразователемъ русской трагедіи и заслугу его въ этомъ отношеніи сравниваетъ съ заслугой Карамзина въ дѣлѣ преобразованія нашего прозаического языка. Трагедіи предшественниковъ Озерова были, по мнѣнию Вяземскаго, „мертвыми подражаніями французской классической трагедіи, въ которыхъ иногда кое-какъ сохранены узаконенные условія, проповѣдуемые драматическими піти-

¹⁾ Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1887 годъ, стр. 220 и 221.

ками. Трагедія Озерова... и въ самыхъ погрѣшностахъ своихъ представляютъ намъ отступленія отъ правилъ, исполненные жизни и носящія свой образъ. Какъ трагикъ, Озеровъ неоспоримо стоитъ въ лѣтописи отечественной словесности побѣдителемъ своихъ предпредшественниковъ и опаснымъ соперникомъ для послѣдователей... Озеровъ-трагикъ можетъ и долженъ служить образцомъ на театрѣ нашемъ". Достаточно этой небольшой выписки, чтобы видѣть, что Вяземскій, когда писалъ свою статью объ Озеровѣ, стоялъ еще на уровнѣ общераспространенныхъ тогда мнѣній, опиравшихся на образцы, данные почти исключительно французскою литературой и критикой. Понятно поэтому, что статья его была встрѣчена общимъ одобрениемъ; вслѣдствіи она еще три раза перепечатывалась при повторявшихся изданіяхъ сочиненій Озерова (въ 1824, 1827 и 1828 годахъ), безъ измѣненій. Только въ изданіи 1828 года къ ней присоединено было слѣдующее примѣчаніе: „Преждевременная смерть Озерова, внезапно похитившая пріятнѣйшія надежды русской Мелпомены, сильно поразила всѣхъ любителей словесности. Князь П. А. Вяземскій, будучи тогда двадцати-четырехъ лѣтъ, написалъ помѣщаемую здѣсь біографію нашего трагика. Каковы бы ни были теперь мнѣнія автора о драматической поэзіи, его замѣчанія драгоценны, какъ первыя движения чувствительности, свѣжіе цвѣты, принесенные имъ на гробницу поэта“.

Очевидно, это примѣчаніе не принадлежитъ самому автору статьи; но написанное постороннею рукой, оно все-таки любопытно, во-первыхъ, какъ свидѣтельство объ общемъ сочувствіи, вызванномъ въ свое время статьей Вяземскаго объ Озеровѣ, и во-вторыхъ, по содержащемуся тутъ указанію на измѣнившіяся литературныя мнѣнія князя. Такое заявленіе едва ли могло быть сдѣлано безъ его собственного согласія. Дѣйствительно, князь Вяземскій очень скоро послѣ напечатанія статьи почувствовалъ необходимость произвести въ ней существенные перемѣны. Еще въ августѣ 1819 года онъ писалъ Тургеневу: „Сдѣлай одолженіе кстати, отыщи мою статью объ Озеровѣ: мнѣ ее хочется дополнить. Я и то, кажется, въ ней нападаю на французскій покрой нашего драматического искусства; теперь хочу разорвать въ клочки французскія фижмы

нашой Мелпомены. У меня много скопилось мыслей на этотъ счетъ: введу ихъ въ статью объ Озеровѣ или напишу другую". Высказанное въ этихъ словахъ намѣреніе осталось не исполненнымъ. Но въ теченіе двадцатыхъ годовъ князь много и сильно ратовалъ на поприщѣ критики, и хотя въ сущности никогда не являлся крайнимъ литературнымъ новаторомъ, его сужденія дѣйствительно значительно отдѣлились въ это время отъ той точки зрѣнія, на которой онъ еще могъ стоять въ 1816 году. Такъ напримѣръ, въ одной изъ его статей 1826 года, гдѣ между прочимъ сообщалось, что Пушкинъ пишетъ трагедію „Борисъ Годуновъ“, можно было прощать слѣдующія разсужденія, имѣющія отношенія и къ Озерову: „По моему, должно надѣяться, что онъ (Пушкинъ) подаритъ настъ образцовымъ опытомъ первой трагедіи народной и вырвѣтъ ее изъ колеи, проведенной у настъ Сумароковыемъ не съ легкой, а развѣ съ тяжелой руки. Благоговѣя предъ поэтическимъ геніемъ Расина, сожалѣю, что онъ завѣщалъ почти всѣмъ русскимъ послѣдователямъ не тайну стиховъ своихъ, а одну обрѣзанную, накрахмаленную и по закону тогдашняго общества спитую мантію своей парижской Мелпомены. Какъ жаль, что Озеровъ, при поэтическомъ своемъ дарованіи, пе дерзнулъ переродить трагедію нашу! Тѣмъ болѣе опытъ Пушкина любопытенъ и важенъ“.

Много лѣтъ спустя, не за долго до своей кончины, князь Вяземскій, приготавляя къ печати собраніе своихъ сочиненій, самъ бросилъ критическій взглядъ на свой ранній этюдъ. Онъ говоритъ о немъ съ отеческою нѣжностью; признаетъ, что его произведеніе „слабо, неполно“, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ, что въ немъ „многое угадано и выражено если не совсѣмъ вѣрно, то иногда довольно удачно и ново“. Не скрываетъ онъ и недостатковъ своего молодого труда: „Есть кое-гдѣ неправильность въ языке: какая-то напряженность, излишняя искусственность въ выраженіи вслѣдствіе короткаго знакомства моего съ французскими образцами старого времени, длина, растянутость пѣкоторыхъ periodovъ“. Кромѣ того, Вяземскій добросовѣстно отрекается отъ двухъ своихъ прежнихъ утвержденій—что заслуга Озерова можетъ быть сравнена съ заслугой Карамзина, и что Озеровъ можетъ и долженъ служить образцомъ для нашихъ трагиковъ.

Въ богатомъ литературными памятниками Осташевскомъ архивѣ князя П. А. Вяземскаго отыскался еще одинъ замѣчательный документъ, имѣющій отношеніе къ его этюду объ Озеровѣ. Сохранился печатный экземпляръ этой статьи¹⁾ съ проложенными бѣлыми листами (въ нихъ водяной знакъ 1825 года), на которыхъ, а равно на поляхъ печатнаго текста, находится рядъ критическихъ замѣтокъ, какъ о статьѣ Вяземскаго, такъ и о самомъ Озеровѣ. Замѣтки эти принадлежать А. С. Пушкину. Надобно думать, что онъ набросаны не ранѣе сентября 1826 года, когда Пушкинъ впервые увидѣлся съ Вяземскимъ по возвращеніи изъ ссылки, и не позже первыхъ мѣсяцевъ 1828 года, когда была закончена перепечатка статьи Вяземскаго съ вышеупомянутымъ примѣчаніемъ. Весьма возможно, что именно въ виду этой перепечатки князь Петръ Андреевичъ еще разъ обратился было къ мысли передѣлать свою прежнюю статью и потому пожелалъ узнать о ней мнѣніе Пушкина; но затѣмъ мысль о переработкѣ старого труда опять была оставлена. Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что замѣтки Пушкина относятся къ periodу его зрѣлости, когда уже созданъ былъ „Борисъ Годуновъ“, а „Евгений Онѣгинъ“ приближался къ окончанію.

Критическіе пріемы Вяземскаго Пушкинъ очень любилъ, хотя верѣдко расходился съ нимъ въ литературныхъ сужденіяхъ. Въ 1827 году, сравнивая два московскіе журнала между собою, онъ писалъ Погодину: „Московскій Вѣстникъ“, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію, лучшій изъ нашихъ журналовъ. Въ „Телеграфѣ“ похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью Вяземскаго въ „Телеграфѣ“ отдамъ три дѣльныхъ статьи „Московскаго Вѣстника“. Его критика, положимъ, несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслить, сердить и заставляетъ мыслить и смыться: важное достоинство, особенно для журналиста“. Это же мнѣніе Пушкинъ высказывалъ и въ печати, на столбцахъ „Литературной Газеты“ 1830 года. За много лѣтъ передъ тѣмъ, еще въ 1823 году, онъ писалъ А. А. Бесту-

¹⁾ Отдельный оттискъ изъ изданія 1816 года, на веленевой бумагѣ.

жеву: „Признаюсь, ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется спорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня“. Замѣчанія Пушкина на статью объ Озеровѣ, въ своей живой, отрывочной формѣ, являются именно какъ бы образцомъ такого спора. Прибавимъ къ тому, что въ данномъ случаѣ Пушкинъ находился въ особенно выгодномъ положеніи: онъ рассматривалъ почти юношескій трудъ Вяземскаго, трудъ, защищать который на всѣхъ пунктахъ не желалъ и самъ авторъ спустя десять лѣтъ по его написаніи. И должно сказать, Пушкинъ не пощадилъ своего пріятеля.

Замѣчанія Пушкина равно касаются и внѣшней формы статьи, и ея содержанія. Писатели двадцатыхъ годовъ были вообще внимательнѣе, чѣмъ нынѣшніе, къ построению своихъ произведеній, къ ихъ отдѣлкѣ и особенно къ слогу. Пушкинъ придавалъ большое значение этой сторонѣ литературнаго труда и даже свои мелкія прозаическія статьи обрабатывалъ также тщательно, какъ стихотворенія. Поэтому, разматривая критико-біографический опытъ Вяземскаго, онъ не могъ оставить безъ вниманія и внѣшнюю форму этой статьи.

Что касается ея слога, то, какъ мы уже видѣли выше, самъ Вяземскій, въ старости, признавалъ его слишкомъ искусственнымъ и недостаточно точнымъ. Мастерство изложенія, которымъ Вяземскій отличался впослѣдствіи, онъ проявилъ не сразу, а выработалъ постепенно, въ особенности въ теченіе первой половины двадцатыхъ годовъ, когда ему пришлось вести дѣятельную журнальную полемику. И Пушкинъ первый привѣтствовалъ этотъ успѣхъ своего пріятеля. „Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ“, писалъ онъ князю въ 1824 году по поводу одной изъ его полемическихъ статей, а годъ спустя, по поводу другой, снова повторялъ: „Твой слогъ живой и оригиналный тутъ еще живѣе и оригинальнѣе“. Но это говорилось уже въ ту пору, когда Вяземскій сталъ опытнымъ журнальнымъ бойцомъ. Подъ такими-то впечатлѣніями пришлося Пушкину перечитывать ранній опытъ Вяземскаго: естественно, что слогъ этой статьи непріятно поразилъ его своимъ приподнятымъ тономъ. „Да говори просто: ты довольно уменъ для этого“, восклицаетъ Пушкинъ, встрѣтивъ въ статьѣ объ Озеровѣ слѣдую-

щую пышную фразу: „Изъ нашихъ драматическихъ твореній всякое болѣе или менѣе означеновано печатію отверженія, наложенною на нашъ театръ рукою Таліи и Мелпомены“. На другой страницѣ той же статьи Пушкинъ прочель такія слова: „главнымъ свойствомъ его сердца была любовь къ друзьямъ“ — и спѣшить замѣтить: „любовь къ друзьямъ—по русски *дружба*, не свойство, а страсть развѣ“. Много неудачныхъ выражений Вяземскаго Пушкинъ просто зачеркиваетъ или замѣняетъ своею поправкою; такъ напримѣръ, противъ словъ: „и совсѣмъ поглотила его бездна забвенія“ онъ пишеть: „и совсѣмъ его забыли (проще и лучше)“. Въ одномъ случаѣ Вяземскій не удержался отъ игры словами: „Новѣйшіе, рабски слѣдуя древнимъ, приняли ихъ мѣрку, не заботясь о выкроикѣ ихъ“. Пушкинъ самъ былъ мастеръ на острословіе; но въ данномъ случаѣ, когда дѣло шло о размѣрахъ древней и новой трагедіи, онъ счелъ неумѣстнымъ примѣненіе терминовъ портняжнаго ремесла къ поэзіи и отечески пожурилъ пріятеля: „Перестань, не шали!“ Лишь изрѣдка счастливый оборотъ рѣчи у Вяземскаго вызываетъ одобрение Пушкина, выраженное словами: „хорошо“, „прекрасно“; но и въ такихъ случаяхъ дѣло не всегда обходится безъ поправки: такъ, выраженіе Вяземскаго: „въ льдистомъ сосудѣ“ понравилось поэту, очевидно, по своей образности; онъ написалъ на полѣ: „хорошо, смѣло“, но тутъ же предложилъ и исправленіе: „не въ ледяномъ ли?“

Кромѣ того, въ этюдѣ Вяземскаго Пушкинъ находилъ, съ одной стороны, ненужная распространенія, а съ другой — кое-гдѣ недоказанность. Длинноты онъ зачеркнулъ въ самомъ текстѣ, отмѣтивъ притомъ на поляхъ: „лишнее“, „повтореніе уже сказаннаго“, а тамъ, гдѣ видѣлъ неполноту изложенія,ставилъ знакъ вопроса или писалъ: „гдѣ? какъ?“ или: „почему? изъясни“. Особенно недоволенъ онъ остался тѣмъ, какъ Вяземскій рассказалъ исторію сердечныхъ треволненій Озерова. „Все это сбивчиво“, пишетъ Пушкинъ на полѣ; — „ты сперва говоришь о его любви, потомъ о его романизмѣ въ трагедіяхъ, потомъ о дружбѣ, потомъ опять о любви, опять о щекотливости, опять о любви. Болѣе методы, ясности!“ Среди этихъ упрековъ Пушкинъ не замѣтилъ и не оцѣнилъ даже очень вѣрнаго замѣченія Вяземскаго, что чтеніе старинныхъ

романовъ дало особый характерный оттѣнокъ вымысламъ фантазіи Озерова. Въ одномъ изъ подобныхъ замѣчаній Пушкина слышится даже нѣкоторая жесткость. Вяземскій, вспоминая, что Озеровъ въ молодости перевѣлъ героиду Колардо „Элоиза къ Абелару“, замѣчаетъ, что было бы несправедливо „не признать грядущаго поэта“ въ этомъ труда, а Пушкинъ противъ этихъ словъ приписываетъ на полѣ: „Какъ тебѣ не стыдно распространяться объ этомъ! Все это лишнее“.

Всего важнѣе и любопытнѣе однако тѣ замѣчанія Пушкина, которыя касаются не вицѣшней формы и строя статьи Вяземскаго, а литературныхъ сужденій, высказанныхъ въ ней авторомъ. Какъ уже было замѣчено, Вяземскій первоначально воспитался на французской классической литературѣ XVII и XVIII столѣтій, и та-ковъ именно онъ былъ въ 1816 году, когда писалъ объ Озеровѣ. Вскорѣ затѣмъ его литературный горизонтъ значительно расширился подъ вліяніемъ знакомства съ Байрономъ, Вальтеромъ Скоттомъ, Шиллеромъ, Гёте и Шекспиромъ и подъ впечатлѣніемъ творчества Жуковскаго и особенно Пушкина. Тотъ же путь развитія подъ иностранными вліяніями прошелъ и Пушкинъ, но по силѣ своего дарованія онъ воспринялъ ихъ гораздо глубже всѣхъ своихъ современниковъ и затѣмъ, постепенно освободившись отъ чужихъ вліяній, вышелъ на путь самостоятельного творчества. Въ ту пору, когда онъ перечитывалъ молодой трудъ Вяземскаго, онъ былъ уже вполнѣ самобытный художникъ и имѣлъ самостоятельный воззрѣнія на поэзію, выработанныя собственнымъ опытомъ гораздо болѣе, чѣмъ изученіемъ образцовъ. Преданія старой, отживающей критики утратили для него всякое значеніе, и къ сужденіямъ, въ которыхъ еще чувствовался ихъ слѣдъ, онъ не могъ относиться равнодушно. Этимъ объясняется характеръ его возраженій противъ сужденій, высказанныхъ Вяземскимъ въ статьѣ объ Озеровѣ.

Въ критической части своего этюда Вяземскій, прежде чѣмъ представить оцѣнку произведеній Озерова, счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ его предшественникахъ на поющій русской драматургії. О Сумароковѣ онъ судить очень строго, и хотя признаетъ въ немъ умъ и дарованіе, относительно его сочиненій замѣчаетъ только, что „въ трагедіяхъ Сумароковъ также выше ко-

медій своихъ, какъ Княжинъ въ комедіяхъ выше трагедій Сумарокова и своихъ собственныхъ". Пушкинъ тоже былъ невысокаго мнѣнія о Сумароковѣ: въ одной изъ своихъ критическихъ статей онъ называетъ его „несчастнѣйшимъ изъ подражателей“, а трагедіи его— „вялыми и холодными“, „исполненными противомыслія, написанными варварскимъ языкомъ“. Согласно съ такимъ мнѣніемъ, и въ замѣткахъ на статью объ Озеровѣ, противъ сдѣланнаго Вяземскими сопоставленія Сумарокова съ Княжиннымъ, онъ пишетъ: „И этого не вижу: въ немъ все дрянь, кроме нѣкоторыхъ одѣ“. Эта послѣдняя оговорка представляется намъ не совсѣмъ понятною: трудно догадаться, какія стихотворенія Сумарокова поэтъ могъ исключать изъ „дряни“, наполняющей многотомное собраніе его сочиненій; не разумѣлъ ли онъ, быть можетъ, тѣ немногія піесы, въ которыхъ Сумароковъ пользовался мотивами и выраженіями народной поэзії? Такая догадка становится допустимою, когда мы прочтемъ слѣдующія слова, которыми Пушкинъ заключаетъ свое сужденіе объ „отцѣ русскаго театра“: „НВ. Сумароковъ прекрасно зналъ русскій языкъ (лучше, нежели Ломоносовъ)“.

Къ Княжину Вяземскій отнесся въ своей статьѣ очень благосклонно: „Княжинъ первый положилъ твердое основаніе какъ трагическому, такъ и комическому слогу. Лучшая комедія въ стихахъ на нашемъ театрѣ есть неоспоримо „Хвастунъ“, хотя и въ ней критика найдетъ много недостатковъ, и вкусъ не весь стихи освятилъ своею печатью. Но за то сколько сценъ истинно комическихъ, являющихъ блестящія дарованія автора! Сколько счастливыхъ стиховъ, вошедшихъ непримѣтно въ пословицы! Сколько цѣлыхъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ такъ сказать, о зрѣлости слога Княжина!... „Утѣшная вдова“ до сего времени можетъ служить у насъ образцовою (комедіей) по достоинству прозаического и комического слога, тонкой насмѣшки и веселости“. Излишество въ этихъ похвалахъ не могло не поразить Пушкина; еще въ 1825 году, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бестужеву, онъ съ ироніей говорилъ, что у насъ „Княжинъ безмятежно пользуется своею славою“; въ замѣткахъ на статью Вяземскаго онъ счелъ необходимымъ предостеречь его отъ подобныхъ увлеченій. „Хвастунъ“, напоминаетъ ему Пушкинъ,— „переводъ изъ „L'Important“; я не читалъ

подлинника, пересмотри“; а по поводу „Утѣшеннай вдовы“ онъ прибавляетъ: „Полно, такъ ли?“ О Княжнинѣ, какъ авторѣ трагедій, Вяземскій судилъ болѣе строго и находилъ даже, что „главный недостатокъ Княжнина проходитъ отъ свойствъ души его: онъ не рожденъ трагикомъ“. „То-есть, онъ просто не поэтъ“, коротко поясняетъ со своей стороны Пушкинъ. Впослѣдствіи, когда Вяземскій писалъ свою книгу о Фонвизинѣ, онъ самъ почувствовалъ необходимость поумѣрить похвалы Княжнину и высказался о немъ гораздо осторожнѣе.

Кстати о Фонвизинѣ. Вяземскій, признавшій нужнымъ благосклонно отозваться о прозаической комедіи Княжнина, упомянулъ о піесахъ Фонвизина лишь вскользь, въ подстрочномъ примѣчаніи. Очевидно, для князя еще сохраняли значеніе понятія старинной литературной теоріи, по которымъ комедія въ прозѣ считалась ниже, чѣмъ комедія въ стихахъ. Пушкина такія соображенія уже не могли стѣснять. „Фонвизинъ“—говорится въ примѣчаніи Вяземскаго— „умѣль быть оригинальнымъ и хорошимъ стихотворцемъ, но писалъ прозою комедіи, донынѣ лучшія на нашемъ театрѣ, и даже единственная, какъ по силѣ представленныхъ нравовъ и характеровъ, такъ и по разговору, который блистаетъ непринужденнымъ остроумiemъ“. „Не поэтому“, возражаетъ въ своей замѣткѣ къ приведеннымъ словамъ Пушкинъ.— „Но о Фонвизинѣ поговоримъ послѣ“. Къ сожалѣнію, Пушкинъ не привелъ своего намѣренія въ исполненіе. Несомнѣнно однако, что онъ цѣнилъ Фонвизина высоко, и не за силу его сатиры или за его остроуміе, а за жизненность образовъ, созданныхъ его творчествомъ: довольно вспомнить его восторженный отзывъ про „Разговоръ у княгини Халдиной“. Когда Вяземскій, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, принялъ за большой трудъ о Фонвизинѣ, Пушкинъ горячо привѣтствовалъ это предпріятіе и, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ князю въ уясненіи и разработкѣ его задачи.

Вообще, какъ известно, въ русской литературѣ XVIII вѣка Пушкинъ, хорошо ее знашій, признавалъ только три крупныя дарованія—Ломоносова, Фонвизина и Державина. Такъ, и при разборѣ статьи Вяземскаго, прочитавъ его слова, что стихи Державина къ Озерову „отзываются старостью поэта и не стоятъ прозы

Озеровой“, Пушкинъ поспѣшилъ замѣтить: „Милый мой, уважай отца Державина, не равнай его стиховъ съ прозой Озера!“ А между тѣмъ никто лучше Пушкина не видѣлъ недостатковъ Державинскаго стихотворства.

Мы уже упоминали о томъ, что князь Вяземскій, въ своей статьѣ, рѣшился даже провести паралель между заслугами Озера, какъ „преобразователя русской трагедіи“, и заслугами Карамзина, „преобразователя прозаического языка“. „Оба“, говорилъ онъ, — „оставили между собою и предшественниками своими великое разстояніе. Судя по твореніямъ, которыхъ застали они, нельзя не признать, что ими вдругъ подвинулось искусство, и если бы не принась случилось сіе важное преобразованіе, трудно было бы повѣрить, что оно не приготовлено было твореніями; отъ нась утраченными. Но для вѣкоторыхъ людей сей геркулесовскій подвигъ не существуетъ“. Въ этихъ послѣднихъ словахъ Вяземскій памѣкаетъ на Шишкова, который однажды враждебно высказывался и противъ Карамзина, и противъ Озера, предпочитая послѣднему даже Сумарокова. Пушкинъ, разумѣется, не желалъ да и не могъ оказаться единомышленникомъ адмирала-литератора; тѣмъ не менѣе, онъ не находилъ справедливымъ сопоставленіе, сдѣланное Вяземскимъ. „Большая разница“, спѣшилъ онъ отвѣтить на слова послѣдняго; — „Карамзинъ — великий писатель во всемъ смыслѣ этого слова, а Озеровъ — очень посредственный. Озеровъ сдѣлалъ шагъ въ слогѣ, но искусство чуть ли не отступило. Геркулесовскаго въ немъ нѣть ничего“. Нѣсколько далѣе Вяземскій, впадая отчасти въ противорѣчіе съ самимъ собою, замѣчаетъ, что, несмотря на дѣятельность Озера, „драматическое искусство у нась еще въ колыбели“. Пушкинъ немедленно подхватываетъ это выраженіе и пишетъ на полѣ противъ него: „Гдѣ же геркулесовскій подвигъ Озера?“ Еще далѣе Вяземскій высказываетъ мнѣніе, что „Эдипъ въ Аѳинахъ“ поставилъ Озера „на степень первѣйшаго нашего трагика“. Пушкинъ подчеркиваетъ слово *первѣйший* и сбоку приписываетъ:

Въ Москвѣ считался знаменитымъ,
Затѣмъ что былъ одинъ.

Наконецъ, встрѣтивъ въ статьѣ Вяземскаго собственное признаніе Озерова, что членіе стиховъ ничтожнаго французскаго поэта прошлаго вѣка Колардо „открыло ему путь парнасскій“, Пушкинъ тонко замѣчаетъ: „Это даетъ мнѣ мѣрку дарованія Озерова“. Все это показываетъ, что Пушкинъ признавалъ талантъ автора „Димитрия Донскаго“ блѣднымъ и слабымъ, и между прочимъ неспособнымъ именно къ творчеству драматическому.

Какъ и слѣдовало ожидать, князь Вяземскій отводитъ въ своей статьѣ много мѣста разбору отдѣльныхъ трагедій Озерова. Эта часть статьи, по видимому, мало удовлетворила Пушкина, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала съ его стороны лишь небольшое число замѣчаній. Въ разборѣ „Эдипа въ Аѳинахъ“ онъ просто зачеркиваетъ отдѣльныя выраженія и цѣлые фразы, ему не понравившіяся, но только въ рѣдкихъ случаяхъ сопровождаетъ эти помарки своими замѣчаніями. Должно признать, что ни авторъ статьи, ни его критикъ не были на столько хорошо знакомы съ Софокломъ, чтобы основательно судить, какъ далеко Озеровъ отступилъ отъ своего греческаго образца; притомъ, оба они упустили изъ виду, что русскій трагикъ руководствовался не прямо трагедіей древняго поэта, а ея плохими передѣлками, принадлежащими XVIII вѣку. При такихъ условіяхъ замѣчанія Вяземскаго объ „Эдипѣ въ Аѳинахъ“ получили характеръ пѣсколько случайный и нетвердый, и въ свою очередь возраженія на нихъ со стороны Пушкина какія-то отрывочные и не доказанныя. Такъ, у Вяземскаго встрѣчается, напримѣръ, такая фраза: „Отнимая у Эдипа все то, чтѣ, такъ сказать, теряется для глазъ нашихъ,—его несчастіе, благородная твердость, нѣжная любовь его дочери имѣютъ еще довольно правъ на состраданіе, и повѣсть Эдипа останется всегда богатымъ и счастливымъ наслѣдствомъ древнихъ, которымъ успѣшно могутъ пользоваться и новѣйшіе трагики“. Читая эту фразу, трудно догадаться, что въ первой половинѣ ея авторъ намекаетъ на значеніе рока, судьбы въ жизни Эдипа, значеніе, соотвѣтственное языческимъ представленіямъ древнихъ грековъ, но совершенно чуждое нашимъ христіанскимъ понятіямъ. Пушкинъ, быть можетъ, и чувствовалъ неясность этого намека, но съ своей стороны ограничился лишь слѣдующею, тоже неопределенною оговоркой противъ вышеприведеной фразы: „Кри-

тика слишкомъ незрѣлая". Далѣе, въ своей поыткѣ сравнить Озеровскаго „Эдипа въ Аѳинахъ" съ Софокловымъ „Эдипомъ въ Колонѣ" Вяземскій проводитъ параллель между тѣмъ, какъ древній и новыи поэты представили развязку трагедіи. У Софокла она кончается смертью Эдипа, но самая эта смерть облечена покровомъ таинственности: Эдипъ загадочно погибаетъ въ святилищѣ мстительныхъ Евменидъ. Таково было древнее преданіе, и Софокль остался ему вѣренъ. Напротивъ того, Озеровъ отступилъ отъ него самымъ произвольнымъ образомъ: у него Эдипъ, послѣ всѣхъ своихъ злоключеній, остается живъ, а умираетъ его врагъ Креонъ, и такимъ образомъ наивно достигается нравоучительная цѣль трагедіи: порокъ наказанъ, а добродѣтель торжествуетъ. Странность такой развязки—кстати сказать, совершенно не соотвѣтствующей древнему преданію, ибо падъ Эдипомъ все-таки тяготѣетъ преступленіе, хотя и невольное,—не ускользнула отъ строгаго осужденія со стороны Вяземскаго: „Озеровъ, какъ сказываютъ, сперва и хотѣлъ перенести въ свою трагедію прекрасный конецъ Софокловой; но одинъ актеръ, въ школѣ Сумарокова воспитанный, испугалъ его, предсказывалъ, что публика дурно приметъ конецъ, столь противныи общимъ понятіямъ о цѣли драматическихъ твореній, и родилъ въ немъ мысль развязать трагедію смертю Креона. Озеровъ принялъ этотъ совѣтъ и лишилъ себя и насть счастливаго, можетъ быть, единственного случая познакомиться съ сверхъестественными окончаніями древняго театра. Такимъ образомъ вкоренѣлые предразсудки и уполномоченные представители ихъ въ обществѣ заграждаютъ произвольными межами путь генію, еще не довольно возмужавшему, чтобы съ постоянною смѣлостью презрѣть ихъ въ полетѣ своемъ". Замѣчаніе Вяземскаго сводится въ концѣ концовъ лишь къ тому заключенію, что развязка трагедіи въ томъ видѣ, въ какомъ представилъ ее Софоклъ, могла бы быть эффектною и на современной сценѣ; о чисто же античномъ свойствѣ этой развязки, въ смыслѣ примиренія невольнаго преступника (а съ нимъ вмѣстѣ и зрителей) съ неизбѣжною силой рока, князь Вяземскій и не думалъ; онъ даже прямо говоритъ, что не дѣло трагическаго поэта заботиться о жребіи и приговорѣ Ировидѣнія. Еще менѣе Пушкинъ думалъ о томъ, какъ древніе разумѣли конечную судьбу Эдипа; въ

своей замѣткѣ къ послѣднимъ изъ приведенныхъ словъ Вяземскаго онъ предлагаетъ только частную поправку: „Тутъ не было ни генія, ни смѣлага полета,— просто вкусъ“. То-есть, *дурной вкусъ* Озерова и его совѣтниковъ; словомъ, Пушкинъ остается при своемъ убѣждѣніи на счетъ слабости дарованія Озерова; но изъ его поправки нельзя заключить, сочувствовалъ ли онъ справедливому сожалѣнію Вяземскаго объ устраниеніи Софокловой развязки. Вообще, по вопросу о нравственномъ значеніи трагедіи, поднятому Вяземскимъ по поводу „Эдипа въ Аѳинахъ“, Пушкинъ старается или вовсе не высказываться, или переносить его на чисто эстетическую почву. Слова Вяземскаго, что „трагикъ не есть уголовный судія“, вызываютъ у него восклицаніе: „прекрасно!“ Но когда, вслѣдъ затѣмъ, Вяземскій впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою и говорить: „Обязанность его (трагика) и всякаго писателя есть согрѣвать любовію къ добродѣтели и воспалиять ненависть къ пороку... Великіе трагики и изъ новѣйшихъ чувствовали сюю истину, и Вольтеръ, поражая Зонира и щадя Магомета, не былъ ни гонителемъ добродѣтели, ни лъстецомъ порока“, — Пушкинъ спѣшить возразить на это разсужденіе слѣдующими горячими словами: „Ни чуты! Поэзія выше нравственности, или по крайней мѣрѣ, совсѣмъ иное дѣло. Господи Іисусе! Какое дѣло поэту до добродѣтели и порока? Развѣ—ихъ одна поэтическая сторона“. Было бы излишне входить въ толкованіе этихъ словъ: понятъя слишкомъ буквально, они, конечно, могутъ показаться односторонними; но буквальное объясненіе отдѣльной, отрывочной фразы недостаточно и не можетъ быть правильнымъ; въ замѣткѣ Пушкина рѣчь идетъ не о томъ, что поэтъ въ своемъ творчествѣ не связанъ высшимъ нравственнымъ закономъ, а о томъ, что свобода созданія есть его неоспоримое, естественное право.

По поводу другой трагедіи Озерова „Фингаль“ князь Вяземскій возбуждается вопросъ о томъ, на сколько поэмы Оссіана, служившія въ данномъ случаѣ источникомъ для русскаго автора, вообще способны представить материалъ для трагедіи. Между тѣмъ какъ „воображеніе Гомера богато, роскошно и разноцвѣтно, какъ вѣчная весна, царствующая на отеческихъ его поляхъ“, почему и произведенія его открываютъ „богатый рудникъ трагикамъ“, —

„воображеніе Оссіава сурово, мрачно, однообразно, какъ вѣчные сны га его родины. У него одна мысль, одно чувство: любовь къ отечеству, и сія любовь согрѣваетъ его въ холодномъ царствѣ зимы и становится обильнымъ источникомъ его вдохновенія. Его герои—ратники, поприще ихъ славы — бранное поле, алтари — могилы храбрыхъ... Сѣверный поэтъ переносится подъ небо, сходное съ его небомъ, созерцаетъ природу, сродную его природѣ, встрѣчаетъ въ нравахъ сыновъ ея простоту, въ подвигахъ ихъ — мужество, которыя рождаются въ немъ темное, но живое чувство убѣжденія, что предки его горѣли тѣмъ же мужествомъ, имѣли ту же простоту въ нравахъ, и что свойства сихъ однородныхъ дикихъ сыновъ сѣвера отлиты были природою въ общемъ лѣдистомъ сосудѣ... Но“, продолжаетъ Вяземскій, — „ровное и, такъ сказать, одноцвѣтное поле Оссіановыхъ поэмъ обѣщаетъ ли богатую жатву для трагедіи, требующей дѣйствія сильныхъ страстей, беспрестаннаго ихъ боренія и великихъ послѣдствій? Не думаю“. Мотивовъ этого отрицательнаго отвѣта Вяземскій уже не развиваетъ далѣе, ибо отчасти указалъ ихъ выше, при самой постановкѣ вопроса. Мнѣніе критика остается такимъ образомъ не вполнѣ выясненнымъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя отказать ему въ справедливости. Макферсонъ „Оссіанъ“ вовсе не является наивнымъ созданіемъ настоящаго народнаго эпоса, въ которомъ таятся разнообразные источники дальнѣйшаго поэтическаго развитія. Та доля оригинальности, которая должна быть признана за поэмами, изданными Макферсономъ, заключается не въ ихъ эпическихъ темахъ, а въ новыхъ, дотолѣ невѣдомыхъ литературѣ формахъ лиризма; лиризмъ этотъ былъ вызванъ къ жизни вѣяніями своего времени и отвѣчалъ новымъ потребностямъ тогдашнихъ образованныхъ людей — пробужденію въ нихъ склонности къ меланхолическому созерцанію красотъ дикой природы, теоретическому увлечению ихъ простыми и чистыми нравами людей, не испорченными цивилизаціей. Такимъ образомъ, въ лучшей, самой жизненной сторонѣ поэмъ, приписываемыхъ Оссіану, дѣйствительно не было материала для разработки трагическихъ сюжетовъ; въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ признать вѣрною мысль, высказанную Вяземскимъ, даже еслиъ онъ самъ не давалъ себѣ полнаго отчета въ ея основаніяхъ.

Не больше отчетливости мы можемъ ожидать и во взгляде Пушкина на поэмы Оссіана. Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ забывать, что среди разныхъ литературныхъ вліяній, пережитыхъ Пушкинымъ, имъ была заплачена, въ очень ранней юности, пѣкоторая дань и каледонскому барду; онъ былъ, слѣдовательно, знакомъ съ особенностями и настроениемъ Оссіановской поэзіи. Въ бѣглой замѣткѣ, написанной Пушкинымъ противъ выше-приведенного вопросо-отвѣта Вяземскаго, онъ говоритъ: „Что общаго между однообразіемъ Оссіановскихъ поэмъ и трагедіей, которая заимствуетъ у нихъ единый слогъ?“ Слово *слогъ* здѣсь нужно понимать, конечно, не въ тѣсномъ значеніи правильнаго и краси-ваго выраженія, а въ томъ смыслѣ, который данъ ему въ знаме-нитомъ афоризмѣ Бюффона: „Le style est l'homme tѣme“. Подъ слогомъ Пушкинъ разумѣеть здѣсь не только стройность рѣчи, но и ея соотвѣтствіе съ мыслями и чувствами писателя. Такимъ образомъ, Пушкинъ признаетъ, что въ „Фингалѣ“ Озеровъ умѣлъ усвоить себѣ настроеніе Оссіановскихъ поэмъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря, что Озеровъ заимствовалъ въ своемъ источникеъ „единый слогъ“, онъ даетъ понять, что русскій авторъ отклонился отъ Оссіана въ разработкѣ избранцой имъ темы. Дѣйствительно, сю-жетъ трагедіи Озерова почерпнутъ изъ III-й пѣсни приписываемой Оссіану поэмы „Фингаль“, но русскій авторъ значительно пере-дѣлалъ его по-своему или, лучше сказать, въ духѣ псевдокласси-ческой трагедіи, а главное—измѣнилъ и даже исказилъ характеры дѣйствующихъ лицъ. Въ подлинникѣ они проще и цѣльнѣе, въ русской передѣлкѣ на нихъ наложена печать искусственности. У Оссіана Фингаль — открытая, прямодушная натура, у Озерова — утонченный кавалеръ въ родѣ героеvъ позднѣйшихъ рыцарскихъ романовъ; врагъ его Старнъ въ Оссіановой поэмѣ является во всей первобытной несдержанности своей дикой и злобной натуры, между тѣмъ какъ у Озерова это мстительный хитрецъ. Пушкинъ, очевидно, не одобрялъ Озерова за такія передѣлки; онъ видѣлъ въ нихъ неспособность русскаго автора освободиться отъ ложпо-классического преданія. Слѣдующее замѣчаніе Пушкина подтвер-ждаетъ наше толкованіе. Вяземскій хвалитъ Озерова за „искусство“, съ которымъ онъ „умѣлъ противопоставить мрачному и злобному

Старну, таящему въ глубинѣ печальней души преступныя надежды,... благородство и довѣрчивость Фингала“. Пушкинъ на это отвѣчаетъ: „Противоположности характеровъ—вовсе не искусство, но пошлая пружина французскихъ трагедій“.

Этими немилостивыми словами оканчиваются замѣчанія Пушкина по поводу разбора отдѣльныхъ трагедій Озерова. Разсужденія Вяземскаго о „Поликсенѣ“ и „Димитріи Донскомъ“ онъ оставилъ вовсе безъ возраженій; но изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что по крайней мѣрѣ о „Димитріи“ онъ былъ самаго невысокаго мнѣнія. Въ его наброскѣ „О драмѣ“, относящемся къ 1830 году, встрѣчаются слѣдующія ироническія строки: „Озеровъ попытался дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что... самыя народныя трагедіи Шекспира заимствованы имъ изъ италіанскихъ новеллъ“. Авторъ „Бориса Годунова“ и не могъ иначе отнестись къ попыткѣ Озерова.

Послѣдняя страницы своей статьи князь Вяземскій посвятилъ общей оценкѣ таланта Озерова и его литературной дѣятельности. Пушкинъ оставилъ эти страницы безъ всякихъ замѣчаній и только отчеркнулъ карандашемъ слѣдующую фразу: „Трагедіи Озерова... уже нѣсколько принадлежать къ новѣйшему драматическому роду, такъ-называемому *романтическому*, который привѣтъ нѣмцами отъ испанцевъ и англичанъ“. Не будемъ входить въ сужденіе о томъ, какое значеніе имѣть здѣсь слово *романтическій*, и какъ вообще смотрѣли на романтизмъ Вяземскій и Пушкинъ въ двадцатыхъ годахъ; замѣтимъ только, что съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ перваго послѣдній не могъ быть согласенъ, ибо видѣлъ въ Озеровѣ, не смотря на всѣ его пресловутыя „отступленія отъ правилъ“, вѣрнаго послѣдователя псевдоклассической шитики.

Вслѣдъ за концомъ этюда Вяземскаго Пушкинъ написалъ и свое заключеніе, въ которомъ высказалъ свой общій отзывъ объ этой статьѣ и свое окончательное мнѣніе объ Озеровѣ. Вотъ эти строки:

„Часть критическая вообще слаба, слишкомъ слаба. Слогъ имѣеть твои недостатки, не имѣя твоихъ достоинствъ. Лучше написать совсѣмъ новую статью, чѣмъ передавать печати это сбив-

чивое и невѣрное изображеніе. Озерова я не люблю не отъ зависти (сего гнуснаго чувства, какъ говорятъ), но изъ любви къ искусству. Ты самъ признаешь, что слогъ его нѣхорошъ, а я не вижу въ немъ и тѣни драматическаго искусства. Слава Озерова уже вянеть, а лѣтъ черезъ десять, при появленіи истинной критики, совсѣмъ исчезнетъ. Озерова перевели; переводъ есть оселокъ драматическаго писателя; посмотри же, что изъ него вышло во французской прозѣ“.

Князь Вяземскій, безъ сомнѣнія, имѣлъ передъ глазами эти строки, когда, въ 1876 году, набрасывалъ приписку къ одному изъ первыхъ своихъ литературныхъ опытовъ. Въ этой припискѣ онъ между прочимъ говорилъ: „Пушкинъ Озерова не любилъ, и онъ часто бывалъ источникомъ нашихъ живыхъ и горячихъ споровъ. Оба мы были неуступчивы и нѣсколько заносчивы, я — еще болѣе, нежели Пушкинъ. Онъ не признавалъ въ Озеровѣ никакого дарованія; я, можетъ быть, дарованіе его преувеличивалъ. Со временемъ, вѣроятно, мы сопились бы на полудорогѣ“. Такъ тотъ изъ двухъ друзей-спорщиковъ, которому суждено было надолго пережить своего собесѣдника, приносилъ, на старости лѣтъ, покаяніе въ своихъ молодыхъ увлеченіяхъ, сохрания въ то же время убѣжденіе, что и его упрямый, но добродушный противникъ пошелъ бы со временемъ на уступки со своей стороны.

Л. Майковъ.

Цѣна первой книги „Старины и Новизны“ — 2 рубля,
для гг. членовъ Общества — 1 р.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Фонтанка, д. № 34.